

СОРЕН СВЕЙСТРУП

18+

КАШТАНОВЫЙ ЧЕЛОВЕЧЕК

СОРЕН СВЕЙСТРУП

18+

КАЛТАНОВЫЙ ЧЕЛОВЕЧЕК

Annotation

Копенгаген дрожит перед деяниями психопата.

Его визитная карточка – каштановый человечек, фигурка из каштанов и спичек, которую он всякий раз оставляет на месте очередного кровавого преступления.

Исследовав эти фигурки, криминалисты пришли к шокирующему выводу: на каштановых человечках оставлены отпечатки пальцев маленькой дочери известной женщины-политика. Но девочка пропала и предположительно убита год назад, а человек, признавшийся в этом злодеянии, уже сидит в тюрьме... Что это – случайность или чей-то хитроумный и жуткий расчет? Выяснить это должны два копенгагенских детектива. И выяснить быстро, поскольку всем ясно: неведомый маньяк только начал. И останавливаться не собирается...

- [Сорен Свейструп](#)

-

-

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [4](#)

- [5](#)

- [6](#)

- [7](#)

- [8](#)

- [9](#)

- [10](#)

- [11](#)

- [12](#)

- [13](#)

- [14](#)

- [15](#)

- [16](#)

- [17](#)

- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)

- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)

- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)

- [129](#)
- [130](#)
- [Благодарности](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)

- [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [37](#)
 - [38](#)
 - [39](#)
 - [40](#)
 - [41](#)
 - [42](#)
 - [43](#)
 - [44](#)
 - [45](#)
 - [46](#)
 - [47](#)
 - [48](#)
 - [49](#)
 - [50](#)
 - [51](#)
 - [52](#)
 - [53](#)
 - [54](#)
 - [55](#)
 - [56](#)
 - [57](#)
 - [58](#)
 - [59](#)
 - [60](#)
 - [61](#)
 - [62](#)
 - [63](#)
-

Сорен Свейstrup

Каштановый человечек

Søren Sveistrup
Kastanjemanden

© 2018 by agreement with JP/Politikens Hus A/S, Denmark & Banke,
Goumen & Smirnova Literary Agency, Sweden

© Чеканский А. Н., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

* * *

Моим любимым мальчикам Силасу и Сильвестру

Вторник, 31 октября 1989 года

Подсвеченные солнечными лучами желтые и красные листья падают на мокрый асфальт дороги, пересекающей, словно темная речная гладь, лесной массив. Мчащийся по шоссе белый полицейский автомобиль вихрем взметает их на краткий миг, а потом они складываются в небольшие склизкие кучки по обочинам.

Мариус Ларсен сбрасывает газ, снижает скорость на повороте и напоминает себе, что надо сообщить коммунальщикам: пусть пришлют подметальную машину. Ведь если листья пролежат на дороге подольше, сцепление с дорожным покрытием снизится, что вполне может стоить кому-нибудь жизни. Да Мариус их и раньше сколько раз предупреждал. Он в полиции уже сорок один год оттрубил, а последние семнадцать лет служит начальником местного отдела. И всякую осень приходится говорить об опавшей листве на проезжей части... Впрочем, сегодня он заниматься этим не будет. Сегодня он полностью поглощен подготовкой к предстоящей беседе.

Мариус Ларсен раздраженно крутит ручку радио, но никак не может найти нужную передачу. На всех волнах только новости о встрече Горбачева и Рейгана и слухи о возможном падении Берлинской стены. Полагают, она вот-вот рухнет. И тогда, наверное, начнется новая эпоха.

Мариус уже давно знал, что разговор неизбежен, и все же никак не мог набраться смелости. Жена-то думает, что через неделю он уйдет на пенсию, так что настала пора рассказать ей, как обстоят дела на самом деле. О том, что он не сможет жить без работы. Что уже уладил все формальности и отложил уход на покой. Что никак не готов валяться дома на диване и тупо смотреть «Колесо фортуны»^[1], сгребать граблями опавшие листья в саду или резаться в «дурака» с внуками.

Он прокручивает предстоящий разговор в голове, и все вроде бы идет как по маслу, но Мариус знает: жена огорчится. Почувствует себя обманутой, встанет из-за стола, уйдет в кухню, примется драить плиту и, стоя к нему спиной, скажет, что прекрасно его понимает. Но на

самом-то деле не сможет она его понять. И потому, когда десять минут назад он услышал на полицейской волне радиосообщение о происшествии, сразу же передал в отдел, что сам отправится на место – и все для того, чтобы хоть ненадолго отложить беседу. Случись такое в обычной обстановке, он сильно разозлился бы, если б ему пришлось держать столь долгий путь через поля и лес к усадьбе Эрумов лишь для того, чтобы попросить хозяев лучше следить за своей скотиной. Уж сколько раз прежде бывало, что у них то свиньи, то коровы прорывались за изгородь и бедокурили на соседских полях, пока либо сам Мариус, либо кто-то из его подчиненных не призывал Эрума к порядку... Но сегодня он ничуть не расстроился, хотя, разумеется, сперва попросил дежурного позвонить Эруму домой и на паромный причал, где тот подрабатывал неполный рабочий день. Ни тут, ни там, однако, никто не ответил, и тогда Мариус развернулся на магистрали и самолично отправился в дальний путь.

Он наконец-то находит станцию, передающую датскую музыку прежних лет. Салон старенького «Форда Эскорт» наполняет мелодия «Алой резиновой лодки», и он прибавляет громкость. Мариус наслаждается ездой среди осенних пейзажей; вид деревьев с желтыми, красными и бурыми листьями вперемешку с вечнозелеными доставляет ему удовольствие. Он предвкушает сезон охоты, который только что открылся. Он опускает стекло, вглядывается в полотно дороги, на котором пробивающиеся сквозь кроны деревьев солнечные лучи оставляют светлые пятна, и на мгновение забывает о своем возрасте.

На дворе усадьбы стоит тишина. Мариус выходит из машины, захлопывает дверцу – и тут вспоминает, что давненько не бывал в этой глуши. Большая усадьба на вид совсем заброшена. Стекла в окошках хлева разбиты, штукатурка на стенах дома облупилась, а качели на заросшей высоченной травой лужайке почти полностью скрылись под ветвями окаймляющих участок огромных каштанов. Покрытый гравием двор весь усеян их плодами; они чавкают у Мариуса под ногами, когда он идет к входной двери дома.

Трижды постучав и позвав Эрума, Ларсен понимает, что ему не откроют. Не обнаружив в доме никаких признаков жизни, он достает блокнот, пишет записку и опускает ее в прорезь для почты. И в этот момент две вороны, пролетев над двором, скрываются за стоящим

перед сараем трактором «Фергюсон». Мариус ехал в такую даль, погруженный в мысли о незавершенном деле, – а теперь вот еще придется сделать большой крюк и пилить на пристань в поисках Эрума... Но это обстоятельство омрачает его настроение лишь на миг. На пути к машине Мариуса внезапно посещает классная идея. Вообще-то такие озарения у него никогда ранее не случались, так что, пожалуй, ему повезло, что он отправился сюда, а не поехал сразу домой на беседу. Да, он прольет жене бальзам на рану и предложит ей съездить в Берлин. Они могут выбраться туда на неделю... ну в крайнем случае на уик-энд, как только у него высвободится время. Поедут они своим ходом, чтобы почувствовать, как творится история, как начинается новая эпоха, попробовать *knödel mit sauerkraut*^[2], как тогда, давным-давно, когда они вместе с детьми совершили поход с палатками по Гарцу...

Уже почти подойдя к машине, Мариус вдруг понимает, почему вороны хоронятся за трактором. Они переминаются с ноги на ногу на чем-то белом, бледном и бесформенном, что при ближайшем рассмотрении оказывается свиной тушей. Глаза у свиньи мертвые, но тело еще бьется в конвульсиях, дергается, точно пытается отпугнуть ворон, выклевывающих пищу из большого открытого пулевого отверстия на загривке.

Мариус открывает дверь дома. В прихожей темно; он чувствует запах сырости и грибка и чего-то еще, но чего именно, определить не в состоянии.

– Эрум, это полиция.

Никто не отвечает, но ему слышен шум воды, вытекающей из крана где-то в глубине дома, и он входит на кухню. На стуле за обеденным столом сидит девушка лет шестнадцати-семнадцати, а ее обезображенное до неузнаваемости лицо покоится в тарелке с овсяными хлопьями. На покрытом линолеумом полу, по другую сторону обеденного стола, лежит еще одно бездыханное тело. Это парень, тоже тинейджер, чуть старше девушки, с большим пулевым отверстием в груди. Он застыл в странной позе, как-то неловко прислонившись к кухонной плите. Мариус замирает. Конечно же, ему и раньше случалось видеть мертвецов, но такого ужаса встречать никогда не доводилось. Однако парализовало его лишь на миг, и вот он уже достает служебный пистолет из кобуры на поясе.

– Э-эрум?!

Идет дальше, продолжая звать хозяина дома, но теперь держит пистолет перед собой. Еще один труп он обнаруживает в ванной комнате, и на сей раз ему приходится зажать рукой рот, чтобы его не вывернуло наизнанку. Вода бежит из крана в ванну, уже и без того заполненную до краев. Она выливается на мозаичный пол и, смешиваясь с кровью, течет в сторону сливной решетки. Обнаженная женщина, по всей вероятности, мать семейства, лежит в неестественной позе на полу. Одна рука и одна нога у нее отсечены от торса. Позднее в акте вскрытия будет указано, что они отрублены топором, которым женщине было нанесено еще множество ударов. Сперва – когда она еще лежала в ванной, а потом – когда попыталась убежать от убийцы, – на полу. В акте отмечалось также, что женщина вначале защищалась руками и ногами, по каковой причине они у нее были раздроблены. А лицо обезображено до неузнаваемости, поскольку тем же топором ей разможили череп.

Увидев такую картину, Мариус Ларсен уже готов прекратить дальнейшие поиски, но внезапно краем глаза он замечает в помещении слабое движение. Под брошенной в угол душевой занавеской угадывается какая-то фигура. Мариус осторожно откидывает ее край и видит мальчика лет десяти-одиннадцати с взлохмаченной головой. Его вроде бы недвижимое тело лежит в луже крови, но прикрывающий рот краешек занавески слабо и прерывисто вибрирует. Мариус резко наклоняется, отбрасывает ее в сторону, берет безжизненную руку подростка и пытается нащупать пульс. Конечности мальчика все в порезах и царапинах, на нем окровавленные майка и трусы, а у головы валяется брошенный топор. Мариус наконец-то находит пульс и быстро выпрямляется.

В гостиной он лихорадочным движением срывает трубку с телефонного аппарата, сбивает на ковер стоящую рядом с ним полную окурков пепельницу. «Скорую»! Опергруппу! Немедленно! Эрум бесследно исчез. Поднимай людей! Быстро! Положив трубку, Ларсен собирается было вернуться к мальчику, но тут вспоминает, что в доме должен быть еще один ребенок, – ведь у пацана есть сестра-близняшка.

Мариус оглядывается и направляется в прихожую к ведущей на второй этаж лестнице. Проходя мимо кухни и открытой двери в

подвал, внезапно останавливается и заглядывает вниз. Оттуда донесся какой-то звук. То ли ступенька скрипнула, то ли шаркнул кто-то. Но теперь вокруг снова тишина. Мариус опять достает табельное оружие. Распахнув дверь настежь и осторожно ступая по узким ступенькам, он спускается вниз и оказывается на бетонном полу. Глаза его быстро привыкают к темноте, и вот он уже видит в конце коридора открытую дверь, ведущую из подвала на двор. Тело отказывается повиноваться ему, словно желая предупредить, что здесь следует остановиться, дожидаться «Скорой» и коллег. Но он думает только о девочке. Подойдя ближе к двери, обнаруживает, что она взломана: замок с проушинами валяются на полу. Мариус входит в помещение, лишь слабо освещенное пробивающимся сквозь грязные подвальные окна в верхней части стены дневным светом. Тем не менее он сразу же различает фигурку маленькой девочки, прячущейся под стоящим в углу столом. Стремительно подбегает к нему, опускает пистолет, наклоняется и заглядывает под столешницу.

– Всё в порядке. Больше ничего плохого тебе никто не сделает.

Лица девочки ему не видно; он замечает только, что она вся дрожит и, не глядя на него, еще больше вжимается в самый угол.

– Меня зовут Мариус. Я из полиции. Я помогу тебе.

Охваченная страхом девочка не двигается с места, словно вовсе не слышит его. Тут Мариус обращает внимание на обстановку подвала. Он оглядывается, и пусть не сразу, но до него все-таки доходит, что здесь происходило. Ларсен содрогается от омерзения. Он бросает случайный взгляд через дверь в смежную комнату и замечает там ряд неровных полок. Открывшаяся картина заставляет его забыть о девочке и подойти ближе. Полки уставлены каштановыми человечками, мужчинами и женщинами. А еще зверюшками, тоже выполненными из плодов каштана. Большими и маленькими, наивными по исполнению и неприятными на вид. Некоторые из них не закончены, какие-то – деформированы. Фигурок так много, что Мариус даже не в силах с ходу их сосчитать. Он поражается их количеству и разнообразию форм, и вид этих фигурок приводит его в беспокойство, точно они предупреждают об опасности.

Тем временем в помещение входит мальчик и оказывается у него за спиной.

Мариус напоминает себе, что надо попросить криминалистов разобраться, взломана ли дверь в подвал изнутри или снаружи. Ему вдруг приходит в голову мысль, будто нечто жуткое вырвалось на волю, точно сломавшая изгородь скотина. Но когда он поворачивается лицом к мальчику, мысли его начинают разбегаться, словно гонимые ветром мелкие облачка на небе. Лезвие топора врезается ему в челюсть – и наступает мрак.

Понедельник, 5 октября, наше время

Голос звучит повсюду в вечерней темноте. Он тихо нашептывает ей глумливые слова, он заставляет ее подняться, когда она падает, и лихо кружит ее на ветру. Лаура Кьер уже больше ничего не видит. Она уже больше не слышит шума листвы и не ощущает холода травы под ногами. И единственное, что еще осталось в ее жизни, – это голос; он все шепчет и шепчет в промежутках между ударами стержнем с шаровидным наконечником. Ей кажется, что, прекрати она сопротивляться, голос, может быть, замолкнет. Но он не замолкает. Как и не прекращаются удары, и в конце она уже и пошевелиться не в силах. Слишком поздно ощущает острые зубцы какого-то инструмента у себя на запястье. И, прежде чем лишиться сознания, слышит звук готовой к работе электропилы, полотно которой вгрызается ей в руку.

* * *

Потом она уже никак не может сообразить, сколько времени находилась в обмороке. Вокруг по-прежнему темь. И все так же звучит голос, будто только и ждал, когда она придет в себя.

– С тобой все о'кей, Лаура? – мягко и нежно звучит он прямо у ее уха.

Но голос не ждет ответа. Ее мучитель на какое-то время сдирает заклеивавшую ей рот ленту, и теперь Лаура слышит свои собственные обращенные к нему просьбы и мольбы. Она ничего не понимает. Она сделает все, что потребуется. И почему он выбрал ее, за что, что такого она сделала?

Он говорит, что ей это прекрасно известно, наклоняется, приближается вплотную и шепчет ей прямо в ухо, и она чувствует, что он наслаждается моментом. Ей приходится собрать все силы, чтобы различить его слова. Да, она понимает, что он говорит, но не может поверить в сказанное им. Слова его доставляют ей боль, не сравнимую с болью телесной. Ведь этого не может быть. Этого просто-напросто

быть *не может*. Лаура пытается прогнать эти слова, словно они порождены окружающим ее безумием. Она хочет подняться и продолжить борьбу, но тело ее сдаётся, и она срывается в истерические рыдания. Да-да, она уже знала то, что он говорит, узнала это некоторое время назад, но не была уверена, и только теперь, когда голос нашептал ей это, она поняла, что догадка ее верна. Ей хочется выкрикнуть все это, но внутренности ее уже подступают к горлу, и, ощущая нежное прикосновение жезла к своей щеке, она, собрав все оставшиеся силы, отталкивает его – и проваливается в мрачную бездну.

Вторник, 6 октября, наше время

За окном начинает светать. Но когда Найя Тулин, дотянувшись до его члена, вводит его себе во влагалище, он еще только начинает медленно восставать ото сна. Почувствовав его в себе, Найя принимается делать движения тазом взад и вперед. Она обнимает его за плечи, и руки его просыпаются, но как-то лениво и словно бы неохотно.

– Эй, погоди...

Он все еще сонный, но Найя не собирается годить. Желание возникло у нее, как только она открыла глаза; движения ее становятся все быстрее и быстрее, и, чтобы сохранить равновесие, она упирается одной рукой в стену. Замечает, что лежит он в какой-то нелепой позе, касаясь головой изголовья кровати, и та, в свою очередь, бьется о стену, но шум этот ее не заботит. Она продолжает – и ощущает, что он тоже включился в работу, и когда он кончает, впивается ногтями ему в грудь и чувствует, что ему и больно, и приятно; и они оба застывают в истоме.

Еще мгновение Найя лежит, стараясь перевести дыхание, и прислушивается к грохоту мусоровоза на заднем дворе. Потом поворачивается и встает с постели, хотя он продолжает ласкать ей спину.

– Будет лучше, если ты уйдешь, пока она еще спит.

– Но почему? Ей очень нравится, когда я у вас.

– Давай-давай. Поднимайся.

– Только если мы станем жить вместе.

Найя бросает ему в лицо рубашку и исчезает в ванной, а он, улыбаясь, снова откидывается головой на подушку.

Первый вторник октября. Осень в этом году припозднилась, но сегодня небо над городом низкое, затянутое темно-серыми облаками, и пока Найя Тул'ин, выскочив из машины, бежит через улицу, лавируя среди проезжающих автомобилей, начинается проливной дождь. Хотя ей и слышны звонки ее мобильного, она не спешит достать его из кармана пальто. Ведь рука ее лежит на плече дочери, и она подталкивает девочку в разрывы в очереди машин. Утро выдалось нелегкое. Ле больше всего хотелось поговорить о компьютерной игре «Лига легенд», в которую ей вроде бы слишком рано играть, но в которой она тем не менее прекрасно разбирается, а своим великим идолом называет одного корейского мальчугана по имени Пак Су.

– Если пойдете гулять в парк, не забудь, что у тебя есть с собой резиновые сапожки. И еще, дед тебя заберет, только тебе самой придется перейти через улицу. Сперва поглядишь налево, а потом – направо.

– ...я опять погляжу налево, и еще надо не забыть куртку надеть, чтобы были видны катафоты.

– Стой спокойно, иначе я не смогу завязать тебе шнурки.

Они стоят прямо перед школой под навесом для велосипедов. Найя наклоняется, а Ле старается не двигаться и застывает в луже.

– Когда мы будем жить вместе с Себастьяном?

– Разве я говорила, что мы будем жить вместе?

– Почему он бывает у нас только по вечерам, а по утрам его нет?

– По утрам взрослые торопятся на работу, вот и Себастьян тоже.

– У Рамазана маленький братик появился, и у него теперь пятнадцать фоток на дереве, а у меня только три.

Найя бросает короткий взгляд на дочку, проклиная в душе пошлые планшеты с родословными древами учеников, которые классный руководитель украсила листьями осенней расцветки и развесила на стенах класса, чтобы и дети, и взрослые могли изучить их. С другой стороны, Найя благодарна Ле – ведь девочка как нечто само собой разумеющееся причисляет деда по материнской линии к своим

родственникам, хотя с чисто формальной точки зрения никакой он ей не дед.

– Да ведь дело не в этом. И потом, у тебя же пять фотографий на дереве, если мы еще попугайчика и хомячка посчитаем.

– Но у других детей нет животных на дереве.

– Да, но все это значит только, что другим детям не так повезло.

Ле не отвечает, и Найя выпрямляется.

– Да, конечно, нас не так много, но зато нам хорошо вместе, а это самое главное. О'кей?

– А можно мне еще одного хомячка?

Тулин смотрит на нее и пытается вспомнить, с чего начался разговор и о чем идет речь сейчас, и еще думает, что дочка у нее более резва умом, нежели она предполагала.

– Поговорим об этом в другой раз. Подожди немного.

Снова начинает звонить мобильный телефон, и теперь ей уже приходится ответить.

– Буду через четверть часа.

– Время терпит, – слышит она голос на другом конце, принадлежащий одной из секретарш Ньюландера. – Он не сможет принять тебя сегодня с утра, так что ваша встреча переносится на вторник на следующей неделе. Но он просил тебя взять с собой новичка; пусть тот хоть чем-нибудь поможет, пока у нас обретаётся.

– Мам, я пойду с Рамазаном на утреннюю продленку.

Найя наблюдает, как ее дочь подбегает к мальчику по имени Рамазан и сразу же становится органичной частью сирийской семьи, всем составом – мать, отец с новорожденным на руках и еще двое детей – явившейся сегодня в школу. Тулин представляется, будто они сошли со страниц статьи об образцовой семье в глянцевого журнала для женщин.

– Но Ньюландер уже второй раз отменяет встречу. И потом, это всего на пять минут. Где он сейчас?

– К сожалению, Ньюландер на совещании по бюджету отдела на будущий год. И, кстати, он просил узнать, о чем ты собираешься с ним говорить.

Найя мгновение размышляет, стоит ли ей раскрывать карты, – дескать, речь пойдет о том, что девять месяцев, проведенных в отделе по расследованию преступлений против личности, так называемом

убойном отделе, доставили ей с профессиональной точки зрения столько же удовлетворения, как посещение музея истории полиции. Что задания, которые ей поручали, до ужаса скучны, а технологическое оснащение отдела находится на уровне домашнего компьютера «Коммодор 64». И по всему по этому она с величайшей радостью занялась бы чем-нибудь гораздо более увлекательным...

– Да так, по мелочам.

Тулин прерывает разговор и машет дочке, как раз вбегающей в двери школы. Пальто у нее уже разбухло от дождя, и на пути к машине она понимает, что просто не в силах ждать встречи до вторника. Бегом пересекает улицу, лавируя между стоящими в пробке автомобилями, но, добравшись до своей машины и открыв дверцу, внезапно чувствует на себе чей-то взгляд. На другой стороне перекрестка, за кажущимися бесконечными рядами легковушек и грузовиков, угадывается какая-то фигура. Однако, когда пробка наконец-то рассасывается, никого на том месте не видно. Найя отбрасывает прочь все сомнения и садится за руль.

В широких коридорах Управления полиции Копенгагена гулким эхом отдаются шаги двух мужчин, проходящих мимо целой группы сотрудников уголовного розыска, движущихся в противоположном направлении. Шеф убийного отдела Нюландер ненавидит беседы на ходу, однако он знает, что сегодня это его единственный шанс, и потому идет рядом с заместителем начальника полиции округа, выслушивая одну за другой огорчительные новости.

– Нюландер, мы вынуждены затянуть пояса. И это касается всех отделов.

– А мне обещали пополнить личный состав...

– Пойми, это вопрос времени. В данный момент Министерство юстиции решило в первую очередь развивать другие отделы. Они поставили амбициозную задачу: сделать НЦ-3 лучшим киберотделом в Европе, и поэтому направляют ресурсы в первую голову туда.

– Но почему за счет моего отдела? Нам ведь требовалось вдвое больше сотрудников последние...

– Я пока еще окончательно не сдался, да к тому же твоих немножко разгрузил.

– Никого ты не разгрузил; один-единственный розыскник, да еще и с треском выгнанный из Европола, не в счет. Он и пробудет-то у нас парочку дней, не больше.

– Да нет, он у нас наверняка подольше задержится. Посмотрим, как там у него в Европоле фишка ляжет... К тому же министерство могло сделать все наоборот – вообще штатное расписание *урезать*. Так что давай находить позитив и в тех «бабках», что нам выделили. О'кей?

Замначальника останавливается и поворачивается к Нюландеру, желая подчеркнуть значимость своих слов, а тот собирается сказать, что ни хрена тут не о'кей. У него людей не хватает, проблему ему обещали решить и вот решили: взяли и обошли его в угоду этому гребаному НЦ-3. И сокращение-то какое пафосное придумали – а скрывается за ним просто Национальный центр борьбы с киберпреступностью... К тому же министерские чинари форменным

образом издеваются, коли всучили ему якобы на подмогу этого сбитого летчика, сыщика, впавшего в немилость в Гааге...

– У тебя есть минутка? – спрашивает Ту́лин из-за спины Нюландера, и замначальника, воспользовавшись возникшей паузой, проскальзывает в зал заседаний и закрывает за собой дверь. Нюландер пристально смотрит ему вслед и пускается в обратный путь.

– Не сейчас, да и у тебя ее нет. Я не слепой, мне твои способности прекрасно известны, но в отделе никогда не было людей моложе тебя, так что рано еще тебе нос задирать и претендовать на место руководителя группы или о чем ты там еще хочешь поговорить.

– Да не о руководстве группой речь. Мне нужна рекомендация для работы в НЦ-3.

Нюландер останавливается на пороге одной из ротонд и смотрит на нее.

– В НЦ-3. Центре борьбы с киберпреступностью.

– Да знаю я *прекрасно*, что это за центр такой. Но с чего ты это вдруг?

– С того, что работа у них интереснее.

– В отличие от чего?

– Да ни от чего. Просто мне хотелось...

– Ты ведь по большому счету только начинаешь. А в НЦ-3 не берут абы кого. Так что нет никакого смысла тебе туда соваться.

– Да они сами меня приглашают.

Нюландер пытается скрыть изумление, но сразу понимает, что она говорит правду. Оглядывает маленькую фигурку стоящей перед ним женщины. Сколько ей? Двадцать девять? Тридцать? Что-то около того. Маленькая залетная птичка, на вид вряд ли что из себя представляющая. Впрочем, он и сам ее поначалу недооценил, пока не разглядел способности молодой сотрудницы. Намедни проанализировал кадровый состав отдела и поделил своих следователей и оперативников на команду А и команду Б и Ту́лин, несмотря на ее юный возраст, записал в команду А, призванную координировать работу всего отдела, вместе с такими стреляными воробьями, как Янсен и Рикс. И на самом деле *подумывал* назначить ее руководителем группы. Вообще-то он не шибко жаловал сыщиков женского пола, да и ее закрытость и недоступность не слишком импонировали ему, но Ту́лин была умнее большинства его

подчиненных и выполняла все порученное в таком темпе, что казалось, будто гораздо опытные сотрудники топчутся на месте. Техническую оснащенность отдела она, по всей вероятности, считала более подходящей для каменного века, и, разделяя в данном случае ее взгляды, Ньюландер осознавал, в какой степени отдел нуждается в таких фанатах цифровых технологий, как она, чтобы не отстать от требований времени. И потому, воспользовавшись случаем, пару раз не преминул напомнить, что у нее еще молоко на губах не обсохло и бежать ей из отдела просто некуда.

– И кто же тебя приглашал?

– Да сам начальник, как его там... Исак Венгер, по-моему.

На лицо Ньюландера набежало облачко.

– Мне здесь нравится, но все же я хотела бы подать заявление в конце недели.

– Я подумаю.

– Может, в пятницу?

Ньюландер отправляется дальше. И некоторое время еще ощущает на себе ее взгляд, понимая, что она обязательно придет к нему в пятницу за этой самой рекомендацией. Вот, значит, как оно обернулось... Его отдел стал инкубатором, растящим кадры для элиты, для нового любимого дитяти министерства – НЦ-3. Да, на начинающемся вскоре совещании по бюджету отдела на следующий год он обязательно потребует обосновать заявленные приоритеты и сокращения с цифрами в руках. На Рождество будет уже три года, как Ньюландер принял предложение занять пост главы убойного отдела, и вот на тебе – развитие застопорилось. И если в ближайшее время не произойдет прорыва, то не исключено, что возможности сделать карьеру, о которой он мечтал, ему и не предоставится.

«Дворники» сметают с лобового стекла массы дождевой воды. Когда светофор загорается зеленым, служебный полицейский автомобиль отрывается от застывших в пробке машин и автобусов с рекламой предлагающих новые груди, ботокс и липоксацию частных клиник на бортах и берет курс на пригород.

Радио в салоне включено. Болтовня ведущих и последние популярные песни о сексе, задницах и вообще о распутстве на короткое время сменяются новостями, и диктор рассказывает, что сегодня первый вторник октября, а стало быть, открытие сессии Фолькетинга^[3]. И, само собой разумеется, главным информационным поводом стало возвращение на пост министра соцзащиты Розы Хартунг после трагической истории, приключившейся с ее дочерью, за которой все датчане затаив дыхание следили без малого год назад. Диктор переходит к следующему сюжету, но сидящий рядом с Тули́н новичок уменьшает звук.

– У тебя есть ножницы или что-нибудь в этом роде?

– Нет у меня никаких ножниц.

Тули́н на мгновение переводит взгляд с дороги на мужчину, сидящего на пассажирском месте и старательно пытающегося вскрыть упаковку нового мобильного телефона. Он уже стоял и курил возле машины, когда она спустилась в гараж напротив управления. Высокий, стройный, но на вид какой-то потрепанный жизнью. Влажные от дождя, всклокоченные волосы, промокшие изношенные кроссовки «Найк», тонкие брюки-багги, короткая черная термокуртка, на которой дождь тоже оставил следы. Да, одет он явно не по погоде, думает Тули́н, – наверное, отправился из Гааги прямо в чем был. Небольшая выдавшая всякие виды дорожная сумка рядом с ним усиливает это впечатление. Из разговора коллег за утренним кофе в столовой Найя знала, что он появился в управлении накануне. Так называемый офицер связи, откомандированный в штаб-квартиру Европола в Гааге, его внезапно освободили от исполнения служебных обязанностей и отправили обратно в Копенгаген на ковер к здешнему начальству, поскольку в чем-то он там провинился. Что дало коллегам повод для

издевательских шуточек в его адрес – ведь отношения датской полиции с Европолом и так затруднены по причине отказа Дании снять некоторые оговорки в отношении сотрудничества в рамках Евросоюза в юридической области, принятые на всенародном референдуме несколько лет назад.

Когда Ту́лин встрети́лась с ним в гараже, он пребывал где-то далеко-далеко, погруженный в свои мысли. Она представилась, и он только пожал ей руку и назвал свою фамилию – Хесс. Особо словоохотлив он не был. Да и она, в общем-то, тоже. Однако разговор с Нюландером вышел таким, как ей и хотелось. Найя находилась в полной уверенности, что ее пребывание в отделе в скором времени завершится, и потому ей не стоило больших усилий доброжелательно отнестись к попавшему в опалу коллеге. Обосновавшись в машине, она кратко рассказала, в чем состоит их задание, однако Хесс только кивнул, проявив к нему минимум интереса. На вид ему примерно от тридцати семи лет до сорока одного года, и своим обликом несколько постаревшего уличного мальчишки он напоминал какого-то известного актера, вот только Ту́лин никак не могла вспомнить, какого именно. Хесс носил на пальце кольцо – возможно, обручальное, – но она интуитивно чувствовала, что он давно разведен или, по крайней мере, находится в процессе развода. У нее вообще сложилось впечатление, будто, беседуя с ним, она просто-напросто бьет мячом в бетонную стену. Но с другой стороны, это обстоятельство никак не сказывалось на ее настроении.

На самом деле ей было весьма интересно послушать, как организовано межнациональное сотрудничество полицейских органов, а новый коллега наверняка может просветить ее на этот счет...

- Так ты надолго домой?
- Дней на пару, наверное. Пока они там разбираются.
- Тебе в Европоле нравится?
- Да, там прикольно. И погода лучше.
- А правду говорят, что их отдел по борьбе с киберпреступностью нанимает на работу хакеров, которых сам же и выявляет?
- Понятия не имею, я же не из того отдела... Ничего, если я отскочу ненадолго, когда осмотр закончим?
- Отскочишь?
- Всего на часок. Мне надо ключ от квартиры забрать.

- Без проблем.
- Спасибо.
- Ты обычно в Гааге сидишь?
- Да, ну или там, где во мне есть нужда.
- И где же, например?
- По-разному. Марсель, Генуя, Амстердам, Лондон...

Хесс снова завозился с неподдающейся упаковкой, и Тулин предполагает, что возня эта займет еще немало времени. Есть в нем нечто космополитическое. Он своего рода путешественник без багажа. Вот только глянец столичных городов и дальних краев давным-давно сошел на нет. Если он вообще когда-либо имел место быть.

- И сколько ты дома отсутствовал?
- Скоро пять лет... Можно я этим воспользуюсь?

Из подставки для стакана между креслами Хесс достает шариковую ручку, собираясь подцепить ею обертку.

- Пять лет?

Тулин поражена. Большинство офицеров связи, о которых она слышана, подписывают контракт на два года. Некоторые продлевают его еще на один срок. Но ей никогда не доводилось слышать, чтобы офицер его профиля прослужил в этой должности целых пять лет.

- Время летит быстро.
- Так ты это из-за реформы полиции?
- Что именно?
- Ну уехал. Я слыхала, многие ушли из отдела, потому что были недовольны...

- Нет, не поэтому.
- А почему?
- Потому что просто уехал, и всё.

Найя смотрит на него, и Хесс отвечает ей коротким взглядом, и тут она впервые обращает внимание на то, что глаза у него разного цвета. Левый – зеленый, а правый – голубой. Тон его вполне дружелюбен; вместе с тем последняя фраза звучит как сигнал к прекращению разговора, и теперь он замолкает. Тулин включает поворотник и направляет машину в сторону пригородного коттеджного поселка. Ежели он желает играть роль эдакого мачо, агента с загадочным прошлым, флаг ему в руки. Таких типов в конторе у них немало, достаточно чтобы футбольную команду составить.

Белый дом в стиле конструктивизма с примыкающим гаражом расположен в центре Хусума, в районе, где сплошь дома на одну семью с аккуратными рядами живой изгороди из бирючины и почтовыми ящиками на выходящих на улицу калитках. Здесь охотно селятся семьи представителей среднего класса, имеющие детей и достаточные доходы. О безопасности подрастающего поколения местные жители заботятся особо. О чем свидетельствуют многочисленные и высокие «лежачие полицейские», так что скорость движения тут не превышает тридцати километров. На мокром асфальте просматриваются остатки меловой разметки, в садиках на участках видны батутные сетки. Когда Тулин паркуется рядом с патрульными машинами и передвижными лабораториями криминалистов, мимо проезжают несколько школьников на велосипедах в шлемах и с катафотами. Местные жители толпятся и переговариваются между собой на некотором удалении от ленты ограждения.

– Я только отвечу.

Менее двух минут назад Хесс наконец-то вставил сим-карту в новый мобильник и отослал эсмэску – и вот ему уже звонят.

– Отлично, можешь не торопиться.

Тулин выходит из машины в дождь, а оставшийся в салоне Хесс начинает разговор на французском. Пробегая по узкой садовой дорожке, традиционно выложенной бетонной плиткой, она вдруг представляет себе, что у нее, пожалуй, появилась еще одна причина радоваться предстоящему уходу из отдела.

Голоса двух ведущих утреннюю передачу, подводящих зрителей к еще одной беседе за чашечкой кофе на уютных диванчиках в студии, эхом раскатываются в помещениях огромной фешенебельной виллы на Внешнем Эстербро.

– Итак, сегодня открывается сессия Фолькетинга и начинается новый парламентский год. Это всегда совершенно особый день, но сейчас он вдвойне примечателен для одного из политиков, а именно для министра соцзащиты Розы Хартунг, чья двенадцатилетняя дочь бесследно исчезла восемнадцатого октября прошлого года. С тех пор Роза Хартунг находилась во временном отпуске...

Стиин Хартунг подходит к висящему на стене возле холодильника плоскому экрану и выключает его. Он только что уронил свои планшеты и чертежные принадлежности и теперь подбирает их с деревянного пола огромной кухни-гостиной в стиле прованс.

– Давай. Собирайся быстрее. Мы едем сразу после мамы.

Сын все еще сидит за большим столом и заглядывает в лежащий посреди тарелок с остатками завтрака учебник по математике. По вторникам Густаву надо в школу к началу десятого, и всякий раз в этот день Стиину приходится напоминать ему, что негоже готовить уроки за едой.

– Но почему мне нельзя самому поехать на велике?

– Сегодня вторник, у тебя после школы теннис, так что я тебя подвезу. Ты вещи собрал?

– *I have it*^[4].

Небольшого росточка молоденькая филиппинка, живущая у них домработница, входит в кухню с готовой спортивной сумкой, и Стиин провожает ее благодарным взглядом, а она принимается за уборку.

– Благодарю, Элис. Давай же, Густав.

– Все ребята на великах приезжают.

Стиин видит в окно, как во двор въезжает большой черный автомобиль и останавливается в лужице перед входом.

– Пап, ну, может, хоть сегодня?

– Нет, давай сделаем как всегда. Машина пришла. Где мама?

Поднимаясь по лестнице на второй этаж, Стиин зовет жену. Площадь столетней аристократической виллы составляет почти четыреста квадратов, но ему знаком здесь каждый уголок, ведь он сам проектировал ее реставрацию. Когда они купили этот дом и переехали сюда, им требовалось больше места, но теперь вилла стала велика для них. Слишком велика. Он поискал жену в спальне, потом – в ванной и тут заметил, что дверь напротив чуть-чуть приоткрыта. Слегка помедлив, заглянул в комнату, где когда-то обитала их дочь.

Роза Хартунг в верхней одежде сидит на голом матрасе кровати. Стиин оглядывает комнату, пустые стены и стоящие в углу коробки для укладки вещей для переезда. Потом снова переводит взгляд на жену.

– Машина пришла.

– Спасибо.

Она коротко кивает, но не встает с места. Стиин входит в комнату и чувствует, как в ней холодно. И только теперь замечает, что жена сжимает в руках желтую майку с короткими рукавами.

– С тобой всё в порядке?

Вопрос дурацкий, ведь по ее виду можно догадаться, что она далеко не в лучшей форме.

– Я вчера открыла здесь окно и забыла его закрыть, и только сейчас это обнаружила...

Он понимающе кивает, хотя на вопрос его она так и не ответила. Снизу, из холла, доносится громкий голос сына, который сообщает о приезде Фогеля, но родители на его зов не откликаются.

– Я больше не чувствую ее запах.

Роза все мнет в руках майку и так смотрит на нее, будто ищет нечто в полотне ткани.

– Я хотела только попробовать, но его больше нет. И в других вещах тоже...

Он садится рядом с ней.

– А может, так и надо? Может, оно и к лучшему?

– Почему это к лучшему? Ничего не к лучшему.

Он не отвечает, но чувствует, что она сразу же пожалела о своих словах, поскольку тон ее смягчился.

– Не знаю, смогу ли я... Как-то все это неправильно.

– Ты ошибаешься. Только так и надо. Ты сама мне об этом говорила.

Сын снова зовет их.

– Она этим хотела сказать, что тебе пора ехать. Сказать, что все наладится. И что ты молодчина.

Роза не отвечает. Еще мгновение она сидит, не оставляя майку. А потом берет его за руку, пожимает ее и пытается изобразить улыбку.

* * *

– О'кей. Супер. Увидимся. – Личный советник Розы Хартунг заканчивает разговор по телефону, увидев, что она спускается в холл. – Я слишком рано приехал? Может быть, попросить королеву отложить открытие до завтра?

Роза улыбается. Ей импонирует его энергия, и она отмечает, как славно изменилась атмосфера в доме с его появлением. Когда Фогель рядом, нет места сантиментам.

– Нет, я готова.

– Отлично. Тогда пройдемся по программе. Подано несколько запросов – некоторые достойные, некоторые предсказуемые, а какие-то годны только для бульварной прессы.

– Займемся этим в машине. Густав, не забудь, сегодня вторник, значит, папа тебя заберет. И позвони, если вдруг что. Хорошо, милый?

– Да знаю я. – Парень устало кивает, а Роза еще успевает потрепать его по волосам, прежде чем Фогель открывает перед нею дверь.

– Познакомься с новым водителем, а еще надо будет обсудить порядок встреч на сегодня.

* * *

Стиин наблюдает за ними через окно кухни и пытается ободряюще улыбнуться жене, когда она, поздоровавшись с новым водителем, забирается на заднее сиденье салона. Машина выезжает на улицу, и он чувствует облегчение.

– Так мы едем или как? – спрашивает сын, и Стиин слышит, как он в холле надевает пальто и сапоги.

– Да-да, сейчас иду.

Открывает холодильник, достает оттуда упаковку маленьких бутылочек горькой настойки и опустошает одну из них. И сразу чувствует, как крепкая жидкость проходит через пищевод и попадает в желудок. Оставшиеся бутылочки он складывает в сумку, захлопывает дверцу холодильника и берет лежащие на столе ключи.

По какой-то неведомой ей причине дом вызывает у Найи антипатию. И это ощущение возникает у нее, когда она, надев перчатки и голубые бахилы, проходит через темную прихожую, где обувь членов семьи выстроилась в ряд под вешалкой с верхней одеждой. Стены коридора украшены красивыми картинами с цветочными мотивами. А в спальне, на первый взгляд, царит какая-то нежная и целомудренная атмосфера: она вся выдержана в белых тонах, если не брать во внимание так и не открытые розовые плиссированные жалюзи.

– Жертву зовут Лаура Кьер, тридцати семи лет, ассистент зубоорачебной клиники в центре Копенгагена. Судя по всему, она уже легла спать, когда на нее внезапно напали. Ее девятилетний сын спал в комнате в конце коридора и, по-видимому, ничего не видел и не слышал.

Пока пожилой полицейский в форме вводит Тулин в курс дела, она осматривает двуспальную кровать, разобранную лишь с одной стороны. А на белом длинношерстном ковре валяется сбитый с прикроватного столика ночник.

– Когда мальчик проснулся, в доме никого не было – по крайней мере, он никого не нашел. Он сам приготовил себе завтрак, оделся и стал ждать мать, но она так и не появилась, и тогда мальчик отправился к соседям. Соседка зашла к ним, никого в доме не застала – и вдруг услышала, как на детской игровой площадке воет собака; там она и увидела труп женщины, после чего позвонила нам.

– А с отцом ребенка связались?

Тулин проходит мимо сотрудника, мельком заглядывает в детскую и направляется в обратный путь по коридору. Полицейский следует за ней.

– По словам соседки, отец несколько лет назад умер от рака. И примерно через полгода Лаура Кьер познакомилась с другим мужчиной. Они стали жить вместе, то есть он к ним переехал. Сейчас этот тип где-то на Зеландии на ярмарке. Мы до него дозвонились, как только прибыли на место. Он скоро будет здесь.

Через открытую дверь в ванную комнату Ту́лин видны висящие рядом электрические зубные щетки, на выложенном клинкерной плиткой полу – распакованный комплект одноразовых тапочек, а на вешалке – два одинаковых банных халата. Из коридора она проходит в кухню-гостиную, где одетые в белое криминалисты проверяют наличие следов и отпечатков пальцев с помощью инструментов в их специальных чемоданчиках типа «флайт кейс». Мебель в доме такая же обычная, как и во всех домах в этом поселке, скандинавского дизайна; бо́льшая часть, скорее всего, приобретена в «Икее» или «Ильве». На столе три салфетки под прибор, ваза с осенними цветами и декоративными веточками, на диване – подушки, а на кухонном столе рядом с мойкой – глубокая тарелка с остатками молока и кукурузных хлопьев, чем, по всей вероятности, завтракал мальчик. Кроме того, в гостиной стоит цифровой экран, на котором периодически сменяют друг друга фотографии этой небольшой семьи, причем экран направлен в сторону стоящего неподалеку пустого кресла. Мать, сын и, наверное, сожитель. На всех фото они улыбаются, и вид у них весьма довольный. Лаура Кьер – элегантная стройная женщина с длинными рыжими локонами, но в ее красивых глазах таится печаль.

– Признаки взлома?

– Нет, мы проверили все двери и окна. Перед тем как лечь спать, она, похоже, смотрела телевизор и пила чай.

Ту́лин бегло осматривает доску для памятных записок, но обнаруживает на ней лишь расписание уроков в школе, календарь, часы работы бассейна, предложение от фирмы, занимающейся обрезкой деревьев, приглашение на праздник Хеллоуина в объединении собственников земельных участков и напоминание об обследовании в детском отделении Центральной клинической больницы. Обращать внимание на мелочи, которые могут иметь значение для следствия, – один из талантов Найи. Прийти домой, запретить входную дверь, вспомнить мелкие детали и определить, удачным выдался день или нет. Но в данном случае отмечать просто нечего. Ничего особенного. Яркий пример семейной идиллии, на какую сама Ту́лин никогда и ни за какие коврижки не согласилась бы; вот ей и думается, что, может быть, именно по этой причине и не лежит у нее душа к этому дому.

– Компьютеры, гаджеты, мобильники на месте?

– Насколько можно судить, ничего не украдено. Впрочем, люди Генца уже упаковали все железяки и отправили в лабораторию.

Найя кивает. Большинство дел, связанных с насилием и убийством, раскрываются таким путем. За счет анализа эсэмэсок, информации о звонках, содержания электронных писем или постов в «Фейсбуке» можно понять, почему случилось то, что случилось. И Тулин уже предвкушает, как будет работать с этим материалом.

– А чем это здесь пахнет? Кого-то вырвало?

Она вдруг замечает, что здесь, в доме, все время ее преследовал какой-то неприятный прогорклый запах. Пожилой полицейский стоит с виноватым видом, и только сейчас Найя замечает, как он бледен.

– Прошу прощения. Я ведь прямо с места убийства. Думал, уже привык к... Сейчас покажу дорогу.

– Я сама найду. Ты только предупреди, когда появится сожитель.

Тулин открывает ведущую в сад дверь террасы, а полицейский благодарно кивает.

Батут знавал гораздо лучшие дни, как и небольшая заросшая теплица по левую сторону от террасы. Справа же мокрая трава подбирается к задней стенке сверкающего жестяного гаража – штуки самой по себе, наверное, весьма практичной, да только никоим образом не вяжущейся с обликом белого конструктивистского здания. Тулин направляется в дальнюю часть сада. С другой стороны живой изгороди видны прожекторы и силуэты полицейских в форме и экспертов в белом. Она пробирается сквозь заросли кустов и деревьев с желтыми и багряными листьями и выходит на натуральную детскую площадку. Возле ветхого домика для игр в струях дождя беспрестанно вспыхивает блиц, и еще издавлека Тулин узнает энергичную фигуру Генца, запечатлевающего на камеру все, что находится на месте преступления.

– Много успели?

Симон Генц отводит от видеоискателя серьезный взгляд, но, увидев Тулин, коротко улыбается. Генцу на вид лет тридцать пять, этакий живчик: говорят, только в этом году он пробежал уже пять марафонов. И кроме того, он самый молодой руководитель экспертно-криминалистического отдела полиции за всю его историю, а для Тулин еще и один из весьма немногих коллег, к мнению которых она прислушивается. Фанат своего дела, человек острого и здравого ума – вот за что она его на самом деле уважает. А держит его на расстоянии потому, что он не раз предлагал ей совершить совместную утреннюю пробежку, чего она ни в коем случае и вообразить себе не может. За девять месяцев работы в отделе по расследованию преступлений против личности Найя, пожалуй, только с Генцем наладила более или менее неплохие отношения. Но ничего более отвращающего от физической близости, нежели служебный роман, по ее представлениям, не существует.

– Привет, Тулин. Немного. Дождь, видишь, с нами шутки шутит, к тому же с момента убийства уже прошло несколько часов.

– Кстати, о времени убийства что-нибудь известно?

– Пока нет. Судмедэксперт вот-вот подъедет. Но могу сказать, что дождь начался незадолго до полуночи, и, думаю, тогда-то все и произошло. Если следы и оставались на территории, то теперь все они смыты напрочь. Хотя мы, конечно, продолжим поиски... Хочешь на нее посмотреть?

– Да, благодарю.

Безжизненное тело в сидячей позе на траве, скрытое наброшенной на него криминалистами белой пластиковой простыней, прислонено к одной из двух стоек, поддерживающих крышу домика для игр. А вокруг картина вполне себе благостная, с красными и желтыми листьями вьющихся растений и кустарников на заднем плане. Генц осторожным движением убирает белый пластиковый покров, открывая глазу труп женщины. Она сидит скрючившись, точно тряпичная кукла. На ней только трусы и женская сорочка, когда-то бывшая бежевого цвета; все насквозь мокрое от дождя и в многочисленных пятнах алой крови. Тулин подходит ближе и садится на корточки, чтобы лучше рассмотреть тело. Лицо Лауры Кьер обмотано особой прочности черным тейпом. Лента врезалась в застывший открытый рот и скрывает затылок с мокрыми рыжими волосами. Один глаз у нее выбит, так что можно заглянуть глубоко в глазную впадину, а другой слепо глядит прямо перед собой. На синеватой коже бесчисленное количество порезов, рваных ран и следов от ударов. Ступни ног у нее тоже разодраны в кровь. Кисти рук, связанных крепким скотчем в районе запястий, зарылись под небольшую кучку опавшей листвы у нее перед коленями. Тулин понадобилось лишь раз взглянуть на тело жертвы, чтобы понять, почему сплеховал пожилой полицейский. Хотя обычно вид мертвецов особого неприятия у нее не вызывает. Работа в убойном отделе не предполагает эмоционального отношения к смерти, а если кто не в силах обойтись без излишних проявлений чувств, то ему лучше сменить профессию. Но справедливости ради надо сказать, что Тулин никогда прежде не доводилось видеть труп человека, изуродованного до такой степени, как эта прислоненная к стойке домика для игр женщина.

– Ты, конечно, еще будешь говорить с судебным медиком, но, по моему, если судить по некоторым ранам, в какой-то момент она попыталась убежать от преступника между деревьев. То ли прочь от дома, то ли, наоборот, в дом. Но тьма стояла кромешная, а она была

сильно ослаблена после ампутации, что наверняка случилось до того, как ее в конце концов усадили возле игрового домика.

– Какой такой ампутации?

– Подержи-ка это...

Генц рассеянно передал ей большую фотокамеру с блицем, подошел к самому трупу, присел на корточки и, пользуясь своим цилиндрическим фонариком, как рычагом, приподнял связанные руки женщины. Труп уже окоченел, застывшие руки механически поддались движению Генца, и Найя увидела, что правая кисть Лауры Кьер на самом деле не была скрыта опавшей листвой, как она сперва подумала. Нет, кисть была отчленена от предплечья чуть ниже запястья, где из неровной чудовищной раны торчали концы отрезанных косточек и сухожилий.

– На данный момент мы предполагаем, что это случилось здесь, на площадке, потому что ни в гараже, ни в доме следов крови не обнаружено. Я, разумеется, попросил моих людей внимательно осмотреть гараж на предмет нахождения там клейкой ленты, садовых и прочих инструментов, но пока что никаких результатов нет. Ну и, конечно, как это ни удивительно, кисть мы пока тоже нигде не нашли, хотя поиски не прекращаем.

– А не могла ее умыкнуть какая-нибудь собака? – спросил пробравшийся через сад и живую изгородь Хесс. Поеживаясь на дожде, он быстро осмотрелся, а Генц с изумлением уставился на него.

– Генц, познакомься, это Хесс. Он поработает с нами несколько дней.

– Доброе утро! Добро пожаловать. – Генц собирается протянуть Хессу руку, но тот только кивает в сторону соседнего дома:

– Кто-нибудь что-нибудь слышал? Может, кто из соседей?

Откуда-то издали доносится дикий грохот мчащейся по мокрым рельсам электрички, и Генцу приходится кричать в ответ:

– Нет, насколько мне известно, никто ничего не слышал. Электрички нечасто ходят по ночам, а вот товарняков на этом участке хватает.

Поезд промчался мимо, и Генц снова обращается к Тулйн:

– Мне, конечно, хотелось бы найти для тебя побольше следов, но прямо сейчас ничего сказать не могу, кроме того, что никогда в жизни не доводилось видеть таких чудовищных телесных повреждений.

– А это что такое?

– Где?

– Да вот.

Ту́лин все так же сидит на корточках возле трупа и указывает пальцем на какой-то предмет. Он подвязан нитью к балке веранды домика для игр и, запутавшись в ней, болтается на ветру. Генц поворачивается, распутывает нить, и предмет начинает раскачиваться взад-вперед. Два темно-коричневых плода каштана насажены друг на друга. Верхний совсем маленький, нижний – чуть побольше. На верхнем еще прорезаны два отверстия в качестве глаз. А в нижний воткнуты спички, обозначающие руки и ноги. Ничего из ряда вон выходящего в этой простой фигурке, составленной из двух каштанов, нет, но сердце у Ту́лин тем не менее на мгновение останавливается, и она никак не может объяснить, почему.

– Каштановый человечек... Может, его допросить?

Хесс смотрит на Ту́лин невинным взглядом. Полицейский юмор классического типа, по всей вероятности, высоко котируется в Европоле, и Найя предпочитает не отвечать. Они с Генцем обмениваются взглядами, но тут к нему подходит с вопросом один из его сотрудников. Хесс лезет в карман куртки за вновь зазвонившим мобильником. Со стороны дома доносится свист – это полицейский, которому стало плохо при виде трупа, подает знак Ту́лин, чтобы она подошла. Найя поднимается. Оглядывает детскую площадку, окаймленную деревьями с медного цвета листьями. Взгляду ее открываются лишь мокрые качели, детская горка и площадка для паркура, представляющаяся печальной и заброшенной, несмотря на присутствие увязающих в размокшей почве оперов и криминалистов, обыскивающих местность. Ту́лин возвращается к дому. Хесс продолжает говорить по телефону по-французски. А по железке с грохотом проносится очередная электричка.

По пути к центру города в салоне министерского авто Фогель обрисовал программу дня. Министры собираются в Кристиансборге^[5], после чего они всей командой переходят за угол в дворцовую церковь для участия в традиционном богослужении. После службы Розе предстоит поприветствовать своих сотрудников в здании Министерства соцзащиты на улице Хольменс-Канал прямо напротив дворцовой площади Кристиансборга и затем успеть вернуться во дворец на официальное открытие сессии Фолькетинга.

Остаток дня тоже четко распланирован, однако Роза вносит в план некоторые поправки и отмечает их в календаре своего «Айфона». Хотя это вовсе не обязательно – ведь секретарь министра свое дело знает прекрасно, – она предпочитает действовать именно так. Это помогает ей вникнуть в детали, не терять связи с действительностью и чувствовать, что всё у нее под контролем. Тем более в такой день, как сегодня. Но когда автомобиль въезжает на двор Ригсдага, Роза уже больше не слушает Фогеля. На башне дворца развеваются национальные флаги, повсюду на площади паркуется журналистский транспорт, и она разглядывает стоящих под зонтами людей, готовящихся к интервью или делающих подводку к репортажу под осветительными приборами фотографов и телеоператоров.

– Асгер, мы едем дальше, к заднему входу.

Услышав Фогеля, новый водитель кивает, но Роза отвергает предложение своего советника.

– Нет, высадите меня здесь.

Удивленный Фогель поворачивается к ней, и шофер тоже смотрит на нее в зеркало заднего вида, и только теперь она замечает, какое у него серьезное лицо.

– Если я сейчас это не сделаю, они от меня весь день не отстанут. Подвезите меня к входу, и я там выйду.

– Роза, ты уверена?

– Да, уверена.

Машина плавно подъезжает к тротуару, водитель выскакивает из салона и открывает заднюю дверь. Роза выходит и направляется к

большой лестнице Фолькетинга, все вокруг приходит в движение, но словно бы в замедленной съемке: операторы оборачиваются, журналисты устремляются к ней. Она видит море лиц с открытыми ртами и слышит искаженную отрывистую речь.

– Роза Хартунг, минуточку!

Реальность настигает ее, толпа перед нею бурлит, камеры мелькают прямо перед глазами, и градом сыпятся вопросы журналистов. Роза успевает подняться на две ступени; она осматривает толпу, отмечая каждую деталь. Голоса, осветительные приборы, микрофоны, синюю шапочку, натянутую на морщинистый лоб, взмах рукой, пару темных глаз, старающихся следить за всем происходящим из заднего ряда.

– Хартунг, вы сделаете заявление?

– Что вы чувствуете, возвращаясь к работе?

– Можете уделить нам две минутки?

– Роза Хартунг, посмотрите сюда!

Розе прекрасно известно, что ее дела обсуждались на редакционных летучках самых разных средств массовой информации в течение многих месяцев, и уж тем паче в последние дни, но никто из них не ожидал, что им выпадет возможность задать ей вопросы сейчас, и именно поэтому она решила заставить их врасплох.

– Отойдите назад!

Это Фогель, протиснувшийся сквозь строй репортеров, позаботился, чтобы толпа оказалась на некотором расстоянии от Розы. Большинство подчиняются. Хартунг всматривается в лица журналистов, многие из которых ей знакомы.

– Как всем вам известно, это был очень тяжелый для меня период. Я и моя семья благодарны всем за поддержку, которую нам оказывали все это время. Сегодня начинается новая сессия парламента, и настала пора двигаться дальше. Я хочу поблагодарить премьер-министра за оказанное мне доверие. Собираюсь сразу же погрузиться в решение стоящих перед нами политических задач. И, надеюсь, все вы с уважением отнесетесь к моему выбору. Спасибо!

Роза Хартунг начинает подниматься по лестнице вслед за прокладывающим ей дорогу в толпе Фогелем.

– Но, Хартунг, вы готовы к возвращению?

– Как ваше самочувствие?

– Как вы думаете, почему преступник не указал те места, где ваша дочь...

Фогелю удается провести Розу к тяжелым дверям, и когда стоящая на пороге секретарь министра протягивает ей руку, Хакртунг представляется, будто она ступила на сушу с борта едва не погибшего в бушующем море судна.

– Мы тут немножко изменили обстановку, потому что нам новые диванчики поставили, но если ты хочешь сделать по-старому...

– Нет, мне так нравится.

Роза только что вошла в свой кабинет на пятом этаже Министерства соцзащиты. Побывав в Кристиансборге и на последующей службе, она встретила много знакомых, и сейчас ей приятно ощущать отсутствие такого пристального внимания к собственной персоне. Коллеги по кабинету обнимали ее, другие кивали дружески и сочувственно, и она старалась все время двигаться. Только в церкви сосредоточилась на словах епископа. После службы Фогелю пришлось кое с кем переговорить по поводу предстоящих министру встреч, а Роза вместе с ожидавшими ее секретарем и несколькими помощниками перешла через Дворцовую площадь в серо-коричневое здание Министерства соцзащиты. Отсутствие Фогеля никаких неудобств Розе не доставляет, поскольку теперь ей надо сконцентрировать все внимание на встрече с сотрудниками и беседе с секретарем.

– Роза, не знаю даже, как и начать... В общем, придется спросить прямо: как ты себя чувствуешь?

Вот и настало время для этого разговора, но Хартунг прекрасно знает своего секретаря и понимает, что та искренне желает ей только всего самого хорошего. Лю, китаянка по происхождению, замужем за датчанином, у них двое детей, и она, пожалуй, самый добрый человек, с кем Розу когда-либо сводила судьба. И все же Хартунг вновь уклоняется от прямого ответа – так же, как и в Кристиансборге, и в церкви.

– Да нет, ничего. Для моей ситуации чувствую я себя хорошо и собираюсь поскорее включиться в работу. А у вас как дела?

– Замечательно. У младшего вот только колики. А старший... В общем, все о'кей.

– А что это у нас стена такая голая?

Роза замечает, что Лю корит себя за сделанное без согласования с нею.

– Здесь фотографии висели. Но, конечно, тебе самой решать. Вон там некоторые лежат – на них вы все вместе, и я не знала, захочешь ли ты видеть их...

Роза подходит к стоящей у стены коробке, откуда выглядывает краешек фото Кристине.

– Ладно, посмотрю позже. Скажи-ка пока, много ли у меня сегодня времени? Надо кое с кем встретиться.

– Не очень. Тебе предстоит поприветствовать сотрудников, потом речь премьера на официальном открытии, а затем...

– Отлично. Но я хотела бы провести эти встречи сегодня. Накоротке. В перерывах. И совершенно неформально. По пути сюда я пыталась кое-кому написать по электронке, да почта у меня зависла.

– Ну у нас она, к сожалению, частенько зависает...

– Хорошо, позови Энгелльса, я скажу ему, с кем мне хотелось бы встретиться.

– Энгелльса, к сожалению, нет на месте, он уехал по одному делу.

– Сейчас?

Роза смотрит на своего секретаря, и у нее мелькает мысль о том, что, наверное, есть и еще одна причина нервозности Лю. Первый заместитель министра соцзащиты в такой день, как сегодня, обычно в полной боевой готовности ожидает Розу на рабочем месте, и неожиданное его отсутствие представляется ей зловещим знаком.

– Да. Ему пришлось уйти, потому... Ну он сам тебе все расскажет, когда вернется.

– Вернется откуда? Что у вас тут происходит?

– Я точно не знаю. И наверняка все уладится, но я уже сказала...

– Лю, что происходит?

Секретарь министра с несчастным видом отвечает, чуть помедлив:

– Меня это так расстроило... Столько людей прислали тебе такие теплые письма, поддержали тебя, передали самые добрые пожелания, и я не понимаю, как некоторые могут позволить себе такое...

– Позволить что?

– Я сама не видела. Но, думаю, это письмо с угрозами. Я так поняла Энгелльса, что речь идет о твоей дочери.

– Но я говорил с ней по телефону вчера вечером... Я позвонил ей после ужина, и все было как обычно.

Сорокатрехлетний сожитель Лауры Кьер Ханс Хенрик Хауге сидит в кухне на стуле в промокнутом пальто и все так же сжимает в руке ключи от машины. Глаза у него красные, заплаканные, он растерянно глядит через окно на одетые в белое фигуры в саду и у живой изгороди, а потом снова переводит взгляд на Ту́лин.

– Как это произошло?

– Нам пока ничего неизвестно. О чем вы говорили по телефону?

На кухне раздается грохот. Ту́лин косится в сторону сыщика из Европола, который осматривает шкафчики и ящички, и приходит к выводу, что тот обладает способностью раздражать ее, даже не произнося ни слова.

– Да ни о чем особенном. А что говорит Магнус? Я хочу увидеть его.

– Увидите позже. Она говорила что-нибудь, что вас удивило бы? Может, она была чем-то озабочена или...

– Нет, мы говорили только о Магнусе, а потом она сказала, что устала и хочет лечь спать.

Голос Ханса Хенрика Хауге срывается, он плачет. Да, он высок, мощного телосложения, хорошо одет, но вместе с тем производит впечатление человека слабохарактерного, и Ту́лин понимает, что с допросом следует поторопиться, иначе клиент совсем размякнет.

– Расскажите, как долго вы знакомы с нею?

– Полтора года.

– Вы женаты?

Ту́лин замечает, что Хауге потирает кольцо у себя на руке.

– Мы были обручены. Я подарил ей кольцо. Мы собирались зимой в Таиланд и хотели там официально оформить наши отношения.

– Почему в Таиланде?

– Мы ведь оба были в браке до этого. Вот и решили, чтобы на сей раз все произошло по-иному.

– На какой руке она носила кольцо?

- Что-что?
 - Кольцо. На какой руке она носила кольцо?
 - На правой, по-моему... Но почему вы спрашиваете?
 - Я просто задаю вам вопросы, и очень важно, чтобы вы ответили на них. Расскажите, где вы были вчера.
 - В Роскилле. Я разработчик компьютерных программ. И поехал туда на выставку-ярмарку, она открылась во второй половине дня.
 - Значит, вы были не один вчера вечером?
 - Да, с замом нашего шефа. Вернее, я уехал в мотель около десяти часов вечера. И как раз оттуда ей и по-звонил.
 - Почему же вы не поехали сразу домой?
 - Потому что начальство попросило меня остаться там на ночь: у нас была назначена встреча сегодня с утра.
 - Как у вас складывались отношения с Лаурой? У вас были какие-либо проблемы? Или...
 - Нет, нам было хорошо вместе... А что они делают там, в гараже?
- Блуждающий взгляд заплаканных глаз Хауге на сей раз выхватил через окно заднюю стенку гаража, где вышедшие оттуда эксперты в белом как раз закрывали за собой дверь.
- Они пытаются отыскать следы, если, конечно, те остались... Не сможете припомнить, не было ли у Лауры недоброжелателей?
- Хауге смотрит на Тулин отсутствующим взглядом.
- Может быть, вы чего-то о ней не знаете? Может, у нее появился кто-то другой?
 - Нет-нет, ничего такого не было. Но мне бы Магнуса увидеть... Ему надо лекарство принять.
 - А что с ним?
 - Не знаю точно. Вернее... Он прошел курс лечения в Центральной больнице; врачи полагают, что у него какая-то форма аутизма, и прописали ему средство против страха. Магнус – отличный парень, только очень замкнутый, да и потом, ему всего девять лет.
- Голос Ханса Хенрика Хауге снова дрогнул. Тулин собирается продолжить с вопросами, но Хесс опережает ее:
- Вы говорите, что у вас все было хорошо. И никаких проблем не возникало, так?
 - Я уже говорил. Где Магнус? Я хочу видеть его сейчас же.

– А почему вы тогда сменили замок?

Этот невинный и заданный будто бы вскользь вопрос, взятый словно с потолка, заставляет Ту́лин взглянуть на Хесса, вынудившего из ящика кухонного стола бумажку с приклеенными к ней двумя сверкающими ключами.

Хауге смотрит на бумажку непонимающим взглядом.

– Это квитанция из металлоремонта. И здесь написано, что замок был заменен в пятнадцать тридцать пятого октября. То есть вчера во второй половине дня и, соответственно, после того, как вы отправились на ярмарку.

– Ничего об этом не знаю. Магнус несколько раз терял ключи, и мы об этом говорили. Но я не знал, что она это сделала.

Ту́лин поднимается со стула, берет квитанцию из рук Хесса и внимательно разглядывает ее. Она и сама нашла бы ее через несколько минут во время осмотра помещения, но решает воспользоваться моментом, хотя едва сдерживает раздражение.

– Вы не знали, что Лаура Кьер сменила замок?

– Нет, не знал.

– И Лаура ничего не сказала об этом, когда вы говорили с нею по телефону?

– Нет... вернее... нет, по-моему, нет.

– И почему, как вы думаете, она ничего вам об этом не сказала?

– Да наверное, просто потом хотела сказать... Но почему это так важно?

Ту́лин смотрит на него, не отвечая. Ханс Хенрик Хауге тоже уставился на нее своими большими непонимающими глазами. Но вдруг он резко поднимается, сбивая стул на пол, и кричит:

– Вы не можете удерживать меня здесь! Я имею право видеть Магнуса! Я хочу видеть его немедленно!

Чуть помедлив, Найя делает знак стоящему у двери полицейскому.

– Хорошо. Потом мы возьмем у вас слюну на анализ и снимем отпечатки пальцев. Это важно: нам нужно различать следы, оставленные домашними и чужими.

Хауге кивает и исчезает за дверью вместе с полицейским. Хесс снимает пластиковые перчатки, застегивает на молнию куртку и берет оставленную им на пластиковой подставке небольшую дорожную сумку.

– Увидимся в Институте судмедэкспертизы. Кстати, было бы неплохо проверить алиби чувака.

– Благодарю за совет. Постараюсь не забыть.

Хесс невозмутимо кивает и выходит из кухни, едва не столкнувшись с идущим в противоположном направлении полицейским.

– Хочешь поговорить с мальчиком сейчас? Он у соседки, ты можешь увидеть его в окно.

Тулин подходит к выходящему на соседний дом окну и сквозь прореженную по осени живую изгородь всматривается в происходящее на застекленной веранде. Мальчик сидит на стуле за белым столом и возится с чем-то, напоминающим игровую приставку. Он виден ей только в профиль, но и этого достаточно, чтобы отметить: движения его несколько заторможены, а лицо не очень-то одухотворено.

– Он говорит совсем мало, отвечает на вопросы почти всегда односложно, и вообще, судя по всему, у него задержка в развитии.

Слушая полицейского, Тулин разглядывает мальчика, и ее на какое-то мгновение охватывает знакомое и ей чувство глубочайшего одиночества, в пучину которого он погрузился сегодня на долгие годы вперед. Но тут на веранду в сопровождении Ханса Хенрика Хауге входит пожилая женщина, по всей видимости, соседка, и заслоняет собой бедняжку. Разрыдавшийся при виде Магнуса Хауге опускается перед ним на корточки и обнимает его, но мальчик все так же сидит, выпрямив спину, за приставкой и не убирает с нее рук.

– Привести его сюда? – Полицейский с нетерпением ожидает ответа Тулин. – Я спросил...

– Нет, пусть побудут вместе. Но понаблюдай за сожителем. И пусть кто-нибудь проверит его алиби.

Найя отходит от окна, лелея надежду, что дело окажется настолько же очевидным, насколько вырисовывается сейчас. Но на какой-то миг у нее перед глазами возникает маленькая каштановая фигурка из домика на детской площадке. А вдруг с переходом в НЦ-3 придется подождать?..

Из панорамных окон архитектурной мастерской открывается вид на весь город. Рабочие столы представляются небольшими островками суши в огромном помещении с верхним светом; оно кажется как бы перевернутым с ног на голову, потому что глаза всех сотрудников направлены на подвешенный к потолку у одной из стен плоский экран. Стиин Хартунг поднимается по лестнице со своими чертежами как раз в тот момент, когда на новостном канале заканчивается сюжет о прибытии его жены в Кристиансборг. Заметив Стиина, большинство сотрудников быстро делают вид, будто погружены в работу, пока он проходит к своему кабинету. И только его партнер Бьярке встречает коллегу смущенной улыбкой:

– Привет! У тебя есть минутка?

Они проходят в кабинет, и Бьярке закрывает дверь.

– Она молодец – здорово с журналюгами справилась, по-моему.

– Спасибо. Ты с клиентами говорил?

– Да, они довольны.

– Почему ж мы тогда договор до сих пор не подписали?

– Потому что они чересчур перестраховываются. Им, видите ли, еще несколько чертежей нужно... Но я сказал, что тебе потребуется больше времени.

– Сколько?

– Как дела дома?

– Я вполне могу быстро их сделать. Это не проблема.

Стиин расчищает на рабочем столе место для планшеток, однако раздражение его нарастает, ибо партнер все еще не отводит от него взгляда.

– Стиин, ты слишком много берешь на себя. Да ведь все же поймут, если ты чуть отдохнешь и посвятишь больше времени себе самому. Загрузи других. Мы же, черт побери, для этого их и наняли.

– Скажи заказчику, что я представлю уточненный вариант через пару дней. Нам необходимо заключить этот контракт.

– Это не самое важное, Стиин. Ты меня огорчаешь. Я по-прежнему считаю...

– Стиин Хартунг слушает. – Он берет мобильник при первом же сигнале рингтона. Звонящая представляется секретарем его адвоката. Стиин поворачивается спиной к партнеру, намекая, что тому лучше покинуть кабинет. – Да-да, я могу говорить. О чем идет речь?

В отражении огромного панорамного окна Стиин видит, как Бьярке бредет прочь из кабинета.

– Я звоню по поводу нашего разъяснения, которое вы получили, но вам нет необходимости отвечать немедленно. Вы вполне можете подождать, и тому есть немало причин, но так как приближается годовщина события, мы обязаны напомнить вам, что вы вправе поднять вопрос о признании пропавшего без вести человека умершим.

Да, это совсем не то, что он ожидал услышать. Стиин чувствует, как тошнота подступает к горлу, и на мгновение замирает, не в силах пошевелиться и уставясь взглядом в отражение своего лица в залитом дождем окне.

– Как известно, это можно сделать по делам такого рода, когда пропавший не найден. И когда, напротив, нет сомнений в его судьбе. Разумеется, вам самим решать, ставить ли окончательную точку именно сейчас. Мы просто обязаны разъяснить вам ситуацию, и вы сами можете поговорить о...

– Мы согласны.

Голос в трубке на миг умолкает.

– Как я уже сказала, вам совсем не обязательно...

– Если вы пришлете мне бумаги, я подпишу все что нужно и сам поговорю об этом с женой. Благодарю.

Стиин заканчивает разговор. Пара промокших насквозь голубей семенит друг вокруг друга на балконе за окном. Он смотрит на птиц и не видит их. Но стоит ему сделать движение рукой, как голуби тут же вспархивают и, лениво взмахивая крыльями, улетают прочь.

Стиин вынимает бутылочку горькой настойки, выливает ее содержимое в кофейную чашку и лишь потом бросается к своим планшеткам. Он дрожит всем телом, и доставать чертежные принадлежности ему приходится обеими руками. Он знает, что принял верное решение, и ему самому хотелось принять его именно сейчас. Речь вроде бы идет о мелочах, но они-то как раз и важны. Нельзя, чтобы мертвые мешали живым. Именно так они и говорили, все эти

психологи и психотерапевты. И теперь он всеми фибрами своей души ощущает, что они правы.

– Оно пришло сегодня утром на официальный электронный адрес Фолькетинга. Контрразведчики сейчас пытаются выявить отправителя; это им наверняка удастся, но, возможно, для этого потребуется какое-то время. Я сожалею, – говорит Энгелльс.

Роза только что закончила обход министерства, поприветствовала всех сотрудников, и когда вернулась в свой кабинет, Энгелльс уже ожидал ее. Она стоит у окна позади письменного стола, а первый замминистра смотрит на нее сочувствующим взглядом, что для нее совершенно невыносимо.

– Я и раньше получала письма с угрозами. И, как правило, от бедолаг, которым мы не смогли помочь.

– Тут другой случай. Письмо злое... Причем автор использовал видеоматериалы со странички твоей дочери в «Фейсбуке», а она была закрыта, когда Кристине... когда Кристине пропала. И это значит, что письмо прислал человек, который интересовался тобой долгое время.

Роза потрясена рассказом Энгелльса, но она твердо решила не выдавать своих эмоций.

– Я хочу увидеть письмо.

– Его переслали в контрразведку и службу безопасности, и они работают...

– Энгелльс, ты же копируешь все бумаги в семи экземплярах. Я хочу увидеть письмо.

Энгелльс смотрит на нее с укоризной, но все-таки открывает папку для документов, вынимает листок и кладет его на стол. Роза берет листок в руки – и сперва никак не может разобрать, что за цветные фрагменты вкривь и вкось размещены на нем. Но потом все становится понятно. Она узнает прекрасные селфи Кристине. Вот она смеется, лежа в мокрой от пота гандбольной форме на полу спортзала. Вот едет на своем новом горном велосипеде. Вот играет с Густавом в снежки. А вот одевается перед зеркалом в ванной комнате. Несколько фотографий, и на каждой из них Кристине радостна и весела. Розой овладевают тоска и печаль. И тут в глаза ей бросается надпись с

угрозой в ее адрес: «Поздравления с возвращением! Ты умрешь, шлюха!»

Сделанная красным цветом надпись расположена дугой над фотографиями, и послание приобретает еще более зловещий смысл потому, что написано оно неуверенным детским почерком. И Розе приходится приложить немалые усилия, чтобы голос ее звучал как обычно.

– Раньше я тоже получала письма от сумасшедших. И, как правило, ничего такого они не значат.

– Да, но вот это...

– Я не дам себя запугать. Я буду заниматься своим делом, а контрразведка пусть занимается своим.

– Мы все считаем, что тебе необходима охрана. Они тебя защитят, если...

– Нет, никакой охраны мне не надо.

– Но почему?

– Потому что, думаю, в этом нет никакой необходимости. Послание само по себе есть цель, а не средство достижения. Оно написано каким-то несчастным, который просто прячется за ширмой; да и кроме того, дома нам все это прямо сейчас совсем ни к чему.

Энгелльс смотрит на нее с некоторым недоумением, как всегда в тех редких случаях, когда она в беседе с ним затрагивает свою личную жизнь.

– Нам сейчас нужно, чтобы все было как обычно, и тогда мы сможем двигаться дальше.

Первый замминистра собирается что-то сказать, и Роза понимает, что он с нею не согласен.

– Энгелльс, я очень ценю, что ты так заботишься обо мне, но если у тебя больше ничего нет, я, пожалуй, пойду в зал – хочу успеть на речь премьера на открытии сессии.

– Ладно. Я сообщу им о твоём решении.

Роза направляется к двери, где ее уже ожидает Лю. Энгелльс смотрит ей вслед, и Хартунг чувствует, что он простоит в кабинете еще долго после ее ухода.

Длинное прямоугольное здание с примыкающей часовней расположено на весьма оживленной улице, связывающей Нёрребро и Эстербро. Жизнь кипит прямо у входа. Проезжают автомобили, торопятся куда-то прохожие, а со спортивных площадок и полос для скейтбордистов находящегося в двух шагах Фэлледпаркена доносятся веселые голоса. Но в самом длинном здании с четырьмя совершенно стерильными прозекторскими и холодильными камерами в подвале невозможно удержаться от мыслей о смерти и мимолетности всего сущего. И оттого место это представляется каким-то inferнальным. Ту́лин неоднократно бывала раньше в Институте судебной экспертизы, и всякий раз, лишь входя в него, она уже ждет не дожидается, когда снова выйдет на улицу через вращающиеся двери в конце длинного коридора. Найя только что закончила осмотр трупа Лауры Кьер и теперь пытается дозвониться до Генца. Автоответчик криминалиста вновь и вновь предлагает ей оставить сообщение после сигнала. Ту́лин прерывает вызов и снова набирает его номер. По Генцу вообще-то вполне можно сверять часы, и Ту́лин ранее никогда не приходилось видеть, чтобы он не появился в условленный срок. И никогда ранее не случалось, чтобы он не ответил на ее звонок. Генц обещал передать ей распечатки электронной корреспонденции Лауры Кьер, а также информацию об эсэмэсках и телефонных разговорах до пятнадцати часов, но сейчас уже за половину четвертого, а от него ни слуху ни духу.

* * *

Осмотр тела не дал повода выдвинуть перспективные для следствия новые версии. Гость из Европола, или откуда он там еще взялся, вовремя, разумеется, не появился, и Ту́лин не стала ждать ни секунды и сразу попросила судмедэксперта приступить к делу. Бренные останки Лауры Кьер располагались на прозекторском столе. Эксперт долго рассматривал свои замечания на экране компьютера и

все бубнил, что сегодня у них сумасшедший день по причине многочисленных ДТП из-за обрушившегося на город ливня. Но потом все-таки соблаговолил начать свои объяснения. Судя по содержимому желудка, ужин потерпевшей состоял из тыквенного супа, салата из брокколи с курицей и следовавшей затем чашкой чая; впрочем, не исключено, что чай был выпит до еды. Ту́лин попросила его перейти к той части заключения, данные которой могло бы так или иначе использовать следствие. Эксперт всегда реагировал довольно резко на такого рода просьбы: «Ту́лин, это все равно что попросить Пера Киркебю^[6] объяснить смысл своего произведения», – однако она настояла на своем. День пока что не принес ответов, на которые рассчитывала Найя, и пока судебный медик зачитывал свои записи, стук дождя по крыше здания создавал у нее ощущение, будто она находится в гробу.

– На теле масса кровоподтеков и рваных ран. Жертве было нанесено до пятидесяти-шестидесяти ударов каким-то орудием из стали или алюминия. Что это за орудие, я сказать не могу, но, судя по характеру ранений, оно снабжено на конце шаром размером с кулак, а шар, в свою очередь, тесно усеян небольшими двух-трехмиллиметровыми иглами.

– Что-то вроде булавы?

– В принципе да, но это *не* булава. Я думаю, это может быть какой-то садовый инструмент, но конкретнее ничего не скажу. Ленты на запястьях свидетельствуют, что жертва была лишена возможности сопротивляться. Помимо этого, она неоднократно падала, что повлекло за собой дополнительные повреждения.

Многое было известно Ту́лин из утреннего разговора с Генцем, и потому ее более всего интересовало, не найдены ли следы причастности к преступлению Ханса Хенрика Хауге.

– И да и нет, – последовал раздраженный ответ эксперта. – По результатам предварительного исследования, на ее трусах и женской сорочке и теле обнаружены его волоски и ДНК, но не в большом количестве, чем можно было ожидать, если верно, что они спали в их двуспальной кровати.

– Изнасилование?

Однако медик отверг эту возможность и тем самым вообще сексуальный мотив: «Если только не предположить, что в основе

извращенного возмездия лежало удовлетворение сексуального влечения».

Тулин попросила эксперта развить это замечание, и тот указал, что Лаура Кьер подверглась пыткам.

– Истязая жертву, преступник, разумеется, видел, какие муки она претерпевает. Если б он просто хотел убить ее, то вполне мог бы сделать это гораздо быстрее. Она, по-видимому, несколько раз теряла сознание за время экзекуции, а по моей оценке, он истязал ее в течение минут двадцати, пока не нанес удар в глаз, собственно говоря, и повлекший наступление смерти.

Изучение раны на правой руке, образовавшейся при отсечении кисти, также не привело к выявлению новых следов. Подводя итоги, судебный медик сообщил, что такого рода ампутации встречаются в рокерской среде, хотя у них, как правило, отчлениют несколько пальцев в качестве уплаты долга, причем для этих целей обычно используются ножницы для резки мяса и костей, пила для их распиловки, самурайский меч или что-то похожее. То есть инструменты, в данном случае точно не применявшиеся.

– А как насчет садовых ножниц или секатора?

– Нет, могу с уверенностью сказать, что речь идет о пиле. Возможно, погружной или дисковой, по всей вероятности, аккумуляторной, если вспомнить, что дело происходило на детской площадке и преступник действовал одной рукой. Кстати, могу предположить, что полотно было с алмазным напылением или чем-то подобным.

– С алмазным напылением?

– Существуют различные пилы; все зависит от того, для каких целей она тебе нужна. Алмазное полотно наиболее прочное; используется, как правило, для распиловки керамики, бетона или кирпичей, и купить его можно в любом магазине стройматериалов. А судя по срезу, преступник отчленил кисть быстро. С другой стороны, это явно было полотно с крупными зубьями, и поэтому срез более грубый и неровный, чем если б он пользовался полотном с мелкими зубьями. Но так или иначе, ампутация, естественно, серьезно ослабила жертву.

Замечание судмедэксперта о том, что Лаура Кьер была еще жива во время ампутации, так подействовало на Найю, что она пропустила

пару следующих предложений мимо ушей, и ей пришлось попросить медика повторить их. Судя по характеру прочих ран, Лаура Кьер затем, будучи в полубессознательном состоянии, попыталась убежать от преступника, но силы постепенно оставляли ее по причине потери крови, и наконец она настолько обессилела, что злодею не составило труда догнать и перенести жертву на место казни перед детской площадкой. Ту́лин на мгновение представила себе, как женщина, преследуемая преступником, бежит в кромешной тьме, и ей вспомнилось, как носилась по двору обезглавленная курица там, на ферме у родителей подруги, где она еще девочкой гостила как-то летом. Прогнав от себя это воспоминание, Найя задала эксперту вопросы о повреждении ногтей, губ и кожи жертвы, но, помимо уже перечисленных, следов прямого контакта с преступником на теле обнаружено не было. Судебный медик, правда, заметил, что в этом в какой-то степени мог быть виноват дождь.

* * *

Подходя к выходу на улицу, Ту́лин в третий раз выслушала генцевский автоответчик, но теперь все же отправила ему краткое, жесткое сообщение, предлагая перезвонить ей как можно скорее. На улице все еще шел ливень, Найя надела пальто и решила, что ждать звонка ей сподручней всего в управлении.

Тем временем поступили подтверждения слов Ханса Хенрика Хауге, который действительно отбыл с выставки-ярмарки вчера вечером примерно в двадцать один тридцать, после того как они с заместителем начальника и еще двумя коллегами из Ютландии выпили по бокалу вина во время беседы о новом сетевом экране. В остальном, однако, алиби Хауге вызывало сомнения. Да, верно, он зарегистрировался в мотеле, но никто не мог подтвердить, что его черный пикап «Мазда-6» простоял на парковке всю ночь. Он вполне мог – по крайней мере, теоретически – успеть доехать до дома в Хусуме и вернуться обратно. Тем не менее это имевшее под собой основание подозрение являлось недостаточным, чтобы подвергнуть его более подробному допросу, а его автомобиль – более тщательному

осмотру. И поэтому Ту́лин так были нужны Генц и результаты его изысканий именно сейчас.

– Извини, пришлось потратить больше времени. – Перед ней внезапно возник Хесс, войдя через вращающиеся двери и оставляя на полу маленькие лужицы. Он встряхнул насквозь промокшую куртку и продолжил: – Пришлось ждать управдома. Всё о’кей?

– Да, всё замечательно.

Не оборачиваясь, Найя выходит на улицу. Дождь по-прежнему льет как из ведра, и чтобы не промокнуть совсем, она быстрыми шагами перемещается в сторону машины, слыша за спиной голос Хесса:

– Не знаю, что тебе удалось нарыть, но я мог бы поговорить с коллегами жертвы или же...

– Все уже сделано, так что забудь об этом.

Ту́лин открывает машину брелком сигнализации, но Хесс преграждает ей путь. Поеживаясь от дождя, он смотрит ей прямо в глаза:

– По-моему, ты не поняла, *что* я сказал. Извини за опоздание, но...

– Я все *поняла*. Ты облажался в Гааге, и кто-то посоветовал тебе засветиться в управлении, пока тебе не дадут зеленый свет и ты сможешь вернуться обратно. Но тебя здесь ничто не обязывает, так что можешь себе прохлаждаться и делать минимум миниморум.

Хесс не двигается с места. Просто стоит и смотрит на нее взглядом, к которому она никак не может привыкнуть.

– У тебя ведь не самое сложное задание было сегодня?

– Я могу облегчить тебе жизнь. Сконцентрируйся на Гааге и квартире, а я ничего не скажу Нюландеру. О’кей?

– Ту́лин!

Найя замечает у входа в институт судмедэксперта под зонтиком.

– Генц говорит, что не может тебе дозвониться, и просит срочно приехать к нему в экспертно-криминалистический.

– Зачем? Он же может просто позвонить!

– Он хочет что-то показать. Говорит, тебе надо увидеть это своими глазами, иначе ты ему не поверишь.

Новое, выстроенное в форме пчелиного улья здание штаб-квартиры экспертно-криминалистического отдела полиции расположено в северо-западной части Копенгагена. На парковке среди берез начинает смеркаться, но в находящихся этажом выше огромного гаража лабораториях все еще вовсю кипит работа.

– Как насчет эсэмэсок, звонков, электронной переписки – вы всё проверили?

– Айтишники пока что ничего существенного не обнаружили, но это и не так важно, как то, что я тебе покажу.

Найя идет вслед за Генцем, который встретил их у входа и подтвердил дежурному статус своих гостей. Хесс настоял, чтобы Тулин взяла его с собой, но, по-видимому, лишь для того, чтобы не пошли разговоры, будто он манкирует своими служебными обязанностями. По пути сюда в машине Хесс бегло просмотрел захваченный Тулин с собой составленный судмедэкспертом протокол осмотра тела убитой, не выказав при этом к тексту особого интереса, и она не сочла нужным обсуждать с ним ход расследования. Тем временем нетерпение ее лишь нарастало, а таинственный ответ Генца еще больше раздразнил любопытство, хотя, дело ясное, ничего нового она не узнает, пока не окажется у него в лаборатории.

Вдоль коридора расположены застекленные кабинеты, где, словно белые пчелы, трудятся за столами эксперты. Целое море кондиционеров и термостатов на стенах поддерживают необходимые для ведущихся в этих стеклянных клетках исследований температуру и влажность воздуха. Именно здесь, в экспертно-криминалистическом отделе, материалы со всех мест преступлений исследуются и оцениваются, с тем чтобы следователи имели возможность принять во внимание массу данных. Зачастую именно с помощью следов физического происхождения определяется направление расследования. За свой не слишком долгий срок пребывания в убойном отделе Тулин узнала, что криминалисты подвергают тщательному изучению такие разные вещи, как предметы одежды, постельное белье, ковры, обои, пищевые продукты, транспортные средства, растения и пробы почвы.

Впрочем, список можно продолжать практически бесконечно. И если судмедэксперты обследуют труп и обобщают все его характеристики, то в задачу криминалистов входит изучение всех следов, оставленных на месте преступления, в том числе и подозреваемыми. Судебно-медицинская и криминалистическая экспертизы – это два краеугольных камня, на которых зиждутся расследование преступления и подготовка доказательной базы, используемой в дальнейшем прокурорами в ходе судебного заседания для обоснования обвинения.

С девяностых годов прошлого века экспертно-криминалистический отдел занимался и так называемыми айтишными следами, для чего был создан специальный подотдел, изучавший принадлежащие жертвам и подозреваемым высокотехнологичные средства связи. С учетом усиления внимания к росту глобальной киберпреступности, хакерских атак и международного терроризма с 2014 года подотдел преобразовывается в НЦ-3, куда Тулин так стремится попасть. Но по причинам практического свойства в экспертно-криминалистическом по-прежнему выполняются более мелкие задачи, имеющие локальное значение, что в данном случае относится к компьютерам и мобильным телефонам из дома Лауры Кьер.

– Другие следы не обнаружены? В спальне, в гараже? – Тулин не терпится узнать хоть что-то новое, и она начинает задавать вопросы сразу, как только они оказываются в огромном помещении, куда их привел Генц.

– Нет, но прежде чем продолжить, мне хотелось бы узнать, могу ли я доверять ему. – Генц закрывает дверь и кивает в сторону Хесса. И хотя Найю в общем-то порадовало, что он так прямо выразил сомнения в отношении личности чужака, фраза Генца и для нее прозвучала неожиданно.

– Что ты имеешь в виду?

– То, что я намерен тебе рассказать, имеет определенный налет сенсационности, и я не желаю рисковать, на случай если информация эта просочится куда не следует. Ничего, как говорится, личного. Надеюсь, ты меня понимаешь?

Последний вопрос был обращен к Хессу, который, однако, и бровью не повел.

– Нюландер включил его в команду. И раз уж он здесь реально присутствует, я исхожу из того, что мы можем ему доверять.

– Именно это я и имел в виду.

– Я за него ручаюсь. Ладно, давай рассказывай, что там у тебя.

Помедлив мгновение, Генц поворачивается к своей клавиатуре и начинает быстро набирать код доступа, а другой рукой берет лежащие на столе очки для чтения. Таким Ту́лин его раньше не видела. Он одновременно и совершенно серьезен, и весьма взволнован. Впрочем, она ожидает увидеть более весомую причину такого его состояния, нежели появившийся на висящем над его впечатляющим своими размерами письменным столом экране высокой четкости изображения отпечатка пальца.

– Я обнаружил это случайно. Мы ведь сняли все отпечатки там, где было найдено тело, то есть на детской площадке, на случай если преступник опирался на стойку, поранился о гвоздь и тому подобное. Отпечатков там немерено, и оставлены они, по-видимому, игравшими на площадке и в домике детьми. И по той же причине мы – как, впрочем, это и предписано правилами – проверили и фигурку из каштанов, потому что она находилась относительно близко к труп.

– И что здесь такого важного?

– Этот отпечаток остался на нижней части фигурки, то есть на той части, которую можно назвать телом. И он оказался единственным. Не знаю, насколько вы в этом сечете, но когда речь идет о сравнении отпечатков, то обычно мы ищем десять фрагментов для идентификации. Что же до этого конкретного отпечатка, то мы выявили лишь пять фрагментов, поскольку он смазан. Но и пяти, в принципе, тоже достаточно. Во всяком случае, так было в нескольких судебных делах, когда...

– Достаточно для чего, Генц?

Тот уже показал эти пять фрагментов на отпечатке с помощью электронного карандаша и цифровой доски на письменном столе, но, услышав вопрос, отложил карандаш в сторону и посмотрел на Ту́лин.

– Извини. Достаточно для того, чтобы утверждать, что отпечаток на каштановом человечке – по пяти фрагментам – идентичен отпечаткам пальцев Кристине Хартунг.

Сказанное настолько ошеломило Ту́лин, что у нее перехватило дыхание. Она, конечно, не могла знать заранее, что скажет Генц, но, по

крайней мере, ожидала услышать нечто, что принадлежит к той же солнечной системе, что и она сама.

– Соответствие выявил компьютер, по мере того как идентифицировал все пять фрагментов. Процесс полностью автоматизирован, так как материал для сравнения находится в базе данных многих тысяч отпечатков с прошлых дел. Обычно опираются на большее количество фрагментов. Чаще всего речь идет о десяти, но, как я уже сказал, считается, что и пяти достаточно для...

– Но ведь Кристине Хартунг предположительно мертва. – Тулин завелась и продолжает раздраженным тоном: – Следствие установило, что она была убита почти год назад. Дело раскрыто, и преступник осужден.

– Мне это прекрасно известно. – Генц снимает очки и смотрит на нее. – Я же говорю только, что отпечаток...

– Значит, это ошибка.

– Это не ошибка. Я проверял все снова и снова целых три часа, потому что не привык утверждать то, в чем не до конца уверен. А вот теперь я уверен абсолютно. По пяти фрагментам полное соответствие.

Хесс все это время пребывал как бы на заднем плане и возился со своим мобильником, но тут он поднимается со своего места, и по его виду Тулин понимает, что европоловец насторожился. Генц сдержанным тоном объясняет ему, по какой дактилоскопической системе он работает, и Хесс говорит, что точно такой же системой для идентификации личности по отпечаткам пальцев пользуются в Европоле. Генц прямо-таки расцветает: никак он не ожидал, что гостю знакома эта методика, однако тот не разделяет его энтузиазма, но зато задает неожиданный для остальных участников беседы вопрос:

– А кто такая Кристине Хартунг?

Тулин отрывает взгляд от отпечатка пальца и заглядывает ему в разного – голубого и зеленого – цвета глаза.

Дождь перестал, но футбольные поля вокруг спортивного зала все так же пустынные. Он видит, как одинокая фигурка проходит между деревьев и направляется через поля, мокрое искусственное покрытие которых сверкает под светом прожекторов. И только когда минует последние ворота и приближается к бетонному ограждению пустой парковки, он убеждается, что это и вправду она. Девочка одета точно так же, как и в тот день, когда пропала, и походка ее знакома ему до боли – по этой походке он всегда узнает ее среди тысяч других детей. Увидев его машину, она сразу же бросается к ней, шапочка падает на землю, луч прожектора выхватывает ее лицо, и он видит ее широкую улыбку. Щеки у нее покраснели от холода, он уже чувствует ее запах и предвкушает, как обнимет ее, когда она прижмется к нему. Она громко смеется и подзывает его к себе, что столько раз происходило ранее, и сердце его готово разорваться, когда он распахивает дверцу, прижимает девочку к груди и начинает крутиться вместе с нею вокруг себя...

– Ты о чем задумался? Поехали.

Задняя дверца с треском захлопывается. Стиин Хартунг просыпается, не совсем понимая, что происходит. Он задремал, сидя за рулем и прижавшись щекой к окну. Сын в тренировочном костюме расположился на заднем сиденье со своими сумками и ракетками. Мимо них проезжают на велосипедах другие дети, поглядывая на Стиина через окно и пересмеиваясь друг с другом.

– Ты закончил?..

– Поехали!

– Сейчас, только ключи найду.

В поисках ключей Стиин открывает дверцу, в салоне загорается свет, и наконец он находит связку, валявшуюся на коврике под рулем. Сын же его глубоко вжимается в кресло и сидит в такой позе, пока мимо проезжают другие дети.

– А, вот они, – Стиин захлопывает дверцу машины. – Хорошо прошла тре...

– Ты больше не забирай меня, ладно?

- Что ты имеешь в виду?
- Весь салон провонял.
- Густав, я не знаю...
- Я тоже по ней тоскую, но я ведь не пью!

Стиин останавливает машину. Он смотрит на деревья и словно бы ощущает вес мертвых мокрых листьев, падавших на его могилу. В зеркало заднего вида ему видно лицо сына, уставившего в окошко тяжелый взгляд. Ему всего одиннадцать, и фраза его, по идее, должна была бы прозвучать комично, но Стиина она вовсе не рассмешила. Он хочет сказать, что мальчик ошибается, и громко и искренне рассмеяться, пошутить, чтобы сын расплылся в улыбке, – ведь он перестал улыбаться с той поры, как Стиин начал пить.

– Прости... Ты прав.

Взгляд Густава не меняется. Он просто разглядывает пустую парковку.

– Я неправильно себя вел. Я соберусь и наверняка...

В ответ опять молчание.

– Я понимаю прекрасно, ты мне не веришь, но я так и сделаю. Последнее, чего бы я хотел, так это чтобы ты огорчился из-за меня. О'кей?

– А можно я с Калле поиграю до ужина?

Калле – лучший друг Густава, да и живет он на их улице.

– Да-да, конечно.

– И что дальше?

– А дальше в дело вступила оппозиция. Они просто рвали и метали. Помнишь ту, в роговых очках, из «Единого списка»?^[7]

Стиин стоит у газовой плиты, пробует готовящееся блюдо и с улыбкой кивает. Фоном играет радио. Роза наливает в бокал красное вино и собирается налить и ему, но он останавливает ее жестом.

– Это та, что надралась на рождественском обеде? Которую домой отправили?

– Да, именно она. Вдруг поднялась с места в центре зала и принялась поливать премьера, а председатель Фолькетинга попытался заставить ее сесть на место, однако безуспешно. Но тут она и на *председателя* накинулась. А еще раньше отказалась встать, когда в зал вошла королева, за что половина парламента стала ей ухать. Ну а под конец до того распалилась, что отбросила свои бумаги, и те вместе с ее ручкой и очешником разлетелись по всему залу.

Роза рассмеялась, и Стиин улыбнулся ей в тон. Он уже и не помнил, когда они в последний раз вот так мирно беседовали на кухне, но ему представлялось, что было это давным-давно. Он выбросил из головы все, о чем ему было невыносимо думать и что могло бы огорчить ее. Их взгляды, в которых еще не погасла улыбка, встретились, и целое мгновение они молчали.

– Я так рад, что у тебя выдался удачный день...

Она кивает и делает глоток вина – слегка поспешный, на его взгляд, – но по-прежнему улыбается.

– Да, кстати, ты не слышал о новом спикере фракции Датской народной партии?

Раздается звонок ее мобильного телефона, лежащего на кухонном столе.

– Ладно, я потом тебе расскажу. А пока переоденусь и заодно поговорю с Лю о завтрашней докладной.

Роза берет телефон и, поднимаясь по лестнице на второй этаж, начинает разговор. Стиин высыпает рис в кипящую воду, и в этот момент звонит дверной звонок. Это его ничуть не смущает – наверняка

Густав возвращается от Калле и не желает рыться в карманах в поисках своего ключа...

Дверь в громадную виллу открылась, и, увидев лицо Стиина Хартунга, Ту́лин сразу же пожалела, что они сюда заявились. На нем передник, в руке дециметровая мерка с оставшимися на дне рисинками – дело ясное, отпирая дверь, он совсем не ожидал увидеть на пороге их с Хессом.

– Вы – Стиин Хартунг?

– Да.

– Извините за беспокойство. Мы из полиции.

Хартунг меняется в лице. Точно у него что-то сломалось внутри или он словно возвратился к действительности, о существовании какой-то на миг позабыл.

– Вы разрешите войти?

– А что случилось?

– Мы буквально на минутку. И будет лучше, если мы поговорим внутри.

Ту́лин и Хесс смущенно оглядываются в гостиной, не говоря ни слова. В темноте за большими дверями застекленной веранды скрывается сад. Обеденный стол под большой лампой дизайна Арне Якобсена^[8] накрыт на три персоны, из кухни доносится запах специй для горячего блюда. У Ту́лин внезапно возникает желание бежать отсюда куда глаза глядят, пока к ним не вернулся хозяин дома. Покосившись на стоящего к ней спиной спутника, она лишний раз убеждается, что рассчитывать на его помощь не приходится.

Закончив беседу с Генцем в экспертно-криминалистическом отделе, Найя позвонила Нюландеру, который ответил раздраженным тоном, так как звонок застал его на совещании. Впрочем, настроение у него не улучшилось и после того, как она рассказала, по какой причине звонит. Нюландер сперва не поверил ей, заявил, что это ошибка, и настаивал на своем, пока до него не дошло, что Генц перепроверил все сто семнадцать раз. Несмотря на общее отрицательное впечатление от обстановки в отделе, Ту́лин прекрасно понимала, что Нюландер далеко не дурак, и почувствовала, насколько серьезной он посчитал

полученную от нее информацию. Он предположил, что наверняка имеется какое-то логическое объяснение случившемуся, какая-то естественная связь, им пока не известная, и именно поэтому отправил их к Хартунгам прояснить некоторые детали.

По дороге в машине Хесс не был особенно разговорчив. Тулин вкратце рассказала ему о деле Кристине Хартунг. Оно было открыто еще до того, как она поступила на работу в отдел, но, само собой разумеется, являлось предметом пересудов как в управлении, так и в средствах массовой информации еще долго после его закрытия. Да, в общем-то, оставалось таким и до сих пор. Двенадцатилетняя Кристине Хартунг, дочь Розы Хартунг, политика и министра соцзащиты, как раз сегодня совершившей свой политический камбэк, пропала без вести почти год назад, когда возвращалась домой после тренировки. Ее сумка и велосипед были брошены в леске. А несколько дней спустя полиция задержала молодого программиста Линуса Беккера. У него уже было несколько судимостей за преступления на сексуальной почве, к тому же против Беккера свидетельствовал ряд прямых и косвенных улик. На допросе в Копенгагенском управлении полиции он признался, что изнасиловал Кристине Хартунг, а затем задушил ее и в ту же ночь расчленил тело мачете, впоследствии найденном со следами крови девочки в его гараже. По его собственному признанию, он захоронил останки жертвы в нескольких лесных районах Северной Зеландии, однако Линус Беккер, у которого диагностировали параноидальную шизофрению, оказался не в состоянии точно указать эти места полиции, и по прошествии еще двух месяцев потребовавшие огромных усилий и человеческих ресурсов поиски были прекращены, так как наступившие холода сделали их продолжение невозможным. Весной при огромном внимании средств массовой информации суд назначил Линусу Беккеру самое суровое из всех возможных наказание, а именно принудительное лечение в специальном отделении психиатрической больницы на неопределенное время. Это означало, что преступник проведет в заключении лет пятнадцать-двадцать, а то и больше.

Найя услышала, как в кухне выключили радио, и Стиин Хартунг вернулся в гостиную.

– Моя жена наверху, и если вы пришли, чтобы... – Он останавливается, пытается подобрать слова. – Если вы что-то нашли...

То я хотел бы первым услышать это от вас, а жене я...

– Нет, мы пришли по другому поводу.

Хозяин дома смотрит на нее вопрошающим взглядом. С одной стороны, он вроде бы чувствует облегчение, а с другой – все так же насторожен.

– Во время осмотра места одного преступления мы сегодня обнаружили некий предмет, на котором, по всей видимости, оставлены отпечатки пальцев вашей дочери. Если же говорить конкретно, речь идет о так называемом каштановом человечке. У меня с собой фото этого предмета, и я хотела бы, чтобы вы на него посмотрели.

Стиин Хартунг рассматривает фото в руках Тулин и переводит на нее растерянный взгляд.

– Мы не на сто процентов уверены, что это именно *ее* отпечатки. Но тем не менее вероятность настолько велика, что нам необходимо получить разъяснение, каким образом они там могли оказаться.

Стиин Хартунг берет положенную Тулин на стол фотографию.

– Не понимаю. Отпечатки пальцев?!

– Именно так. Предмет был найден на детской площадке в Хусуме. Если быть совсем точной, по адресу Седервай, семь. Известны ли вам адрес или детская площадка?

– Нет.

– А что вы можете сказать о женщине по имени Лаура Кьер? Или ее сыне Магнусе? Или Хансе Хенрике Хауге?

– Ничего.

– Но, может быть, ваша дочь была знакома с этой семьей? Или с другими жителями этого района? Может быть, она играла там со знакомыми? Или навещала кого-либо?

– Нет, мы ведь там не живем. Никак не могу взять в толк, что бы все это значило...

Тулин на миг задумывается, но тут же находит ответ:

– По-видимому, все-таки есть какое-то логичное объяснение. Если ваша жена дома, не могли бы мы задать ей вопрос...

– Нет, я не разрешаю вам допрашивать жену. – Стиин Хартунг смотрит на них враждебным взглядом.

– Сожалею, но нам необходимо получить разъяснения.

– А мне это абсолютно до лампочки. Вы не будете говорить с моей женой. Она скажет вам то же самое, что и я. Мы никакого

понятия не имеем, с какой стати отпечатки оказались там, и место, которое вы назвали, нам неизвестно, и вообще не понимаю, какого черта этот вопрос вас так волнует!

Стиин вдруг замечает, что взгляды Ту́лин и Хесса направлены куда-то ему за спину. Это жена его спустилась по лестнице и наблюдает за ними из холла.

На мгновение в помещении воцаряется тишина. Роза Хартунг входит в гостиную и берет в руки фото, которое ее муж в гневе швырнул на стол. У Найи вновь возникает желание бежать из этого дома куда подальше, и она со все большим раздражением думает о Хессе, который все это время простоял у нее за спиной, не вымолвив ни слова.

– Простите за беспокойство. Мы...

– Я все слышала.

Роза Хартунг рассматривает фотографию каштанового человечка и, кажется, надеется что-то на ней отыскать. Однако муж ее, судя по его виду, готов указать непрошеным визитерам на дверь.

– Они сейчас уйдут. Я сказал им, что нам ничего неизвестно. Благодарю за визит.

– Она продавала их у шоссе.

Стиин Хартунг останавливается на пороге и обращает взгляд на жену.

– Каждую осень. Вместе с Матильде, девочкой из ее класса. Обычно они собирались здесь и делали массу...

Роза Хартунг переводит взгляд с фотографии на мужа, и Ту́лин по его лицу догадывается, что он тоже вспомнил это.

– То есть как это – продавала?

– Они устраивали небольшой импровизированный киоск. И продавали фигурки прохожим и водителям, которые останавливались возле них. Они ведь еще и пирожные пекли, и водичку фруктовую делали. И все это можно было купить вместе с фигуркой...

– И в прошлом году – тоже?

– Да... Вот за этим столом они и сидели. А каштаны собирали в саду. Им это жутко нравилось. Летом они устраивали блошинный рынок, но... Но ей казалось, что осенью дело шло веселее, если у них находилось время делать фигурки вместе. Я все прекрасно помню,

потому что это случилось в предпоследний ее уик-энд... Но почему это так важно?

– Нам просто надо прояснить некоторые детали. В связи с совсем другим делом.

Роза молчит. Муж ее стоит рядом с ней, и кажется, будто оба они находятся в свободном падении. Хесс тоже молчит. Ту́лин хватается за фото, точно за спасательный круг:

– Большое спасибо. Мы выяснили все, что необходимо. Простите за вторжение.

Найя бросает взгляд на Хесса в зеркало заднего вида, жмет на газ и отъезжает. Когда она открывала машину на выезде с участка, он оглянулся и, посмотрев на виллу, сказал, что ему лучше пройтись. Что ее весьма порадовало. Выехав из квартала, она поворачивает на первую отходящую от главной дороги улицу и на обратном пути в город дважды звонит по телефону. Сперва – Нюландеру, который тут же взял трубку; явно ждал ее звонка. Фоном Найя слышит голоса его жены и детей и чувствует, что он доволен результатами их визита к родителям Кристине Хартунг. В конце разговора он снова подчеркивает, что информация сугубо конфиденциальна и нельзя допустить, чтобы СМИ раздули из этого сенсацию во вред Хартунгам, но Ту́лин его уже почти не слушает, поскольку сама давно поняла это.

Потом она звонит тому, чье фото значится под номером три на семейном дереве и кого дочка ее называет дедом, – всегда все понимающему и крепкому духом Акселю, которому Найя обязана всем. Она рада слышать его спокойный голос, а он рассказывает, что они играют в какую-то сложную южнокорейскую компьютерную игру, в которой он не смыслит ни уха ни рыла. Ле спрашивает из-за его плеча, может ли она переночевать у деда, и Ту́лин дает разрешение, хотя ей и не очень улыбается провести нынешний вечер в одиночестве. Аксель чувствует это по ее голосу, и она спешно заверяет его, что у нее всё в порядке, и заканчивает разговор. Через окошко машины наблюдает, как жители столицы целыми семьями разбредаются по домам после похода по магазинам, ощущает, что внутри ее растет ощущение тревоги, и старается избавиться от него. Девочка продает каштанового человечка в киоске у дороги, а потом фигурка случайно оказывается в домике на детской площадке где-то в Хусуме... Нет, хватит, пора на сегодня с этим завязывать. Ту́лин принимает решение и поворачивает в сторону Большой Королевской улицы.

Пожилой мужчина в меховой шубе с маленькой собачкой на руках выходит на улицу и подозрительно оглядывает молодую женщину, проскользнувшую в подъезд, не позвонив по домофону. Она поднимается по широкой лестнице, на площадках которой располагаются настоящие хоромы. Поднявшись на третий этаж, женщина слышит доносящуюся из квартиры музыку, стучит в дверь всего лишь раз и, не дожидаясь ответа, открывает ее и осторожными шагами входит в огромную прихожую. Себастьян стоит с мобильником в руке; он только что закончил разговор и теперь улыбается, радуясь ее неожиданному появлению. На нем по-прежнему костюм – по-видимому, единственная признанная в его семье форма одежды.

– Приветик!

Тулин сбрасывает с себя пальто.

– Раздевайся, у меня всего полчаса.

Она расстегивает молнию у него на ширинке и начинает снимать ремень, но тут вдруг слышит приближающиеся шаги.

– Где у тебя штопор, мой мальчик?

В дверях появляется пожилой мужчина с резкими чертами лица; в его руках бутылка вина. Музыка заканчивается, и до Тулин доносится какофония голосов из гостиной.

– Это мой отец. Отец, а это Найя. – Себастьян, все так же улыбаясь, представляет их друг другу, а тем временем через прихожую в кухню проносятся несколько играющих в салки детишек.

– Рад увидеться с тобой. Дорогая, подойди сюда...

Тулин не успевает оглянуться, как ее окружают мать Себастьяна и другие члены его семьи. Трижды попытавшись отказаться от приглашения, она наконец понимает, что ей придется остаться на ужин.

На улице моросит, и люминесцентные лампы на стоянке для велосипедов освещают баскетбольную площадку лишь с одной стороны. Промокшие детишки с ближневосточными чертами лица на мгновение останавливаются, глядят вслед проходящей мимо фигуре, а потом вновь возвращаются к игре. В районе Парка Одина на Внешнем Нёрребро бледнолицых жильцов раз-два и обчелся, и когда здесь появляется этнический датчанин, на него всегда обращают внимание. Чаще всего это полицейские, в форме или в гражданском, но они, как правило, бывают здесь по двое, и никогда в одиночку, как вот этот мужчина, бредущий с пакетом еды навынос в руке к дому на окраине жилого комплекса. Хесс поднимается по лестнице на четвертый этаж и по внешней галерее проходит к последней квартире. У всех других дверей выставлены мешки с мусором, велосипеды и всякий хлам, в одном месте из приоткрытого окна доносятся говорящие по-арабски голоса и запахи экзотических специй, что наводит Хесса на воспоминания о тунисском квартале в Париже. У последней на этаже двери с табличкой 37С стоят выдавший гораздо лучшие времена садовый столик и шаткий пластиковый стул. Хесс останавливается перед ней и достает ключ.

В двухкомнатной квартире темно, и он зажигает свет. Его скромная дорожная сумка стоит у стены, там, где он ее и оставил, когда сегодня днем получил ключ у администратора жилого комплекса. Последнее время квартиру снимал некий боливийский студент, однако молодой человек в апреле отбыл на родину, и с тех пор, по словам администратора, сдать хессовское жилье не было никакой возможности. Что, наверное, не так уж и странно. В совмещенной с кухней гостиной стол, два стула, небольшой кухонный гарнитур с газовой плитой на две конфорки; пол неровный, со щербинами, и четыре голые стены в грязных разводах. И никаких принадлежащих лично ему вещей, кроме разве что старого, знавшего лучшие дни телевизора, который, несмотря на свою аналоговую сущность, по-прежнему работает, так как подключен к общему кабельному каналу товарищества собственников жилья.

Ему было совершенно ни к чему обустроить квартиру, ведь Хесс практически никогда здесь не жил, а квартплату и коммунальные услуги оплачивали наниматели, почему эта конура и оставалась в его собственности. Хесс снимает пиджак и вешает его на спинку стула для просушки, кладет на стол пистолет в кобуре и сигареты. В третий раз за последние полчаса он набирает известный только им двоим номер Франсуа, но тот по-прежнему не отвечает, а Хесс не оставляет ему сообщения.

Сев за стол, он вскрывает упаковку с вьетнамской едой и включает телевизор. Поглощая куриный суп с лапшой, переключает каналы, каковых у него в изобилии. Наконец ему попадаетея новостная программа, показывающая эпизоды с появлением Розы Хартунг в Кристиансборге, в то время как закадровый голос пересказывает историю ее пропавшей дочери, ставшей жертвой Линуса Беккера. Хесс продолжает переключать каналы и находит научно-популярную передачу о южноафриканских пауках, отличающихся тем, что они пожирают свою мать, едва появившись на свет. Пауки ему, разумеется, совершенно по фигуре, но зато не отвлекают от мыслей о том, как поскорее вернуться в Гаагу.

* * *

Несколько последних дней выдались для Хесса весьма драматичными. В прошлый уик-энд его отстранили от исполнения служебных обязанностей, и сделал это его новый шеф в Европоле, немец по фамилии Фрайманн. Пусть и не совсем неожиданно, но все же реакция начальника представлялась чересчур эмоциональной. Во всяком случае, по мнению Хесса. Слухи об этом решении просочились на разные этажи системы и быстро достигли Копенгагена, и уже в воскресенье вечером ему поступил приказ вернуться домой на ковер к тамошнему руководству. На совещании в управлении в понедельник утром датские руководители не слишком-то поверили в его версию произошедшего и напомнили, что случившееся совсем не ко времени, если учесть ухудшение отношений между датской полицией и Европоллом после пресловутого общенационального референдума, когда датчане проголосовали против укрепления сотрудничества с

Евросоюзом в области юстиции. Иными словами, Хесс не поспособствовал улучшению связей, которые и так-то существуют лишь по милости Европола. Один из начальников даже подчеркнул, что он фактически разбередил еще до конца не затянувшуюся рану.

Хесс постарался скорчить виноватую мину, вслед за чем ему предъявили список его прегрешений: нарушение дисциплины, выразившееся в пререканиях с вышестоящим начальством, неявки на работу, лень, пьянство и загулы в европейских столицах, а также то, что он якобы выдохся и исчерпал себя в профессии; впрочем, последнее утверждение стало уже общим местом. Он возразил, дескать, все это всего лишь буря в стакане воды, и выразил уверенность, что результаты служебной проверки окажутся в его пользу. Мысленно Хесс уже находился на борту самолета, вылетающего в Гаагу рейсом в 15.55, на который даже зарегистрировался. И, если ему повезет и рейс не задержится, он успеет бросить свое брэнное тело на диван в доме на Зеекантштраат до начала отложенного матча Лиги чемпионов между амстердамским «Аяксом» и дортмундской «Боруссией». Но тут взорвалась бомба. И до выяснения всех обстоятельств его дела ему было предписано с утра следующего дня исполнять обязанности следователя по прежнему месту работы, то есть в отделе по расследованию преступлений против личности.

По большому счету Хесс из вещей ничего с собой в Копенгаген не взял. Перед отъездом он швырнул в дорожную сумку только самое необходимое и после неудачного для себя совещания отправился зализывать раны в одну из более или менее дешевых гостиниц, принадлежащих пиетистам^[9], в районе Главного вокзала, которую он покинул, полагая, что навсегда, с утречка пораньше. Сперва позвонил своему напарнику Франсуа, объяснил ему ситуацию и заодно узнал прогноз погоды в Гааге. Франсуа – лысоватый француз сорока одного года, уроженец Марселя, полицейский в третьем поколении, сыщик до мозга костей, но необычайно милый и приятный человек, единственный среди коллег, которому Хесс склонен был доверять. Франсуа рассказал, что проверка началась и он будет держать Хесса в курсе расследования и по мере возможности прикрывать его. Кроме того, предложил координировать действия, с тем чтобы рапорты не оставляли впечатления, будто их авторы находятся в сговоре. И

поскольку речь шла о расследовании дела государственного служащего и их телефонные переговоры могли прослушиваться, они договорились обзавестись новыми мобильниками или симками, чтобы избежать прослушки. Переговорив с Франсуа, Хесс выпил банку пива и попробовал дозвониться до администратора жилого комплекса, у которого хранился ключ от его квартиры. Зачем платить за гостиницу, когда имеешь в городе собственное жилье? Однако телефон в конторе администратора не отвечал, и он, даже не раздевшись, заснул на гостиничной койке и проспал вплоть до начала футбольного матча, в котором амстердамский «Аякс» потерпел позорное поражение от немцев со счетом 0:3.

* * *

Пауки как раз дожрали своих матерей, когда зазвонил его новый мобильник. С английским Франсуа не особо в ладах, и потому Хесс всегда говорит с ним по-французски, хотя его французский тоже далек от совершенства, ведь он учил его самостоятельно.

– Как прошел первый рабочий день? – первым делом поинтересовался Франсуа.

– Супер.

Они накоротке обменялись информацией. Хесс рассказал коллеге, что напишет в рапорте, а тот сообщил последние новости о ходе проверки. Закончив разговор о делах, Хесс почувствовал, что француза что-то тяготит.

– Ты что-то хочешь сказать?

– Да ты и слушать не захочешь...

– Давай не тяни.

– Это просто мысли вслух. Слушай, а почему бы тебе не отдохнуть? А что, поживешь немного в Копенгагене... Ты же наверняка вернешься, но, может, тебе пока лучше побыть там? Отключишься от всего. Батарейки подзарядишь. С датскими девушками симпатичными познакомишься...

– Ты прав. Этого я слушать не хочу. Ладно, закончи побыстрее свою объяснительную и передай ее Фрайманну.

Хесс завершил разговор. Мысль о том, что придется задержаться в Копенгагене, становилась все более и более невыносимой. Конечно, работать пять лет в Европоле – это вам не грибы в лесу собирать, но там все же лучше, чем здесь. Будучи откомандирован в Европол в качестве офицера связи, он вполне мог бы довольствоваться пребыванием в кабинете штаб-квартиры перед экраном компьютера, но Хесс очень скоро после своего прибытия в Гаагу стал хедхантером в качестве следователя межнациональной мобильной группы. В среднем он сто пятьдесят дней в году проводил в командировках. Одно дело сменялось другим. После Берлина следовал Лиссабон, за Лиссабоном – Калабрия, из Калабрии он перебирался в Марсель – и так оно и шло. Короткие перерывы между поездками Хесс проводил в Гааге, где ему предоставили жилье.

Контакты с датской системой он поддерживал, время от времени отсылая отчеты в Копенгаген, в которых сообщал о нитях, связывающих международную организованную преступность со странами Северной Европы и в особенности – с Данией и другими скандинавскими государствами. Как правило, он общался с местными сотрудниками по электронной почте, в редких случаях – по скайпу, и такой способ общения на расстоянии весьма подходил Хессу. То же самое касалось и ощущения бездомности. Со временем он даже свыкся с тем, что европейский полицейский аппарат является колоссом на глиняных ногах, работе которого препятствует огромное количество юридических и политических барьеров, раз от разу при столкновении с ними казавшихся Хессу все более и более непреодолимыми. Выгорел ли он изнутри? Что ж, может, и так. Ему, следователю, постоянно бросались в глаза примеры организованной несправедливости, злобы и смерти. Он выявлял следы, собирал улики, проводил бесконечные допросы на многих языках, но зачастую политики разных стран, не умеющие договориться между собой, мариновали уже готовые к выдвижению обвинения материалы.

С другой стороны, по большому счету, Хесс имел возможность заниматься тем, чем хотел. Столь огромная и неповоротливая система позволяла при наличии определенной сноровки делать это, по крайней мере до прихода нового шефа отдела – Фрайманна – молодого бюрократа из бывшей Восточной Германии, для которого сотрудничество европейских органов было светом в окошке и который

с ходу занялся повышением эффективности и расчисткой завалов. Но после первого рабочего дня в Копенгагене даже уик-энд, проведенный на пару с Фрайманном на необитаемом острове, стал казаться Хессу манной небесной.

Впрочем, начался-то день вполне терпимо. Он избежал встреч со старыми знакомцами из управления, поскольку с самого раннего утра был отправлен на задание. Его напарница оказалась круче большинства коллег и явно не была так уж сильно заинтересована в его участии в расследовании, что Хессу было только на руку. Но представлявшееся легким для раскрытия дело об убийстве в коттеджном поселке неожиданно осложнили найденные отпечатки пальцев, и вот, не успев как следует оглядеться вокруг, Хесс очутился в доме, где горе толстым слоем смолы въелось в стены, отчего ему захотелось бежать оттуда с криком ужаса куда подальше.

После визита к Хартунгам требовалось подышать свежим воздухом. Что-то по-прежнему его угнетало, но не только лишь постигшая их семью беда. Какая-то деталь. Нечто, еще не осознанное им или, может быть, даже оформившееся в мысль, но порождавшее при этом целую кучу вопросов, которые Хесс инстинктивно пытался прогнать прочь, чтобы не чувствовать необходимости что-либо предпринимать.

На обратном пути он сделал большой крюк и прошелся по залитым дождевой водой улицам города, ставшего ему почти совсем незнакомым. Повсюду новейшие здания из стекла и стали, разрытые улицы и площади свидетельствуют о том, что город меняется. Обычный в принципе европейский столичный град; правда, по-прежнему меньше размером, ниже ростом и более безопасный, нежели большинство других расположенных южнее столиц. Счастливые родители с детьми искали укрытия от дождя на аттракционах «Тиволи»^[10], однако кучки опавших листьев под растущими вдоль Озер каштанами заставили его вернуться мыслями к Лауре Кьер. Глянцевая картинка тихой и спокойной сказочной страны пошла трещинами, и возле моста Королевы Луизы Хесса настигли воспоминания о собственном прошлом в виде мелькавших перед глазами маленьких насмешливых призраков. И только когда он вышел на Внешнее Нёрребро, призраки эти наконец-то исчезли.

Хесс прекрасно понимал, что он вполне может не принимать эту историю близко к сердцу. Он-то ведь никакой ответственности не несет. Безумцы встречаются повсюду, и родители теряют детей каждый божий день, точно так же как и дети лишаются родителей. Он столько раз наблюдал подобные истории в самых разных городах и странах, разыгранные с таким количеством лиц, что даже вспоминать их ему совсем не хотелось. Через несколько дней, по всей вероятности, по телефону из Гааги придет сообщение о перемирии, так не все ли равно ему пережитое сегодня. Он сядет в самолет, или в поезд, или в автомобиль – и отправится выполнять очередное задание. А пока ему надо просто-напросто убить время.

Хесс внезапно осознает, что сидит в полной прострации, вперив пустой взгляд в грязную стену. И пока ощущение тревоги не стало снова забирать его, он встает, швыряет картонную упаковку с остатками лапши в мусорное ведро и направляется к двери.

Гостиную квартиры Неру Амди наполняет голос Боба-строителя^[11], и с особым интересом внимает раздающимся с экрана добрым советам самый младший ребенок в семье. Неру Амди, надев фартук, готовит баранину со шпинатом для жены и четверых их детей, но тут раздается стук в дверь. Жена кричит ему, что у нее деловой разговор с кухней по мобильному, и он, хочешь не хочешь, отправляется посмотреть, кто это к ним заявился. Не скрывая раздражения, открывает дверь. На пороге стоит бледнолицый мужчина из квартиры 37С, которого он уже видел мельком сегодня.

– Слушаю вас.

– Прошу прощения за беспокойство, но я хотел бы покрасить стены в моей квартире.

– Покрасить квартиру? Прямо сейчас?

– Да, именно так. Администратор сказал, что вы у нас домоуправ и знаете, где находятся краски и кисти.

Неру замечает, что у мужчины глаза разного цвета: один зеленый, другой – голубой.

– Но вы не можете начать красить прямо сейчас. Для этого необходимо согласие владельца, а он в отъезде.

– Да я и *есть* владелец.

– *Вы* владелец?

– Может, вы просто дадите мне ключ? Ведь краски и кисти, наверное, в подвале?

– Да-да, но теперь уже вечер... И сейчас нельзя красить без лампы маляра. А у вас она есть?

– Лампы нет, зато прямо сейчас есть время, – с нетерпением отвечает мужчина. – Я пробуду в Копенгагене всего пару дней и хотел бы успеть привести квартиру в порядок, потому что собираюсь выставить ее на продажу. Так что если это вас не слишком затруднит... Вы можете дать мне ключ?

– Я не могу дать вам ключ от подвала. Подождите внизу в коридоре, я сейчас подойду.

Мужчина кивает и уходит. Жена Амди отнимает мобильник от уха и долго смотрит, как Неру разыскивает ключ. Да и то: ну какой нормальный белый человек добровольно захочет занять жилье в Парке Одина, не говоря уж о том, чтобы здесь жить? Нет, с этим типом явно надо держать ухо востро...

* * *

Малярный валик в невероятном темпе движется вверх и вниз по стене, оставляя крупные белые капли на расстеленных по полу листах картона. Когда Неру входит в квартиру с еще одной банкой краски, его новый знакомый, по лицу которого стекает обильный пот, окунает валик в ведро и снова начинает водить им по стене.

– Там еще одна банка оказалась, только у меня времени нет, так что вы сами проверьте, та ли у нее маркировка цвета.

– Да какая разница? Главное, чтобы она была белая.

– Нет, разница есть. Маркировка должна совпадать.

Собираясь проверить маркировку, Неру убирает со стола пиджак Хесса, освобождая место для банки, замечает кобуру и останавливается в замешательстве.

– Все о'кей. Я из полиции.

– Да, понятно, – говорит Неру и, вспомнив взгляд жены, отступает на полшага к двери.

Кончиками уже испачканных белой краской пальцев мужчина вытаскивает из кармана свой полицейский жетон:

– Я на полном серьезе. Это я.

Увидев жетон, Неру чуть-чуть успокаивается, а высоченный мужчина снова начинает водить валиком вверх и вниз по стене.

– Вы – агент в гражданском? Используете квартиру для наблюдения?

Район Парка Одина часто обвиняют в том, что он является одной большой малиной для уголовных элементов и местом, где скрываются исламские террористы, так что вопрос Неру задает не без причины.

– Нет, просто это моя собственная квартира. Никакого отношения к слежке она не имеет. Но я работаю за границей, вот и собираюсь

расстаться с ней. Будьте добры, когда уйдете, не закрывайте дверь, чтобы поступало больше воздуха.

Ответ обезоруживает Неру. Его по-прежнему удивляет человек, которому пришлось в голову купить квадратные метры в Парке Одина. Но то, что мужчина хочет, чтобы он ушел, слегка его успокаивает. Неру бросает на него взгляд и не может удержаться от реплики. Верзила действует валиком едва ли не с лошадиной силой. Точно речь идет о его жизни и смерти.

– Вы слишком сильно нажимаете. Можно я посмотрю валик...

– Не надо. Все и так замечательно.

– Да вы и не видите ничего без лампы маляра.

– Все отлично.

– Остановитесь, говорю. Если я не помогу, вы же сами потом пожалеете, что натворили.

– Не пожалею, зуб даю.

Неру хватается за рукоятку и осматривает валик, но и Хесс бюгель из рук не выпускает.

– Ну вот, я так и думал. Валик надо заменить. Сейчас все сделаю.

– Не надо. Все отлично.

– Ничего не отлично. Я старый маляр. Меня профессиональная гордость обязывает.

– Послушайте, я просто хочу покрасить...

– Профессия обязывает. Если можешь, значит, сделай. Прошу прощения, но ничего поделаться с собой не могу.

Мужчина наконец-то отпускает рукоятку и растерянно смотрит прямо перед собой, будто Неру лишил его жизнь всякого смысла. Домоуправ поспешно уходит, забрав с собой валик, опасаясь, как бы хозяин квартиры на передумал.

Вернувшись к себе, Неру быстро находит пару ламп маляра и новый валик в ведре, стоящем в шкафу в дальнем конце коридора. Жена его сидит за столом вместе с детьми и никак не может понять мужа. Неужели этот тип из 37С сам не может заняться ремонтом, пока они не поужинают?

– Врет он все, дурачок несчастный. Муниципалы ему жилье в комплексе выделили.

Неру уже устал объяснять ей: коли уж взялся красить, делать все надо как следует. С инструментами под мышкой он закрывает дверь в

квартиру и уже собирается поднять рукоятку с газеты на коврике возле двери, куда ее положил, как вдруг замечает внизу жильца из 37С. Тот быстрым шагом минует баскетбольную площадку и исчезает за пределами комплекса.

Неру в недоумении, но тут в голову ему приходит мысль, что просто люди перестали уважать друг друга и что супруга, может, и права насчет дурачка и муниципалитета. Впрочем, идея жильца продать квартиру представляется ему блестящей.

К вящему своему удивлению, Ту́лин чуток развеселилась за ужином в шикарной квартире на Большой Королевской улице. Себастьян происходит из весьма известной и состоятельной адвокатской семьи, глава которой, его отец, выполняет роль затмевающего всех и вся вокруг себя патриарха. Скоро уже десять лет, как он был назначен судьей второй инстанции, так что теперь делами адвокатской конторы ведают Себастьян и его старший брат. Что, впрочем, никоим образом не означает, будто братья во всем согласны друг с другом. Для Найи это стало очевидным во время ужина. Неуклюжие высказывания старшего брата в духе неолиберализма о государстве и обществе Себастьян парировал резко и остроумно, а его золовка саркастически заметила, что чувства ее мужа умерли в тот момент, когда он получил лицензию на право ведения адвокатской деятельности. Отец семейства расспрашивал Ту́лин о ее работе в убойном отделе и хвалил за стремление перейти в НЦ-3 – мол, за ним определенно прекрасное будущее, в отличие от допотопного отдела по расследованию преступлений против личности. Старший же сын, напротив, высказал надежду, что лет эдак через двадцать ни того ни другого отдела вообще не останется, поскольку к тому времени все полицейские институты будут приватизированы. Когда же компания перешла к горячему, он внезапно заинтересовался, почему Ту́лин не съезжается с его братом – неужели, дескать, Себастьян недостаточно для нее привлекателен?

– Может, он как мужчина тебя не удовлетворяет?

– Да нет, как раз-таки удовлетворяет. Просто мне удобнее использовать его как партнера по сексу, нежели похоронить всю прелесть таких отношений в условиях совместного проживания.

Услышав ее ответ, жена старшего брата разразилась хохотом, да так, что умудрилась забрызгать красным вином белую «боссовскую» сорочку своего мужа, который тут же принялся оттирать пятна матерчатой салфеткой.

– Выпьем за это! – предложила Ту́лин и осушила бокал, прежде чем все остальные последовали ее примеру. Себастьян улыбнулся ей, а

его мать пожала ей руку.

– Нам в любом случае приятно видеть тебя, и я знаю, что Себастьян очень рад вашему знакомству.

– Мать, перестань!

– А что, разве я что-то не так сказала?

Глаза у нее в точности как у младшего сына. В них тот же теплый, слегка темноватый огонек, на который Найя обратила внимание чуть более четырех месяцев назад, когда сидела на местах для публики в зале суда, где дежурный судья рассматривал расследуемое ею дело. Будучи адвокатом по назначению, Себастьян защищал своего клиента, некоего сомалийца, не выказывая никаких эмоций, но с другой стороны, с таким ощущением реальности, что уговорил подзащитного признать себя виновным в жестоком обращении с супругой. После заседания он поймал Найю на улице, и хотя та отказалась от предложения встретиться, Себастьян произвел на нее приятное впечатление. И как-то в начале июня ближе к исходу рабочего дня Тулин без всякого предупреждения явилась в адвокатскую контору на Амалиегаде и, когда они остались одни, стащила с него штаны. Она и не думала, что их отношения могут перерасти в нечто большее, но в смысле секса Себастьян оказался невероятно хорош, да и сам он понял, что она не из тех, кто ищет партнера для совместных прогулок по Лангелиние. Теперь же, когда она сидит и подсмеивается над его до некоторой степени эксцентричными родственниками, эта часть совместного бытия не выглядит в ее глазах столь устрашающей, как обычно...

Застольную беседу прерывает громкий звонок мобильного телефона. Тулин вынуждена достать аппарат и ответить:

– Алло?

– Это Хесс. Где сейчас парнишка?

Тулин выходит в прихожую, чтобы не вести разговор при всех.

– Какой парнишка?

– Мальчик из Хусума. Мне надо спросить его кое о чем, и необходимо сделать это прямо сейчас.

– Тебе не удастся поговорить с ним сейчас. Его осмотрел врач и предположил, что у мальчика шок, так что прямо теперь он находится в отделении неотложной помощи.

– В какой больнице?

- Зачем тебе это?
- Неважно. Сам разберусь.
- Зачем тебе...

Хесс прервал разговор. Найя застывает с телефоном в руке. Беседа за столом продолжается, но она уже не прислушивается к голосам. Когда в прихожей возникает Себастьян и спрашивает, что случилось, Ту́лин, уже надев пальто, направляется к двери.

Пройдя по безлюдным и весьма скудно освещенным коридорам Центра детской и юношеской психиатрии глострупской больницы, она направляется к стойке медицинского поста и видит Хесса, разговаривающего с пожилой медсестрой в расположенном позади кабинете, откуда их голоса доносятся до нее из-под двери в стеклянную клетку. Несколько тинейджеров останавливаются, интересуясь, что там происходит. Ту́лин протискивается мимо них, стучит в дверь и, не дожидаясь разрешения, открывает ее.

– Выйди сюда.

Хесс нехотя бредет вслед за ней, и сестра провожает его недовольным взглядом.

– Мне необходимо поговорить с парнишкой, но какая-то дубина пообещала, что его сегодня больше не станут беспокоить.

– Я пообещала. – Ту́лин замечает, что руки и пальцы у Хесса перепачканы белой краской. – Мальчика сегодня уже один раз допрашивали. И если ты не скажешь мне, о чем собираешься говорить с ним, ничего у тебя не выйдет.

– Да всего пара вопросов... Если ты сможешь уговорить сестру, обещаю позвонить завтра в отдел и сказаться больным.

– Сперва объясни, о чем собираешься его спрашивать.

Спальная часть Центра детской и юношеской психиатрии в общем-то походит на соответствующее отделение для взрослых, только тут есть небольшие оазисы с игрушками и книгами. Впрочем, большой разницы нет, ибо и здесь интерьеры нагоняют тоску и печаль, однако Тулин на своем опыте убедилась, что существуют места для детей гораздо ужаснее этого.

Медсестра наконец-то выходит из палаты мальчика и, не глядя на Хесса, обращается непосредственно к Найе:

– Я сказала, что вы пробудете у него только пять минут. Правда, много он не говорит, а с момента поступления практически все время молчит, и его можно понять. Договорились?

– Да, спасибо, отлично.

– Я прослежу за временем. – Медсестра показывает на свои наручные часы и бросает гневный взгляд на Хесса, уже взявшегося за ручку двери.

* * *

Магнус Кьер не поднимает глаз, когда они входят в палату. Он сидит, укрытый перинкой, на постели с поднятым изголовьем и держит на коленях ноутбук с больничным логотипом на обратной стороне. Палата одноместная. Шторы задернуты, зажжена единственная лампа – та, что на прикроватном столике, – однако лицо мальчика освещается экраном компьютера.

– Привет, Магнус. Извини, мы отвлечем на минутку тебя. Меня зовут Марк, а это... – Хесс бросает короткий взгляд в сторону Тулин, старающейся привыкнуть к мысли, что у него еще и имя имеется. – Найя.

Мальчик не отвечает на приветствие, и он подходит ближе к нему.

– Ты чем занимаешься? Можно мне взглянуть?

Садится на стул возле постели. Тулин остается на месте. Что-то подсказывает ей, что лучше побыть на расстоянии от них обоих. Что-

то, чего она не может выразить словами, и все же чувствует, что поступает правильно.

– Магнус, я хочу спросить тебя кое о чем. Если ты позволишь. Можно, Магнус?

Хесс смотрит на мальчика, но тот не реагирует на его вопрос, и Ту́лин уже кажется, что они попусту теряют время. Магнус полностью сосредоточен на экране и клавиатуре, по которой резво бегают его пальцы. Ей кажется, будто он надул вокруг себя воздушный шарик, и Хесс может расспрашивать его хоть до завтрашнего утра, но ответа так и не добьется.

– Ты во что играешь? Как идет игра?

Мальчик по-прежнему молчит, но Ту́лин без труда узнает на мониторе «Лигу легенд», виденную ею на экране компьютера своей дочки.

– Это компьютерная игра. В ней надо...

Хесс поднимает руку, сигнализируя Ту́лин, что ей лучше заткнуться, а сам продолжает внимательно вглядываться в экран.

– Ты играешь в «Ущелье призывателей»? Мне эта карта тоже больше всего нравится. А твой чемпион – Луциан Очиститель?

Мальчик не отвечает, а Хесс показывает на один из символов в нижней части экрана:

– Если это Луциан, у тебя скоро будет обновление.

– Уже. Жду следующего уровня.

Парнишка говорит безучастным, монотонным голосом, но Хесса это не смущает, и он снова показывает на экран:

– Берегись, сейчас миньоны появятся. Нексус падет, если ты ничего не предпримешь. Нажми на *magic*, тогда не проиграешь.

– Я не проиграю. Я уже нажал на *magic*.

Ту́лин старается не показать, насколько ошеломлена. Коллеги, с которыми она общается в управлении, разбираются в компьютерных играх, как в кантонском диалекте, но о Хессе такого, видно, не скажешь. Она интуитивно чувствует, что для Магнуса это лучшая беседа за весь сегодняшний день. И еще ей приходит в голову, что то же самое можно сказать о мужчине, сидящем на стуле рядом с мальчиком и, судя по его виду, действительно увлеченном игрой.

– Ты отлично играешь. Когда у тебя будет пауза, я дам тебе другую миссию. Не совсем такую, как в «Лол». И тебе понадобятся

все твои скиллы.

Магнус сразу же выключает ноутбук, ожидая указаний Хесса, но не глядя ему в глаза. Тот достает из внутреннего кармана три фотографии и раскладывает их обратной стороной вверх на перинку перед мальчиком. Ту́лин с изумлением смотрит на него и подходит к ним вплотную:

– Мы так не договаривались. Ты о фотографиях ничего не говорил.

Хесс, однако, не отвечает и не отводит взгляда от мальчика.

– Магнус, сейчас я переверну фотографии, одну за другой. У тебя будет десять секунд, чтобы посмотреть на каждую из них и сказать мне, есть ли там что-то, чего в этих местах не бывает. Чего там не должно быть. Чего-то странного, тебе неизвестного. Ну почти как если бы в твой компьютер пробрался «троянский конь». О'кей?

Девятилетний мальчик кивает, не отводя взгляда от разложенных на перинке фотографий. Хесс переворачивает первое фото. На нем изображена часть кухни на Седервэнгет, а именно кухонные полки со специями и таблетками от страха для мальчика. По-видимому, она сделана Генцем и его людьми из экспертно-криминалистического отдела. Так, понятно; значит, Хесс, скорее всего, успел заскочить в управление за фотографиями по пути сюда. И это обстоятельство заставляет Ту́лин еще больше насторожиться.

Магнус переводит взгляд от детали к детали, как бы анализируя изображение, и в конце концов качает головой. Хесс одобрительно улыбается и переворачивает следующее фото. Еще одна в достаточной степени случайная фотография, на сей раз с изображением угла гостиной, где на диване лежат несколько дамских журналов и свернутый ковер. За ним на подоконнике виден цифровой экран с застывшей фотографией самого Магнуса. Мальчик механически повторяет процесс и вновь качает головой. Хесс переворачивает последнее фото с частью домика на натуральной детской площадке. У Ту́лин екает сердце, и она спешит убедиться, что тело Лауры Кьер на фото отсутствует. Снимок сделан под таким ракурсом, что на первом плане видны качели и ржавые деревья, но буквально через секунду палец мальчика утыкается в маленького каштанового человечка под балкой домика для игр в правом верхнем углу фотографии. Найя

смотрит на палец Магнуса, и от наступившей тишины у нее начинает сосать под ложечкой. Но Хесс нарушает молчание:

– Ты уверен? Ты его никогда раньше не видел?

Магнус Кьер снова качает головой.

– Был на площадке с мамой вчера, перед ужином. Никакого каштанового человечка не видел.

– Отлично. Ты способный парень. А ты не знаешь, кто его подвесил?

– Нет. Миссия закончена?

Хесс смотрит на него и выпрямляется:

– Да, спасибо. Ты нам действительно здорово помог, Магнус.

– А мама не вернется?

Хесс не сразу находит ответ. Мальчик по-прежнему не глядит в их сторону, и вопрос слишком надолго повисает в воздухе. Но наконец полицейский пожимает лежащую на перинке руку Магнуса и серьезным взглядом смотрит ему в глаза:

– Нет, не вернется. Твоя мама теперь в другом месте.

– На небе?

– Да, теперь она на небе. Это хорошее место.

– А ты еще вернешься и поиграешь со мной?

– Конечно. Как-нибудь заеду.

Мальчик открывает компьютер, и Хессу приходится отпустить его руку.

Хесс курит, стоя спиной к выходу, и ветер развеивает дым от его сигареты среди зданий и деревьев. Перед ним находится неосвещенная парковка, окруженная высокими черными деревьями, чьи ветвящиеся корни того и гляди прорвут покрывающий их асфальт. Ту́лин видит, как автомобиль «Скорой помощи» пересекает парковку и, когда стеклянные двери автоматически открываются, въезжает в подземный гараж.

После разговора с Магнусом Найе пришлось переговорить с медсестрой, чтобы расставить все точки над *i* и убедиться, что мальчику будет обеспечен наилучший уход. Беседуя с сестрой, она потеряла Хесса из виду, и вот теперь, выйдя на парковку, почувствовала, как рада, что он дождался ее.

– Ну, и что же с ним теперь будет?

Доверительный тон его показался ей несколько неуместным, ведь они знакомы с ним менее суток, но тем не менее у нее ни на миг не возникло сомнений, что он искренне озабочен судьбой мальчика.

– Им займутся органы опеки. Других родственников у него, к сожалению, нет, так что, по всей вероятности, они сперва попытаются найти общий язык с отчимом. Если, разумеется, он невиновен.

Хесс смотрит на Ту́лин:

– А ты думаешь, он виновен?

– Но у него же нет алиби. В девяносто девяти подобных случаях из ста виновным оказывается сожитель или супруг. А разговор с Магнусом ничего нового нам не дал.

– Ты так считаешь? – Хесс посмотрел ей в глаза и продолжил: – Если парнишка сказал правду, то фигурку с отпечатками пальцев, по-видимому, подвесили на месте преступления тем же вечером или той же ночью, когда произошло убийство. А это выглядит, мягко говоря, странно, и уж наверняка не удастся сослаться на кого-то из тех, кто купил фигурку в придорожном киоске год назад.

– Эти вещи не обязательно связаны друг с другом. Отчим вполне мог убить женщину, а мальчик – ошибиться насчет фигурки, так что увязывать эти два события не имеет смысла.

Хесс собирался что-то сказать, но передумал и затушил окурок ногой.

– Ну что ж, может быть, и так.

Он коротко кивает в знак прощания и начинает пересекать парковку. Найя смотрит ему вслед и собирается спросить, не подвезти ли его обратно в город, но в этот момент что-то унесенное порывом ветра падает на плиту у нее за спиной. Она оборачивается и видит маленький зелено-коричневый колючий шарик, катящийся в углубление под урной, где уже скопилось немало подобных шариков. Тулин не сразу догадывается, что это такое. Она поднимает взгляд на каштановое дерево и видит на его раскачивающихся по ветру ветвях множество других зелено-коричневых колючих плодов, что вот-вот тоже сорвутся на землю. И на мгновение у нее перед глазами возникает Кристине Хартунг, собирающая каштановых человечков за столом в гостиной у себя дома. Или в каком-то другом месте.

Понедельник, 12 октября, наше время

– Я больше не желаю повторять. Я вернулся в мотель и лег спать. А теперь я хотел бы знать, когда мы с Магнусом сможем вернуться домой.

В ярко освещенном помещении в конце длинного коридора душно. Ханс Хенрик Хауге, едва подавляя рыдания, заламывает руки. Одежда на нем изрядно измята, от него несет пóтом и мочой. Прошло шесть дней с тех пор, как было найдено тело Лауры Кьер, и два дня назад Ту́лин решила ходатайствовать о предварительном заключении ее сожителя. Судья дал убойному отделу сорок восемь часов для обоснования обвинения, но пока что сделать это не удалось. Найя убеждена, что Хауге знает больше, чем говорит, однако чувак вовсе не глуп. Он программист, образование получил в Южно-датском университете, и пусть как профессионал он старомоден и предсказуем, но в способностях ему не откажешь. Хауге якобы долгое время был фрилансером и, только встретив Лауру Кьер, устроился на постоянную работу в средней по размеру компьютерной фирме, с офисом в здании с видом на порт на Кальвебод Брюгге.

– Никто не может подтвердить, что вы находились в мотеле вечером в понедельник, и никто не видел вашу машину на стоянке мотеля до семи часов утра следующего дня. Где же вы находились все это время?

Попав в камеру предварительного заключения, Хауге воспользовался своим правом на помощь адвоката по назначению. И теперь слово берет эта молодая дама, особа не без гонора, источающая запахи прекрасного парфюма и одетая так, как Ту́лин никогда не смогла бы за отсутствием необходимых для этого средств...

– Мой клиент утверждает, что провел в мотеле всю ночь. Он повторяет, что не имеет к преступлению никакого отношения, так что если вы не располагаете новой информацией, я требую его немедленного освобождения.

Найя не отводит взгляда от Хауге.

– Дело в том, что у вас фактически отсутствует алиби. А в тот день, когда вы отправились на ярмарку, Лаура Кьер сменила замок в вашем общем доме, не получив с вашей стороны согласия. Почему?

– Я *уже* говорил. Магнус потерял свои ключи.

– А может, потому, что у нее появился другой мужчина?

– Нет!

– Но вы же почему-то рассердились, когда она сказала вам по телефону, что сменила замок.

– Она *не* говорила, что сменила замок.

– Может быть, болезнь Магнуса повлияла на ваши отношения в худшую сторону. Я прекрасно понимаю: вы разгневались, когда она внезапно заявила, что ее теперь утешает другой мужчина.

– Я не знаю никакого другого мужчины. И я никогда не сердился на Магнуса.

– Так, значит, вы рассердились на Лауру?

– Нет, я *не* сердился на нее.

– Но она сменила замок, потому что не желала больше вас видеть, и именно это и сказала вам по телефону. Вы почувствовали, что вас обманули, а ведь вы сделали так много и для нее, и для мальчика, и тогда вы отправились домой...

– Я не поехал домой...

– Вы постучали в дверь или в окно, и она открыла вам, потому что не хотела, чтобы вы разбудили ребенка. Вы попытались поговорить с нею, напомнили о кольце у нее на руке...

– Но ведь ничего подобного не было...

– ...о кольце, которое вы ей подарили, но она осталась холодна и равнодушна. Вы выманили ее в сад, но она все повторяла, чтобы вы проваливали к чертям собачьим. Что между вами все кончено. Что у вас нет никаких прав. Что вы не сможете видеться с мальчиком, потому что больше ни фига для нее не значите, и в конце концов...

– Да ведь не было ничего подобного, я же говорю!

Тулин чувствует на себе взгляд сгорающей от нетерпения адвокатессы, но не отводит глаз от Хауге, который вновь заламывает руки и теребит свое кольцо.

– Нет-нет, так мы ни к чему не придем. Мой клиент потерял невесту, да и интересы мальчика надо принять во внимание, поэтому мне представляется совершенно бесчеловечным подвергать его

дальнейшему задержанию. Мой клиент хочет как можно скорее вернуться домой, чтобы иметь возможность позаботиться о парнишке, когда того выпишут из...

– Мы просто хотим возвратиться домой, черт подери! Сколько еще вы пробудете в нашем доме? Вы должны наконец оставить нас в покое!

Что-то в этом нервном срыве Хауге представляется странным. Сорокатрехлетний айтишник уже не в первый раз выражает неудовольствие тем, что полиция все еще продолжает следственные действия в их доме и никого туда не пускает. Хотя по логике вещей, считает Тулин, Хауге должен быть заинтересован в том, чтобы полиция позаботилась о сохранности оставленных там следов. С другой же стороны, дом на этот предмет эксперты осматривали вдоль и поперек столько раз, что давным-давно уже выявили бы то, что Хауге попытался бы скрыть. И ей приходится смириться с мыслью, что на самом деле он заботится только о благополучии мальчика.

– Мой клиент, разумеется, с пониманием относится к необходимости проведения дальнейших следственных действий. Однако может ли он быть свободен?

Ханс Хенрик Хауге устремляет напряженный взгляд на Тулин. Она понимает, что ей придется отпустить его и затем проинформировать Нюландера о произошедшем. А еще сказать, что в деле об убийстве Лауры Кьер следствие по-прежнему топчется на месте. Нюландер, вне всякого сомнения, вспылит и потребует, чтобы они пошевелились, больше не тратили впустую время и не отвлекали зазря сотрудников от выполнения действительно насущных задач. И к тому же еще спросит, где обретается этот гребаный Хесс. На этот вопрос Найя по вполне уважительным причинам ответить не сможет. Начиная с вечера вторника, когда они расстались в глострупской больнице, он мало чем помогал следствию, да и вообще приходил и уходил, когда ему заблагорассудится. В последний уик-энд позвонил по телефону, чтобы узнать, как идут дела, с какого-то, как она поняла, строительного рынка.

Во всяком случае, она слышала в трубке разговоры о краске и маркировке цвета и решила, что Хесс появляется на работе лишь для отвода глаз, чтобы просто создать впечатление, будто он тоже участвует в расследовании. Рассказывать об этом Нюландеру она,

разумеется, и думать не думала, но при этом прекрасно понимала, что отсутствие Хесса на работе вызовет у него не меньшее раздражение, нежели не принесшее никаких результатов заключение под стражу Ханса Хенрика Хауге. Ни то ни другое не давало Ту́лин лишних очков, а ведь в конце разговора она собиралась напомнить собеседнику о рекомендации для НЦ-3, о которой тот, несмотря на предварительную договоренность, так и не нашел времени поговорить в прошлую пятницу.

– Ваш клиент может быть свободен, но дом будет опечатан до окончания следственных действий, и ему придется пока пожить где-нибудь в другом месте.

Адвокат с довольным видом кивает, застегивает папку для бумаг и поднимается с места. Ту́лин кажется, будто Хауге хочет что-то возразить, однако взгляд адвоката вынуждает его промолчать.

Вокруг парковки перед главным входом в экспертно-криминалистический отдел, куда подъезжает Хесс, раскачиваются, грозя падением под напором ветра, высокие березы. Подойдя к дежурному на первом этаже, он, не дожидаясь вопросов, показывает ему свой полицейский жетон и объясняет, что договорился о встрече с одним из сотрудников. Вскоре к ним подходит одетый в белый халат Генц и с удивлением взирает на Хесса.

– Я хочу провести эксперимент, и мне нужна помощь. Много времени это не займет, но мне понадобится более или менее стерильное помещение и эксперт, умеющий обращаться с микроскопом.

– Большинство из нас умеют. О чем именно речь?

– Сперва мне хотелось бы спросить, могу ли я довериться тебе. Есть большая доля вероятности, что все это ерунда на постном масле и не стоит потраченного на нее времени, но я не могу рисковать и хочу, чтобы об этом знали только мы вдвоем.

Генц, до сей поры весьма скептически взиравший на Хесса, расплывается в улыбке:

– Если ты намекаешь на то, что я сказал тебе в прошлый раз, то, пойми, я вынужден был соблюдать осторожность.

– Ну а теперь соблюдать осторожность вынужден я.

– Ты серьезно?

– Да, вполне.

Генц посмотрел чуть в сторону, точно вспоминая, какая груда бумаг ждет его на письменном столе.

– Что ж, если это имеет отношение к нашей работе и не выходит за рамки закона...

– По-моему, все условия соблюдены. Если только ты не вегетарианец. Куда мне подъехать?

Последние из расположенных на первом этаже здания автоматических ворот открываются, и Хесс задним ходом загоняет служебную машину внутрь. Генц снова нажимает на кнопку, и ворота

закрываются. По размеру помещение не уступает автомастерской. Это одна из лабораторий отдела, в которой производится обследование транспортных средств, и хотя осматривать придется вовсе не автомобиль, Хессу оно вполне подходит. Здесь на потолке мощные неоновые лампы и решетка водостока в полу.

– Что будем осматривать?

– Помоги, пожалуйста. – Хесс открывает багажник, и Генц вскрикивает от неожиданности, увидев на его дне мертвую бледную массу, завернутую в прозрачную одноразовую простыню.

– Что это?

– Свинья. Ей примерно три месяца. Я приобрел ее на Мясном рынке. Еще час назад она висела там на крюке в холодильной камере. Давай перенесем ее на стол.

Хесс берет тушу за задние ноги, а Генц, слегка помедлив, – за передние. Вместе они переносят свинью на стоящий у стены металлический стол. Брюхо хрюшки вспорото, все внутренности удалены, а безжизненные глаза уставились в стену.

– Я что-то никак не врублюсь. Какое все это имеет отношение к нашей работе? Ты что, шутки шутишь? Поверь, на забавы у меня просто-напросто времени нет.

– Ничего я не шучу. Хрюшка весит сорок пять кило, то есть столько, сколько ребенок в дотинейджерском возрасте. У нее голова и четыре конечности, и хотя хрящи, мышцы и кости несколько отличаются от человеческих, все равно мы получим базу для сравнения при исследовании орудия убийства. Но сперва хрюшку надо расчленить.

– *Расчленить?* – Генц недоверчиво смотрит на Хесса, который, вернувшись к машине, достает с заднего сиденья папку с делом и какой-то продолговатый предмет в матерчатой упаковке. Сунув папку под мышку, он вскрывает упаковку с подкладкой и вынимает из нее мачете длиной почти в метр.

– Вот что нам предстоит исследовать, когда закончим с хрюшкой. Мачете более или менее соответствует найденному у осужденного по делу Хартунг, и я хотел бы расчленить свинью точно так же, как он, судя по его показаниям, расчленил тело девочки. Я возьму фартук, ладно?

Хесс кладет оружие и папку с делом на стальной стол, рядом с которым стоит Генц, и надевает один из висящих на вешалке фартуков. Генц переводит взгляд с папки на Хесса и обратно.

– Но зачем? Не думаю, что это может иметь отношение к тому делу. Ту́лин говорит, что...

– А оно и *не* имеет. Если кто-нибудь войдет, мы разделяем поросенка для рождественского обеда. Ты возьмешься или мне начать?

* * *

Если б еще несколько дней назад кто-нибудь сказал, что ему придется расчленять свинью, он ни за что не поверил бы, однако случилось нечто, что заставило его посмотреть на расследование по делу об убийстве Лауры Кьер под другим углом зрения. И вовсе не то внутреннее беспокойство, которое он ощутил после разговора с Магнусом в глострупской больнице, было тому причиной. Если каштанового человечка с отпечатками пальцев Кристине Хартунг оставили на месте преступления, грубо говоря, одновременно с убийством, можно, конечно, вести речь о выходящей из ряда вон случайности. Но, уже сидя в электричке на пути домой из Глострупа, Хесс постарался переосмыслить весь ход расследования. В принципе, он не подвергал сомнению, что почти год назад дочку Хартунгов убили, а тело ее расчленили, как рассказала ему Ту́лин. Да, работать в датской полиции – не самое легкое на свете дело, это он на собственной шкуре испытал, но если судить по тому, как основательно сотрудники убойного отдела расследуют преступления, и принять во внимание высокий процент раскрываемости, отдел вполне можно отнести к лучшим во всей Европе. Человеческая жизнь все еще что-то значит в этой стране – и в первую очередь когда речь идет о жизни ребенка, а уж тем более о жизни дочери известного парламентария. И тот факт, что Кристине Хартунг была дочерью министра, однозначно предполагал полномасштабное расследование с привлечением работавших круглосуточно многочисленных следователей, криминалистов, судебных медиков, оперативников и даже контрразведчиков. Преступление против девочки, по всей видимости, рассматривалось как атака на демократию, и, конечно, именно в связи

с этим была дана команда «свистать всех наверх!». В общем, Хесс доверял результатам расследования. И когда он добрался до своей берлоги в Парке Одина, оставался без ответа лишь вопрос, случайно ли появился каштановый человечек на месте преступления или был подброшен с какой-то целью. И все так же тревожило его ощущение внутреннего беспокойства.

По прошествии нескольких дней следствие пришло к вполне логичному выводу: выдвинуть подозрение в адрес сожителя убитой Ханса Хенрика Хауге, с чем примирился и сам Хесс. Направление расследования определяла Ту́лин, а она действовала энергично и оперативно, но при этом явно нацелившись на уход из отдела и продвижение вверх по карьерной лестнице. К тому же она вела себя довольно сдержанно по отношению к Хессу, хотя, с другой стороны, его участие в процессе, если не считать спонтанной и проведенной по его инициативе беседы с Магнусом Кьером, было весьма и весьма ограниченным, в том числе и потому, что сам он не раз и не два пользовался каждым удобным случаем, чтобы остаться в тени. В основном Хесс занимался составлением на пару с Франсуа рапорта для своего начальника в Европоле. Многожды отредактированные документы были отправлены по назначению, и в ожидании решения своего немецкого патрона Хесс продолжил приводить в порядок квартиру.

Надеясь на скорое возвращение к лихорадке буден в Европоле, он даже связался с риелтором. Вернее – с несколькими. Первые три маклера, которым он позвонил, не захотели даже заносить его собственность в свои картотеки. Четвертый же согласился, но заранее предупредил, что период ожидания может затянуться, ибо район проживания Хесса пользуется дурной славой. «Если только не отыщется какой-нибудь исламист или просто уставшее от жизни существо», – добавил риелтор. Назойливый управдом, разумеется вмешался в ход ремонта, и Хессу пришлось наслушаться от невысокого росточка пакистанца всякой белиберды, пока он орудовал малярной кистью, но, несмотря ни на что, работа продвигалась.

Однако вчера вечером кое-что произошло. Сперва ему позвонили из Гааги, и некий секретарь холодным голосом сообщил по-английски, что Фрайманн желает переговорить с ним по телефону в пятнадцать часов следующего дня. Перспектива прямого общения с шефом

приободрила Хесса. И придала ему дополнительных сил, достаточных для того, чтобы взяться за покраску потолка, что он вообще-то предполагал отложить до лучших времен. На его беду, у него закончились листы картона, взамен которых он получил от управдома целую кипу старых газет из подвала и расстелил их на полу, чтобы не запачкать его. И как раз тогда, когда Хесс закончил красить потолок на кухне, он глянул вниз с высоты стремянки – и встретил взгляд Кристине Хартунг, смотревшей на него с газетной страницы.

Соблазн был слишком велик, и Хесс тут же поднял с пола заляпанными краской руками газетную страницу с фотографией девочки. «Где Кристине?» – вопрошал заголовок. Вскоре ему понадобилось продолжение статьи, и он нашел его среди газет, расстеленных на полу туалета. Автор так называемого очерка, датированного десятым декабря прошлого года, подводил итоги на ту пору безрезультатных поисков тела Кристине Хауге. Собственно расследование преступления было прекращено, но автор нашел хороший повод ради сенсации мистифицировать кончину Кристине Хауге.

Во время состоявшегося за месяц до этого допроса преступник Линус Беккер признал себя виновным в том, что изнасиловал и убил Кристине, а затем расчленил ее тело, однако останки так и не были найдены. Очерк сопровождался весьма впечатляющими черно-белыми фотографиями команды поисковиков, прочесывающих лесные пространства. Кроме того, приводились высказывания нескольких анонимных источников в полиции, заявивших, что лисы, барсуки и прочие звери вполне могли откопать и просто сожрать останки, почему найти их и оказалось невозможно. Впрочем, шеф убойного отдела Ньюландер высказывался в более оптимистическом ключе, хотя и он намекал, что погодные условия не споспешествовали поискам. Журналист задал ему вопрос, можно ли доверять признательным показаниям Линуса Беккера – дескать, не оговорил ли он себя, – однако шеф убойного отдела отверг эту версию. По его словам, помимо признательных показаний Беккера, есть надежные доказательства убийства и расчленения; впрочем, углубляться в детали Ньюландер в интервью не стал.

Хесс попытался продолжить ремонт, но в конце концов решил заехать в управление: во-первых, чтобы забрать служебную машину, в

которой он на следующий день собирался перевезти домой купленную в магазине стройматериалов сети «Сильван» машину для циклевки полов, а во-вторых, чтобы обрести душевное спокойствие.

В управлении было безлюдно – ведь дело происходило воскресным вечером, и короткая стрелка часов приближалась к десяти, – однако ему посчастливилось застать на рабочем месте последнего еще не ушедшего с работы сотрудника административного отдела. Хесс объяснил, что ему необходимо просмотреть материалы по делу Лауры Кьер, и тот помог ему войти в базу данных на компьютере в кабинете в самом конце коридора. Но как только благодетель Хесса улетучился, он тут же отыскал в базе дело Кристине Хартунг.

Материалы его оказались весьма объемны. Были допрошены почти пятьсот человек. Осмотрены сотни мест, бесчисленное множество предметов подверглись криминалистической экспертизе. Хесс, однако, искал лишь доказательства, уличающие Линуса Беккера в совершении преступления, что облегчало задачу. Проблема была лишь в том, что прочитанное не приносило ему душевного покоя, какового он алкал. Скорее наоборот.

Во-первых, его насторожил тот факт, что Линус Беккер оказался в центре внимания следствия благодаря наводке некоего анонима. Да, конечно, его и до этого допрашивали – таков порядок, ибо он ранее был судим за преступления на сексуальной почве. Но тот допрос ничего не дал, и только когда поступил анонимный звонок, в ходе следствия произошел прорыв. К тому же анонима этого так и не удалось разыскать. И еще Хесса заставило засомневаться то, что Беккер не уставал утверждать, будто не помнит точно, где захоронил останки, так как дело происходило в темноте, а сам он находился в состоянии помутнения рассудка.

Но зато если говорить об уликах против Линуса Беккера, то именно благодаря наводке анонима была сделана главная находка: в гараже рядом с его квартирой на первом этаже дома в Биспербьерге полиция обнаружила оружие, с помощью которого, судя по всему, он и расчленил тело Кристине Хартунг. Явно убедительное доказательство, однако Нюландер почему-то предпочел умолчать о нем в газетном интервью. Оружие, девятидвухсантиметровое мачете, было подвергнуто тщательному исследованию, и эксперты-генетики со стопроцентной уверенностью констатировали, что кровь, оставшаяся на его лезвии,

принадлежит Кристине Хартунг. И после того как результаты генетической экспертизы были предъявлены Линусу Беккеру, он признался в убийстве.

Беккер рассказал, как он на своей машине поехал за девочкой в парк, где напал на нее, изнасиловал и задушил. Затем упаковал тело в черный пластиковый мешок, лежавший в багажнике его автомобиля, и заехал домой за мачете и лопатой, хранившимися в гараже. Правда, при этом он утверждал, что у него в тот день несколько раз случалась потеря памяти, из-за чего ему помнились лишь отдельные отрывочные моменты. По его словам, пока он разъезжал с мертвым телом, сгустилась тьма, и Беккер оказался в леске где-то в Северной Зеландии. Там он расчленил тело, выкопал яму и захоронил в ней какую-то его часть, предположительно торс. Другие останки зарыл в том же леске, но в другом месте. Однако результаты генетического анализа неопровержимо свидетельствовали, что мачете было использовано для расчленения тела именно Кристине Хартунг, и это дало основания считать преступление раскрытым.

И все же именно результаты исследования оружия заставили Хесса отправиться на Мясной рынок сегодня утром. На обратном пути к центру города он остановился на Старой площади у магазина охотничьих и рыболовных товаров, который знал по тем временам, когда работал следователем в убойном отделе. В магазине по-прежнему продавали экзотическое для Дании оружие, и Хесс удивился, что делалось это на законных основаниях. Там он и нашел мачете, которое, разумеется, не было полностью идентичным тому, что применялось в деле Кристине Хартунг, но тем не менее имело примерно ту же длину, приблизительно тот же вес и изгиб и выполнено было из того же самого материала. Поначалу Хесс не мог решить, к кому из криминалистов обратиться за помощью в проведении эксперимента, но поскольку знал, что Генц пользуется репутацией прекрасного специалиста и уже давно признан таковым экспертами Европола, выбор пал на него. К тому же, приняв такое решение, Хесс избежал общения со своими старыми знакомцами.

Расчленение свињи почти закончено. Хесс отделил от туши еще одну ногу – на сей раз переднюю – двумя тяжелыми точными ударами под лопатку, вытер пот со лба и отошел от металлического стола.

– И что теперь? Мы закончили? – Генц, придерживавший свињю, отпустил ногу и тушу и посмотрел на свои часы, а Хесс оглядел клинок на свету, чтобы выяснить, какие отметины остались на нем после разделки хрюшки.

– Еще нет. Его надо почистить. И, кстати, надеюсь, у тебя найдется действительно хороший микроскоп.

– Для чего? Я так и не понял, что мы собирались делать.

Хесс не ответил. И самым кончиком указательного пальца провел вдоль лезвия мачете.

Ту́лин в растерянности по-быстрому прокручивает на стоящем перед нею плоском экране электронное наследство Лауры Кьер. Эксперты криминалистического отдела создали три папки, соответственно для эсэмэсок, электронной корреспонденции и фейсбучных обновлений. На прошлой неделе она уже просматривала все материалы несколько раз, не имея четкого плана, что же ей следует искать. Но теперь, когда Хауге освобожден, необходимо определиться, в каком направлении вести расследование дальше. И поэтому, минутою назад войдя в огромный открытый офис, Найя попросила двух помогающих ей оперативников выдвинуть версию, альтернативную Хауге, чтобы использовать всю информацию в отчете, который вскоре предстоит передать Нюландеру.

– Возможно, тьютор мальчика, – выдвинул предположение один из них. – Он же общался с Лаурой Кьер, ведь у мальчика, вообще-то очень замкнутого, случались вспышки агрессии и буйства. По словам тьютора, он пару раз встречался с ней и предлагал как можно скорее перевести сына в специальную школу. Вполне вероятно, что их отношения приняли другой оборот.

– Какой другой? – поинтересовалась Ту́лин.

– Не исключено, что мамуля раздвинула ножки перед тьютором, и можно представить себе, что как-то вечером он без предупреждения заявился к ней домой, пожелав покувыркаться с нею в постели, – и вот вам скандалёз.

Ту́лин отвергает этот аргумент, стараясь сконцентрироваться на мириадах букв и предложений, мелькающих перед нею на экране.

Айтишники оказались правы, утверждая, что переписка Лауры Кьер перед самой ее смертью не представляет особого интереса в том смысле, что в ней не содержалось никаких неопровержимых доказательств чьей-либо вины. Лишь набор банальностей, в первую очередь в переписке с Хансом Хенриком Хауге. И поэтому Ту́лин запросила скриншоты всех ее эсэмэсок, электронных писем и постов в «Фейсбуке» за весь период после смерти ее мужа, случившейся два года назад. Со своего компьютера в управлении она вошла в базу

данных с помощью кода, который Генц сообщил ей по телефону. Пользуясь случаем, он к тому же спросил, как идет расследование после сенсационной находки отпечатков пальцев Кристине Хартунг на каштановом человечке. И хотя Генц был в полном праве задать ей такой вопрос, у Тулин он вызвал негодование, и потому она в двух словах дала ему понять, что этому феномену есть логическое объяснение и не стоит тратить на него время. Затем, правда, она об этом пожалела. Ведь Генц был одним из немногих экспертов, кто вообще интересовался ходом следствия, и решила подумать над его предложением выйти с ним на утреннюю пробежку.

Найя, само собой разумеется, не читала всю переписку подряд, но и выборка позволила создать полное впечатление о личности Лауры Кьер. Главную же боль доставлял ей тот факт, что ничего из прочитанного не представляло ценности для следствия, и потому уже через два дня она посетила зубо-врачебную клинику, где работала Лаура Кьер, чтобы узнать о ней нечто большее, чем поведала ее электронная переписка. Однако опечаленные и напуганные коллеги в стерильном помещении клиники на одной из многолюдных «пешеходок» в центре города лишь подтвердили то, что ей было известно из «Фейсбука». По их словам, Лаура Кьер была типичным домашним человеком и более всего занималась воспитанием сына. Потеря мужа несколько лет назад подкосила ее – и не только сама по себе, но прежде всего из-за того, как она сказала на Магнусе. Ранее общительный и жизнерадостный, семилетний мальчик в одночасье сделался молчаливым и замкнутым в себе. Она оказалась неспособной жить одной, и тогда ее коллега помоложе посоветовала ей обратиться к сайтам знакомств, чтобы найти новую любовь. Лаура попыталась познакомиться с несколькими мужчинами на сайтах, называемых в народе «Давай потрахаемся», таких, как «Тиндер», «Хапн» и «Кэндидейт», что Тулин стало известно из электронной переписки Лауры Кьер. Ей, однако, не удалось найти мужчину, заинтересованного в установлении долговременных отношений, и тогда она перешла на сайт «Моя вторая любовь», где после еще двух неудачных попыток натолкнулась на Ханса Хенрика Хауге. В отличие от прежних кандидатов тот оказался широкой души человеком и согласился жить вместе с ней и Магнусом. Коллеги рассказывали, что Лаура влюбилась в него, и у нее снова наладилась счастливая семейная жизнь. Однако

по мере того, как Магнус становился все более сложным в общении, тема его поведения стала превалировать в ее беседах с коллегами в паузах между удалениями зубного нерва и отбеливанием зубов, и Лауру Кьер все больше и больше занимала мысль о специалистах, могущих помочь ее мальчику, тем более что у него диагностировали одну из форм аутизма.

В общем, ничего негативного о Хауге, который время от времени встречал Лауру после работы, ее коллеги не рассказали. Судя по всему, он и вправду сильно помогал ей и весьма терпеливо общался с мальчиком, заботясь о его благополучии. И многие товарищи Лауры по работе утверждали, что она совсем сломалась бы, если б не повстречалась с ним. Правда, в последние две недели Кьер стала значительно меньше говорить о сыне. А в пятницу накануне убийства отпросилась с работы, сославшись на то, что ей надо побыть с ребенком, и к тому же отказалась ехать вместе с несколькими коллегами в Мальмё на курсы повышения квалификации в субботу и в воскресенье.

Тулин знала, что эсэмэски с мобильного Кьер подтверждают показания ее коллег. В течение рабочего дня Хауге прислал ей несколько сообщений, судя по которым он был весьма озабочен тем, что она перестала тесно общаться с коллегами и отказалась от поездки ради того, чтобы побольше побыть с сыном, однако Лаура либо вообще не отвечала, либо отвечала односложно. Тем не менее сказать, будто Хауге сильно сердился на нее по этой причине, было нельзя. Он неоднократно пытался в тот день привлечь ее внимание, проявляя недюжинное терпение и называя ее «любовью всей своей жизни», «лапулей», «малышкой» и тому подобными словами, из-за чего Тулин едва не стошнило.

И потому она ожидала и, наверное, надеялась, что Хауге откроется ей с другой стороны после освобождения из-под стражи, и получила разрешение судьи проконтролировать его электронный трафик. Но здесь ее постигло разочарование. Из доступных ей материалов следовало, что Хауге был всецело поглощен своей работой, да и в компьютерной фирме на Кальвебод Брюгге его ценили, хотя главный его жизненный интерес, помимо Лауры и Магнуса, представляли дом и сад, включая гараж, который он, по-видимому, возвел своими руками. Его страничка в «Фейсбуке» по большому счету

пустовала, если не брать во внимание фотографию, на которой он в комбинезоне стоит вместе с Лаурой и Магнусом у садовой тачки, и ничего подозрительного не содержала. Если, конечно, не считать, что он постоянно заходил на всякого рода порносайты. Ту́лин спрашивала Хауге, почему он не столь активен в социальных сетях, и тот на одном из первых допросов заявил, что и так много времени проводит за компьютером на работе и потому предпочитает на отдыхе заниматься другими вещами. Это впечатление о Хауге как о вполне себе мирном человеке подкреплялось и рассказами его коллег и весьма немногочисленных знакомых, и никто из них не отметил ничего необычного в его поведении ни на компьютерной ярмарке, ни ранее.

Кроме того, Найя доверяла Генцу и экспертам-криминалистам, которые ни в машине Хауге, ни на его одежде или обуви не обнаружили никаких следов крови Лауры Кьер и вообще ничего подозрительного. И когда Генц вскоре сообщил Ту́лин, что ни тейп, коим был заклеен рот Лауры Кьер, ни пластиковые ленты, которыми преступник стянул ее кисти, не имели ничего общего с теми, что хранились на полках в гараже Хауге, надежды ее стали совсем угасать. Ни орудие пыток, ни пила, которая использовалась для ампутации кисти Лауры, также не были найдены; впрочем, то же касалось и самой отрезанной кисти.

* * *

Выйдя из системы, Ту́лин принимает решение: Ньюландеру придется подождать с обещанным ею отчетом. Она встает, берет свое пальто и прекращает дискуссию двух оперативников:

– Оставьте тьютора, сосредоточьтесь на Хауге. Проверьте еще раз дорожные камеры наблюдения, проследите передвижение его машины на дороге от выставочного центра до Хусума с двадцати двух до семи утра.

– Машину Хауге? Так ведь мы *уже* проверяли.

– Значит, еще раз проверьте.

– Мы ведь его только что отпустили.

– Позвоните мне, если что-нибудь найдете. А я съезжу и еще раз переговорю с шефом Хауге.

Не слушая протестов коллег, Найя направляется к дверям, в которых внезапно возникает Хесс.

– У тебя есть минутка?

Глазами загнанной лошади он оглядывает оперативников. Тулин проходит мимо него и отрезает:

– Нет, нету.

– Прошу прощения, меня с утра не было. Я знаю, что Хауге на свободе, да это, наверное, и неважно. Нам нужно вернуться к этим отпечаткам.

– Отпечатки как раз-таки и неважны.

Тулин быстрыми шагами идет по длинному коридору, слыша за спиной голос Хесса:

– Мальчик сказал, что фигурки не было там до убийства. Тебе необходимо выяснить, может ли кто-нибудь еще подтвердить это. Из тех, кто там живет. Может, кто-нибудь что-то видел...

Тулин приближается к ведущей в ротонду винтовой лестнице. Звонит ее мобильник, но она не включает прием, чтобы не терять времени, и спускается по крутой лестнице. Хесс следует за ней.

– Нет, не надо, мы ведь *нашли* этому объяснение. И в отделе считают, что нам следует заняться еще *нераскрытыми* делами и не расплываться на дела, уже *раскрытые*.

– Вот об этом-то нам и надо поговорить. Да погоди ты минутку, черт побери!

Тулин уже спустилась в пустынную ротонду, но Хесс схватил ее за плечо, отчего ей пришлось остановиться. Сбросив его руку, она замечает в ней папку с кратким изложением дела Кристине Хартунг.

– Тогдашний анализ показал, что на орудии, которым Линус Беккер расчленил тело Кристине Хартунг, не осталось следов костной пыли. А следы ее крови остались. Вот и решили, раз уж это соответствует объяснению преступника, что этого достаточно, и признали расчленение свершившимся фактом.

– Какого дьявола ты вообще об этом заговорил? Откуда у тебя такие сведения?

– Я только что из криминалистической лаборатории. Мне там Генц помог провести эксперимент. Когда расчленяешь тело или тушу и распиливаешь или разрезаешь кости, независимо какие, в трещинках и зазубринках на полотне орудия остаются микроскопические частички костной пыли. Посмотри на увеличенное фото этого мачете, мы использовали его во время эксперимента. Строго говоря, как бы

тщательно полотно ни чистить, эти пылинки удалить невозможно. Но судебно-генетический анализ того мачете из дела Кристине Хартунг показал лишь наличие следов крови. И *полное* отсутствие костной пыли.

Хесс протянул несколько листков, где крупным планом были показаны, по-видимому, те самые частички на металлической поверхности мачете, изображение которого тоже было увеличено. Но внимание Ту́лин сперва привлекли части туши на одном из других фото.

– А что это там на заднем плане? Поросенок?

– Это эксперимент. Это не доказательство, но важно то, что...

– Если это имеет значение, на сей факт тогда наверняка указали бы. Ты так не думаешь?

– Тогда это не было важно, но, не исключено, это имеет значение теперь, когда найден отпечаток.

Входная дверь распахнулась, и вместе с холодным вихрем в ротонду ввалились два хохочущих субъекта. Один из них Тим Янсен, высоченного роста следак, которого, как правило, сопровождает его напарник Мартин Рикс. Янсен пользовался репутацией крутого сыщика, но Ту́лин знала его прежде всего как мужского шовиниста. Она прекрасно помнила, как зимой на тренировке по боевым искусствам он прижался к ней и стал тереться о ее лобок, а отпустил только когда она врезала ему локтем в солнечное сплетение. Кстати, именно Янсену вместе со своим напарником удалось получить признательные показания преступника по делу Кристине Хартунг. У Найи вообще сложилось впечатление, что эти двое имеют в отделе статус неприкасаемых.

– Привет, Хесс. Ты отпуск дома проводишь?

Янсен сопроводил приветствие невинной улыбкой, но Хесс ему не ответил. Он собирался продолжить разговор, когда коллеги покинут ротонду, а Ту́лин захотелось сказать, что его осторожность выглядит смешно.

– Может, это ничего и не значит. Ведь кровь ее там была, и лично мне все равно, но тебе обязательно надо поговорить с твоим шефом и решить, как действовать дальше, – сказал он, выдержав ее взгляд.

Найе не хотелось говорить ему об этом, но после визита к Магнусу в глострупской больнице она сама зашла в базу данных и

перечитала дело Хартунг. Просто чтобы увериться, что в нем и вправду не было ничего, на что ей следовало бы обратить внимание, в чем она лишний раз и убедилась. Впрочем, воспоминания о том, какую боль доставил родителям Кристине их с Хессом недавний визит к ним домой, остались при ней.

– Ты говоришь мне об этом, потому что наблатыкался в раскрытии убийств у себя там в Гааге?

– Нет, я говорю это потому, что...

– Тогда не вмешивайся. Не возникай и не веди себя как слон в посудной лавке с людьми, у которых горе, потому что кое-кто делает свою работу, а ты свою не выполняешь.

Хесс смотрит на нее. И по его глазам она понимает, что он ошарашен. Да, он был слишком далек в своих мыслях и не мог сообразить, что приносит больше вреда, чем пользы, и это смягчает ее. Но, в сущности, ничего не меняет. Найя направляется к дверям, но в этот момент в ротонде эхом отдается голос спускающегося по лестнице с мобильным телефоном в руке оперативника.

– Ту́лин, ты нужна айтишникам.

– Скажи, что я скоро перезвоню.

– Это срочно. Они только что засекли эсэмэску, пришедшую на номер Лауры Кьер.

Ту́лин замечает, что Хесс просыпается и поворачивается к оперативнику, который передает ей телефон.

Она слышит в трубке голос молодого эксперта, имя которого не может уловить. Тот скороговоркой описывает ситуацию:

– Речь о мобильнике жертвы. Мы деактивируем его в телефонной компании, когда заканчиваем проверку, но это занимает несколько дней, и поэтому он все еще действует и пока может...

– Скажи только, что в сообщении.

Ту́лин смотрит во двор с колоннадой и разлетающуюся вокруг медного цвета листву – и чувствует затылком взгляд Хесса, пока айтишник зачитывает ей текст сообщения. Через незакрытые двери дует холодный ветер, и она слышит, как сама же спрашивает эксперта, удалось ли им засечь отправителя.

Встреча с лидером поддерживающей в парламенте правительство партии Гертом Букке закончилась всего лишь четверть часа назад, но только сейчас Роза Хартунг призналась себе, что та прошла по наихудшему для нее сценарию.

Последние дни в Кристиансборге кипела работа: велась оживленная переписка между минсоцзащиты и штаб-квартирой фракции Букке по поводу корректировки различных статей в связи с подготовкой бюджета министерства на следующий год. Сама Роза вместе с Фогелем трудилась круглосуточно, и все для того, чтобы найти компромиссные решения по социальной политике, которые удовлетворили бы как фракцию Букке, так и правительство, что, впрочем, было Розе на руку. За эти шесть дней она постаралась забыть о визите двух полицейских и всю свою энергию направила на то, чтобы добиться соглашения в таком виде, в каком его хотел бы видеть премьер-министр. А ей кровь из носу необходимо оправдать его доверие – ведь в свое время Роза сама гарантировала, что в состоянии выполнять свои обязанности в министерстве. Что, возможно, не полностью соответствовало действительности, но являлось важнейшим фактором, позволившим бы ей вернуться к полноценной жизни. К счастью, за прошедшую неделю никаких угроз и мешающих работе посланий в ее адрес не поступало, и она думала, что жизнь вошла в привычную колею, – по крайней мере, до начала встречи с Букке в переговорной, что находится рядом с залом заседаний Фолькетинга. Пока Фогель увлеченно докладывал о поправках к законопроекту, предлагаемых министерством, Роза наблюдала за Гертом, который вежливо кивал в его сторону, хотя на самом деле с гораздо большим интересом рисовал какие-то завитушки в своем клетчатом блокноте. И первые же произнесенные Букке слова поразили ее:

– Я выслушал ваши предложения, но мне необходимо обсудить их во фракции.

– Так вы же уже обсуждали их, и не раз.

– А теперь придется обсудить еще раз. Значит, договорились?

– Но ведь, Букке, фракция сделает, как ты скажешь. Мне надо знать, сможем ли мы заключить соглашения до...

– Роза, процедура мне известна. Но как уже было сказано...

Он поднимается с места. Хартунг понимает, что в вольном переводе его слова означают, что он просто хочет потянуть время, но не может взять в толк, с какой целью. Позиции Букке что в партии, что в ее электорате не столь уж и прочны, и в случае достижения соглашения с нею они бы только укрепились.

– Букке, мы пойдем тебе навстречу, но и не позволим больше давить на нас. Мы уже скоро неделю как ведем переговоры и пошли тебе на уступки, но мы не можем...

– А по-моему, это премьер давит на нас, и мне это не нравится, поэтому я возьму на раздумья столько времени, сколько мне понадобится.

– О каком давлении речь?

Герд Букке снова садится на свое место и наклоняется в ее сторону.

– Роза, ты мне симпатична. И я сочувствую тебе в твоём горе. Но если по-честному, мне думается, тебя выпустили на сцену, чтобы легче было проглотить горькую пилюлю, а я в такие игры не играю.

– Не понимаю, что ты имеешь в виду.

– За год, что ты отсутствовала, правительство столько раз то в одну кучу дерьма наступало, то в другую... По опросам общественного мнения, популярность его упала, премьер в отчаянии и не знает, что предпринять. Вот он и пытается сделать из бюджета мешок с подарками и вполне осознанно выдвигает самого уважаемого министра, то есть тебя, на роль Деда Мороза, чтобы правительство смогло вернуть доверие избирателей накануне выборов. И тогда он снова возглавит его.

– Букке, не меня «выдвинули», чтобы вернуть доверие избирателей, а я сама попросила об этом.

– Замечательно, на этом и закончим.

– А если ты считаешь, что наши предложения – это мешок с рождественскими подарками, то этот вопрос нам следует обсудить. Мы в середине каденции, и нам сотрудничать еще два года, так что я заинтересована исключительно в том, чтобы найти решение, которое удовлетворит обе стороны. Но, похоже, ты просто тянешь время.

– Я не тяну время. Говорю лишь, что есть некие вызовы. У меня свои, да и тебе наверняка есть с чем бороться, так что вполне понятно, что задача у нас не из самых легких.

Букке улыбается улыбкой дипломата. Роза не отводит от него взгляда. Фогель, уже пытавшийся смягчить тон беседы, предпринимает новую попытку:

– Букке, а что, если мы сократим немного больше...

Но Роза, видимо, приняла решение. Она внезапно поднимается.

– Нет, закончим на этом. И дадим Букке время обсудить положение во фракции.

И прежде чем Фредерик Фогель успевает сказать что-то еще, Хартунг поднимается с места и направляется к двери.

* * *

Парадная галерея Кристиансборга заполнена посетителями, многочисленные гиды указывают на потолок и висящие на стенах портреты руководителей государства за всю историю страны. Прибыв во дворец утром, Роза отметила большое количество туристических автобусов на площади и длинную очередь у рамок металлоискателей. Да, она выступает за открытость оплота народовластия, но все же недовольно морщится, протискиваясь сквозь толпу по дороге в свое министерство. На полпути ее догоняет Фогель.

– Я только хочу напомнить, что мы зависим от Букке. Его фракция поддерживает правительство, и без этого оно не имело бы большинства в парламенте. Нельзя реагировать, как ты. Даже когда он перешел на личности.

– Одно с другим ни черта общего не имеет. Мы потратили неделю и ничего не добились. Он просто хочет показать всем, что мне не справиться со своей задачей, переговоры сорвутся, и нам придется назначить досрочные выборы.

Розе ясно, что Букке не горит желанием и дальше сотрудничать с правительством. Возможно, оппозиция сделала ему более соблазнительное предложение. Если их вынудят уйти в отставку и назначить внеочередные выборы, центристская партия Букке будет вольна войти в новый альянс с другими партиями. А этой своей

фразой «да и тебе наверняка есть с чем бороться» он, по-видимому, намекнул, что ему хотелось бы возложить ответственность за провал переговоров на нее.

По пути Фогель продолжает разговор:

– Думаешь, он получил предложение от оппозиции? В таком случае, прекращая переговоры, ты даешь ему все основания обдумать его, и я не уверен, что премьеру это понравится.

– Я ничего не прекращала. Но если Букке попытается давить на нас, мы ответим ему тем же.

– Каким образом?

Роза уже поняла, в чем ее главная ошибка. Возвратившись в министерство, она избегала прессы и просила сотрудников вежливо, но решительно отвергать все обращения по поводу интервью с нею. С одной стороны, потому, что было понятно, о чем на самом деле станут спрашивать журналисты. А с другой – потому, что хотела полностью сосредоточиться на переговорах. Хотя, наверное, все же больше по первой причине. Фогель пытался переубедить ее, но она твердо стояла на своем, однако теперь, посмотрев на ситуацию со стороны, поняла, что ее отсутствие в СМИ вполне могут трактовать как проявление слабости, если переговоры закончатся провалом.

– Договорись насчет интервью. Я приму столько журналистов, на сколько хватит сегодня времени. Надо обнародовать наши предложения по социальной политике, и пусть об этом услышит как можно больше народу – таким образом мы и надавим на Букке.

– Согласен. Но ведь интервьюеры наверняка политикой не ограничатся.

Ответить Роза не успевает. Проходящая мимо молодая женщина сильно толкает ее в плечо, и чтобы не упасть, ей приходится прислониться к стене.

– Эй, ты что творишь-то?

Фогель поддерживает Розу за руку и бросает гневный взгляд на девушку, которая хотя и оглянулась, но не дала себе труда остановиться. На ней дутовый жилет и красная куртка с надвинутым на лоб капюшоном. Роза замечает только, что у нее темные глаза, и та сразу же исчезает в толпе, видимо, стремясь догнать свою группу экскурсантов.

– Дубина!.. С тобой все о'кей?

Роза кивает и идет дальше. Фогель достает свой мобильник.

– Я сейчас же договорюсь.

Он набирает номер первого журналиста, пока они спускаются по лестнице. Роза на мгновение оборачивается, но не находит ту женщину среди посетителей. Есть в ее облике нечто знакомое, но вспомнить, где или когда она ее видела ранее, Хартунг не может.

Голос Фогеля возвращает ее к действительности, и Роза забывает эту мысль.

– Ты будешь готова к первому интервью через четверть часа?

Осенний ветер тревожно гудит и завывает в развевающихся лентах пластиковой фасадной пленки, скрывающей строительные леса на площади Ярмера, где образовалась приличная пробка. Белый служебный автомобиль с сиреной и проблесковым маячком на крыше совершает рискованный маневр. Выезжает на тротуар, проскакивает мимо ремонтируемого здания, но потом оказывается зажатым позади муниципального грузовика с кучей мокрых листьев в кузове.

– А нельзя ли поточнее? Откуда поступает сигнал?

Тулин сидит за рулем, с нетерпением ожидая ответа эксперта по радиотелефону, и пытается объехать коммунальный грузовик.

– Сигнал с мобильного поступает с участка между Тагенсвай и Озерами; владелец движется сейчас в сторону Готерсгаде, по-видимому, на машине.

– Есть ли данные на владельца?

– Нет, никаких. Сообщение послано с мобильного с незарегистрированной сим-картой, но мы переслали его вам, так что можете сами прочесть.

Тулин изо всех сил жмет на кнопку сирены, находит зазор в пробке и бьет по газам. Хесс же, сидящий рядом с ней, в это время читает эсэмэску на дисплее своего телефона.

Каштановый человечек, входи, входи. Каштановый человечек, входи, входи. Есть у тебя каштаны сегодня для меня? Спасибо, спасибо, спасибо...

– Это из детской песенки: «Яблоневого человечек, входи, входи». Но «яблоневый человечек» заменяется «сливовым», «каштановым», ну или что там еще детишки захотят... Прочь с дороги, черт бы вас всех побрал!

Тулин снова нажимает кнопку сирены и обгоняет автомобиль инкассаторов. Хесс поворачивается к ней:

– Кто знает, что мы нашли каштанового человечка на месте преступления? Где-нибудь об этом говорилось, в отчетах или в заключениях экспертов?

– Нет, Нюландер придержал эту информацию, так что об этом нигде не упоминалось.

Ту́ли́н прекрасно понимает, почему Хесс задал этот вопрос. Если бы информация о каштановом человечке с отпечатками пальцев Кристине Хартунг просочилась в прессу, все городские сумасшедшие завалили бы их всевозможными сообщениями. Но в данном случае, по-видимому, речь не о психе. Тем паче что эсэмэска послана напрямую на мобильник Лауры Кьер, и эта мысль заставляет Найю снова позвонить по радиотелефону.

– Как ситуация? Куда нам ехать?

– Сигнал поступает с улицы Кристиана Девятого; может, он зашел в какое-то помещение – сигнал слабый...

На светофоре горит красный свет, но Ту́ли́н выезжает на тротуар и, не глядя по сторонам, на полном ходу пересекает перекресток.

Ту́лин и Хесс вылезают из машины и бегут по пандусу мимо выстроившихся в очередь у шлагбаума автомобилей. Судя по последнему сообщению, транспортное средство, из которого поступал пропавший сигнал мобильного, должно находиться где-то здесь, но как его найти, ведь парковка заполнена почти до отказа... Приближается вечер понедельника, и люди торопятся с парковки в магазин и в обратном направлении. Целые семьи с огромными пакетами для покупок и тыквами, на которых вскоре будут вырезаны зловещие гримасы для Хеллоуина. Тихая фоновая музыка в усилителях прерывается лишь медовым голосом диктора, анонсирующего привлекательные для покупателей осенние предложения торгового центра.

Ту́лин сразу подбегает к стеклянной будке в конце подземного этажа, где находится охранник паркинга. Молодой человек сидит боком к ней и силится поставить на полку какие-то папки.

– Я из полиции. Мне надо знать...

Тут она замечает, что малый в наушниках; он реагирует только, когда она сильно стучит по стеклу и показывает ему свой жетон.

– Мне надо знать, какие машины подъехали за последние пять минут.

– Откуда же я узнаю?

– Да они же у тебя на записи с камер зафиксированы. Давай смотри.

Ту́лин указывает на стену, увешанную небольшими экранчиками за спиной парня, до которого наконец-то доходит, что время не терпит.

– Прокрути назад! Пошевеливайся!

С тех пор как пропал сигнал мобильного, когда владелец вошел в здание, телефон не подавал признаков жизни, но если Ту́лин удастся посмотреть, какие машины въезжали на подземную парковку в течение последних пяти минут, она будет знать их регистрационные номера и таким образом идентифицировать тех лиц, о которых идет речь. Однако охранник никак не может найти пульт дистанционного управления.

– Я помню по крайней мере «Мерседес» и машину курьерской почты, ну, и еще несколько легковушек...

– Давай, давай, поторапливайся!

– Тулин, сигнал движется в сторону Кёбмаэргаде.

Найя оборачивается в сторону Хесса, который, прижав аппарат к уху, слушает сообщение службы слежения и теперь начинает лавировать среди припаркованных машин, пробираясь к ведущей на первый этаж лестнице. Она снова обращает взор на охранника, который наконец-то нашел пульт дистанционного управления.

– Ладно, уже все равно. Покажи мне камеры в магазине. Те, что на первом этаже и снимают выход в сторону Кёбмаэргаде.

Охранник указывает на три верхних экрана, и Тулин вглядывается в черно-белые изображения. Масса покупателей, точно муравьи, вроде бы бесцельно движутся мимо друг друга на первом этаже торгового центра. Сперва она ничего не может разобрать, но вдруг обращает внимание на фигуру, в отличие остальных, целенаправленно двигающуюся в конкретном направлении, а именно к выходу на Кёбмаэргаде. Камеры видеонаблюдения снимают со спины темноволосого мужчину в костюме, но тот пропадает за колонной, и Найя срывается с места.

Эрик Сайер-Лассен идет в трех шагах позади женщины, чувствуя запах ее духов. Ей слегка за тридцать, на ней черная юбка и черные же чулки, туфли-«лабутены» на высоченных каблуках, звук которых, когда она проходит зону «Виктория'с Сикрет», почти невыносим для него. Женщина хорошо ухожена, и фигура с высокой грудью и узкой талией ему по нраву; он предполагает, что она работает в каком-нибудь месте с зеркалами, благовониями, полами с подогревом и прочей дребеденью просто для того, чтобы убить время до того, как станет предметом мебели в доме богатенького муженька. Он представляет себе, как поступит с нею – втолкнет в помещение через дверь, задерет юбку и впорет ей сзади, схватив ее предварительно за длинные обесцвеченные волосы и отклонив голову назад так, что она закричит от боли. Он мог бы наверняка добиться желаемого, пригласив ее в какой-нибудь модный ресторан или фешенебельный ночной клуб, где она хихикала бы от удовольствия и писала кипятком всякий раз, когда он прикладывал свою платиновую карточку к платежному терминалу. Но это вовсе не то, чего он желает, вовсе не то, чего заслуживает...

Рингтон мобильного возвращает его к реальности из мира фантазий. Он достает телефон из висящей у него на плече сумки.

– Что?

Он отвечает холодным тоном и понимает, что жена это чувствует, но, черт возьми, не ее ли вина в том, что он стал тем, каков есть? Он останавливается и оглядывается в поисках женщины в «лабутенах», но та уже растворилась в толпе.

– Извини, я, наверное, помешала?

– Чего ты хочешь? Я не могу сейчас говорить. Я же сказал.

– Я просто хотела спросить: ничего, если мы с девочками поедem к маме и переночуем у нее?

Он настораживается.

– С чего это вдруг?

Мгновение она молчит.

– Просто они давно ее не видели. Тем более тебя все равно нет дома.

– Ты не хочешь, чтобы я был дома, Анне?

– Конечно, хочу. Только ты сказал, что сегодня задержишься на работе, вот я...

– Что «вот», Анне?

– Прости... ну ладно, тогда мы останемся дома... Если тебе кажется, что это плохая идея...

Что-то в ней раздражает его. Что-то в ее голосе – чему он не верит, на что не может положиться. Он не хотел, чтобы жизнь сложилась вот так, хотя хотел много чего, и больше всего – перемотать все, что было, назад и начать все заново, с чистого листа. Но тут он слышит звук каблучков по мраморному полу, оборачивается и видит, как женщина в «лабутенах» выходит из бутика с маленьким красивым пакетиком в руке и направляется к лифту возле выхода на Кёбмаэргаде.

– Отлично. Езжайте.

Эрик Сайер-Лассен заканчивает разговор и успевает заскочить в лифт, двери которого уже готовы закрыться.

– Я могу присоединиться?

Женщина слегка удивлена его появлением, что отражается на ее кукольном личике. Она окидывает быстрым взглядом его лицо, темные волосы, дорогой костюм и туфли и расплывается в широкой улыбке.

– Да, конечно.

Эрик Сайер-Лассен входит в лифт. Он успевает ответить на ее улыбку, нажать на кнопку и повернуться лицом к женщине, как вдруг какой-то взбудораженный мужик, помешав протянутой рукой дверям закрыться, толкает его в направлении зеркальной стенки, так что он носом утыкается в прохладное стекло. Женщина визжит от ужаса. Мужик наваливается всем своим весом на него со спины и обыскивает его. Эрик замечает цвет глаз мужчины и решает, что на него напал безумец.

Стиину ясно, что клиент в чертежах ни бум-бум. С подобным он неоднократно сталкивался и раньше, но на сей раз гость раздражает его безмерно, потому что считает невежество добродетелью и именно поэтому позволяет себе выступать «оригинально», «инако» и «безапелляционно».

Они сидят в большой переговорной, его партнер Бьярке и он сам, ожидая, когда клиент оторвет взгляд от очередного чертежа и всемилостивейше соблаговолит высказать свое мнение. Стиин косится на часы. Встреча затягивается, и еще пять минут назад он должен был сидеть за рулем и ехать в школу. Парню двадцать три, он мультимиллионер, нажил свои деньжищи на высоких технологиях, а одет словно пятнадцатилетний подросток, в драные джинсы и белые сникеры. Стиин инстинктивно чувствует, что чувак может без ошибок написать слово «конструктивизм» лишь с помощью редактора на своем наимоднейшем «Айфоне», который в начале разговора положил на стол и все время теребит.

– Ребята, здесь слишком мало *details*^[12].

– Так ведь в прошлый раз вы сказали, что *деталей* слишком много.

Бьярке так и тянет сгладить ситуацию, и он поспешно говорит:

– Мы можем добавить – никаких проблем.

– Во всяком случае надо забабахать побольше *rang*^[13], побольше *karow*^[14].

Стиин будто только и ждал этих слов и тут же вытаскивает целую стопку старых чертежей.

– Вот последние чертежи. Здесь вам и *rang*, и *karow*, но вы сказали, что их слишком много.

– Да, так и было. Или, может, я просто сказал... слишком мало.

Стиин смотрит на чувака, и тот отвечает ему широченной улыбкой:

– А может, ошибка в том, что все это как-то *inbetween*^[15]. Вот вы мне чертежи показываете – вы в своем дерьме доки, но все это

слишком однообразно и монотонно, а нужно, чтобы было *no strings attached*^[16]. Вы въезжаете?

– Нет, не въезжаю. Но мы можем разместить красных пластиковых зверюшек вдоль въезда или, скажем, перестроить приемную и оформить ее как пиратский корабль.

Бьярке смеется чересчур громким смехом, показывая, что разоружился, однако юный хозяин жизни шутку не принимает:

– Возможно, это замечательная идея. Хотя я, конечно, могу обратиться к вашим конкурентам, если вы сами не *take*^[17] за это до истечения *deadline*^[18] сегодня вечером.

* * *

Вскоре Стиин уже едет в школу, но по пути звонит в адвокатскую контору и говорит, что до сих пор еще не получил заключения о признании Кристине умершей. Сконфуженная секретарша просит прощения, и Стиин слишком поспешно заканчивает разговор, хотя она и успевает сказать, что поняла проблему, и обещает исправить ошибку и переслать документы.

По дороге, задолго до того, как подъехать к школе, Стиин опорожняет три шкалика горькой настойки, однако на сей раз он запасся жевательной резинкой и проехал несколько километров с опущенным стеклом. Под деревьями, где Густав обычно его ожидает, мальчика не видно, и мобильный его не отвечает. Стиин никак не может определиться, то ли он слишком рано приехал, то ли опоздал. Школьный двор пуст. Стиин смотрит на часы. Вообще-то он редко заходит в школу, а фактически даже не может вспомнить, когда такое случилось в последний раз, и кажется, будто они с Густавом молча согласились, что ему лучше всего оставаться на улице. Но сейчас Густава на улице нет. А Стиину через полчаса надо быть на работе и заняться переделкой чертежей для юного хозяина жизни. Он открывает дверцу и выходит из машины.

Дверь в классную комнату Густава распахнута, но внутри никого нет. Стиин быстро шагает дальше, благодаря судьбу, что сейчас идут уроки, ведь если б была перемена, ему не удалось бы избежать испытующих взглядов. Проходя мимо шумных подготовительных классов, он старается не замечать украшений в виде голых по осени веток и каштановых зверюшек. Недавний визит полицейских помнится ему, как кошмарный сон. Отпечатки пальцев. Чувства, проснувшиеся в нем, когда до него дошел смысл сказанного визитерами. Возродившаяся надежда, смешанная с ощущением полной растерянности. Сколько уже раз они с Розой это проходили, сколько раз им приходилось возвращаться назад, к самому началу этой истории – просто теперь такого поворота они никак не ожидали. Потом говорили между собой, что раз уж так случилось, им – в первую очередь ради Густава – надо постараться быть сильными и уметь достойно принимать в том числе и мучительные потрясения, которые всегда будут подстерегать их при упоминании дочери. Независимо от того, при каких обстоятельствах это произойдет. И еще они решили, что, несмотря ни на что, им надо двигаться вперед, и хотя Стиин словно чувствует на спине взгляды каштановых зверюшек, поворачивая за угол в направлении общего зала, он дает себе твердое слово не обращать на это внимание.

Внезапно Стиин останавливается. Он не сразу понимает, что в общем зале проводят урок одноклассники Кристине, ведь давно уже их не видел. Но лица ему знакомы.

Они мирно сидят за стоящими на коричневом ковре белыми столами и работают в группах. И стоит только одному из учеников поднять на Стиина глаза, как тут же и взгляды всех остальных устремляются на него. Но никто не произносит ни слова. Замешкавшись на мгновение, он собирается пройти дальше.

– Привет!

Стиин поворачивается в сторону девочки, сидящей в одиночестве за ближним к нему столом, с тремя небольшими стопками учебников,

и узнает Матильде. Она повзрослела. Стала серьезней. Одета в черное. По-доброму улыбается ему и спрашивает:

– Ты Густава ищешь?

– Да.

Он встречал ее тысячи раз, ведь она бывала у них в доме столь часто, что беседовать с нею было почти так же естественно, как с дочерью, но теперь с трудом подыскивает слова.

– Его класс недавно прошел мимо, но они наверняка скоро вернуться.

– Спасибо. Ты не знаешь, куда они пошли?

– Нет.

Стиин смотрит на свои часы, хотя прекрасно знает, который теперь час.

– Ну ладно, подожду его в машине.

– Как у вас дела?

Стиин глядит на Матильде и пытается изобразить улыбку. Она задала ему один из самых опасных вопросов; впрочем, он слышал его так часто, что знает: главное – ответить немедленно.

– Отлично. Работы многовато, но это и к лучшему. А как у тебя?

Она кивает и тоже старается улыбнуться, но вид у нее печальный.

– Мне так жаль, что я у вас давно не бывала...

– Не огорчайся, у нас все замечательно.

– Привет, Стиин. Я могу чем-нибудь помочь?

Он поворачивается к подходящему к ним классному руководителю Йонасу Крагу. Ему лет сорок пять, он в джинсах и обтягивающей футболке. Взгляд у него доброжелательный, но в то же время настороженный, испытующий, и Стиину отлично известно, почему он так смотрит на него. Случившееся с Кристине сильно отразилось на всех ее одноклассниках, и учителя постарались помочь ребятам пережить эту трагедию. При этом классный был одним из противников участия учеников класса в траурной церемонии, состоявшейся, по понятным причинам, через несколько месяцев после исчезновения Кристине. По его мнению, это в большей степени повредило бы психике детей, нежели принесло пользу, так как разбередило бы уже начавшую затягиваться рану, о чем он и сообщил Стиину. Между тем руководство школы решило дать ученикам

возможность самим решать, участвовать в церемонии или нет. И почти все одноклассники Кристине на ней появились.

– Нет, всё в порядке. Я уже ухожу.

Он возвращается к машине, и в этот момент звенит звонок с урока. Стиин закрывает дверцу и старается разглядеть фигуру Густава среди выходящих из школы детей. Однако сына все нет. Он уверен, что поступил правильно, но встреча с Матильде снова вызвала воспоминания о визите полицейских, и у него в голове всплыли слова последнего из пользовавшихся их психотерапевтов о том, что горе – это утратившая свой дом любовь, и нужно сжиться с этим горем и понуждать себя двигаться вперед.

Густав садится на переднее сиденье рядом с ним и рассказывает, что классный руководитель затаячил их в школьную библиотеку, чтобы они выбрали себе книги для домашнего чтения, и поэтому он ненадолго опоздал. Стиин понимающе кивает, собирается включить двигатель и поворотник и отправиться в путь, но внезапно у него появляется ощущение, что ему необходимо вернуться в школу. Звенит звонок на урок, а он продолжает бороться с собой. Стиин понимает: то, что он собирается сделать сейчас, находится за чертой, которую, как он сам установил, переступить ему нельзя. Но знает и то, что если не сделает это сейчас, то, скорее всего, никогда уже не сможет задать Матильде вопрос, который для него столь важен, может быть, даже важнее всего в жизни.

– Что-то не так?

Стиин открывает дверцу.

– Мне надо... я сейчас. Подожди в машине.

Он захлопывает дверцу и идет к входу в школу под кружащимися над ним листьями.

– Вы что вытворяете, черт побери?! Я требую объяснений! – истерически кричит Эрик Сайер-Лассен.

Ту́лин нажимает на иконку сообщений на мобильнике «Самсунг Гэлакси» и бегло просматривает эсэмэски, а Хесс тем временем вываливает содержимое его сумки на обтянутый белой кожей диван, какие обычно устанавливают в лаунж-кафе или в лаунж-зонах торгово-развлекательных комплексов. Все это происходит в офисе задержанного, на верхнем этаже торгового центра. Внизу тихо звучит фоновая музыка, а здесь фактически рай для офисных работников инвестиционной фирмы Сайер-Лассена. Дневной свет потихоньку иссякает, и перед стеклянной стенкой, отделяющей кабинет от коридора, теснятся сотрудники с озабоченными лицами и разглядывают своего директора, которого мгновения назад вывели из лифта способом, не оставлявшим сомнения в том, что он задержан полицией.

– Вы не имеете права! Что вы там делаете с моим мобильником?

Найя, не отвечая на его эскападу, обращается к Хессу, который разбирает содержимое сумки:

– Сообщения здесь нет.

– Возможно, он его стер. Эксперты говорят, что сигнал по-прежнему поступает отсюда.

Хесс достает из сумки белый пакет из «Севен-Илевен», а Эрик Сайер-Лассен делает шаг в сторону Ту́лин.

– Я ни хрена такого не сделал. Или вы сейчас же уберетесь к чертовой матери, или скажете...

– В каких отношениях вы находитесь с Лаурой Кьер?

– С кем?

– С Лаурой Кьер. Ей тридцать семь лет, она ассистент зубоветеринарной клиники. Вы только что отправили сообщение на ее мобильный телефон.

– Никогда о такой не слышал.

– Куда подевался другой ваш телефон?

– У меня только один.

– А что у вас в пакете?

Ту́лин имеет в виду белую с подкладкой бандероль размером с лист А5, которую Хесс вытаскивает из пакета и показывает Эрику Сайер-Лассену.

– Понятия не имею, я его только что забрал. Я шел с совещания, мне позвонил курьер и сказал, что оставил для меня пакет в «Север-Илевен»... Эй?! – Сайер-Лассен замечает, что Хесс начинает вскрывать упаковку. – Что вы делаете? Какого дьявола, что здесь происходит?

Хесс внезапно выпускает бандероль из рук, и она падает на белый кожаный диван. Он уже вскрыл упаковку настолько, чтобы Ту́лин могла увидеть прозрачный пластиковый пакет с засохшими пятнами крови, а в нем – старый мобильник «Нокиа» с мигающим сигналом. Телефон прикреплен клейким тейпом к какому-то серому комку. Но когда Ту́лин различает кольцо на пальце, до нее доходит, что перед ними, скорее всего, ампутированная кисть Лауры Кьер.

Эрик Сайер-Лассен поражен:

– Это еще что за хренотень?

Хесс и Ту́лин обмениваются взглядами, и первый подходит к задержанному.

– Подумайте хорошенько. Лаура Кьер...

– Да не знаю я ничего!

– Кто прислал вам бандероль?

– Я только что получил ее. Я не знаю...

– Где вы были вечером в понедельник на прошлой неделе?

– В понедельник вечером?

Ту́лин осматривается в кабинете задержанного и не слушает ни Хесса, ни Сайер-Лассена. Она интуитивно чувствует, что этот разговор ничего не даст. Ей представляется, что вся эта суматоха кем-то срежиссирована. Будто кто-то сейчас страшно веселится и насмехается над ними, наблюдая, как они безумно мечутся, точно насекомые в стеклянной банке. Найя пытается найти ответ на вопрос, почему они оказались здесь и почему ей кажется, что они правильно поступили, приехав сюда, и в то же время ее не покидает чувство, что это подстава.

Кто-то намеренно прислал эсэмэску, чтобы выманить их в торговый центр. Кто-то хотел, чтобы они следили за нокиевским

сигналом и нашли правую кисть Лауры Кьер здесь, в офисе Эрика Сайер-Лассена. Но с какой целью? Нет, не для того, чтобы помочь им, и, по всей видимости, не потому, что Сайер-Лассен может пролить свет на какие-то детали, относящиеся к произошедшему. Но зачем тогда понадобилось наводить их именно на него?

Взгляд Ту́лин останавливается на фото в красивой рамке на полке «монтановского»^[19] стеллажа позади письменного стола. На нем изображены Эрик Сайер-Лассен, его жена и дети, и она только сейчас догадывается, какой коварный замысел привел их сюда.

– Где сейчас ваша жена?

Услышав вопрос Найи, Хесс и Сайер-Лассен замолкают и поворачиваются к ней.

– Ваша жена! Где она сейчас?

Эрик недоуменно покачивает головой, а Хесс переводит взгляд с Ту́лин на семейное фото на стеллаже, и она понимает, что у него возникла схожая мысль. Эрик Сайер-Лассен пожимает плечами и выдавливает из себя нервный смешок:

– Да не знаю я, черт побери! Должно быть, дома. А с чего вопрос-то?

Дом этот самый большой в районе Клампенборга, и с той поры, как несколько месяцев назад Анне Сайер-Лассен, ее муж и двое их детей переехали сюда, у нее вошло в привычку заканчивать пробежку перед автоматическими воротами и идти оставшуюся часть пути по щебенке до дома медленным шагом, чтобы отдышаться и нормализовать пульс. Но сегодня она изменила привычке. Набравшись мужества и позвонив Эрику, Анне заторопилась домой и, не снижая скорости, пробежала по щебенке мимо аккуратно подстриженных кустов, алебастрового фонтана и «Лендровера». Ее не смущает, что ворота по-прежнему открыты, ведь совсем скоро она выедет через них в последний раз в своей жизни. Анне только что позвонила няне и сообщила ей, что сама заберет Лину из садика, а Софию – с продленки. Она подбегает к каменным ступеням, где ее игривым лаем встречает собака, быстрым движением треплет ее по загривку и отпирает дверь.

В доме уже сгущается темнота, она зажигает свет, а потом, переводя дыхание, отключает сигнализацию, нажав на кнопку возле видеодомофона. Быстро сбрасывает кроссовки и решительно поднимается по лестнице; собака следует за ней. Анне знает точно, что возьмет с собой, ведь мысленно она уже много раз собирала вещи в дорогу. В детской на втором этаже достает из глубины шкафа две стопки заранее приготовленного белья, из ванной берет зубные щетки и косметички. Увидев на экране мобильного телефона, что звонит муж, решает не отвечать на звонок. Если она сейчас поторопится, то вполне может позвонить ему позднее и сказать, что не могла ответить, так как была в машине, и тогда он составит картину произошедшего не ранее завтрашнего утра, когда выяснит, что они не ночевали у свекрови. Анне торопливо заталкивает одежду девочек в черную дорожную сумку, где уже уложены ее вещи, и три свекольного цвета паспорта из шкафа в спальне. Закрывает сумку, едва ли не бегом спускается по лестнице в гостиную с выходящим на лесопарк панорамным окном и тут вспоминает, что забыла две вещи, без которых им никак не обойтись. Она ставит сумку на пол посередине гостиной, кладет на нее сверху свой мобильник и опять же бегом возвращается на второй этаж.

В детской, где уже совсем стемнело, лихорадочно ищет под перинами и кроватями, но только взглянув на подоконник, находит там двух игрушечных панд, без которых девочкам и жизнь не мила. Окрыленная тем, что так быстро удалось отыскать игрушки, Anne бегом спускается с лестницы и по дороге напоминает себе взять с большого облицованного рюстами обеденного стола из китайского дерева в кухне кошелек и ключи от машины. Затем поворачивается в сторону гостиной – и застывает, точно соляной столп.

Там, в центре помещения, где она минуту назад оставила черную дорожную сумку, ничего нет. Ни сумки, ни мобильного телефона. Лишь полосы голубоватого света от фонаря в саду, пробивающегося сквозь двери террасы, лежат на лакированном полу, где теперь стоит маленькая фигурка каштанового человечка. Сперва она ничего не может понять. То ли фигурку сделала одна из дочек вместе с няней. То ли сумку она поставила в другое место. Но потом до нее доходит, что и та и другая версии ошибочны.

– Кто там? Эрик, это ты?

Ответа нет. И Anne лишь замечает, что взгляд зарычавшей собаки направлен куда-то в темноту у нее за спиной.

Классный руководитель рассказывает об истории Интернета от Тима Бернерса-Ли до Билла Гейтса и Стива Джобса, как вдруг дверь класса открывается и сидящая у окна Матильде, к своему изумлению, видит, что в помещение заглядывает отец Кристине. Он помешал вести урок и смущенно просит прощения, но ей кажется, будто он только сейчас понял, что забыл постучаться.

– Мне нужно поговорить с Матильде. Буквально минутку.

Классный руководитель не успевает ответить, а Матильде уже поднимается с места. Она чувствует, что классный недоволен вторжением Хартунга, и знает почему, но ей все равно. Они выходят из класса, и по лицу Стиина Матильде догадывается, что с ним что-то не так. Она хорошо помнит тот день почти год назад, когда он зашел к ним спросить, не знает ли Матильде, где может быть Кристине. Она постаралась помочь ему, но видела, что ответ ее лишь усилил его беспокойство, хотя он и предположил, что Кристине, наверное, пошла в гости к другой своей подружке.

Матильде все никак не может примириться с мыслью, что Кристине больше нет. Несколько раз, когда она вспоминала ее, у нее возникало ощущение, будто все произошедшее привиделось ей во сне. Словно Кристине просто переехала и живет себе поживает где-то в другом месте, и они еще будут играть вместе. Но стоило ей пройти мимо Густава в школе или, что бывало гораздо реже, увидеть случайно Розу или Стиина, она понимала, что все это вовсе не сон. Матильде так хорошо их всех знала... Она любила бывать у них в доме и жалела их, видя, как повлияло на них горе. И сделала бы все, что в ее силах, чтобы помочь им, но теперь, когда она стоит одна рядом со Стиином перед дверью класса, ее немножко пугает, что он как бы не в своей тарелке. Он какой-то растерянный и словно бы загнанный в угол. Да еще, когда Стиин, извинившись, просит ее рассказать, как они с Кристине делали у них дома каштановых человечков прошлой осенью, изо рта у него исходит резкий запах.

– Каштановых человечков?

Матильде и сама не знает, какого вопроса ожидала от Стиина, но этот еще больше повергает ее в беспокойство, и сперва она вообще не может понять, чего он от нее хочет.

– Вы хотите узнать, как мы их составляли?

– Нет, я хочу узнать, она их делала или ты?

Матильде медлит с ответом, стараясь вспомнить, а Стиин с напряжением смотрит на нее.

– Мне надо знать это.

– По-моему, мы делали вместе их.

– Ты уверена?

– Да, точно вместе. А почему ты спрашиваешь?

– Значит, *она* тоже делала их? Точно?

По его лицу девочка догадывается, что он рассчитывал на совсем другой ответ, и, сама не зная почему, чувствует себя виноватой.

– Мы всегда сидели у вас дома, составляли их и...

– Да, я знаю. И что же вы с ними потом делали?

– Выходили к дороге и продавали их. Вместе с пирожными и...

– Кому?

– Не знаю. Тем, кто хотел их купить. А почему это...

– Понятно. Но вы продавали их только знакомым, соседям – или чужим тоже?

– Не знаю.

– Попробуй вспомнить, были ли среди них чужие.

– Но ведь я их не знала.

– Вспомни, были ли среди них чужие или соседи, или, может, кто еще...

– Я не знаю.

– Матильде, это может быть очень важно!

– Стиин, что здесь происходит? – Из класса вышел классный руководитель, однако отец Кристине лишь бросает в его сторону короткий взгляд.

– Да ничего. Мне надо всего лишь...

Классный руководитель становится между Матильде и Стиином и пытается увести его, но тот противится.

– Если тебе надо сказать Матильде что-то важное, сделай это как полагается. Я все понимаю, время было тяжелое для всех, особенно для вас, но и для одноклассников Кристине тоже.

– У меня всего пара вопросов. Это займет минуту, не больше.

– Я хочу знать, о чем идет речь, в противном случае мне придется просить тебя уйти. – Классный руководитель не двигается с места и вопросительно смотрит на отца Кристине, из которого, кажется, выпустили весь воздух. Стиин бросает растерянный взгляд на Матильде, и она видит, что он только сейчас заметил, как другие ребята наблюдают за ними через открытую дверь.

– Извини, я не хотел, чтобы...

Стиин умолкает, поворачивается к Матильде и вдруг замечает стоящего в другом конце коридора и внимательно наблюдающего за ним сына. Густав молчит и лишь глядит на своего отца, но потом разворачивается на каблуках и снова исчезает. Стиин направляется за ним следом, но, дойдя до угла, слышит вдруг голос Матильде:

– Подожди!

Стиин медленно поворачивается, и она подходит к нему.

– Мне жаль, что я не помню всего.

– Не имеет значения.

– Но я вот подумала и вспомнила, что мы вообще *не делали* каштановых человечков в прошлом году.

Взгляд его словно бы приковали к полу. А тело точно склонилось под тяжестью невидимого веса. Но когда смысл ее слов доходит до него, он поднимает глаза и встречается с нею взглядом.

Только что закончилось седьмое за день интервью пишущей прессе, и теперь звонок ее мобильного застает Розу в момент, когда она быстрым шагом идет по коридору вместе с Энгелльсом. На ходу надевая пальто, видит высветившееся на дисплее телефона имя мужа, но у нее нет времени ответить, ведь первый зам еще должен успеть снабдить ее цифрами из последнего отчета Министерства соцзащиты.

Все интервью удались. Роза рассказала о необходимости предложенных министерством инициатив и особо подчеркнула, что возлагает большие надежды на продолжение доброго сотрудничества с фракцией партии Букке. То есть сделала все, чтобы заставить Букке вернуться в прежнюю колею. Ответила она и на целый ряд бестактных вопросов личного характера, хотя это и стоило ей немалых усилий. «Как вам удалось возвращение на пост министра?», «Как в связи с этим изменилась ваша жизнь?», «Как можно перенести такой ужас?» Странным ей показалось только, что задавший последний вопрос молодой журналист считал, будто Розе удалось пережить потерю дочери исключительно благодаря возвращению на пост министра.

– Надо поторопиться. Если хочешь, чтобы министр не опоздала, мы сделаем это по дороге. – Лю, с нетерпением ожидающая их возле лифта, забирает отчет с выкладками у Энгелльса, а тот желает Розе удачи, потрепав ее по плечу.

– А где Фогель? – спрашивает Роза.

– Он встретит вас там. Сказал, что ему придется сперва заскочить на «ТВ-2».

Они договорились о двух интервью в прямом эфире в выпусках новостей. Сначала – на первом канале «Датского радио»^[20], а второе – на «ТВ-2», так что программа у них напряженная. Они заходят в лифт возле запасного выхода, куда водителю легче подать машину, нежели к парадной лестнице, где всегда оживленное движение. Лю нажимает кнопку первого этажа.

– Премьеру доложили о ходе переговоров, и Фогель говорит, что он по-прежнему не собирается ссориться с Букке.

– Да мы и не ссоримся с Букке. Я ведь хочу лишь, чтобы мы определяли их содержание.

– Я просто передаю слова Фогеля. И кстати, очень важно, как ты выступишь сейчас. Одно дело пишущая братия...

– Я знаю, как мне себя лучше поставить.

– Мне это прекрасно известно, но речь идет о прямом эфире, и они наверняка не ограничатся вопросами только о политике. Фогель просил напомнить, что они будут спрашивать о том, как тебе дался камбэк. Иными словами, будут задавать вопросы личного характера, и Фогель никаких гарантий от них добиться не смог.

– Ладно, учту. Понимаешь, если я сейчас дам задний ход, все наши усилия пойдут насмарку. А где машина?

Выйдя из лифта, Роза, а за нею и Лю миновали контроль безопасности у запасного выхода на Адмиральскую улицу, где гуляет сильный ветер. Однако министерского автомобиля на месте нет. Роза замечает, что Лю такого не ожидала, но, как всегда, делает вид, будто всё у нее под контролем.

– Подожди здесь, я его сейчас разыщу. Он обычно на заднем дворике стоит, когда вызова ожидает.

Лю быстрым шагом идет по брусчатке, осматриваясь по сторонам, и вынимает из сумки мобильник. Роза следует за своим секретарем и выходит на продуваемую холодным ветром Большусгаде, откуда открывается вид на Кристиансборг на другой стороне канала. В этот момент звонит ее телефон.

– Привет, дорогой. У меня мало времени. Я еду в телегородок на интервью первому каналу, и мне еще нужно подготовиться по дороге.

Связь плохая. Роза почти не слышит мужа. Чувствуется, что он чем-то встревожен и расстроен, хотя сперва различимы только слова «важно» и «Матильде». Она повторяет уже сказанное и пытается объяснить ему, что почти ничего не слышит, однако и он повторяет одно и то же. Роза замечает, что в воротах, ведущих к заднему дворику, Лю что-то выговаривает водителю министерского автомобиля, по непонятной причине так и не подавшему им машину.

– Стиин, мне сейчас неудобно разговаривать. Придется закончить.

– Послушай! – Связь внезапно налаживается, и она ясно и отчетливо слышит в трубке голос Стиина. – Ты сказала полицейским, что они делали каштановых человечков, но, может быть, ты ошиблась?

– Стиин, я не могу сейчас разговаривать...

– Я только что говорил с Матильде. И она утверждает, что они *не* делали каштановых человечков в прошлом году. Они делали всяких разных зверюшек, все что угодно, но только не человечков. Как же тогда отпечатки пальцев Кристине могли оказаться на фигурке? Ты понимаешь, о чем я говорю?

Роза останавливается, потому что голос Стиина опять исчезает.

– Алло, Стиин?

У нее едва не сводит желудок, однако связь еще более ухудшается, и вскоре раздается щелчок, означающий, что собеседник прервал разговор. Чуть погодя Роза подходит к Лю, которая молча вглядывается в глубь заднего двора. И только когда водитель хлопает ее по плечу и кивает в сторону Розы, та поднимает глаза.

– Идем, возьмем такси.

– Мне надо срочно позвонить Стиину. А почему мы не поедem на нашей машине?

– По дороге расскажу. Идем!

– Да что случилось-то?

– Пойдем, нам надо поторапливаться.

Но Лю опоздала. Роза уже увидела стоящий на заднем дворе министерский автомобиль. Лобовое стекло его разбито. А на радиаторе видны красные, будто выведенные кровью, неровные буквы. И Роза застывает от ужаса, когда до нее доходит, какое слово они составляют: УБИЙЦА.

Лю берет ее за руку и уводит за собой.

– Я сказала, чтобы он позвонил в службу безопасности. А нам нужно бежать.

Впереди в темноте возникает силуэт лесопарка. Хесс показывает Ту́лин на номер дома, и она, лишь чуть-чуть притормозив, на такой скорости поворачивает к напоминающему дворец дому в Клампенборге, что машину сильно заносит на покрытом щебенкой въезде на участок. Они подъезжают прямо к входу, но еще до того как машина останавливается, Хесс открывает дверцу и исчезает в темноте. Найя с облегчением замечает, что патрульная машина с оперативниками из местного отдела полиции, которых она сама же и вызвала, стоит перед входом. Ту́лин бегом поднимается по каменным ступенькам и оказывается в холле. Со второго этажа в холл спускается один из местных оперов:

– Мы обыскали весь дом. Произошло все в гостиной.

– Ту́лин!

Она входит в гостиную и первым делом отмечает кровавые пятна на стенах и безжизненное тело собаки с проломленным черепом на полу. Мебель повалена, одно из огромных панорамных окон разбито; кровь заметна на дверных косяках и на полу, где валяются две игрушечные панды. За дверью стоит черная дорожная сумка, и рядом с нею виден мобильный телефон.

– Направьте людей с собаками в лес! Быстро! – Хесс тянет за ручку двери террасы и отдает распоряжение полицейскому, тот кивает и хватается за телефон. Перед дверью валяется садовый стул, но Хесс ногой открывает ее, и Ту́лин торопится вслед за ним через лужайку в сторону леса.

Анне Сайер-Лассен мчится, не чуя под собой ног, и ветки деревьев хлещут ее по лицу. Она чувствует, как еловые иголки и корешки вонзаются в босые ступни, но заставляет себя бежать дальше, хотя мышцы закисляются и у нее уже начинаются судороги. Анне все время надеется увидеть какую-нибудь знакомую деталь в лесу, но вокруг лишь темнота, и слышит она только собственное дыхание и треск сломанных веток, выдающих ее местонахождение.

Анне останавливается возле большого дерева. Прижимается к холодной влажной коре и прислушивается к лесным звукам. Еще чуть-чуть – и сердце ее разорвется, градом польются слезы. Ей кажется, будто где-то вдалеке звучат голоса, но она никак не может сориентироваться, а если закричать, преследователь, скорее всего, засечет ее. Она знает, что пробежала уже большое расстояние и теперь пытается определить, смог ли преступник выдержать такой темп и выследить ее. Анне оказалась в совершенно незнакомом месте, она оглядывается, но не видит света карманного фонарика, не слышит ни звука и не чувствует никакого движения в темноте, а это *наверняка* означает, что ей удалось улизнуть.

Вдруг где-то далеко среди деревьев зажегся свет. Луч описывает длинную дугу, и вскоре, сдастся ей, слышится шум мотора. Ей сразу становится ясно, где она находится. Это, наверное, свет фар автомобиля, движущегося по небольшой дороге, ведущей от закругления шоссе к самому берегу. Она напрягает мышцы и, собрав всю волю в кулак, бросается вперед навстречу лучу. От дороги ее отделяют метров сто пятьдесят, но Анне точно знает, где та делает изгиб, и пытается, срезав путь, перехватить машину. Еще каких-то пятьдесят метров – и можно будет закричать, еще всего тридцать метров – и водитель услышит ее, хотя машина и на ходу, и тогда преследователь прекратит погоню.

Но в этот момент ее настигает удар дубинкой. Какие-то колючки впиваются ей в щеку, и Анне осознает, что он стоял прямо перед ней и ждал, когда она отреагирует на свет машины. Она чувствует, что земля уходит у нее из-под ног, и ощущает вкус железа во рту. Голова

кружится, и она опускается на колени, но тут преследователь вновь наносит ей удар дубинкой с каким-то шаром на конце, отчего она падает на четвереньки. Тело ее сотрясают рыдания.

– С тобой все о'кей, Анне? – шепчет он ей на ухо, но не успевает она ответить, как на нее градом начинают сыпаться все новые и новые удары. В быстрые паузы между ними Анне слышит, как сама плачущим голосом спрашивает его, почему. Почему он выбрал именно ее? Что такого она ему сделала? Услышав ответ, теряет последние силы. Ногой в сапоге он прижимает ее руку к земле, и она чувствует острое лезвие на своем запястье. Анне умоляет его сохранить ей жизнь. Нет, не ради нее самой. Но ради детей. На мгновение ей кажется, будто преследователь передумал, и она чувствует нежное прикосновение к своей щеке...

Свет фонарика Ту́лин, на бегу выкрикивающей имя Анне Сайер-Лассен, пляшет по стволам деревьев, пням и веткам. Где-то дальше и левее Хесс тоже зовет женщину, и Найя видит блуждающий лучик в той стороне. Они пробежали уже несколько километров, Ту́лин снова зовет Анне, но внезапно спотыкается и падает на землю от пронзившей ступню боли. Лихорадочно ищет выпавший из руки фонарь, у которого, по всей видимости, сдохла батарейка. Поднимается на колени, рыщет в мокрой листве и оглядывается вокруг. Внезапно впереди, на другой стороне поляны, всего метрах в двадцати от нее, Найя различает почти полностью сливающуюся с темнотой фигуру, молча разглядывающую ее.

– Хесс...

Голос ее эхом отзывается в лесу, она хватается за пистолет в наплечной кобуре. Подбежав к Ту́лин, Хесс замечает, что пистолет ее направлен на эту фигуру, и, с трудом переводя дыхание, освещает ее своим фонариком.

Анне Сайер-Лассен подвешена к живой изгороди. Две ветки, просунутые под мышками, поддерживают на весу ее изувеченное тело. Босые ноги болтаются, не доставая до земли; голова склонена на грудь, так что длинные развевающиеся волосы скрывают ее лицо. Подойдя ближе, Ту́лин понимает, *что* смутило ее в облике Анне. Руки неестественно коротки. Потому что лишены кистей. А еще она видит воткнутого в тело Анне Сайер-Лассен возле левого плеча маленького каштанового человечка. И Найе кажется, будто он ухмыляется.

Вторник, 13 октября, наше время

Дождь льет стеной. Полицейские в черной форме длинными цепочками прочесывают лес, освещая фонариками поверхность земли, а над верхушками деревьев взад и вперед мотается вертолет, направляя на них лучи световой пушки. Хесс с коллегами работают скоро уж как семь часов, и время перевалило за полночь. Трое руководителей поисковой операции разбили лес на пять зон, каждую из которых обследует поисковая бригада с помощью фонарей «Мэглайт» и служебных собак.

Все выходы из лесопарка поставили под контроль, как только Тулин и Хесс обнаружили труп Анне Сайер-Лассен, равно как и перекрыли многие выезды из Клампенборга. Полиция останавливает автомашины, и водителям приходится отвечать на некоторые вопросы, однако Хесс опасается, что все это напрасно. Они прибыли на место слишком поздно и все еще не могут наверстать упущенное. Дождь начался вскоре после их приезда и наверняка смыл все следы, будь то следы обуви или протекторов, или любые другие, оставив у сыщиков ощущение, что орудовал здесь некий фантом, на стороне которого выступают боги погоды. Ему вспоминается труп Анне Сайер-Лассен и маленькая фигурка у нее на плече, и он чувствует себя зрителем, мечущимся в поисках выхода из театра, будучи не в силах следить за разыгрывающимся у него на глазах наводящим ужас действием. В насквозь промокшей одежде он возвращается с северной опушки леса по одной из главных тропинок, отмеченной на карте руководителями поисковой операции. Покинувший свою цепочку молодой полицейский справляет за деревом малую нужду, и Хесс устраивает ему взбучку за то, что тот вышел за пределы зоны поиска следов. Парень возвращается на свое место, и Хессу становится неудобно за свою выходку. Он чувствует, что находится совсем не в форме: тело не слушается его, мысли разбегаются. Да и то, давненько он сталкивался в последний раз с подобным делом, а если по-честному, так и вообще никогда не сталкивался. И лучше всего было бы для него сейчас сидеть тихо-мирно в своей убогой квартирке в Гааге и смотреть футбол на

плоском экране или лететь в какой-нибудь европейский город на очередное дурацкое задание, а не рыскать по лесу к северу от Копенгагена под проливным дождем, придавливающим всех к земле.

Хесс возвращается на место убийства, где огромные прожекторы освещают живую изгородь, а бродящие среди деревьев одетые в белое спецы отбрасывают длинные тени. Несколько часов назад тело Анне Сайер-Лассен сняли с кустов и увезли в Институт судебно-медицинской экспертизы, но Хессу нужна Ту́лин. Она возвращается с западной оконечности леса – мокрые волосы у нее спутаны – и, закончив разговор по мобильному телефону, стирает рукой с лица грязь. Встретив вопросительный взгляд Хесса, качает головой, давая понять, что в западной части леса ничего не найдено.

– Но зато я только что поговорила с Генцем.

Когда после обнаружения тела Анне Сайер-Лассен эксперты появились в лесу, Хесс отвел его в сторону и попросил сохранить каштанового человечка и сразу же отправить его в лабораторию, чтобы как можно скорее получить результаты исследования. Хесс смотрит на Ту́лин сквозь струи дождя – и, не дожидаясь ответа на свой немой вопрос, по ее лицу догадывается, *что* показал анализ Генца.

Рабочий день в самом разгаре. Из окна комнаты для оперативных совещаний на втором этаже управления полиции Нюландер наблюдает толпящихся перед входом во дворик с колоннами акул пера со своими гаджетами, камерами и микрофонами. Несмотря на многочисленные обращения руководства к сотрудникам, Нюландер периодически с горечью отмечал, что их система напоминает собой решето, и сегодняшний день не исключение. И двенадцати часов не прошло с момента обнаружения трупа в лесу, как уже начали поступать заявки от журналистов с просьбой прокомментировать, каким образом это преступление связано с убийством Лауры Кьер в Хусуме. Дело понятное; вероятно, некие «источники в полиции, пожелавшие остаться неизвестными», высказались в пользу такой версии. И мало того что пресса тут же взяла его в осаду, так еще и заместитель начальника полицейского департамента Дании позвонил ему; правда, он сумел отбрехаться, сказав, что проводит совещание и перезвонит чуть позже. Ведь главное сейчас – следствие, и Нюландер с нетерпением поворачивается к Тули́н, уже начавшей докладывать следственной группе о его ходе.

Большинство собравшихся участвовали в ночной операции и спали всего лишь несколько часов, но, учитывая серьезность ситуации, все они внимательно слушают Тули́н.

У Нюландера ночка тоже выдалась длинной. Новость об убийстве Анне Сайер-Лассен застала его в разгар обеда, устроенном Обществом руководителей предприятий и организаций в ресторане на Бредгаде. В мероприятии участвовали различные шишки, и это был отличный повод наладить нужные связи, однако, получив сообщение о произошедшем, он тут же покинул честную компанию как раз в тот момент, когда на десерт подали тирамису. Собственно говоря, у него не было нужды выезжать на место преступления. Для этого в его распоряжении имелись другие сотрудники. Однако для него это дело принципа, которого он свято придерживается. Ведь речь идет не только о том, чтобы служить примером для подчиненных, а еще и о безупречной репутации руководителя. Завязнуть в рутине – значит

открыть фланг, откуда впоследствии тебя могут атаковать, и Нюландер это прекрасно понимает. Сколько он перевидел начальников и чинарей, чьи карьеры внезапно ломались напрочь, и все потому, что они привыкли оценивать всех и вся с высоты своей власти, поддавшись вирусу высокомерия. Исключение составил лишь случай с Лаурой Кьер из Хусума – тогда прибыть на место преступления ему помешало совещание по финансированию отдела на следующий год. И вчера, когда Ту́лин сообщила ему о найденных отпечатках пальцев Кристине Хартунг, он расценил это как акт возмездия. Так что, получив сообщение о происшествии, сразу же снялся из ресторана, и при этом без всякой досады. Ведь, как водится, самые мизерабельные «пиджаки» успели к десерту столько принять на грудь, что начали бахвалиться своими подвигами. Нюландер понимает, что наверняка подыметя выше их всех вместе взятых, но для этого ему нужно сохранять холодную голову и держать руку на пульсе в момент, когда загорается тревожная лампочка, а на этот раз она-то и зажглась. Впоследствии, уже покинув место преступления в лесу, он прокрутил в голове различные версии, но до сих пор все еще не выбрал стратегию расследования. По той простой причине, что вся эта история представляется ему совершенно непостижимой. Утром он самолично заехал к Генцу в экспертно-криминалистический отдел в надежде, что в отношении отпечатков просто-напросто допущена ошибка, однако ожидания его не оправдались. Генц объяснил ему, что в обоих случаях достаточно совпадений, чтобы идентифицировать их как принадлежащие Кристине Хартунг. И теперь Нюландер знал только одно: если он не хочет, чтобы корабль его наткнулся на подводные камни, следует выбрать верный курс.

– Обeim жертвам под сорок, и обeих преступники застали врасплох в их собственном доме. Согласно заключению судебно-медицинской экспертизы, женщин истязали и убили орудием, которым пробили глаз и поразили мозг. В первом случае у жертвы отчленена правая кисть, во втором – кисти обeих рук, и, по-видимому, в момент отчленения обе жертвы были еще живые.

Собравшиеся следователи рассматривают фото трупа, которые Ту́лин пустила по кругу, и кое-кто из вновь прибывших, поморщившись, отводит от них глаза. Нюландер уже ознакомился с этими фотографиями, но схожих эмоций они у него не вызвали. В

начале службы в полиции его удивляло, что подобные вещи не производят на него такого же впечатления, как на многих других коллег, однако теперь он воспринимает сей факт как свое преимущество.

– Что мы имеем по оружию убийства? – Нюландер нетерпеливо прерывает отчет Тулин.

– Пока ничего определенного. Неустановленное оружие убийства снабжено на конце металлическим шаром с иглами. Это не булава, хотя и сделано по тому же принципу. Что же касается отчленения, то оно, вероятнее всего, производилось аккумуляторной пилой с алмазным или подобным ему полотном. По данным предварительного анализа, в обоих случаях использовался один и тот же инструмент, и...

– А что насчет эсэмэски, поступившей на мобильник Лауры Кьер? Отправитель установлен?

– Сообщение отправлено со старого мобильного телефона «Нокиа» с незарегистрированной сим-картой, такую можно приобрести где угодно. Телефон был прикреплен к кисти Лауры Кьер, но по его поводу мы тоже ничего сказать не можем, потому что в нем нет никаких данных, кроме этого одного сообщения, а заводской номер, по свидетельству Генца, уничтожен с помощью паяльника.

– Но ведь курьер, который доставил бандероль и которого вы вычислили по сигналу мобильного, наверное, обладает информацией об отправителе?

– Да, обладает, но вся штука в том, что в качестве отправителя указана Лаура Кьер.

– Что?!

– В их отделе по работе с клиентами говорят, что им кто-то позвонил вчера в обеденное время. И этот кто-то заказал доставку бандероли от Лауры Кьер и сообщил, что курьер найдет ее на ступеньках у входа в дом номер семь по Седервэнгет в Хусуме. А это как раз адрес Лауры Кьер. Когда курьер прибыл на место в начале второго, готовая к отправке бандероль действительно лежала на ступеньках лестницы вместе с деньгами в оплату за пересылку. Курьер доставил ее в магазин «Севен-Илевен» на первом этаже торгового центра. Больше он ничего сообщить не может, а на бандероли остались отпечатки только курьера, продавца магазина и Сайер-Лассена.

– Кто звонил в курьерскую службу?

– Сотрудник отдела говорит, что не помнит, звонил ли мужчина или женщина.

– А что на Седервэнгет? Кто-нибудь видел, кто положил бандероль?

Ту́лин отрицательно качает головой.

– Сперва мы подозревали сожителя Лауры Кьер Ханса Хенрика Хауге, но у Хауге алиби. В акте судебно-медицинской экспертизы указано, что убийство Анне Сайер-Лассен произошло примерно в восемнадцать часов, а по словам его адвоката, Хауге в это время находился на парковке перед адвокатской конторой и обсуждал с ней вопрос о подаче жалобы на то, что мы до сих пор не сняли печати с их дома.

– Выходит, у нас ни фи́га нет. Ни свидетелей, ни имени звонившего, вообще ничего!

– Пока ничего. И к тому же никакой связи между жертвами не просматривается. Жили они в разных местах, у них разный круг общения, и кроме двух каштановых человечков и отпечатков пальцев, с которыми мы работаем, ничего общего...

– Каких таких отпечатков?

Шеф убойного отдела бросает короткий взгляд на задавшего вопрос Янсена, который по обыкновению сидит рядом со своим верным спутником Мартином Риксом. Нюландер чувствует на себе удивленный взгляд Ту́лин – ведь он заранее предупредил ее, что сам проинформирует собравшихся об отпечатках.

– В обоих случаях на теле жертвы или рядом с ним оставлены фигурки каштанового человечка с отпечатками пальцев, которые, согласно криминалистической экспертизе, могут принадлежать Кристине Хартунг.

Нюландер специально говорит сухим, лишенным каких-либо эмоций голосом, и на некоторое время в помещении устанавливается тишина. Но постепенно смысл сказанного доходит до Тима Янсена и его коллег, и все присутствующие обмениваются удивленными и растерянными взглядами. Нюландеру приходится пояснить:

– Послушайте! Криминалисты проводят дополнительные исследования, и я не стану делать поспешных выводов, пока у меня не будет уточненных данных. Сейчас нам фактически ничего определенного неизвестно. Вполне возможно, соответствующие

отпечатки вообще не имеют никакого отношения к данным убийствам, так что если кто-нибудь из вас хотя бы заикнется о них вне этих стен, я лично позабочусь, чтобы его или ее нога больше никогда не ступала на территорию отдела. Я понятно излагаю?

Нюландер основательно продумал ситуацию. Два нераскрытых убийства – это уже очень и очень нехорошо. К тому же не исключено, что оба совершены одним и тем же преступником, хотя в последнее Нюландеру весьма сложно поверить. И до тех пор, пока будет существовать хоть малейшее сомнение по поводу идентичности отпечатков, не следует запутывать дело еще больше. Раскрытие дела Кристине Хартунг является одним из блестящих подвигов Нюландера. А ведь в какой-то момент он даже думал, что оно может стоить ему карьеры, но потом, когда задержали Линуса Беккера, в расследовании произошел прорыв. Правда, тело девочки они так и не нашли, но по вполне объяснимым причинам этого от них и нельзя было требовать. Преступник оказался не в состоянии указать место, где захоронил ее останки, однако ведь он написал чистосердечное признание, да и улики против него набралось достаточно для вынесения сурового приговора...

– Вам придется возобновить следствие по делу Кристине Хартунг.

Нюландер и все остальные обращают взгляды на сыщика из Европола. До сих пор он сидел тише воды, ниже травы. На нем все та же одежда, что во время вечерней операции, невымытые волосы спутаны, но, хотя по его виду можно подумать, что Хесс неделю провалялся на лесной поляне, он бодр и собран.

– Один отпечаток – да, это может быть случайностью, но у нас речь о двух, а это уже совсем другое дело. И если отпечатки и вправду принадлежат Кристине Хартунг, то выводы следствия по ее делу не соответствуют действительности.

– Ты что несешь-то, черт побери?! – Повернувшись к Хессу, Тим Янсен сверлит его таким взглядом, будто его только что попросили отдать месячную зарплату.

– Янсен, я сам отвечу. – Нюландер чувствует, что разговор клонится в ненужную ему сторону, однако Хесс опережает его:

– Я знаю не больше вашего. Но тело Кристине Хартунг не было найдено, а результаты тогдашней криминалистической экспертизы, по всей вероятности, не дают оснований сделать вывод, что она погибла.

А теперь вот еще появились эти отпечатки, и я говорю только о том, что в связи с этим возникают вопросы.

– Нет, ты не об этом говоришь, Хесс. Ты говоришь, что мы, вероятно, не слишком хорошо сделали свою работу.

– Я на личности не переходил. Но погибли две женщины. И если мы хотим предотвратить нечто подобное, а это может произойти в ближайшее время, необходимо...

– Лично я на себя это обвинение не принимаю. Так же, как и триста других наших коллег, которые участвовали в расследовании, наверняка не принимают. Но ведь, ей-ей, забавно, что нас пытаются смешать с грязью деятель, только-только вернувшийся домой, и то потому, что его с треском вышибли из Гааги.

Услышав реплику Янсена, некоторые коллеги заулыбались, однако Нюландер взирает на Хесса без всякой улыбки. Он уловил сказанное им, и все последующее прошло мимо его ушей.

– Что ты имеешь в виду, когда говоришь, будто мы должны что-то там предотвратить?

Пресс-секретарь управления навязчиво втолковывает Нюландеру, как ему крутиться и вертеться на встрече с журналистами, однако тот обрывает ее и говорит, что справится без подсказок. В обычной ситуации Нюландер не преминул бы поболтать с нею подольше – ведь он захотел ее сразу, как только она появилась в конторе и стала частенько захаживать в его отдел и снабжать их драгоценными советами. Но не сейчас. Спускаясь в ротонду, он собирался за оставшуюся часть пути освежить мозги до начала выступления перед журналистами, и воспоминания о трехлетних встречах в кафе-латте и ни к чему не обязывающему сексу на факультете медиаиндустрии в университете на улице Ньяля вряд ли могли помочь ему в этом. Тем более после растревожившего его разговора с Хессом и Тули́н, только что состоявшегося в его кабинете.

Нюландер уже собирался было выйти во дворик с колоннами, как ему сообщили по телефону, что министр Роза Хартунг изыскала окно в своем расписании и уже направляется в управление. Он дал строгие указания провести ее с мужем в здание с задней стороны и сказал, что беседу проведет самолично.

После совещания с сотрудниками отдела по предложению Хесса Нюландер встретился с ним и Тули́н в своем кабинете. Хесс первым делом выложил на его письменный стол фотографии с места убийства Лауры Кьер и Анне Сайер-Лассен.

– Первая жертва лишилась одной кисти. Следующая – обеих. И очень возможно, что преступник еще больше изуродовал бы тело Анне Сайер-Лассен, если б мы его не спугнули. А что, может, он и хотел, чтобы мы нашли тела именно в таком виде, в каком их обнаружили...

– Я что-то не совсем врубаюсь, – сказал Нюландер. – Объясни побыстрому, у меня времени нет.

Тогда Тули́н, которую Хесс заранее посвятил в свои мысли, показала ему укрупненные фотографии каштанового человечка, которых Нюландер и так уже насмотрелся до потери пульса.

– У каштанового человечка есть голова и туловище. На лице – глаза, проделанные шилом или каким-то другим острым

инструментом, а в туловище воткнуты четыре спички, то есть у него есть как бы ручки и ножки. Но у одного человечка нет ручек. И ножек тоже нет.

Нюландер молча рассматривает фотографии каштановых человечков с ручками без пальцев. На мгновение ему кажется, будто он детсадовец и воспитатель что-то читает им вслух, а он не знает, плакать ему над этим или смеяться.

– По-моему, вы говорите не то, что хотите сказать.

Мысль, конечно, была бредовая и могла прийти в голову только сумасшедшему, но тем не менее Нюландер вдруг понял, что имел в виду Хесс, когда на совещании говорил о необходимости предотвратить нечто еще более ужасное. Никто тогда ему не возразил, но мысль о том, что преступник, возможно, готовится сделать своего собственного каштанового человека из плоти и крови, игнорировать стало весьма затруднительно.

Хесс опять настаивал на необходимости возобновить расследование по делу Хартунг. И при этом всю дорогу использовал местоимение «вы»: «вам необходимо», «вам следует учитывать то-то и то-то», пока Нюландер не дал ему понять две вещи. Во-первых, Хесс только что появился в отделе и при этом абсолютно на тех же правах, что и все остальные сотрудники, и, насколько Нюландеру известно, никто не наступает ему на хвост и не пытается вытолкнуть обратно в Гаагу; скорее наоборот. А во-вторых, совершенно немыслимо требовать возобновления следствия по делу Хартунг. И какое бы значение ни имели вновь найденные отпечатки, никто не в состоянии повернуть новое расследование в это русло. По той же причине Нюландер решил, что сам проведет беседу с родителями Кристине Хартунг и проинформирует их о вновь найденных отпечатках. Их находку не следует слишком драматизировать, к тому же недавно по каналам контрразведки ему сообщили, что у министра и так проблем выше крыши, поскольку неизвестный или неизвестные угрожают ей. И дошли до того, что разбили лобовое стекло ее служебного автомобиля и залили радиатор кровью какого-то животного.

Правда, при Хессе тему угроз Нюландер не затрагивал и попросил его выйти, чтобы пообщаться с Тулин наедине. Он прямо спросил ее, готов ли Хесс участвовать в дальнейшем расследовании, и сделал это не без основания. Он пролистал старое личное дело Хесса, из которого

явствовало, по какой трагической причине тот в свое время покинул отдел. И хотя крендель этот, конечно, приобрел чертовски ценный опыт, поработав в Европоле, его нынешние проблемы с тамошним начальством говорили о том, что в профессиональном плане лучшие его годы остались позади.

Тулин, однако, ответила на его вопрос утвердительно, хотя и не стала скрывать, что Хесс ей не шибко симпатичен. После чего Нюландер объявил, что они с Хессом могут продолжать работать в связке, но только при том условии, что если он выкинет какое-нибудь коленце, она сразу же проинформирует его об этом. Ну и, конечно, Нюландер не забыл добавить, что с переходом в НЦ-3 придется подождать, пока шум не уляжется. При этом он видел, что Тулин прекрасно его поняла и будет считать свое лояльное отношение к нему залогом получения рекомендации в дальнейшем, чего он, собственно, и добивался.

Нюландер выходит к журналюгам, только и ждущим, что вот-вот какой-нибудь спящий субъект вывалится из окна. Он сам предложил вместо пресс-конференции провести как бы неформальную встречу, ибо здесь, во дворе управления, гораздо легче закрутиться и мгновенно скрыться в своем убежище. Но когда засверкали блицы направленных на него камер, Нюландер почувствовал, как лицо его приняло приличествующее таким случаям выражение, и внезапно подумал, что, возможно, именно общественного внимания к своей персоне ему и не хватало. Да, он в таких вещах малый не промах. Разумеется, с одной стороны, он рискует собственной задницей, но ведь и шанс кое-что приобрести при этом тоже существует. В последующие дни все они будут стремиться побеседовать с ним, и в такой ситуации перед ним, не исключено, откроются возможности, каковых он всегда и добивался. А на случай, если что-то пойдет не так, весьма удобно иметь у себя под рукой Марка Хесса.

Плач двух девочек, доносящийся со второго этажа, заполняет весь огромный, недавно отремонтированный дом вплоть до самых укромных уголков. В том числе и в кухне, где за красивым обеденным столом из китайской древесины сидит Эрик Сайер-Лассен в том же самом костюме, что и накануне, когда у него в офисе была найдена в полученной им бандероли кисть Лауры Кьер. Сидящая рядом с ним Ту́лин предполагает, что хозяин дома с тех пор спать еще не ложился. Глаза у него красные и опухшие, сорочка на нем несвежая, мятая, на полу разбросаны детские игрушки, а на плите позади него громоздятся невымытые кастрюли и сковородки. Ту́лин старается заглянуть ему в глаза, но усилия ее напрасны.

– Посмотрите, пожалуйста, еще раз на эти фотографии. Вы уверены, что ваша жена не была знакома с этой женщиной?

Эрик Сайер-Лассен опускает взгляд на фотографии Лауры Кьер из дома номер семь по Седервэнгет, но глаза его не оживают.

– А насчет этой женщины что можете сказать? Это министр соцзащиты Роза Хартунг. Может быть, ваша жена встречалась с кем-то из них, или, может быть, вы оба встречались с той или другой, или с обеими... – Ту́лин пододвигает к нему фото Розы Хартунг, однако Сайер-Лассен равнодушно качает головой. Хесс чувствует, что его напарница с трудом сдерживает раздражение. Да и то, уже второй раз за неделю она сидит лицом к лицу с вдовцом, который не может ответить буквально ни на один ее вопрос.

– Сайер-Лассен, нам нужна ваша помощь. Постарайтесь вспомнить. Может быть, у нее были враги, может быть, она кого-нибудь...

– Я больше ничего не знаю. Не было у нее никаких врагов. Она ведь только домом да детьми занималась.

Ту́лин делает глубокий вдох и продолжает задавать вопросы, но у Хесса возникает ощущение, что Эрик Сайер-Лассен и вправду не лжет. Марк старается не обращать внимания на детский плач и уже жалеет, что сегодня утром в разговоре с Нюландером упустил прекрасный шанс заявить, что дело это ему просто-напросто до лампочки, и

отказаться от участия в расследовании. Но ведь еще ранее он понял, что путей к отступлению у него не остается, когда проснулся в своей квартире в Парке Одина. Ночью Хесс спал всего лишь три часа. И все это время у него в голове прокручивались эпизоды с каштановым человечком. Не успел он подняться, как его навестил низкорослый домоуправ и сделал выговор за то, что Хесс оставил малярные инструменты и машину для циклевки полов посреди галереи. Пришлось ответить, что у него не было времени заниматься такой ерундой. По дороге в управление он позвонил в гаагскую штаб-квартиру и попросил прощения за то, что накануне во второй половине дня не вышел на связь с Фрайманном, как ему было предписано. Почему секретарь говорила с ним холодно, догадаться было несложно, но Хесс не стал углубляться в тему и объяснять причины произошедшего, а поспешил продраться сквозь утреннюю суету и сутолоку на Главном вокзале, чтобы еще до совещания успеть посмотреть фото трупа Анне Сайер-Лассен. Он заранее решил, что не станет огорчаться, если надрезы окажутся не только на запястьях, но и в других местах. Если б на теле остались и другие следы воздействия инструмента, которым преступник отрезал кисти, тогда, наверное, не было бы никаких причин вспоминать бредовую мысль, с которой он проснулся сегодня утром. Снимки, однако, не давали каких-либо оснований предполагать, что преступник пытался отчленить и другие фрагменты тела Анне Сайер-Лассен. Для пущей уверенности Хесс даже позвонил судмедэксперту, и тот рассказал, что соответствующий инструмент применялся для ампутации как в первом, так и во втором случае, чем и подтвердил самые мрачные предчувствия Марка. Тот, разумеется, не знал, сбудутся ли его предсказания насчет новых жертв, но тем не менее ощущение своей правоты у него только укрепилось. Больше всего ему сейчас хотелось поставить время на паузу и с головой уйти в расследование дела Кристине Хартунг, чтобы выяснить, какие еще следы им надо искать. Однако Нюландер не поддержал эту инициативу и отправил их с Тулин на допрос к Сайер-Лассену, в результате чего они не продвинулись вперед ни на шаг.

Целых два часа они обыскивали более похожий на дворец дом и прилегающий к нему участок. Первым делом убедились, что камеры видеонаблюдения, направленные на участок леса к северу от дома, были отключены. Кто угодно мог спокойно перебраться через живую

изгородь и никем не замеченным проникнуть в дом, начиная с того момента, как Анне Сайер-Лассен, закончив пробежку, отключила сигнализацию. Соседи ничего не видели, и их показаниям можно было верить, ведь дома-дворцы на этой улице располагаются на таком почтительном расстоянии друг от друга, что риелторы с чистой совестью, ничуть не преувеличивая против обыкновения, могли называть сей район абсолютно безопасным для проживания.

Пока Генц и его криминалисты исследовали территорию сада, а также гостиную и холл на предмет выявления возможных следов, Тулин с Хессом поднялись на второй этаж проверить комнаты, ящики, шкафы и вещи, которые могли пролить свет на детали личной жизни Анне Сайер-Лассен. Наверху располагались девять помещений, включая спа и встроенную гардеробную. Хесс далеко не эксперт по части материальных благ, но один только телевизор фирмы «Банг и Олуфсен», по его оценке, мог стоить не меньше пары квартирок в Парке Одина. Ни гардины, ни жалюзи на впечатляющих своей величиной окнах не свидетельствовали о наличии у хозяев хорошего вкуса, но при этом наводили Хесса на мысль, что преступник имел прекрасную возможность наблюдать за вечерними бдениями хозяйки дома, скрываясь в темном саду, где снова зарядил дождь.

Мебель и вещи в других помещениях на втором этаже подверглись тщательному осмотру. В гардеробной Анне Сайер-Лассен ровными рядами выстроились туфли на высоких каблуках, и в таком же порядке висели на одинаковых деревянных вешалках платья и свежeweыглаженные брюки, а чулки и постельное белье столь же аккуратно уложены в ящиках шкафов. Соседняя с гардеробной ванная комната с двумя умывальниками и утопленной в стену ванной, выложенная итальянской плиткой и имеющая отсеки для спа с сауной, вполне подходила для апартаментов пятизвездного отеля. Стены в детской с двумя кроватками расписаны в стиле Ханса Шерфига^[21] с дикими зверями в джунглях, а на потолке красуется звездное небо с планетами и заблудившимися во Вселенной космическими кораблями.

Но где бы они ни искали, найти что-либо объясняющее, с какой такой стати неизвестный внезапно ворвался в дом Анне Сайер-Лассен, а затем преследовал ее в лесопарке и в конце концов отчленил обе ее кисти, им не посчастливилось.

Закончив безуспешные поиски неизвестно чего, полицейские приступили к допросу Эрика Сайер-Лассена, который поведал, что познакомились они с Анне в гимназии в Ордрупе, затем вместе учились в Копенгагенской школе бизнеса, окончание которой отметили свадьбой, после чего отправились в кругосветное путешествие и в результате обосновались сперва в Новой Зеландии, а потом – в Сингапуре. Эрик успешно вкладывал деньги в предприятия биотехнологической отрасли, в то время как Анне мечтала лишь о детях. И у них родились две девочки. Когда же старшей настала пора идти в школу, они возвратились в Данию, где, правда, сначала снимали жилье в одном из новых многоквартирных домов на Исландс Брюгге, а потом уже переехали в собственный коттедж в Клампенборге неподалеку от района, где Эрик жил в детстве. В глазах Хесса складывалась такая картина: Эрик обеспечивал материальное благополучие семьи, в то время как на плечи Анне, несмотря на то что несколько лет назад она получила диплом дизайнера по интерьеру, легли заботы о доме и детях и устройстве дружеских посиделок, в первую очередь для знакомых мужа. Кроме того, на основе записи беседы оперативника, направленного в Хельсингёр, где проживает мать Анне Сайер-Лассен, Хесс сделал вывод, что Анне росла в весьма стесненных условиях, в раннем возрасте лишилась отца и с младых ногтей только и мечтала о том, чтобы создать семью. Не сдерживая рыданий, мать ее рассказала, что не так часто видела дочь и внучек, как ей хотелось бы, и винила в этом зятя, который якобы ее недолюбливал. Не то чтобы Анне или он сам говорили об этом, но все-таки она виделась с дочкой и внучками у них дома только в отсутствие Эрика. Ну и еще, конечно, в тех весьма редких случаях, когда они сами навещали ее. У матери сложилось такое впечатление, что Эрик доминировал в семье, однако Анне всегда выступала в защиту мужа и не собиралась расставаться с ним. И в конце концов мать поняла, что такого рода обиды ей лучше держать при себе, если она не хочет вообще лишиться возможности встречаться с дочерью. Чего после событий вчерашнего вечера больше никогда не произойдет.

На электрическом таймере одной из двух больших микроволновых печек «Эсмег» на кухне еще раз сменились цифры, и Хесс заставил себя сосредоточиться на вопросах Тулин и ответах хозяина дома, дабы не слышать детский плач на втором этаже.

– Но ваша жена собрала сумку. Она уходила из дома и сказала нянечке, что сама заедет за детьми. Так куда же она собиралась?

– Я же говорил. Анне поехала к своей матери, и они собирались там заночевать.

– Что-то непохоже. Она упаковала в сумку паспорта – и одежды больше чем на неделю. Так куда же она собиралась? Почему вдруг решила бежать?

– Никуда она бежать не собиралась.

– А я думаю, собиралась. Но ведь для этого должны быть причины. Давайте так: либо вы рассказываете мне, почему она решила расстаться с вами, либо я запрошу в суде разрешение просмотреть всю информацию с вашего мобильного телефона и переписку в социальных сетях и сама выясню, что побудило ее к этому.

Эрик Сайер-Лассен выглядит так, точно его загнали в угол.

– Мы с женой ладили. Правда, у нас были проблемы... вернее, у меня.

– Что за проблемы?

– Я заводил интрижки на стороне. Ничего серьезного. Но... может быть, она что-то узнала.

– Вы говорите, интрижки? С кем?

– Да со всякими...

– С кем? И как это происходило? С мужчинами, с женщинами?

– С женщинами. Незнакомыми. Случайные встречи или знакомства на каком-нибудь сайте. Но ничего серьезного никогда не было.

– Зачем же вы тогда их заводили?

Чуть подумав, Эрик Сайер-Лассен отвечает:

– Не знаю. Иной раз просто случается так, что жизнь не оправдывает твоих ожиданий.

– Что вы имеете в виду?

Сайер-Лассен пустым взглядом смотрит в потолок. Хесс не раздумывая подписался бы под его последней фразой, только вот никак не может отделаться от вопроса, на что еще мог бы возлагать надежды этот тип, кроме как на секс с едва знакомыми женщинами, прочные семейные отношения с верной женой и золотую клетку ценой чуть более тридцати пяти миллионов крон.

– Когда и каким образом ваша жена могла об этом узнать? – с раздражением в голосе продолжает допрос Ту́ин.

– Но вы спросили о...

– Сайер-Лассен, мы проверили всю корреспонденцию вашей жены и в мобильном телефоне, и в электронной почте, и в социальных сетях. Если б она действительно прознала о ваших проделках, то, по логике вещей, непременно сообщила бы о ваших изменах – либо вам, либо матери, либо подруге. Но ничего подобного в ее переписке мы не обнаружили.

– Ну и что...

– Следовательно, она не из-за этого решила сбежать. И снова я задаю вопрос: по какой причине ваша жена решила расстаться с вами? Почему упаковала вещи в сумку и...

– Да не знаю я! Вы задали вопрос, и я назвал единственную, как я понимаю, возможную причину, черт побери!

Вспышка гнева Сайер-Лассена представляется Хессу лишь чересчур эмоциональной реакцией на вопросы Ту́ин. С другой стороны, не исключено, что чувак просто не в состоянии свести концы с концами. День выдался долгий, и Хесс чувствует, что продолжать допрос не имеет смысла.

– Спасибо, закончим на этом. Если вспомните что-нибудь еще, немедленно свяжитесь с нами. О'кей?

Сайер-Лассен благодарно кивает, и Хесс, хотя и повернулся к Ту́ин спиной, чтобы взять свою куртку, чувствует, что она готова послать его к чертям собачьим. К счастью, в этот момент в разговор вмешивается еще один голос.

– *Can I take the girls out to buy ice cream?*^[22]

Это нянечка спустилась со второго этажа вместе с девочками, одетыми для прогулки. Хесс с Ту́ин уже допросили ее. Вчера она видела Анне только с утра, в обеденное время находилась в храме независимой филиппинской церкви, а после обеда Анне позвонила ей и сказала, что сама заберет дочерей. Им стало ясно, что нянечка с большим уважением относится не только к семейству Сайер-Лассенов, но и к полиции тоже, почему Хесс и решил, что, по-видимому, у нее не всё в порядке с видом на жительство. Младшую девочку она несла на одной руке, а другой держала за руку старшую. У обеих малышей

глазки красные, заплаканные, и Эрик Сайер-Лассен, встав с места, подходит к ним:

– *Yes. Good idea, Judith. Thank you*^[23].

Эрик Сайер-Лассен гладит одну из дочек по головке и улыбается другой, какой-то неестественной улыбкой, и все они вчетвером направляются к выходу из кухни.

– Я сама решу, когда заканчивать допрос. – Ту́лин подходит вплотную к Хессу, так что он не может избежать испытующего взгляда ее карих глаз.

– В любом случае мы были с ним вместе вчера, когда на его жену напали, так что наверняка он невиновен.

– Нам нужно найти связь между двумя жертвами. Одна сменила замок, другая собиралась бежать.

– А я ищу не связь. Я ищу преступника.

Хесс собирается зайти в гостиную, чтобы переговорить с криминалистами, однако Ту́лин преграждает ему дорогу:

– Давай разберемся сейчас. У тебя проблемы со всем этим? С тем, что мы работаем вместе и нам приходится согласовывать наши действия?

– Нет, у меня нет с этим никаких проблем. Но давай поделим обязанности, а то мы всю дорогу занимаемся перетягиванием каната, как два мудака.

– Я не помешаю? – Натурального белого цвета раздвижная дверь отъезжает в сторону, и в холле появляется Генц в белом «скафандре» и со своим всегдашним спецмоданчиком в руке. – Мы заканчиваем. Никого не хочу заранее разочаровывать, но на данный момент мы нашли мало чего полезного, как, впрочем, и в случае с Лаурой Кьер. Самое главное – это следы крови в трещинках в полу в холле. Но эти следы не свежие и не соответствуют группе крови Анне Сайер-Лассен; в общем, я думаю, они к делу не относятся.

Позади Генца в некоторых трещинках пола под лучом флуоресцирующей лампы светятся зеленоватым светом частички люминола^[24], и один из криминалистов снимает их на камеру.

– Откуда на полу холла взялись следы крови? – Ту́лин обращает свой вопрос к Сайер-Лассену, возвратившемуся из кухни и рассеянно подбирающему разбросанные детские игрушки.

– Если они у лестницы на второй этаж, то это, наверное, кровь Софии, нашей старшей. Она пару месяцев назад упала и сломала нос и ключицу.

– Похоже на правду. Да, кстати, Хесс, должен передать тебе привет от наших отдельных устроителей рождественского обеда и благодарность за поросенка.

Генц возвращается к своим одетым в белое «космонавтам» и закрывает за собой раздвижную дверь. Хесса пронзает мысль, и он обращает испытующий взгляд на хозяина дома, однако Найя опережает его:

– В какую больницу госпитализировали Софию?

– В Центральную. Всего на несколько дней.

– В какое отделение? – теперь уже вопрос задает Хесс.

То обстоятельство, что оба сыщика внезапно заинтересовались этой темой, явно приводит Сайер-Лассена в замешательство, и он останавливается посреди холла с трехколесным велосипедом в руках.

– В детское, по-моему. Но в основном этим занималась Анна. Навещала ее там. А почему...

Никто ему не отвечает. Тулин идет к выходу, и Хесс понимает, что и на сей раз ему не разрешат сесть за руль.

Каждый посетитель детского отделения Центральной клинической больницы на улице Белильного пруда невольно останавливается у стены коридора, замороженный развешанными на ней бесчисленными большими и маленькими детскими рисунками. И Хесс не исключение. Сколько жизнелюбия и сколько страдания в этом крике ребячьей души... Хесс не в силах оторваться от рисунков, но Ту́лин сразу же направляется к стойке медицинского поста.

Когда Эрик Сайер-Лассен сообщил о госпитализации дочери в детское отделение Центральной больницы, оба сыщика вспомнили о записи на доске для памяти в кухне Лауры Кьер. На обратном пути в город Хесс позвонил в детское отделение, и дежурная сестра подтвердила, что и сын Лауры Кьер, и, соответственно, старшая дочь Анне Сайер-Лассен лечились в их стационаре. Сестра, правда, не смогла ответить на вопрос, находились ли они там одновременно. Вот полицейские и приехали, ведь это была единственная ниточка, за которую они могли ухватиться; к тому же Центральная больница находится по дороге в управление. До сих пор день не принес каких-либо существенных для расследования результатов, да и звонок Нюландера, сообщившего, что ни Роза Хартунг, ни ее муж не смогли дополнить уже имеющуюся в их распоряжении информацию об Анне Сайер-Лассен, не прибавил им настроения.

Переговорив с дежурной, Ту́лин, не отвечая на вопросительный взгляд Хесса, направляется к столику, где стоит термос с кофе для посетителей.

– Сейчас они попробуют выцепить главврача; в журнале записано, что он занимался обоими детьми.

– Значит, мы сможем поговорить с ним прямо сейчас?

– Не знаю. Но если у тебя есть другие дела, можешь отчаливать. Я тебя не задерживаю.

Хесс не отвечает и нетерпеливо осматривается вокруг. Повсюду – и в коридоре, и в комнате отдыха – полно детей с разного рода недугами. Детей с исцарапанными лицами, перебинтованными руками и загипсованными ногами. Детей без волос на голове, детей в

инвалидных колясках, детей со штативами для капельницы. В середине коридора – игровая комната с огромными стеклянными стенами и прикрепленными к синего цвета дверям воздушными шариками и осенними ветками. Услышав поющие детские голоса, Хесс подходит к приоткрытой двери. Двое детей постарше рисуют что-то в одном углу, а группа меньшего возраста сидит полукругом на разноцветных пластиковых табуретках в другом. В центре полукруга стоит на коленях воспитательница, держа в руках планшетку, на которой нарисовано красивое яблоко.

– *Яблонеый человек, яблонеый человек, входи, входи. Ты принес мне яблoк сегодня, спасибо тебе-е-е.*

Воспитательница поощрительно кивает детям и, когда они громко и раскатисто допевают последнее слово осенней песенки, откладывает в сторону планшетку и берет другую с изображением плода каштана.

– А теперь сначала!

– *Каштановый человек, каштановый человек, входи, входи. Ты принес мне каштаны сегодня...*

От этих слов у Хесса мурашки бегут по коже. Он отходит от двери и замечает, что Тулин пристально смотрит на него.

– Вы – родители Оскара, он записан на рентген? – задает вопрос подошедшая к ним медсестра. Найя как раз в этот момент делает небольшой глоток кофе, тот попадает ей не в то горло, и она закашливается.

– Нет, не мы, – отвечает Хесс. – Мы из полиции. Ждем главврача.

– Главврач, к сожалению, все еще занят. Он на обходе.

– Ему придется прервать обход. Скажите, что мы торопимся.

Главный врач отделения Хуссейн Маджид просит их присесть за стол в комнате отдыха врачей, заставленный чашками и заваленный засаленными гаджетами, таблетками сахарозаменителя и газетами с кофейными пятнами. Возле стола стулья, на спинках которых развешана верхняя одежда. Доктору слегка за сорок, он одного роста с Хессом, на нем расстегнутый белый халат, черные прямоугольные очки, на шее стетоскоп. Золотое обручальное кольцо на пальце вроде бы свидетельствует, что он женат, однако Хесс в этом засомневался, наблюдая, как тот пожимает руку Тулин – с улыбкой, настойчиво заглядывая ей в глаза, в то время как ее спутника удостоил лишь торопливым рукопожатием, – и неожиданно для себя подумал, что Тулин доктору весьма приглянулась. Да, он немало удивился, ибо само ее с этой точки зрения никак не рассматривал. До сих пор Тулин его по большому счету только раздражала, но теперь Хесс нехотя вынужден был признать, что врач отнюдь небезосновательно украдкой скользит взглядом по ее стройной фигуре и соблазнительной попке, когда она поворачивается за стулом. И даже представил себе, как Хуссейн Маджид точно так же разглядывал Лауру Кьер и Анне Сайер-Лассен, когда те навещали в отделении своих больных детей.

– У меня, к сожалению, сейчас обход, но если это не займет много времени, я, разумеется, готов помочь вам.

– Весьма любезно с вашей стороны, – отвечает Тулин.

Маджид кладет на стол две истории болезни и мобильный телефон и предлагает ей кофе, за что она его не без кокетства благодарит. Хессу представляется, будто Тулин совершенно позабыла, с какой целью они сюда прибыли, однако он подавляет растущее внутри недовольство и придвигается на стуле ближе к столу.

– У нас, как уже было сказано, есть несколько вопросов о Магнусе Кьере и Софии Сайер-Лассен, и нам бы хотелось, чтобы вы подробно рассказали нам все, что вы о них знаете.

Коротко взглянув на Хесса, Хуссейн Маджид начинает отвечать исполненным естественного достоинства и дружелюбия голосом, что, не исключено, объясняется во многом присутствием Тулин.

– Разумеется. Действительно, оба ребенка находились у нас в стационаре, но по разным основаниям. Однако могу ли я прежде всего поинтересоваться, чем вызваны ваши вопросы?

– Нет.

– О'кей. Ясно. – Маджид понимающе улыбается Ту́лин, а та пожимает плечами, словно извиняясь за поведение Хесса. Но тот продолжает:

– В чем заключалось лечение?

Врач кладет руку на медкарты детей, вовсе не собираясь заглядывать в них.

– Магнус Кьер поступил к нам в связи с хроническим заболеванием, симптомы которого проявились примерно с год назад. Детское отделение с приданной ему командой врачей играет роль своеобразного приемника-распределителя, откуда детей после установления диагноза направляют в соответствующие специализированные отделения. Так что Магнуса, у которого выявили аутизм, осматривали и проводили курс лечения врачи неврологического отделения. А вот София Сайер-Лассен была госпитализирована в наше отделение в связи с банальным переломом после несчастного случая, произошедшего у них дома месяца два-три назад. Ее довольно быстро выписали, так как перелом оказался несложным; правда, затем она проходила курс реабилитации в физиотерапевтическом отделении.

– То есть оба ребенка сперва находились в вашем отделении. – Хесс продолжает гнуть свою линию. – А вы не в курсе, дети знали друг друга? Или, может быть, их родители?

– Нет, я этого, по понятным причинам, не ведаю, но могу сказать, что, с учетом их диагнозов, вряд ли они могли близко соприкасаться.

– А кто навещал детей?

– Насколько я помню, по большей части матери, но если вы хотите быть абсолютно уверены, рекомендую спросить у них.

– Но я спрашиваю вас!

– Понимаю, но ведь я только что ответил.

Маджид дружелюбно улыбается. Хессу он кажется необычайно умным человеком, и полицейский задается вопросом, известно ли врачу, что они не имеют возможности спросить матерей.

– Но ведь вы с ними общались, когда те приходили навещать детей? – Это уже Тулин задает прямой, без всяких подвохов, вопрос, и главврач с большой радостью поворачивается в ее сторону.

– Вообще-то я контактирую с родителями многих детей. Это важная часть нашей работы – сделать так, чтобы матери, ну или отцы, если уж на то пошло, нам доверяли. Доверие и уважение друг к другу – решающий фактор в процессе лечения, ибо они идут на пользу всем. И в первую очередь – нашим маленьким пациентам.

Врач улыбается Тулин и лихо подмигивает, точно собирается подарить ей тур на Мальдивы для двоих влюбленных. Та в свою очередь тоже отвечает ему улыбкой.

– Выходит, я не ошибусь, если предположу, что на самом деле вы отлично знали обеих?

– Что значит «отлично»? – Маджид вроде бы недоумекает, но улыбка не сходит с его лица. Впрочем, Хесс тоже не ожидал от Тулин таких слов. Она же, однако, на этом не останавливается:

– А вы встречались с ними в частном порядке? Может, были влюблены в них? Или просто спали с ними?

Маджид все еще улыбается, но отвечает, чуть помедлив:

– Простите, не могли бы вы повторить?

– Да всё вы прекрасно слышали. Отвечайте на вопрос.

– С какой стати вы задаете мне такие вопросы? О чем вообще идет речь?

– Пока что мы всего лишь задаем вам вопросы, и очень важно, чтобы вы отвечали правдиво.

– Сию минуту. У нас в отделении на десять процентов больше детей, чем положено по нормативам. И посему я во время обхода могу уделить каждому ребенку совсем немного минут. И мне больше по нраву тратить мое рабочее время не на матерей или отцов и не на полицейских, а на детей.

– Но вы только что сказали, как важно для вас плотно общаться с матерями.

– Нет, я не так сказал, да и вообще мне не нравятся ваши намеки.

– Я ни на что не намекаю. Это вы намекали на что-то, когда подмигивали мне и говорили о доверительных отношениях, а я вас без всяких экивоков спросила, спали ли вы с ними.

Маджид теперь улыбается весьма неуверенной улыбкой и покачивает головой.

– Какое у вас сложилось мнение об этих женщинах как о матерях?

– Они были озабочены судьбой своих детей, как и все другие родители, дети которых оказываются у нас в отделении. Но если вы и дальше будете задавать мне подобные вопросы, то, прошу прощения, у меня дел по горло.

Хуссейн Маджид собирается подняться с места, однако Хесс, явно наслаждавшийся обменом любезностями в последней части диалога, пододвигает к нему заляпанную кофе утреннюю газету:

– Никуда вы не пойдете. Вам, возможно, уже известна причина нашего появления здесь. И пока что вы единственный человек, который был знаком с обеими жертвами преступлений, которые мы расследуем.

Главврач рассматривает сделанные в лесу фотографии и заголовки статей о возможной связи между двумя происшествиями. Похоже, он немало потрясен увиденным.

– Но мне *больше* нечего сказать. Я лучше помню мать Магнуса Кьера, потому что он дольше находился у нас. В неврологии ему ставили разные диагнозы, и мать была довольно сильно напугана, так как лечение не помогало. Да... так вот, она вдруг перестала приходить сюда с мальчиком, и больше я ничего не знаю.

– Она перестала приходить, потому что вы положили на нее глаз?

– Да ничего подобного, ни на кого я глаз не положил! Она позвонила и сказала, что в местный совет поступило заявление о ее взаимоотношениях с сыном и что она хочет сперва разобраться с этой проблемой. Я думал, она появится позже, но этого не произошло.

– Но Лаура Кьер все свое время посвящала заботе о сыне, так что у нее должна была быть действительно веская причина, раз уж она не захотела видаться с вами.

– Да не *меня* она видеть не хотела, я здесь вообще ни при чем. Я ведь уже сказал, что дело в каком-то заявлении.

– Каким именно заявлении? – В голосе Хесса прозвучали настойчивые нотки, но в этот момент в комнату заглянула молоденькая медсестра и воззрилась на главврача:

– Простите, я помешала... Надо срочно ответить девятой палате. Они ждут пациента у операционной.

– Сейчас приду. Мы закончили.

– Я спросил, что за заявление.

Хуссейн Маджид встает и собирает со стола свои вещи.

– Я ничего не знаю. Только слышал от матери, будто кто-то написал в совет и вроде бы обвинил ее в том, что она не должным образом заботится о мальчике.

– Что вы имеете в виду? В чем именно ее обвинили?

– Понятия не имею. Судя по голосу, она была ошеломлена. А потом уже куратор из муниципалитета позвонил и попросил нас дать заключение по мальчику, и мы его дали. То есть описали, какое лечение проводили и как пытались помочь ему. Благодарю за визит и прощаюсь.

– И вы уверены, что не заезжали к ней и не пытались хоть как-то утешить ее? – Ту́лин делает новую попытку, встав со стула и загородив ему дорогу.

– Да, в этом я абсолютно уверен! Можно я уже пойду? Спасибо!

Хесс тоже поднимается с места.

– Лаура Кьер сказала, *кто* автор заявления?

– Нет; насколько я помню, речь шла об анонимке.

Главный врач Хуссейн Маджид с документами в руках проходит мимо Ту́лин, исчезает за углом коридора, и Хессу снова становятся слышны голоса поющих детей.

Сотрудник отдела по делам детства и юношества столичного городского совета Хеннинг Лёб только что пообедал в почти совсем пустой столовой в подвальном этаже Копенгагенской ратуши, когда зазвонил его мобильный телефон. Первая половина дня стала для него сущим испытанием. С утра внезапно пошел дождь, и, добираясь до работы на велосипеде, он промок с головы до ног. Тем не менее шеф Хеннинга, руководитель отдела, попросил его поучаствовать в качестве эксперта в срочно назначенной встрече с семьей афганцев и их адвокатом, оспаривающих решение муниципалитета об изъятии из семьи ребенка.

Хеннинг Лёб досконально знал это дело – да, собственно говоря, он сам и рекомендовал принять именно такое решение, – но тем не менее ему еще раз пришлось выслушивать всю эту бодягу в течение полутора часов. Вопрос о принудительном изъятии детей в большинстве своем поднимается сегодня в отношении семей эмигрантов, и в подобных случаях требуется участие переводчика. Так что мероприятие заняло вдвое больше времени, чем обычно. Да и вообще встреча стала пустой тратой времени, поскольку вопрос был решен заранее. Ведь отец семейства многократно совершал действия насильственного характера в отношении своей тринадцатилетней дочери из-за того, что та слюбилась с датским подростком. Однако в демократическом обществе право быть выслушанным обеспечивается и такого рода субъектам. И пока аргументы, словно шарик в пинг-понге, перелетали с одной стороны стола на другую и обратно, Хеннинг, поживаясь от холода в промокшей одежде, обзирал творившуюся за окнами ратуши жизнь.

За эти полтора часа одежда его так до конца и не просохла и местами прилипла к телу, но в висках у него вдруг затикал секундомер, и ему пришлось заняться рутинными делами, чтобы нагнать упущенное по работе с утра. Хеннингу оставался всего лишь один разговор в кадрах, предшествующий его назначению в гораздо более структурированный и благополучный секретариат отдела по техническому развитию и охране окружающей среды. Беседа эта

намечена на вторую половину дня. Если он успеет закончить запланированные на сегодня дела, у него появится время для подготовки. Если же все пройдет удачно, вскоре он покинет тонущий корабль, на борту которого находится, еще до того, как судно пойдет ко дну под тяжелым грузом дел о насилии, кровосмешении и выходках психических больных, касающихся представителей так называемой пятой социальной группы^[25]. И правда, гораздо приятнее заниматься вопросами реконструкции городских пространств и благоустройством паркового хозяйства. И при этом иметь возможность со своего рабочего места разглядывать рыжую практикантку из Академии архитектуры, вне зависимости от времени года щеголяющую в мини-юбке и всегда дерзко улыбающуюся, за что она, без сомнения, заслуживает, чтобы ей достался настоящий мужик. Может быть, и не сам Хеннинг, ну и пусть; уж возможности наблюдать за нею и рисовать в воображении всякие разные картины, этими наблюдениями порождаемые, у него никто не отнимет.

Уже через несколько секунд он пожалел, что ответил на звонок, почувствовав, что ему никак не отделаться от настырного сыщика из убойного отдела. Манера разговора у него для Хеннинга хуже не придумать. Говорит он безапелляционным тоном и больше в повелительном наклонении. За пару секунд объяснил, что информация нужна ему немедленно, а не немного погодя, и уж тем более не ближе к вечеру. И Хеннингу приходится отложить все свои текущие дела и быстро вернуться к компьютеру в своем кабинете.

– Мне необходимо знать, что у тебя есть по делу мальчика по имени Магнус Кьер.

Полицейский называет регистрационный номер Магнуса, и Хеннинг открывает его дело в компьютере – и одновременно, на случай если тот в чем-то засомневается, рассказывает, что у него в работе тысячи дел и он не в состоянии помнить их все наизусть.

– Мне нужна только суть дела.

Хеннинг просматривает материал, занимая следователя пустым разговором. Дело, оказывается, вел он сам, и, к счастью, изложить его суть можно легко и быстро.

– Да, все правильно, это дело проходило у нас. По электронной почте поступило заявление или, вернее сказать, анонимное послание, с обвинениями в адрес матери Магнуса Кьер – дескать, она недостойна

его воспитывать. Но мы провели проверку и не нашли никаких доказательств этих утверждений. И больше я ничего...

– Мне нужна полная информация о деле. Прямо сейчас.

Хеннинг подавляет глубокий вздох. Разговор может затянуться, и он, быстро просматривая резюмирующую часть дела, выдает полицейскому самую краткую из возможных версий:

– Заявление поступило по электронной почте примерно три месяца назад в службу обработки уведомлений от осведомителей. Такой порядок установлен по указанию Министерства соцзащиты во всех органах местной власти страны. Согласно ему граждане могут анонимно обращаться в муниципалитеты с заявлениями, если им известны дети, воспитывающиеся в ненадлежащих условиях. Вот и отправитель данного заявления не указан. Говоря коротко, он призывал как можно скорее изъять мальчика из семьи и дома на том основании, что его мать, я цитирую, «самовлюбленная шлюха», конец цитаты. Кроме того, он указывал, что она только тем и занималась, что без разбора раздвигала ноги перед мужиками и закрывала глаза на проблемы мальчика со здоровьем, хотя, я снова цитирую «ей следовало бы раньше задуматься», конец цитаты. Доказательства необходимости изъятия мальчика, по мнению заявителя, можно было обнаружить по месту его жительства.

– И что вы обнаружили по месту жительства?

– Да ничего мы не обнаружили. В полном соответствии с установленными правилами взяли на себя труд проверить утверждения о неблагополучном положении мальчика в семье. Поговорили и с ним самим – он, кстати, интроверт, – и с потрясенными родителями, то есть с матерью и, видимо, отчимом. Однако ничего предосудительного не обнаружили. К сожалению, так часто бывает с подобного рода издевательствами.

– Мне хотелось бы посмотреть заявление. Ты не мог бы переслать мне копию?

Хеннинг словно только и ждал такого вопроса.

– Смогу. Как только ты покажешь мне решение судьи на сей счет. И если ничего другого...

– Верно ли, что имя отправителя не указано?

– Да, слово «аноним» именно это и означает. Я ведь уже сказал...

– А почему ты говоришь об «издевательствах»?

– Мы же ничего *не нашли*. А это в первую очередь именно что издевательство, для чего люди и пользуются порядком подачи анонимных заявлений. Поговори хотя бы с таможенниками и налоговиками. Политики за что боролись, на то и напоролись, – ведь теперь народ стучит друг на друга за милую душу, даже в тех случаях, когда сам заявитель ничего с этого не имеет. И никто даже не задумывается, сколько наших сотрудников тратят времени на копание в том дерьме, что эти анонимщики пишут и пересылают нам. Да, но, как я уже сказал, если больше ничего...

– Есть чего. Раз уж я тебя застал на рабочем месте, хотелось бы узнать, не получали ли вы заявлений по поводу еще двоих детей.

И – о боже! – мерзавец из убойного сообщает Хеннингу еще два регистрационных номера, на сей раз двух девочек, Лины и Софии Сайер-Лассен. Хотя семья их сейчас проживает в Клампенборге, ему известно, что до недавнего времени они снимали жилье в районе Исландс Брюгге, относящемся к ведению копенгагенского муниципалитета, и его интересует именно тот период времени.

Хеннинг с раздражением снова врубает компьютер и косится на свои часы. Пока что он еще успевает подготовиться к беседе в отделе кадров, если, конечно, ускорится. В компьютере наконец-то открываются дела обеих девочек, и Хеннинг начинает просматривать документы, слушая по телефону, как следователь повторяет регистрационные номера. Хеннинг уже готов сказать, что прекрасно помнит эти дела, так как ими он тоже занимался сам, но тут взгляд его натывается на один момент, на который ранее не обращалось внимания. Он перелистывает страницы дел на мониторе, возвращается к документам по делу Магнуса Кьера, чтобы проверить, верна ли его догадка, и прежде всего еще раз посмотреть текст анонимного письма. Хеннинг Лёб не понимает сути своего открытия, и это заставляет его осторожничать.

– К сожалению, нет. Насчет них у меня ничего нет. Во всяком случае, насколько я могу судить.

– Ты уверен?

– Да. Система не находит их номера. Чем еще могу быть полезен? Я вообще-то очень занят.

Тем не менее после разговора со следователем у Хеннинга Лёба возникает нехорошее предчувствие, и он сразу же отправляет письмо в

компьютерную службу управления о том, что система забастовала, из-за чего он не смог помочь полиции по определенному вопросу. Так, на всякий случай, ведь кто его знает... И всего лишь одна беседа отделяет его от повышения в должности, в результате чего он окажется далеко от всего этого дерьма. Далеко-далеко. Аж на третьем этаже, в секретариате отдела технического развития и охраны окружающей среды, и может, даже – чем черт не шутит – в интимной близости с той самой, рыжеволосой...

Дневной свет в коттеджном поселке в районе Хусума иссяк. Зажглись фонари на улицах и дорогах, где с целью обеспечения безопасности детей ограничена скорость движения и установлены высокие лежащие полицейские, а садовые дорожки освещают отсветы уютных ламп в кухнях домов, где, по-видимому, готовится ужин и ведутся разговоры об оставшейся на сегодня в прошлом дневной суеде. Стоило только Ту́лин выйти из служебной машины на Седервэнгет, как в нос ей ударил запах жарящихся котлет, доносящийся из кухонной вытяжки соседей семейства Кьер. Да, и только белый дом в стиле конструктивизма с семеркой на почтовом ящике и прилегающим жестяным гаражом находится в полной темноте и выглядит печальным и заброшенным.

Ту́лин выслушивает последние сердитые реплики Нюландера, заканчивает разговор и бежит под дождем вслед за Хессом к входу.

– Ключ у тебя? – Тот протягивает руку. Они стоят перед парадной дверью, опечатанной характерным желто-черным тейпом. Найя достает ключ из кармана пальто.

– Так ты говоришь, муниципалы проверяли заявление по поводу Лауры Кьер и не нашли подтверждения обвинениям?

– Да, так и есть. Отодвинься немного. Ты мне свет застишь.

Хесс берет у Ту́лин ключ и в тусклом свете старается вставить его в личину замка.

– Так что ты собираешься здесь делать?

– Я же говорил. Просто хочу осмотреть дом.

– Я *осматривала* дом. Несколько раз.

В недавнем телефонном разговоре Нюландер высказал неудовольствие по поводу добытых за день результатов, а вернее, отсутствия таковых, и недоумевал, зачем они снова отправились на Седервэнгет. Ту́лин тоже недоумевала. Да, она приняла подтверждающие алиби Хауге объяснения его адвоката о местонахождении подозреваемого в момент убийства Анне Сайер-Лассен, но, видимо, что-то все-таки ее настораживало, раз уж она

снова оказалась перед темным домом, где неделю назад началась эта история.

Хесс рассказал ей о беседе с сотрудником копенгагенского совета, которому он позвонил по пути к парковке после допроса врача. Они сидели в машине у Центральной больницы, дождь лупил по лобовому стеклу, и Найя слушала рассказ об анонимном заявлении, автор которого упрекал Лауру Кьер в том, что она плохая мать, и предлагал социальным службам изъять мальчика из семьи. Судя по результатам проверки, обвинения признали беспочвенными, и потому само заявление было расценено как попытка опорочить имя Лауры Кьер. И на этом месте интерес Тулин к сообщению сотрудника муниципалитета полностью угас. Да, конечно, тот факт, что Лаура Кьер сообщила о заявлении только врачу Центральной больницы, вызывал удивление, но с другой стороны, это вполне объяснимо. Ведь ее сын, по мнению врачей, страдал аутизмом, и поведение мальчика, как оно, к примеру, описано в школьной характеристике, могло дать повод сделать неверный вывод, будто оно объясняется недостатком внимания матери к проблемам сына. Что, разумеется, могло натолкнуть кого-то на мысль отправить анонимное заявление в муниципалитет. И Лаура Кьер, в принципе, могла и не знать, где искать анонимного заявителя: то ли это был кто-то из знакомых или из школы, а может быть, кто-то из коллег по работе, и тот факт, что она хранила молчание, вообще-то не должен вызывать удивления. Во всяком случае, нет никаких сомнений в том, что она всеми силами старалась помочь своему ребенку. И хотя Тулин активно не нравился Ханс Хенрик Хауге, ей пришлось признать, что отчим, судя по всему, тоже всячески заботился о мальчике. Так что же давала им информация о заявлении? Ведь выяснилось, что подобного документа в отношении Анне Сайер-Лассен не существовало, и таким образом связи между этими двумя преступлениями установить не удалось, а, следовательно, данную версию вполне можно предать забвению.

И тем не менее Хесс решил еще раз осмотреть дом Лауры Кьер, из-за чего Тулин по дороге даже пожалела, что не поставила вопрос о его отстранении от расследования, когда сегодня утром общалась с Нюландером. Она, разумеется, прислушалась к словам Хесса насчет того, что преступник не успокоится на достигнутом и продолжит в том же духе, да и сама почувствовала угрозу, когда стояла в лесу возле

трупа Анне Сайер-Лассен. Просто они по-разному подходили к расследованию, и уж конечно, ее не шибко вдохновляла мысль выступить в роли сексота и заложить Хесса Ньюландеру, если он начнет выделывать кренделя и станет копать в деле Кристине Хартунг. И уж тем более она не повела бы себя так, если б это было одним из условий получения рекомендации для перехода НЦ-3.

– Мы разыскиваем убийцу двух женщин, и ты сам говоришь, что преступник может не остановиться на этом. Так зачем же тратить зря время и осматривать дом, который уже был обыскан, и не раз?

– Тебе не обязательно быть со мной. Ты гораздо больше поможешь делу, если опросишь соседей: вдруг кто-то знает о заявлении или о его авторе... Тогда и управимся быстрее, идет?

– Для чего вообще их опрашивать?

Тейп, опечатававший входную дверь, треснул, когда Хесс открыл ее и скрылся в прихожей. В этот момент ливень еще больше усилился, и Ту́лин бегом помчалась к ближайшему из соседних домов.

Закрыв за собой дверь, Хесс первым делом отмечает, что в доме царит полная тишина. Глаза его пытаются привыкнуть к темноте. Он трижды безуспешно включает свет в разных местах коридора, и наконец до него доходит, что энергосбытовая компания отключила ток. Дом ведь записан на Лауру Кьер, смерть ее зарегистрирована, вот и началось юридическое оформление итогов ее земной жизни. Хесс достает карманный фонарик и освещает им путь по коридору и далее по всему дому. Разговор с сотрудником муниципалитета все еще не отпускает его. Сказать по правде, он и сам не ведает, что именно дала эта беседа, если вообще дала что-то значимое для следствия. Он только чувствует, что ему необходимо снова осмотреть дом. Допрос врача в Центральной больнице прошел, пожалуй, неплохо. Какое-то время Хесс даже думал, что наконец-то они оказались в нужном месте и говорят с нужным персонажем. Обе жертвы встречались с врачом, и ощущение, будто дети оказались тем самым связующим звеном, которое они и искали, не покидало его. Пока врач не заговорил о заявлении.

Разумеется, Хесс понимал, что искать здесь непонятно что – это все равно как стрелять в тумане. С одной стороны, заявление поступило три месяца назад, и если можно было отыскать здесь нечто, то нечто это бесследно исчезло. Но ведь кто-то заявил на Лауру Кьер, кто-то интересовался ею, кто-то прислал письмо со злопыхательским призывом изъять ее сына из семьи – и Хесса не оставляла надежда найти в доме ответы на некоторые вопросы.

Проходя по коридору, он повсюду замечает следы работы криминалистов. На дверных ручках и косяках видит остатки дактилоскопического порошка, а на различных предметах все еще красуются пронумерованные листочки бумаги. Хесс осматривает помещение за помещением и входит в небольшую комнатку, по всей вероятности, служившую кабинетом. Сейчас она выглядит странным образом пустой, поскольку с письменного стола убран стационарный компьютер, по-прежнему находящийся в распоряжении полиции в качестве вещественного доказательства. Марк открывает ящики и

ящички, шкафы, просматривает какие-то не имеющие никакого отношения к делу записки и бумаги, потом переходит в ванную комнату и кухню, где вновь повторяет всю процедуру. Но ничего интересного так и не находит. Дождь лупит по крыше, пока Хесс идет обратным путем по коридору в спальню, где постель все еще не застелена и на ковре лампа валяется. Он подходит к комоду с нижним бельем Лауры Кьер, но в этот момент открывается дверь и на пороге возникает Ту́лин.

– Никто из соседей ничего не знает. И о заявлении никто не слышал. Зато все в один голос говорят, что и мать, и отчим хорошо относились к мальчику и заботились о нем.

Хесс открывает следующий шкаф и продолжает свои изыскания.

– Я еду обратно. Надо проверить показания врача и утверждения Сайер-Лассена о любовных похождениях – тоже. Не забудь забрать ключ, когда закончишь.

– Отлично. До встречи!

Ту́лин сознательно хлопает дверью дома номер 7 по Седервэнгет сильнее, чем необходимо. Перебегая под дождем к машине, она едва успевает увернуться от мчащегося мимо одетого в темное и потому неразличимого в вечерней мгле велосипедиста, и наконец-то забирается в салон. За время похода по соседям и слева, и справа, и на другой стороне улицы Найя промокла насквозь, и только мысль, что Хессу самому придется пилить до станции, согревает ее. День не принес никаких результатов; им так и не удалось найти ничего, что однозначно выводило бы их на преступника. И ей представляется, что пока они ничтоже сумняшеся мечутся по заколдованному кругу, дождь смывает все возможные следы.

Ту́лин поворачивает ключ зажигания, трогается с места и, набирая скорость, выезжает на дорогу. Ей еще предстоит перелопатить отчеты всех членов группы, подытожить результаты работы за сегодняшний день, но самой Найе больше всего хочется сейчас, вернувшись в управление, засесть за материалы дела. Начать все с самого начала, просмотреть все, что удалось нарыть, и отыскать-таки ниточку, которая помогла бы связать все концы с концами. А еще, может быть, позвонить Хансу Хенрику Хауге и Эрику Сайер-Лассену и выяснить, насколько хорошо они знакомы с главврачом Хуссейном Маджидом, знавшим обеих жертв. Ту́лин съезжает с Седервэнгет на главную дорогу, но увиденное в зеркало заднего вида заставляет ее нажать на тормоз.

Метрах в пятидесяти позади нее припаркован автомобиль. Он стоит под высокими елями на тупиковом отростке той дороги, что примыкает к Седервэнгет. И почти совсем сливается с деревьями и живой изгородью, за которой находится детская игровая площадка. Найя сдает назад и останавливается рядом с черным пикапом. Но ничего примечательного ни в самой машине, ни в салоне не обнаруживает.

Однако на капот падают капли дождя, и исходящий от него легкий парок свидетельствует, что автомобиль был припаркован буквально минуту назад. Ту́лин оглядывается. Если у тебя дело в доме на улице

коттеджного поселка, ты остановишься перед нужным тебе номером, но эта машина стоит на закрытом участке, почти в самом конце тупика. Она уже собирается пробить номера, но тут звонит ее мобильник, и на дисплее высвечивается имя Ле. Господи, она же совершенно забыла, что ей нужно забрать дочку у деда... Найя отвечает на вызов и уезжает прочь.

Комната Магнуса Кьера обставлена весьма скромно в сравнении с апартаментами дочерей Сайер-Лассенов, но даже в слабом свете карманного фонарика Хесс замечает, что здесь весьма уютно. Напольный ковер с длинным ворсом, зеленые гардины и свисающая с потолка лампа с абажуром из рисовой бумаги. Небольшие постеры с утенком Дональдом и Микки-Маусом на стенах, а на расположенных вокруг белых полках стоят в огромном количестве пластиковые фигурки из сказочного мира, по-видимому, символизирующие борьбу сил добра и зла. На письменном столе стоит кружка с карандашами и фломастерами, а взгляд на висящую над столом книжную полку позволяет удостовериться, что Магнус Кьер увлекается еще и шахматами. Хесс берет с полки пару книг и начинает разглядывать их, сам не зная, с какой целью. И вообще ему кажется, что в этой комнате он чувствует себя в полной безопасности, как ни в одном другом помещении этого дома.

Взгляд его падает на постель, и по укоренившейся привычке он опускается на колени, светит фонариком под кроватью, хотя и знает, что коллеги давным-давно все здесь проверили. Между ножкой кровати и стеной зажат какой-то предмет. Хесс не без затруднений достает из-под кровати зачитанное до дыр руководство пользователя для «Лиги легенд», и его начинают мучить угрызения совести – ведь он так не удосужился навестить мальчика еще раз в больнице, как обещал.

Хесс откладывает руководство в сторону. Он уже жалеет, что не поехал обратно в город вместе с Тулин. Сообщение об анонимном заявлении сперва показалось ему именно той деталью, что может пролить новый свет на это дело, но теперь он чувствует себя полным идиотом – правда, в первую очередь из-за того, что вскоре ему предстоит тащиться под дождем, пока не дойдет до станции или не поймает такси. Подступает усталость, и Хесс даже подумывает, не прилечь ли прямо здесь, в постели мальчика, где ему будет так хорошо и удобно. А может, лучше отправиться напрямик к Нюландеру и навешать ему лапшу на уши, наврать, что вечером ему необходимо

быть в Гааге? Впрочем, он с равным успехом мог бы и сказать правду. О том, что задача ему не по плечу. Что Кристине Хартунг, отпечатки пальцев и прочая мутота не имеют к нему никакого отношения и что, возможно, исключительно из-за недосыпа он выдал свою кошмарную версию о расчлененных телах и каштановом человечке. В случае удачи он успеет на последний сегодняшний рейс в 20.45 и самое позднее завтра с утра пораньше бросится на колени перед Фрайманном. И на данный момент этот вариант представляется ему наиболее соблазнительным.

Хесс бросает прощальный взгляд через окно на темный сад и детскую площадку под открытым небом, где было найдено тело Лауры Кьер, и – видит их! Полускрытые зелеными гардинами, на стене у окна висят на листах формата А4 детские рисунки. Они прикреплены к стене чертежной кнопкой. На первом изображен дом; Магнус Кьер нарисовал его, наверное, пару лет назад. Хесс подходит ближе и наводит на него свет фонарика. Девятью-десятью довольно-таки примитивными линиями он изобразил дом с входной дверью, над которым светит солнце. Хесс нетерпеливо отгибает лист, но на втором оказывается всего лишь еще один дом, на сей раз белого цвета, изображенный более точными штрихами и с бóльшим количеством характерных деталей. Хессу становится ясно, что мальчик рисовал конструктивистский дом на Седервэнгет, то есть тот, где он сейчас и обретается. Третий рисунок выполнен на тот же сюжет: белый дом, солнце, но еще и гараж. То же можно сказать и о четвертом, и о пятом вариантах. Причем явно видно, что каждая следующая картинка выполнена более умелой и уверенной рукой по сравнению с предыдущей. Хесс почему-то симпатизирует пацану и улыбается про себя. Но вот доходит очередь до последнего рисунка. Сюжет его прежний. Дом, солнце, гараж. Вот только с гаражом что-то не так. Неожиданно для Хесса он оказывается непропорционально большим, даже больше самого дома, возвышаясь над его крышей. А стены толстые, черные и асимметричные.

Хесс захлопывает за собой дверь террасы. На дворе холодно: в каплях дождя он различает легкий парок от собственного дыхания. Подсвечивая фонариком путь по садовым плитам, поворачивает за угол и оказывается перед входом в гараж. В воздухе все еще чувствуется запах жарящихся котлет, но он исчезает, как только Хесс переступает порог гаража. Он отмечает, что, открывая дверь, не услышал характерного треска лопнувшего тейпа, которым она опечатана. И все же решает не обращать на это внимания и закрывает ее.

Помещение просторное, наверное, метров шесть в длину и четыре в ширину, с высокими потолками. Выстроено с применением современных материалов, каркас стальной, стены жестяные. Хесс видел подобные в каталогах строительных ярмарок. В гараже может спокойно разместиться автомобиль, и еще останется достаточно места. Чуть ли не весь пол уставлен прозрачными пластиковыми емкостями. Некоторые из них на колесиках, другие сложены в высокие, точно башни, штабеля, и Хессу невольно вспоминаются его бранные пожитки, кое-как запиханные в картонные коробки и уже пятый год томящиеся на складе временного хранения личных вещей где-то на Амагере. Под стук барабнящего по крыше дождя Хесс протискивается среди пластиковых штабелей дальше, но, насколько ему позволяет видеть тусклый свет карманного фонарика, ничего необычного в емкостях не обнаруживает. Только одежда, ковры, старые игрушки, кухонные принадлежности, тарелки, вазы – все это аккуратно разложено по контейнерам. На одной из боковых стен Хесс видит красивую полочку с алюминиевыми крючками, на которых в таком же идеальном порядке развешаны разнообразные садовые инструменты. Ее сменяет металлический стеллаж с банками краски, ножницами и прочей мелочовкой для работы в саду. И больше ничего. Обычный гараж. Да, рисунки Магнуса привлекли его внимание, но теперь, находясь в самом помещении, Хесс склонен считать, что они лишь свидетельствуют о проблемах мальчика с душевным здоровьем, на чем настаивают медики.

Хесс раздраженно разворачивается на каблуках и начинает пробираться к выходу и вдруг чувствует, что наступил на какую-то шершавую подкладку, лежащую чуть выше уровня бетонного пола. Неnamного, может быть, на два-три миллиметра. Хесс направляет луч фонарика вниз и обнаруживает, что стоит на черном прямоугольном резиновом коврике размером примерно полметра на метр. Коврик лежит на полу прямо перед металлическим стеллажом и ничего необычного вроде бы из себя не представляет. На такой и внимания-то не обратишь, если только не искать, как Хесс, иголку в стоге сена. Он делает шаг вперед, но, повинувшись безотчетному желанию, наклоняется и пробует отодвинуть коврик. Тот, однако, не поддается. Марку только удается просунуть под него палец на два-три сантиметра, и, проведя им вдоль края, он ощущает щелку в бетонном полу по всему периметру коврика. На металлическом стеллаже находит отвертку. Потом берет фонарик в рот, сжимает его зубами, подсовывает отвертку под коврик, стараясь попасть острием в щелку, и, орудуя ею, как рычагом, чуть-чуть приподнимает часть бетонного пола с приклеенным к ней ковриком. Просовывает пальцы в образовавшееся отверстие и открывает крышку люка.

Он с удивлением рассматривает черный квадрат на бетонном полу. С внутренней стороны к крышке люка приделана ручка, так что его можно открыть снизу. Хесс вынимает фонарик изо рта и направляет его луч в яму. Света хватает метра на два, и Марку видны только контуры половичка под основанием смонтированной на внутренней стенке ямы лестницы. Хесс садится на пол, снова берет фонарик в рот, ставит ногу на верхнюю ступеньку и начинает спуск. Он совершенно не представляет себе, что собирается искать, но с каждой новой ступенькой внутри у него нарастает тревога. Вдруг он чувствует в носу какой-то специфический запах, будто кто-то смешал техническую жидкость с одеколоном. Наконец Хесс ощущает под ногами твердую почву, отпускает поручень лестницы и осматривается.

Помещение невелико, но по размеру больше, чем он ожидал. Метра четыре на три, а что до высоты, то он может спокойно стоять во весь свой немалый рост, не нагибая головы. Повсюду на побеленных стенах торчат электрические розетки, на полу уложен ламинат в шахматных клетках. Чистота и порядок. На первый взгляд ничего такого ужасного в этом помещении нет, кроме, разумеется, самого

факта его существования. Кто-то ведь спроектировал его, вывез грунт, закупил материалы, смонтировал оборудование и снабдил звуконепроницаемым люком... Да, хотя Хесс и оставил его открытым, шум дождя и прочие звуки доносятся до него как будто совсем издалека. Теперь он понимает, что больше всего опасался обнаружить здесь фрагменты тела Кристине Хартунг, однако, к его облегчению, в помещении почти совсем пусто. Посреди помещения стоит приятный на вид кофейный столик со странной лампой на треноге, возле одной из боковых стен размещается высокий платяной шкаф белого цвета с висящим на ручке дверцы полотенцем для рук. На торцевой стене над постелью с покрытым белой простыней матрацем висит красноватого колера ковер. Карманный фонарик начинает мигать, и чтобы он совсем не сдох, Хессу приходится его потрясти. Он подходит к постели и только теперь замечает ряд направленных на нее ламп. Однако внимание его привлекает картонная коробка. Интересно, с чего бы это ей торчать здесь, на полу? Хесс опускается на колени и направляет свет фонарика внутрь. В коробке в полнейшем беспорядке, точно их в дикой спешке просто побросали туда, свалены разные вещи. Увлажняющие кремы и ароматические свечи. Термос, невымытая чашка и висячий замок. Провода и оборудование для вай-фая. А еще ноутбук «МакБук Эйр», все еще подключенный к проводу, что тянется по покрытому ламинатом полу к лампе на кофейном столике. И только теперь до Хесса доходит, что это вовсе не лампа. Это камера на треноге, и объектив ее, как и многочисленные светильники, направлен на постель.

Хесс чувствует, как к горлу подкатывает тошнота, и собирается подняться и поскорее выбраться из этой пещеры в дождь. Но вдруг замечает мокрые следы по другую сторону кофейного столика. Может быть, это его следы? Нет, не похоже... Он не успевает додумать мысль до конца, потому что кто-то выскакивает из-за стоящего позади него шкафа и наносит ему удар по затылку, а потом еще и еще. Фонарик выпадает у него из руки, и на потолке появляются сменяющие друг друга с калейдоскопической быстротой светлые полосы. Кто-то продолжает дубасить его по голове, и он ощущает вкус крови во рту.

Полуобернувшись, Хесс падает на кофейный столик. Он все еще в состоянии грогги, но все-таки успевает лягнуть напавшего на него ногой, отчего сам валится на постель и ударяется лицом о ее изголовье. Скулу пронизывает боль, в одном ухе звенит. Марк переворачивается на постели, чтобы восстановить равновесие, слышит, как кто-то роется в коробке, а потом бежит к лесенке, и понимает, что ему необходимо подняться во что бы то ни стало. Он подымается, но ничего не видит вокруг. Пошатываясь на нетвердых ногах, бредет в темноте, выставив руки вперед и стараясь вспомнить, где находится лестница. Натывается кулаком на шершавую бетонную стену и сдирает кожу с костяшек пальцев, но наконец нащупывает поручень. Чувствуя над собой быстрые движения соперника, он и сам ускоряет работу ног и рук, взбираясь вверх по лестнице на стене пещеры. Добравшись до предпоследней ступеньки, вытягивает руку вверх и хватает соперника за ногу. Тот валится на башню из пластиковых контейнеров и начинает отбрыкиваться. Но Хесс не выпускает его. Подтянувшись чуть выше, он вдруг замечает лежащий на бетонном полу гаража «МакБук». И тут получает два удара каблуком в лицо. Противник насаждает на него всем своим весом, едва не размазывая его по бетонному полу. Хесс барахтается в его тисках, он только наполовину вылез наружу, и ноги его, точно у висельника, болтаются в воздухе. Он задыхается и замечает, что бандит тянется за отверткой, которую Хесс сам по глупости оставил на полу гаража. Марк чувствует, что вот-вот лишится сознания. В глазах у него темнеет, и тут он слышит голос. Это Тулин зовет его то ли с улицы, то ли из дома, но, несмотря на все попытки, ответить Хесс не в состоянии. Он валяется на холодном бетонном полу в этом треклятом Хусуме, ощущая сидящую у себя на шее стокилограммовую тушу. Лихорадочно всплескивает руками – и правой внезапно натывается на что-то холодное, металлическое. Он не может использовать этот предмет как оружие, но изо всех оставшихся сил тянет его на себя. И тот поддается. Стеллаж с банками с краской кренится-кренится – и наконец с оглушительным грохотом падает на пол.

Найя стоит в дверях веранды и сквозь струи дождя всматривается в темноту безмолвного сада. Она уже несколько раз звала Хесса – сперва из дома, а теперь вот с террасы. Ответа не последовало, и Ту́лин чувствует себя полной дурой. Но не потому, что развернулась и помчалась обратно, когда до нее дошло, кому мог принадлежать черный пикап. Больше всего ее убивает, что Хесс не запер за собой входную дверь.

Найя уже собирается захлопнуть дверь террасы, но тут в гараже раздается жуткий грохот. Она снова выкрикивает имя Хесса. Сперва ей кажется, это он бродит бесцельно под дождем, но вдруг видит, как из дальнего выхода из гаража выбегает темная фигура и мчится в сторону задней части сада. Сделав три шага вперед, Ту́лин достает пистолет. Фигура продирается сквозь кустарник и проносится по детской площадке. Достигнув домика для игр, Найя понимает, что, хотя и бежала изо всех сил, фигуру все-таки из виду упустила. Вся промокшая и запыхавшаяся, она осматривается вокруг, однако звук приближающегося товарняка заставляет ее двинуть в сторону железнодорожного полотна. Фигура спрыгивает со склона и бежит вдоль рельсов. Ту́лин прыгает вслед за ней, но поезд уже настигает ее сзади.

Издав громкий протяжный гудок, товарняк на полном ходу несется мимо нее, и она падает на траву. Бегущая впереди фигура быстро оглядывается, резко берет влево и в последний момент пересекает пути прямо перед носом локомотива. Найя разворачивается и теперь бежит в противоположном направлении к концу поезда, чтобы как можно скорее пересечь рельсы и возобновить преследование. Но состав кажется бесконечным, и ей приходится остановиться. Однако в просвете между двумя вагонами она успевает увидеть искаженное дикой гримасой лицо обернувшегося назад Ханса Хенрика Хауге, который тут же исчезает среди деревьев.

Полицейские машины с мигалками на крыше перекрыли небольшой тупиковый участок дороги с обоих концов. И самые усердные репортеры криминальной хроники уже съезжаются к месту происшествия. Некоторые из них прибывают с операторами и ПТС^[26], чтобы передавать репортаж для следующего выпуска новостей напрямую. Хотя, понятное дело, никакой информации от полиции они не получают и могут вещать только о том, что увидят из-за заграждения собственными глазами. Подтягиваются и соседи; они уже второй раз за неделю с недоумением разглядывают дом в конструктивистском стиле под номером семь. В таком квартале, как этот, всего и развлечений, что «день улицы» да сортировка мусора, и Тулин полагает, что события этой недели не забудутся местными жителями еще многие-многие годы.

Она выходит на улицу перед домом, чтобы позвонить Ле и пожелать ей спокойной ночи, и дочка с радостью соглашается снова переночевать у деда. Найе, однако, трудно сконцентрироваться на разговоре, и пока Ле рассказывает о новом приложении для смартфона и договоренности поиграть с Рамазаном, она прокручивает в голове события вечера. Тулин уже ехала по второму кольцу, как вдруг поняла, что шестая «Мазда» принадлежит Хансу Хенрику Хауге, и потому сразу же повернула назад. Но Хауге скрылся, и, прекратив преследование, Найя возвратилась в гараж, где и нашла Хесса лежащим на бетонном полу. Впрочем, тот, невзирая на полученные туманы и туман в голове, сразу же занялся «МакБуком», за которым, видимо, и охотился Хауге. Тулин вызвала криминалистов, проинформировала о случившемся Нюландера и объявила Ханса Хенрика Хауге в розыск, который, правда, пока не принес результатов.

И снова на участке мельтешат одетые в белое эксперты, на сей раз в гараже и перед ним. У них с собой собственные источники электропитания, и повсюду расставлены прожекторы, излучающие резкий белый свет. У въезда на участок разбита белая палатка. Большая часть пластиковых контейнеров вынесена наружу, чтобы облегчить проход в нижнее помещение. Тулин закругляет разговор с

дочерью и направляется к гаражу, где Генц с камерой в руках как раз выбирается вверх из подземелья. Когда он снимает маску, Найя отмечает, какой у него усталый вид. Эксперт докладывает:

– Судя по материалам, использованным для обустройства пещеры, она была построена одновременно с новым гаражом. Грунта вынута не так уж много, и Хауге вполне мог вывезти его на мини-погрузчике, если он, конечно, брал технику напрокат, чтобы забить подпорки для стен. Если у него была возможность работать, не отвлекаясь ни на что иное, ему хватило бы не более двух-трех дней. Когда люк закрыт, звуки извне в подвальное помещение не проникают, а Хауге, предположительно, всегда его закрывал.

Тулин молча слушает рассказ Генца. Наряду с кремами, бутылками из-под газировки, ароматическими свечками и прочими атрибутами в подвале найдены некоторые игрушки Магнуса Кьера. В помещении проведено электричество, а также установлено оборудование для вай-фая. Пока что других отпечатков, кроме принадлежащих мальчику и Хансу Хенрику Хауге, не обнаружено. У Тулин все это не укладывается в голове. До сих пор она только читала о подобных делах или видела соответствующие репортажи в новостях. Йозеф Фритцль, Марк Дютро или как там еще зовут этих психопатов... Впрочем, Найя вынуждена признать, что такие вещи до сего дня как бы проходили мимо нее, существовали в параллельной реальности.

– А зачем ему там нужен был вай-фай?

– Точно пока не скажу. Судя по всему, Хауге собирался что-то удалить, но, по понятным причинам, мы пока не знаем, что именно. Зато в картонной коробке мы обнаружили записную книжку с некоторыми кодами. То есть он, по-видимому, анонимно пользовался одноранговой оверлейной сетью. Возможно, для стриминга.

– Стриминга чего?

– Хесс с экспертами сейчас пытаются открыть «Мак», который Хауге и собирался забрать с собой; правда, пароль шалит, так что нам, наверное, придется доставить ноутбук в отдел и уже там попробовать взломать его.

Тулин стаскивает с рук Генца одноразовые перчатки и собирается пройти мимо него в гараж, но он кладет ей руку на плечо:

– Слушай, пусть лучше айтишники с ним разберутся. Они постараются закончить как можно быстрее и сразу же позвонят.

Взгляд его темных глаз говорит Тулин, что сказал он это из добрых побуждений, просто хотел пощадить ее нервы. Но все-таки она проходит к люку.

Ту́лин отпускает ступеньку над собой, за которую придерживалась, сохраняя равновесие при спуске. Она ставит ноги на выложенный ламинатом пол и осматривается в помещении, освещенном теперь двумя мощными лампами в обоих его концах. Двое экспертов в белых одеждах стоят возле кофейного столика с установленным на нем «МакБуком» и оборудованием для вай-фая и негромко переговариваются.

– Вы пробовали запустить его в режиме восстановления Recovery Mode?

Хесс на миг поворачивается к ней. Один глаз у него распух, пальцы перевязаны марлевым бинтом, одной рукой он прижимает к затылку скомканное бумажное полотенце.

– Да, но ребята говорят, что он подключен к системе шифрования диска FileVault, и вскрыть ее здесь невозможно.

– Отойдите. Я сама сделаю.

– Они говорят, что им лучше...

– Если вы ошибетесь, можете ненароком стереть часть данных, заложенных в программе.

Бросив на нее взгляд, Хесс отходит от «МакБука» и кивает айтишникам, чтобы те сделали то же самое.

Найя быстро натягивает одноразовые перчатки. Ей знакомы все операционные системы, и за две минуты работы с клавиатурой Ту́лин удается обнулить входной код Хауге. Компьютер открывается, и на мониторе появляется большое изображение героев различных диснеевских мультфильмов – Гуффи, Дональда Дака и Микки-Мауса. В левой стороне располагаются двенадцать-тринадцать папок, каждое под названием того или иного месяца.

– Открой последнюю.

Ту́лин, однако, и так уже дважды кликнула последнюю папку «Сентябрь». На экране появляется новый флажок, и теперь она может выбрать из пяти иконок, каждая из которых обозначает игровой символ. Найя дважды кликает наугад и смотрит на появляющуюся на

мониторе картинку. Через полминуты она понимает, что ей следовало бы послушаться Генца: к горлу подступает тошнота.

В новостях по автомобильному радио пока что выдавали разного рода предположения и догадки, пересказывали уже знакомые сюжеты, ну и, естественно, упоминали, что Хауге объявлен в розыск. В последовавшей затем песенке воспевался анальный секс, и Ту́лин выключила радио. Разговаривать ей не хотелось, и она была довольна, что Хесс занят беседой по мобильному.

По дороге из Хусума они заехали в глострупскую больницу, где по-прежнему проходил курс лечения Магнус Кьер. В комнате отдыха персонала побеседовали с врачом, и Ту́лин утешило, как близко к сердцу и с искренней озабоченностью судьбой мальчика она выслушала их рассказ о произошедшем. Найя проинструктировала ее, что Ханса Хенрика Хауге ни при каких обстоятельствах нельзя допускать к Магнусу Кьеру, если он вдруг объявится в больнице. Что, вообще-то, было в высшей степени маловероятно, учитывая, что он находится в бегах и разыскивается полицией. Врач сообщила, что мальчик – с учетом, разумеется, всех привходящих обстоятельств – чувствует себя, к счастью, хорошо, и все же они с Хессом по пути к выходу заглянули к нему в палату. Магнус спал, и они просто поглядели на него через квадратное окошечко в двери.

В течение четырнадцати-пятнадцати месяцев парнишка регулярно подвергался издевательствам и истязаниям, а разные врачи-специалисты истолковывали его проблемы в общении с другими людьми как проявление аутизма.

И насколько могла судить Ту́лин, до смерти отца и встречи матери с Хауге он был ровно таким же живым и общительным, как и все его сверстники. Хауге, наверное, и выбрал Лауру на сайте знакомств именно потому, что в своем профиле она указала наличие у нее маленького сынишки. Этот факт, который в глазах других мужчин отодвигал ее на задний план, для Хауге стал определяющим. Просмотрев историю его заходов на сайт, Ту́лин узнала, что в первую очередь он рассылал свои запросы одиноким женщинам с детьми. Но до сих пор она не придавала этому особого значения, так как считала,

что Хауге просто хотел найти себе партнершу примерно одного с ним возраста.

Из клипа, который Найя видела на ноутбуке Хауге, ясно следовало, как он принуждал мальчика к молчанию. Сидя на постели в подzemелье с каким-то сюрреалистическим красным настенным ковром на заднем плане, он строгим учительским голосом напоминал Магнусу, что ему следует только радовать маму, чтобы она не горевала, как тогда, когда умер отец. И так же непринужденно, словно говорил о само собой разумеющемся, добавлял, что вряд ли Магнус хочет, чтобы он, Хауге, доставлял маме неприятности.

Магнус не противился следующим затем действиям насильственного характера, которых Ту́лин видеть не пожелала. Тем не менее насилие имело место быть, а по странице Хауге в анонимной оверлейной сети I2P-log она знала, что он осуществлял потоковую передачу сеанса. Разумеется, опуская вводную часть и кадры, на которых можно было увидеть его собственную физиономию. И так происходило не один раз. Далеко не один. Лаура Кьер об этом не догадывалась, но анонимное заявление, о котором ее поставили в известность муниципальные служащие, по-видимому, явилось для нее тревожным звоночком. Она отвергла обвинения в том, что уделяла мало внимания воспитанию сына, но вся эта история не могла не беспокоить ее. И, может быть, сомнения ее лишь возрастали – ведь в последнее время она все чаще и чаще выходила из дома только вместе с сыном или когда тот был в школе. Не исключено, что, ко всему прочему, Хауге стал внушать ей страх. Во всяком случае, она сменила замок, когда Хауге отправился на ярмарку, что, впрочем, ей не помогло. Ее убили – и самым издевательским образом, точно в насмешку, оставили на ее теле каштанового человечка. Ту́лин с горечью была вынуждена констатировать, что за последние несколько часов они с Хессом ни на йоту не приблизились к преступнику.

– Спасибо! До свидания! – Хесс закончил разговор по мобильнику. – Похоже, мы ни того типа, с которым я общался, ни кого другого в ратуше не сможем допросить раньше завтрашнего утра.

– Допросить насчет анонима, которого мы разыскиваем?

– Возможно. Не худо бы все проверить.

– Но разве Хауге не мог совершить оба преступления? – Ту́лин прекрасно знает ответ, но все-таки не может удержаться от вопроса.

Хесс отвечает, сперва чуть-чуть подумав:

– Кое-что говорит за то, что оба преступления совершены одним и тем же лицом. Хауге, можно сказать, имел мотив в случае с Лаурой Кьер, но не в отношении Анне Сайер-Лассен. К тому же у него алиби по тому делу. А то, что мы видели на компе в подвале гаража, ясно говорит, что он – педофил. Ему доставляет наслаждение насилловать детей. А насилловать женщин, лишать их конечностей и убивать – не его тема.

Ту́лин не отвечает. Она с гневом думает о Хауге, и больше всего ей сейчас хочется поймать именно его.

– С тобой всё в порядке?

Найя замечает, что Хесс испытующе глядит на нее, но говорить о Хауге у нее нет никакого желания.

– Вообще-то этот вопрос мне следовало бы задать тебе.

Хесс растерянно смотрит на нее, и хотя взгляд Ту́лин сконцентрирован на дороге, она пальцем показывает на струйку крови, вытекающую у него из уха. Хесс утирает ее скомканным бумажным полотенцем, а Найя поворачивает к торцу своего дома. И тут ее осеняет мысль:

– Но как заявителю стало известно, что над Магнусом насильничали? Ведь никто об этом не знал.

– Не могу сказать.

– Но раз заявителю это было известно, он наверняка знал, что Лаура Кьер об этом ни сном ни духом не ведала. Тогда зачем было убивать мать, а не Хауге?

– Опять же не могу ответить. Но раз уж ты так ставишь вопрос, то, может быть, потому, что заявитель считал, будто она обязана была знать это. И еще потому, быть может, что она не отреагировала на заяву. Во всяком случае, не сразу отреагировала.

– Что-то у тебя многовато «может быть»...

– Да, верно подмечено. А если вспомнить, что, по словам этого типа из муниципалитета, подобного заявления на Анне Сайер-Лассен не поступало, то все концы и вправду прекрасно сходятся.

В завершение своего иронического монолога Хесс, поглядев на дисплей своего мобильного, сбрасывает поступивший на телефон вызов. Ту́лин останавливает машину и выключает двигатель.

– С другой стороны, Анне Сайер-Лассен собиралась уехать с детьми и вещами. И теперь, когда мы знаем, что на самом деле случилось с Магнусом Кьером, не худо было бы проверить, случайно ли получила травму старшая дочка Анне или же тому была какая-то определенная причина.

По глазам Хесса она замечает, что он понял ее. Марк отвечает не сразу, и Найя догадывается, что ее слова заставили его мысль работать в ином направлении.

– По-моему, ты говорила, что у меня слишком много «может быть».

– Ну, может быть, и не так уж много...

Находки в гараже Лауры Кьер не располагают к веселью, однако Ту́лин не в силах удержаться от улыбки. Ну что ж, юмор как раз и позволяет дистанцироваться от непостижимого. И в то же время у Найи внезапно появляется ощущение, что какую-то, пусть и тончайшую ниточку они все-таки нащупали.

Кто-то сильно стучит костяшками пальцев в окошко. Ту́лин поворачивается на звук и обнаруживает, что возле дверцы стоит Себастьян. В одной руке у него упакованный в целлофан с ленточкой букет цветов, а в другой – бутылка вина.

Не зажигая света, Тулин открывает лежащий на столе ноутбук и начинает знакомиться с материалами, подготовленными другими сотрудниками их группы в течение дня. В первую очередь касающимися Эрика Сайер-Лассена. Себастьян ушел, но хотя это, собственно говоря, соответствовало ее желаниям, встреча их могла бы пройти и по более приятному сценарию.

– Если ты не перезваниваешь мне, то рискуешь, что я появлюсь внезапно, – сказал он, когда они уже поднялись в ее квартиру.

Тулин зажгла свет на кухне, и у нее возникло ощущение, что в последний раз она была здесь давным-давно. Мокрая одежда, в которой Найя ночью преследовала подозреваемого в лесу в Клампенборге, как была брошена в угол, так там и валяется, а на кухонном столе с утра стоит чашка с подсохшим уже йогуртом.

– Откуда ты узнал, что я еду домой?

– Да просто рискнул – и мне повезло.

Ситуация на улице сложилась неловкая, и Тулин все еще сердится на себя за то, что не разглядела темно-серый «Мерседес» Себастьяна среди других припаркованных у ее подъезда автомобилей, прежде чем его хозяин постучал в окошко. Она вышла из машины, как и Хесс, который собирался пересесть на место водителя, – ведь они заранее договорились, что он воспользуется служебным автомобилем, чтобы доехать до дому. На мгновение он оказался рядом с Себастьяном, и они кивнули друг другу: Себастьян – благожелательно, Хесс – более сдержанно. Найя же сразу направилась к двери. Ничего особенного, конечно, не произошло, и тем не менее ей было неприятно, что Хесс встретил Себастьяна и хоть чуть-чуть, но все-таки оказался посвящен в ее личную жизнь. А может, это Себастьян раздражал ее? Она словно встретила существо с другой планеты, но раньше-то именно это и привлекало ее в нем.

– Мне надо поработать. Прямо сейчас.

– Это твой новый напарник? Которого из Европола поганой метлой погнажи?

– Откуда ты знаешь, что он из Европола?

– Я сегодня завтракал с одним прокурором, и он поведал, что одного перца, который напортачил в Гааге, сослали домой, в убойный отдел. Так что я просто сложил два и два. Ты же сама рассказывала мне о придурке, который палец о палец ударить на работе не желает... Как, кстати, дела с расследованием?

Ту́лин пожалела, что вообще упомянула Хесса, когда Себастьян звонил ей на прошлой неделе и в последний уик-энд. Времени встретиться с ним у нее не было из-за жуткой занятости на работе, вот она и брякнула, что пахать ей приходится больше обычного, потому что от нового напарника помощи как от козла молока. Тем более что теперь уже не считала такую оценку вклада Хесса справедливой.

– Я вчера вечером видел в новостях, будто что-то там случилось на месте первого преступления. Так у него поэтому такой видок, точно он в аварию угодил?

Да, вот так, Себастьян пришел к ней, но она от него отвернулась.

– Тебе придется уйти. Мне надо кучу бумаг просмотреть.

Себастьян попытался приласкать ее, но Найя отвергла его притязания. Он совершил еще одну попытку, сказал, что тосковал без нее, что хочет ее, и даже напомнил об отсутствии дочери, мол, они могут заняться этим где угодно, да вот хоть на кухонном столе:

– А почему бы и нет? А что с Ле? У нее как дела?

Однако Ту́лин и о Ле говорить не пожелала и повторно попросила его уйти.

– Так вон оно как?! Ты решаешь, когда и где, а мне что, в тряпочку молчать, что ли?

– У нас всегда так и было. А если тебе это не нравится, давай на этом наши игры и закончим.

– Потому что ты нашла другого? С кем поинтересней?

– Нет, я бы тогда сама сказала. Спасибо за цветы!

Себастьян разразился смехом, но выставить его за дверь оказалось не так уж легко, и Ту́лин подумала, что ему, видно, редко давали от ворот поворот, когда он внезапно заявлялся с вином и прочими причиндалами. А может, это *она сама* начудила, поступив таким образом? В общем, чтобы сейчас этим не заморачиваться, Найя дала себе обещание позвонить ему завтра.

Сидя за ноутбуком, она съела половину яблока, когда прозвучал рингтон ее телефона. Звонил Хесс. В машине они договорились, что

он выяснит все связанное с несчастным случаем с дочерью Сайер-Лассена у них дома. Поэтому не было ничего странного, что Хесс позвонил. Странно было, что первым делом он вежливо поинтересовался, не помешал ли, а потом продолжил:

– Ты права. Я поговорил с доктором травматологического отделения Центральной больницы. Кроме эпизода с переломом носа и ключицы, когда была госпитализирована старшая сестра, обе девочки Сайер-Лассенов залечивали полученные дома травмы. И когда жили на Исландс Брюгге, и когда уже переехали в Клампенборг. Подозрений насчет сексуального насилия над детьми нет, но не исключено, что над девочками издевались... только, конечно, не так, как в случае с Магнусом Кьером.

– И сколько раз такое бывало?

– Точно пока сказать не могу. Но *немало*.

Ту́лин внимательно выслушала его отчет. Когда Хесс пересказывал историю болезни, ее, казалось, охватило то же тошнотворное состояние, что и тогда, в гаражном подzemелье. И она едва поняла его, когда он предложил начать завтрашний день с посещения горсовета Гентофте.

– Дом Сайер-Лассенов в Клампенборге находится в ведении муниципалитета Гентофте, и если в их адрес поступило анонимное заявление на Анне Сайер-Лассен, значит, мы на правильном пути. Да, кстати, спасибо, что ты оказалась там, в доме... если я раньше тебя не поблагодарил.

– Все нормально, – ответила Ту́лин. – До встречи.

Потом она все никак не могла успокоиться. И решила подкрепиться, на сей раз бутылкой «Ред Булла» из холодильника, чтобы совсем не отрубиться. Затем поднялась с места и подошла к окну.

С ее пятого этажа обычно видны городские здания и башни вплоть до Озер. Однако установленные за последние месяцы у дома напротив строительные леса закрывают бóльшую часть обзора. И когда, как сегодня, дует штормовой ветер, огромные куски фасадной пленки, скрывающие сами леса, развеваются как безумные, а металлические конструкции скрипят каким-то ржавым звуком, словно грозят вот-вот развалиться. Однако Ту́лин всматривается не в сами леса, а в показавшуюся на них фигуру. Хотя, может быть, это вовсе и

не человек. За пластиковой пленкой на мостках лесов прямо напротив окон ее квартиры ей чудится некий силуэт. Но если это человек, то смотрит он точно на нее.

Внезапно Найя вспоминает фигуру, внимательно наблюдавшую за ней с другой стороны улицы, когда она неделю назад подвозила дочку в школу. И мгновенно возникшее у нее ощущение опасности подсказывает ей, будто это один и тот же человек. Но когда от нового порыва ветра пластиковые полосы снова вздуваются, точно гигантские паруса, контуры фигуры исчезают. Когда же полоса вновь сворачивается, никакого силуэта на мостках уже не видно. Тулин выключает свет и захлопывает ноутбук. И потом еще несколько минут стоит в темной комнате, затаив дыхание, и все разглядывает леса.

Пятница, 16 октября, наше время

На дворе раннее утро, но Эрик Сайер-Лассен не знает, который сейчас час, ибо его швейцарские часы «Таг Хойер» стоимостью сорок пять тысяч евро вчера поздно вечером были заперты в сейф на третьем этаже управления полиции вместе с ремнем и шнурками. Сам же он находится в камере в подвальном этаже здания, тяжелая металлическая дверь которой открывается и полицейский сообщает, что его ждет еще один допрос. По скрипучей лестнице его выводят из подвала на белый свет и возвращают в цивилизацию, на пути к которой он старается умерить свой гневный пыл.

Полицейские без всякого предупреждения явились к нему домой вчера вечером. Эрик пытался успокоить плачущих детишек, уже лежавших в своих кроватках, когда няня позвала его в прихожую, где уже ожидали два сотрудника. Они предложили ему проехать с ними на допрос. Он возразил, сказав, что не может сейчас оставить дом, но, оказалось, полицейские застали его врасплох и не оставили выбора, так как привезли с собой его тещу, чтобы было кому присмотреть за детьми. После смерти Анне Эрик с ее матерью не общался. Он знал, что она станет расспрашивать о внучках, огорченно вздыхать и предлагать свою помощь, чего ему хотелось бы избежать. И вот она стоит у нижней ступеньки каменной лестницы, за спинами полицейских, чуть ли не с заговорщицкой миной на лице и смотрит на него с ужасом, точно это он убил ее дочь. Когда Эрика выводили к ожидавшему их полицейскому автомобилю, она переступила порог его дома, и девочки выбежали ей навстречу и прижались к ее коленям.

В управлении Эрика без всяких объяснений допросили на предмет травм, полученных девочками за все это время. Он вообще ничего не понял. И уж тем более не понял, какое отношение все это имело к убийству жены, и только кричал, что будет говорить лишь с вышестоящим начальником, а в противном случае требовал немедленно отвезти его домой. Вместо этого, однако, его задержали за «сокрытие сведений, важных в отношении расследования убийства

Анне Сайер-Лассен» и отправили в камеру временного содержания в подвальном этаже, словно какого-нибудь рецидивиста.

В первый раз Эрик Сайер-Лассен избил свою жену в брачную ночь. Они только вошли в апартаменты отеля «Англетер», как он схватил ее за руку и протащил по всем комнатам, цедя сквозь зубы, до чего ее ненавидит. Свадьбу устроили шикарную. Всемирно известный шведский повар приготовил двенадцать экзотических блюд, сервированных в одном из залов замка Хаурехольм, со всякими прочими прибабасами. Об этом позаботилась семья Эрика, ибо родственники Анне бедны, точно церковные крысы. И вот в благодарность за все это Анне завела долгую и, как показалось Эрику, интимную беседу с одним из его старых приятелей по элитной школе-интернату Херлуфсхольм, из-за чего все оставшееся время до окончания церемонии и приезда в «Англетер» Эрик просто кипел от едва сдерживаемого негодования. Рыдая, Анне объяснила, что поступила так из вежливости, ведь это его друг. Эрик в приступе ярости разодрал на ней платье, нанес ей бесчисленное множество ударов и надавал пощечин и в конце концов просто-напросто изнасиловал ее. Наутро он просил прощения и признавался в безмерной любви к ней. Она спустилась на завтрак с пунцовыми щеками, что гости сочли вполне нормальным для невесты, прошедшей бурную брачную ночь. Тогда-то, наверное, и зародилась в нем ненависть к ней, именно потому, что она смирилась с побоями и все так же не сводила с него влюбленных глаз и моргала веками с длиннющими ресницами.

Самыми счастливыми выдались для них годы, проведенные в Сингапуре. Эрик сделал молниеносную карьеру, умело вложившись в биотехнологические предприятия, и вскоре их с Анне приняли в узкий круг VIP-путешественников, состоящий из английских и американских богатеньких экспатов. Иногда он все же срывался на ней – как правило, когда считал, что она не выполняет его требования быть лояльной к нему, то есть посвящать его во все свои дела. Взамен же скрашивал их сосуществование то поездками на Мальдивы, то восхождениями в горах Непала. Однако с появлением детей жизнь их изменилась. Поначалу Эрик противился осуществлению самой главной мечты Анне, но со временем патриархальная идея о воспроизводстве населения стала казаться ему привлекательной, тем

более что ее весьма часто обсуждали на советах директоров различных биотехнологических фирм. Его, правда, немало огорчало, что сперма у него оказалась невысокого качества, и им пришлось проконсультироваться в одной из клиник по лечению бесплодия по выбору Анне, которую он для начала прилично поистязал в их пентхаусе за то, что она вообще затронула эту тему. Впрочем, никаких радостных чувств Эрик не испытал, когда девять месяцев спустя в клинике «Раффл» появилась на свет их малышка, но решил, что это дело наживное. Однако надежды его не оправдались. В том числе и тогда, когда у них народился второй ребенок. И – вернее, *тем более* – не появились они в момент рождения второй дочери, Лины. Врачам пришлось сделать Анне кесарево сечение, и они так исполосовали ей брюшную полость, что, с одной стороны, не оставили Эрику никакой возможности стать отцом мальчика, а с другой – поставили крест на их сексуальных отношениях.

В оставшиеся годы в Сингапуре он находил утешение в мелких любовных романчиках и в том, что деловая хватка у него никуда не делась. Однако Анне пожелала, чтобы девочки учились в датской школе, и они вернулись из Азии в Данию и поселились в огромной шикарной квартире на Исландс Брюгге, где и жили, пока не был готов их новый дом в Клампенборге. Общество хоббитов в Копенгагене состояло не то что бы из низкоросликов, а скорее из низколобиков, к тому же страдающих клаустрофобией, и, само собой разумеется, не выдерживало никакого сравнения с той атмосферой взаимопонимания между людьми разных наций и свободы, к которой Эрик привык в Сингапуре. Он быстро восстановил знакомство со старыми друзьями на Бредгаде, которых вообще-то ненавидел за их старобытность, снобизм и мещанские манеры со всеми их символами принадлежности к элите и дурами-женами, кудахтавшими только что о детях да о доме. Разочаровывали его и дочери, все более и более становившиеся похожими на Анне. Яблочки от яблоньки недалеко падают, и эти мамочкины клоны несли по ее примеру слащаво-романтический вздор. Но что хуже всего, демонстрировали такую же бесхребетность, как и та женщина, на которой он когда-то женился.

Как-то вечером на Исландс Брюгге в отсутствие Анне и няни ему выпало на долю уложить их спать, и они устроили истерику из-за какой-то ерунды. В конце концов ему пришлось поднять на девочек

руку, и плач затих. А через несколько дней старшая дочка была так неловка, что вывалила еду из тарелки на стол, и это несмотря на все устные предупреждения и воспитательные беседы. И тогда он ударил ее, да так, что она упала со стула. В травмоцентре, где у девочки диагностировали сотрясение мозга, Эрик объяснил Юдит, что ей следует держать язык за зубами, если, конечно, она не хочет, чтобы ее выслали обратно к родимым рисовым полям ближайшим же рейсом. Анне, гостившая у матери, примчалась в центр, и его вообще-то немало удивило, как легко ему удалось сварганить некую историю о неуклюжей девочке, которая, несмотря на свои весьма ограниченные способности, уразумела, что ей не следует выдавать матери правду.

Таких вот несчастных случаев в Исланде Брюгге набралось немало, может быть, даже *слишком* много, но они помогли. Временами Анне смотрела на него с подозрением, но никогда вопросов на эту тему не задавала – во всяком случае, до визита сотрудника копенгагенского муниципалитета, который внезапно появился у них в доме незадолго до их переезда в новое жилище. В горсовет поступила анонимка насчет якобы неблагоприятного положения девочек в семье, и какое-то время Эрику пришлось заниматься бюрократическими разборками. Однако затем адвокаты дали незваному гостю от ворот поворот, присовокупив, что тому не следует более появляться по данному адресу. И тогда Эрик пообещал сам себе в дальнейшем вести себя с дочерьми более сдержанно – во всяком случае, до тех пор, пока не выяснится, кто осмелился прислать анонимку.

После этого Анне впервые спросила его, не он ли виноват в постоянных травмах дочерей. Эрик, разумеется, вину свою отрицал, но когда они переехали в Клампенборг, где случился эпизод у лестницы, ведущей из холла на второй этаж, она перестала ему верить. Анне упрекала себя и сквозь слезы сказала, что хочет развестись. К чему он, разумеется, был подготовлен. Ежели она возьмет инициативу на себя, он науськает на нее своих адвокатов, а уж те позаботятся, чтобы Анне никогда более не увидела своих дочурок. Ведь она давным-давно подписала брачный договор, согласно которому он сохранял за собой все им заработанное, а ей, в случае если она не удовлетворится жизнью в золотой клетке в Клампенборге, придется влачить существование на социальное пособие, лежа на диване у своей мамы.

Атмосфера в семье оказалась испорченной навсегда, хотя Эрик, грешным делом, полагал, что Анне подняла лапки кверху, и думал так вплоть до вчерашнего вечера, когда полицейские сообщили, что в день убийства она была не на пути к матери, а на самом деле собиралась бежать. То есть намеревалась оставить его, точно оскандалившегося козла отпущения в элитной резервации. Но вдруг, словно по мановению волшебной палочки, сама исчезла из его жизни. Последнее по-прежнему представлялось Эрику непостижимым, но хотя бы давало ему ощущение свершившейся справедливости. Отношения с детьми – а они теперь целиком и полностью оказались на его совести, – по-видимому, тоже теперь легче наладить, потому как ему больше незачем прислушиваться к чужим мнениям.

Вот так, сохраняя полную уверенность в себе, Эрик Сайер-Лассен входит в допросную отдела по расследованию преступлений против личности. Там он видит двух уже знакомых ему сыщиков. Мужика с багровыми синяками на лице и очень ничего себе деваху с глазами лани, с которой он при других обстоятельствах гульнул бы так, что воспоминания об этом приключении остались бы при ней до конца жизни. Они напоминают две кучи дерьма – оба усталые, измотанные, в особенности мужик со свежеполученными в недавней драке синяками. Эрику становится ясно, что ему ничего не стоит объехать их на кривой кобыле. И его немедленно освободят. Ни хрена у них на него нет.

– Эрик Сайер-Лассен, мы снова переговорили с вашей няней, и на сей раз она подробно рассказала нам, как вы по меньшей мере четырежды избили своих детей.

– Понятия не имею, о чем вы говорите. Если Юдит сказала, что я поднимал руку на детей, то она просто-напросто лжет.

Выдвигая этот аргумент, Эрик Сайер-Лассен полагал, что его визави станут обсуждать его слова, но эти два придурка вообще не обратили на них внимания.

– Мы знаем, что она говорит правду. Тем более что мы контактировали по телефону с двумя филиппинскими девушками, которые попеременно работали у вас нянями, когда вы жили в Сингапуре. И все три девушки независимо друг от друга рассказывают одну и ту же историю, поэтому прокурор только что постановил возбудить в отношении вас дело о совершении насильственных

действий над собственными детьми на основании выписок из семи историй болезни, заведенных за время вашего пребывания в Дании.

Сайер-Лассен чувствует на себе пристальный взгляд «лани», а мужик продолжает:

– Он также требует продлить срок вашего предварительного заключения пока что на сорок восемь часов. Вы имеете право на помощь адвоката; в случае отсутствия у вас средств на такового он будет назначен по решению суда. До решения последнего органы соцзащиты и опеки будут отстаивать интересы ваших детей в тесном контакте с их бабушкой, каковая уже предложила стать их опекуном. В случае если вас признают виновным и назначат наказание, будет рассмотрен вопрос о возможности сохранить за вами родительские права и встречаться с детьми в присутствии представителей контролирующих организаций.

Наступает тишина. Эрик Сайер-Лассен какое-то мгновение смотрит в пустоту. Потом переводит взгляд вниз. На столе перед ним разложены выписки из историй болезни, фотографии и рентгеновские снимки полученных девочками травм, и внезапно он понимает, какую жесть сотворил. Как будто из далекого далека он слышит голос девахи с глазами лани; она передает рассказ Юдит, которая, помимо всего прочего, поведала, что незадолго до их переезда у них в квартире на Исландс Брюгге побывал сотрудник копенгагенского муниципалитета по поводу поступившего в их адрес анонимного заявления. И этот визит – единственное, о чем они хотели побеседовать с Сайер-Лассеном в этот раз, прежде чем в самом скором времени его дело будет передано другим следователям.

– Вам известно, кто автор этого заявления?

– Вы можете предположить, кто бы это мог быть?

– Кто, помимо няни, знал, что вы избивали собственных детей?

Следователь с синяками на лице подчеркивает, как важно им услышать ответ, но Эрик Сайер-Лассен не в силах выдать из себя ни слова. Он просто не может отвести взгляд от фотографий. Мгновение спустя его выводят из допросной, и когда дверь в камеру снова захлопывается за ним, он теряет самообладание и впервые в жизни чувствует тоску по своим дочкам.

У Хесса такое ощущение, будто мозг его того и гляди взорвется, и он уже жалеет, что не остался на холодном ветру перед зданием ратуши. После схватки с Хансом Хенриком Хауге в хусумском гараже первое время Марк не чувствовал никаких неприятных ощущений в черепной коробке, но в течение недели на смену этому благодному состоянию пришла непрекращающаяся головная боль. Мысль о том, что Хауге до сих пор не задержан, только усиливала ее, как, впрочем, и воспоминание об утреннем допросе Эрика Сайер-Лассена в управлении. Затем ему пришлось срочно навеститься в копенгагенскую ратушу, чтобы допросить Хеннинга Лёба и его шефа, вместе с которыми он теперь и располагается в душном кабинете управления по делам детей и юношества. Само собой разумеется, ничего в офисе ни о детях, ни о молодежи не напоминало: ни казенные конторские интерьеры, ни характерные для ратуши высокие панели красного дерева на стенах.

Хеннинг Лёб, понятное дело, храбро защищается, в первую очередь стараясь обелить честь своего начальника, ерзающего на стуле рядом с ним.

– Как я уже говорил, система зависла, и именно поэтому у меня не было возможности помочь вам с информацией.

– Однако вы не так сказали в прошлый вторник, когда мы говорили по телефону. Вы сообщили, что никаких заявлений по поводу детей Анне Сайер-Лассен не поступало, однако вот оно – здесь.

– Ну, может, я в самом деле сказал, что система не показала мне этого в тот момент.

– Нет, вы не так сказали. Я назвал вам регистрационные номера девочек, и вы заявили...

– Ладно, о'кей. Я уже не помню дословно...

– Какого черта вы не сказали правду?

– Да я вовсе не собирался ничего скрывать.

Хеннинг Лёб продолжает изворачиваться, нервно косясь на шефа, и Хесс упрекает себя за то, что не нагрязнул к этому деятелю с визитом несколько дней назад, как, собственно, поначалу и намеревался.

Подозрение в отношении анонимного заявителя на Лауру Кьер было, коротко говоря, отмечено на следующий день после обнаружения потайного помещения под полом гаража именно потому, что соответствующего заявления в адрес Анне Сайер-Лассен, судя по словам Лёба, не поступало. Хесс ведь уже получил разъяснения, и поэтому они с Тули́н направили запрос в местный совет Гентофте, в ведении которого находится резиденция в Клампенборге. Однако в тамошний муниципалитет никаких заявлений в адрес Анне Сайер-Лассен не подавалось, и таким образом, версия о том, что два преступления связывало жестокое обращение с детьми в обоих семействах, стала рассыпаться. Свидетели ближайшего окружения Сайер-Лассенов в один голос утверждали, что девочки получили травмы в результате случайных падений. Самыми неопределенными были показания няни, и только вчера ближе к концу рабочего дня, когда Хесс и Тули́н сумели убедить девушку, что они в силах оградить ее от возможной мести, та наконец сдалась и, заплакав, рассказала правду. И еще – что некоторое время назад в их прежней квартире на Исландс Брюгге появился сотрудник копенгагенского муниципалитета и задал вопрос, действительно ли у анонимного заявителя есть основания обвинить Анне в ненадлежащем уходе за детьми. Хесс слушал, понося про себя самым грязными словами все на свете, понимая, сколько драгоценного времени они упустили.

После вторичного телефонного разговора с Лёбом у Хесса сложилось о последнем не самое благоприятное впечатление, и оно несколько не улучшилось во время допроса, который он проводил в одиночку, так как Тули́н вместе со своими айтишниками из отдела занялась поисками электронных следов заявителя в компьютерах горсовета. Лёб ввел его в заблуждение и оправдывался, объясняя все «техническим сбоем». Однако, сравнив оба анонимных заявления, направленных соответственно в отношении Лауры Кьер и Анне Сайер-Лассен, Хесс выдвинул иную версию, объясняющую, почему клерк, по сути дела, послал его куда подальше.

Заявление на Анне Сайер-Лассен поступило в систему примерно через две недели после подобного же письма в отношении Лауры Кьер, незадолго до переезда Сайер-Лассенов в Клампенборг. В отличие от первого оно было многословно и почти целиком заполняло страницу формата А4. Автор призывал к изъятию из семьи двух дочерей Анне

Сайер-Лассен, Лины и Софии, на том основании, что дома девочки подвергаются насилию. Текст, почти совсем лишенный знаков препинания, представлял собой скорее поток сознания и тем резко отличался от весьма краткого заявления на Лауру Кьер, выдержанного в холодных, трезвых тонах. Анне Сайер-Лассен автор называет самовлюбленной мелкобуржуазной матроной, в гораздо большей степени заботящейся о самой себе, нежели о дочерях. Она, дескать, купается в деньгах и роскоши, и необходимость изъятия девочек из семьи станет явной для того, кто удосужится заглянуть в их медкарты в травматологических отделениях различных больниц. Тип и размер шрифта обоих документов тоже различаются, но если читать их одно за другим, то невозможно не обратить внимание, что отправитель в обоих случаях использует такие выражения, как «самовлюбленная шлюха» и «ей следовало бы раньше задуматься». А в случае с Анне Сайер-Лассен даже повторяет их несколько раз. И поэтому складывается впечатление, что оба текста писал один и тот же человек, старавшийся тщательно переработать второе заявление так, чтобы бросалась в глаза разница в стиле. И Хесс решил, что именно из-за этого Хенрик Лёб забеспокоился и послал Хесса в дальние дали, когда тот задал ему вопрос о дочерях Анне Сайер-Лассен.

Хеннинг Лёб тем не менее искусно выстраивал свою защиту, в том числе и касательно разбора дел. Все, дескать, было сделано по правилам, и в обоих случаях родители отвергли подозрения в том, что их дети в домашней обстановке подвергались насилию. Он повторяет этот аргумент из раза в раз, словно считает вполне естественным, что родители так сразу и признаются во всех своих прегрешениях, стоит только сотрудникам муниципалитета появиться у них на пороге.

– Однако полицейское расследование заставляет нас посмотреть на эти дела с другой точки зрения, и я тотчас же распоряжусь провести серьезную проверку, – заявляет начальник отдела.

Услышав реплику, Лёб замолкает, а его шеф продолжает рассыпаться в заверениях, что его отдел все исправит и поможет полиции. Хесс чувствует, как у него стягивается кожа на затылке. Он понимает, что ему следовало бы самому продолжить расследование после беседы в травматологическом отделении, а он вместо этого отправился домой в свою полуразрушенную им самим во время ремонта халупу в Парке Одина. Где и заснул, вспоминая, что Ту́лин

встретила у дверей подъезда чувака с пучком каких-то жалких цветков и бутылкой вина. И его раздражала мысль, что сам он при этом растерялся от неожиданности: в самом деле, что такого необычного в том, что ее после рабочего дня поджидал поклонник? Да и вообще, каким боком эта история касается его?

Следующим утром Марк проснулся с небывалой в истории человечества головной болью от несмолкавшего звука рингтона своего мобильного. Звонил Франсуа, недоумевавший, почему Хесс ничего не предпринял, чтобы пообщаться с Фрайманном после сорвавшегося по вине самого же Марка их телефонного разговора. Он что, раздумал возвращаться на прежнее место работы? О чем он, черт побери, вообще думает? Хесс ответил, что перезвонит позже, и положил трубку. А тут еще и этот назойливый пакистанец из 34С, видимо, услышал, что Хесс проснулся... Во всяком случае, вскоре он оказался у него на пороге и, оглядывая устроенную Хессом разруху, сообщил, что накануне приходил риэлтор, которому пришлось уйти несолоно хлебавши.

– Да, и что с краской и циклевочной машиной? Ведь они стоят в галерее. Надо же и о других жильцах думать.

Хесс пообещал ему золотые горы, но не выполнил ни одно из своих обещаний, потому что они с Тулин в это время старались припереть Сайер-Лассена к стенке.

– А что вы можете сказать о заявителе? Вам что-нибудь удалось установить, когда вы посещали эти семьи? Ведь вы утверждаете, что побывали у них. – Хесс постарался зайти с другой стороны.

– Мы *побывали* у них для выяснения обстоятельств. Я ничего не утверждаю, но как уже говорилось...

– Прекратите! Мальчика насильовали в подполе под гаражом; девочкам столько раз зашивали такие раны, что волосы дыбом встают, – а у вас, по-видимому, была веская причина этого всего не заметить... Единственное, что мне нужно, – это узнать, известно ли вам что-нибудь о заявлении.

– Мне больше ничего не известно. Но мне не нравится ваш тон. Как уже сказано...

– Прервитесь. – Это Нюландер. Он стоит в дверях кабинета и кивком головы дает понять Хессу, что им надо переговорить. Марк рад выйти из душного помещения на парадную лестницу, по которой

снуют клерки и прочие юристы и экономисты, с любопытством поглядывающие на них. – В твою задачу не входит оценка работы служащих муниципалитета.

– Постараюсь в дальнейшем держать себя в рамках.

– А где Тулин?

– В соседнем кабинете. Они с компьютерщиками пытаются выйти на след отправителя этих двух заявлений.

– Мы полагаем, что это *преступник*?

Это «мы» в устах шефа убойного отдела вызывает у Хесса раздражение, но он старается подавить его.

– Это наше предположение. Когда мы сможем допросить Розу Хартунг?

– На какой предмет, смею спросить?

– Допросить на предмет...

– Министра *уже* допросили. Она не знакома ни с Лаурой Кьер, ни с Анне Сайер-Лассен.

– Один тот факт, что мы здесь, означает, что ее следует допросить еще раз. На обеих жертв были поданы анонимные заявления с призывом изъять их детей из семьи. Или, может быть, даже не это было целью преступника. Может быть, он хотел просто обратить внимание на то, что система не работает. Но, независимо от этого, нужно быть полным дураком, чтобы не заметить, что вся эта история имеет отношение к Розе Хартунг. Ведь она – министр социальной защиты, и чем больше обо всем этом думаешь, тем больше бросается в глаза, что убийство, с которого все завертелось, совершено по большому счету одновременно с ее возвращением к исполнению министерских обязанностей.

– Хесс, ты хорошо делаешь свою работу. И я обычно не сужу человека только на основании его дурной репутации. Но мне показалось, что ты назвал меня дураком.

– Ты, разумеется, меня превратно понял. Но если ко всему прочему добавить, что отпечатки пальцев на двух каштановых человечках, найденных на месте преступлений, принадлежат дочери Розы Хартунг...

– Послушай меня внимательно, Хесс. Твой гаагский начальник просил меня оценить твою профпригодность, и я, разумеется, помогу тебе вернуть утраченные позиции. Но для этого требуется, чтобы ты

сосредоточился на главном. Мы не будем больше допрашивать Розу Хартург, потому что она никак не связана с данным делом. Договорились?

Упоминание гаагского работодателя оказывается для Хесса неожиданным. И настолько ошеломляет его, что он даже не нашелся, что ответить.

Нюландер с ходу бросает взгляд на Ту́лин, как раз вышедшую из кабинета со стационарным компьютером управления по делам детей и юношества в руках.

– Ну что?

– Оба заявления отправлены с одного и того же сервера в Украине. Но его обладатель не замечен в сотрудничестве с властями. Скорее наоборот. Мы, возможно, и получим ответ на IP-адрес недели через две, но тогда это уже будет неактуально.

– А если я переговорю с министром юстиции и он свяжется со своим украинским коллегой, это поможет?

– Сомневаюсь, что это что-то даст. Даже если они и захотят помочь, это займет какое-то время, а его у нас нет.

– Между двумя убийствами прошло всего лишь семь дней. И если у преступника, как вы говорите, не всё в порядке с головой, нам никак нельзя оставаться в роли простых наблюдателей.

– Может, и не надо. Заявления на обе жертвы поступили на платформу анонимных заявлений муниципалитета. Первое – три месяца назад, второе – две недели спустя. Если исходить из того, что оба письма отправлены преступником, и если мы предполагаем, что преступник замыслил еще одно преступление...

– ...то он уже отправил анонимное заявление на следующую жертву.

– Точно. Вот только есть проблемка. Я сейчас выяснил, что в одно лишь Управление по делам детей и молодежи в среднем поступает пять анонимных заявлений в неделю. За год получается двести шестьдесят. Не все они, конечно, касаются изъятия детей, но поскольку их никак не систематизируют, невозможно сказать, сколько из них в действительности затрагивают эту тему.

Нюландер кивает.

– Я поговорю с шефом отдела. Они, ясное дело, помогут без лишних вопросов. Что вам требуется?

– Ты как думаешь, Хесс?

В висках у Марка по-прежнему стучит, и даже новость об альянсе Фрайманна и Нюландера унять этот стук не помогает. Ему приходится напрячь мозги, чтобы ответить Ту́лин:

– Анонимные заявления о пренебрежении родительскими обязанностями и насильственных действиях в отношении детей за последние полгода. В особенности касающиеся матерей в возрасте от двадцати до пятидесяти лет. Авторы которых требуют изъятия детей из семьи. Уже рассмотренные дела, решения по которым не предусматривают вмешательства со стороны властей.

Руководитель отдела, выйдя из кабинета, внимательно смотрит на небольшую компанию, и Нюландер, пользуясь случаем, сразу же посвящает его в их нужды.

– Но эти дела у нас не в одном месте хранятся. Потребуется время, чтобы разыскать их все, – отвечает тот.

Нюландер бросает вопросительный взгляд на Хесса, который уже направляется обратно в душный кабинет.

– Тогда придется подключить всех ваших сотрудников. Других дел у нас здесь ни фига нет. Так что все заявления должны быть у нас в течение часа.

Как выясняется, анонимные заявления в адрес копенгагенского муниципалитета по поводу женщин, имеющих детей, – штука довольно популярная. Во всяком случае, благодаря стараниям сотрудников управления стопка красных папок с соответствующими делами на столе постоянно растет, и Хесс уже начинает сомневаться, правильно ли поступили они с Ту́лин. Однако после беседы с Нюландером им не оставалось ничего иного, кроме как приступить к выполнению этого плана. Найя предпочла просматривать дела на экране ноутбука «Эйсер» в огромном офисе открытого типа, а Хесс расположился в комнате для совещаний, где и переворачивает один за другим листы, некоторые из них еще не остыли после принтера.

Метода его проста. Он открывает соответствующее дело и просматривает лишь само заявление. И если оно представляется ему не имеющим отношения к расследованию, папка отправляется в стопку слева. Если же оно на первый взгляд требует более тщательного изучения, папка находит свое место в стопке справа.

Однако такой грубый отсев, как выясняется, осуществить сложнее, чем представлялось изначально. Во всех посланиях авторы отзываются о матерях с гневным возмущением, знакомым ему по заявлениям на Лауру Кьер и Анне Сайер-Лассн. Люди, чувствуется, зачастую пишут, находясь в состоянии аффекта, некоторые с явными намеками, дающими повод предположить, что авторство принадлежит бывшему супругу, тетушке или свекрови, которые сочли необходимым прислать анонимное заявление с перечислением грехов матери. Однако полной уверенности в их правоте у Хесса и быть не может, и потому стопка справа все растет и растет. Чтение само по себе наводит на читателя ужас, поскольку все заявления в общем и целом свидетельствуют о гражданской войне, в которую оказались втянуты дети и которая, очень может быть, все еще продолжается – ведь по всем запрошенным Хессом делам обвинения в результате проверок не подтвердились. Управление по делам детей и молодежи в любом случае обязано изучить все обстоятельства, но хотя это и не снимает с Хеннинга Лёба ответственности, Хесс нежданно-негаданно для себя

самого стал лучше понимать, почему сотрудники так цинично относятся к подобным заявлениям, ведь авторами их двигали и многие побочные мотивы, а не только забота о здоровье и благополучии детей.

Прочитав примерно сорок анонимных заявлений с предложением провести выездную проверку по месту проживания семьи, поступивших в последние шесть месяцев, Хесс почувствовал, что сыт ими по горло. Да и времени эта работа заняла гораздо больше, чем он предполагал. А именно почти два часа, поскольку иной раз ему приходилось просматривать и отчет о проведенной по заявлению работе. Но что хуже всего, выяснилось, что преступник, в принципе, мог бы быть автором большинства заявлений. И ни один из них не использовал выражения «самовлюбленная шлюха» или «ей следовало бы раньше задуматься», как в заявлениях на Лауру Кьер и Анне Сайер-Лассен.

Один из сотрудников управления сообщает Хессу, что больше заявлений, согласно выдвинутым им критериям, нет, и поэтому Марк начинает просматривать дела заново. Когда он прочитал все заявления по второму разу, за окнами ратуши с фасадом в цветах датского флага сгустилась темнота. Времени вряд ли больше половины пятого, но на бульваре Г. К. Андерсена уже зажглись уличные фонари, и на голых ветках темных деревьев вдоль парка «Тиволи» светятся разноцветные лампочки. На сей раз Хесс с трудом отобрал семь заявлений, но он далеко не уверен, что среди них есть нужное им. Во всех семи содержится призыв к изъятию одного или нескольких детей из семьи какой-то женщины. Заявления сильно разнятся. Некоторые из них короткие, другие – длиннее. В одном случае Хесс при ближайшем рассмотрении решил, что вероятным автором является какой-то из членов семьи, в другом – ему показался возможным вывод, что заявителем выступил воспитатель, поскольку в тексте содержится внутренняя информация о собрании в подготовительном классе.

Но авторство оставшихся пяти заявлений он не в силах даже предположить. Хесс отбрасывает еще одно, так как в нем много устаревших слов, точно автор его – дедушка или бабушка ребенка, и еще одно, поскольку в нем слишком много орфографических ошибок. В итоге у него остаются три заявления. Одно – в отношении женщины из Гамбии, которую аноним упрекает в том, что она посылает своих детей на заработки. В другом мать-инвалид обвиняется в том, что

забросила своих детей, поскольку сама под села на иглу. В третьем случае матери, вышедшей на досрочную пенсию, вменяют в вину интимные отношения с собственным сыном.

Итак, во всех трех заявлениях содержатся жуткие обвинения, и Хесса одолевает мысль, что если хотя бы одно из них действительно написано преступником, то его предположения, скорее всего, верны. По крайней мере, так было в случаях с Лаурой Кьер и Анне Сайер-Лассен.

– Сильно продвинулся? – спрашивает Ту́лин, входя в помещение с ноутбуком в руках.

– Не очень.

– Мне бросились в глаза три. Насчет гамбийки, инвалида и той, что на досрочной пенсии.

– Что ж, возможно.

Хесс не удивлен, что Ту́лин отобрала те же три дела, что и он сам. Марк уже подумывает, что вообще-то она могла бы справиться с этим заданием и в одиночку.

– По-моему, этим нам и нужно заняться. Возможно, всеми тремя.

Ту́лин с нетерпением смотрит на Хесса. У него раскалывается голова. Предстоящая работа отчего-то представляется ему тяжелой и ненужной, только он не может понять, отчего. Выглядывает в окно, за которым еще больше сгустилась тьма, и понимает, что нужно принимать решение, если они хотят предпринять хотя бы какие-то меры уже сегодня.

– Преступник, вероятно, исходит из того, что рано или поздно мы выясним, что на жертв поступили заявления в муниципалитет. Так или нет? – задает вопрос Хесс.

– Так. Может, он даже хочет, чтобы мы этот факт обнаружили. Только вот не знает, как *быстро* мы это выясним.

– В таком случае преступнику также известно, что мы в какой-то момент прочтем заявления и на Лауру Кьер, и на Анне Сайер-Лассен. Так или нет?

– Зачем нам играть в вопросы и ответы? Если мы сейчас не определимся, можем с равным успехом снова допросить соседей.

Хесс, однако, продолжает, стараясь развить свою мысль:

– Если б ты была на месте преступника и написала эти два заявления – и знала бы, что мы их обнаружим и почувствуем себя

гениями, – то каким было бы твое третье заявление?

По глазам Ту́лин Хесс догадывается, что она его поняла. Найя переводит взгляд с Хесса на экран принесенного с собой ноутбука.

– Показатель сложности текста во всех случаях невелик, но если аноним и вправду задумал нас запутать, то давай посмотрим два других заявления, которые тоже выделяются среди остальных. То, где уйма орфографических ошибок, и второе, с устаревшими выражениями.

– И в каком из них он затупил? – спрашивает Хесс.

Ту́лин быстро пробегает глазами тексты на экране, а Марк не глядя берет две папки и открывает их. И на сей раз что-то настораживает его в заявлении с массой ошибок. Возможно, воображение разыгралось... А может, и нет. Ту́лин поворачивает монитор своего компьютера в сторону Хесса, и тот кивает в знак согласия. Она обнаружила то же, что и он: заявление на Йесси Квиум, двадцати пяти лет, проживающую в жилом комплексе Урбанпланен на Амагере.

Йесси Квиум, держа за руку свою шестилетнюю дочку, быстрым шагом идет по коридору, но перед самым поворотом за угол их догоняет воспитатель. Тот самый, из чурок, с дружелюбным взглядом.

– Йесси, ты можешь задержаться на минутку? Надо поговорить.

Она пытается объяснить, что им с Оливией, к сожалению, надо торопиться на танцы, но, увидев его решительное лицо, понимает, что улизнуть ей не удастся, и даже не заканчивает фразу. Йесси всякий раз старается избежать встречи с ним, потому что он всегда умеет пробудить ее больную совесть, вот она и пытается включить все свое обаяние, чтобы поскорее смыться. Она кокетливо подмигивает ему и убирает со лба волосы пальцами со свежим маникюром на длинных ногтях – пусть увидит, как хороша она сегодня. Йесси два часа провела в парикмахерской на Амагербульваре – да, конечно, работают там чурки, но зато они задешево и макияж накладывают, и маникюр делают, и времени много на это не тратишь, если, как сегодня, нет очереди. Ее тугие бедра обтягивает новая желтая юбка. Йесси недавно приобрела ее в «Ню&Мюг»^[27] за какие-то жалкие семьдесят девять крон. Ведь эту летнюю вещичку и так уже собирались отправить на склад нераспроданных товаров, да к тому же ей удалось доказать продавщице, что юбчонка вот-вот разлезется по швам... Впрочем, последнее обстоятельство ее особо не волновало, если иметь в виду, на какой случай этот предмет одежды ей понадобится.

Однако ни улыбка, ни подмигивание желаемого ею впечатления на воспитателя не производят. Впрочем, она готова выслушать уже ставшие привычными упреки в том, что она забирает ребенка в самую последнюю минуту перед закрытием подготовительной школы. И парировать их, заявив, что хоть что-то же можно получить за свои кровные, уплаченные ею в налог. Но сегодня Али, или как там зовут воспитателя, заводит разговор о другом. Он интересуется, почему в гардеробе Оливии отсутствуют комплект из непромокаемых плаща и брючек, а еще резиновые сапожки.

– Ботиночки у нее хороши, но они промокают, и она жалуется, что у нее ноги мерзнут. Да и вообще, не очень-то они практичны для

осени.

Воспитатель тактично косится на прохудившиеся резиновые ботиночки Оливии, а Йесси так и подмывает проорать ему прямо в рожу, чтобы он заткнул свою грязную пасть. Ну нет у нее прямо сейчас пятисот крон на этот осенний комплект для дочки. Да и вообще, будь у нее достаточно бабок, она давно уже перевела бы дочку куда-нибудь подальше от этой подготовительной школы, где половина детей говорит по-арабски, а на родительских собраниях требуется помощь переводчиков аж с трех разных языков. Правда, сама она на этих собраниях сроду не бывала, только слышала об этом от других родителей.

Но, к глубочайшему ее сожалению, в коридоре появляются другие учителя, и потому Йесси решает действовать согласно плану Б:

– Да мы уже *купили* и комплект, и сапожки. Вот только на даче всё забыли, но в следующий раз обязательно заберем.

Это, конечно же, ложь от начала до конца. Нет у них никакого комплекта, как нет и сапожек, не говоря уж о даче. Но полбутылки белого вина, выпитые ею дома в Урбанпланен перед тем, как переодеться и ехать за Оливией, помогают ей врать не краснея.

– Ладно, с этим выяснили. Ну, а как у Оливии дела дома?

Йесси замечает на себе взгляды проходящих мимо учителей и рассказывает, что дома Оливия ведет себя замечательно. Али приглушает голос и говорит, что особого прогресса в общении ее дочери с другими детьми не наблюдается, чем он несколько озабочен. Дескать, Оливия держится отчужденно, и он считает, что в скором времени надо будет еще раз поговорить на эту тему. Йесси мгновенно соглашается с ним с таким восторгом, будто он предложил им сходить в «Баккен»^[28] за его счет.

Потом они едут в маленькой «Тойоте Айго», дочка переодевается в костюм для танцев на заднем сиденье, а Йесси ведет машину и курит в открытое окошко. В машине темно и покойно, и Йесси говорит Оливии, что воспитатель прав и скоро они купят этот осенний комплект.

– И еще важно, чтобы ты собралась и побольше играла с другими ребятами. О'кей?

– У меня ножка болит.

– Ничего, кошенька, пройдет, как только ты согреешься. Нельзя нам танцы пропускать.

* * *

Школа танцев находится на верхнем этаже торгово-развлекательного центра «Амагер», куда они приезжают за две минуты до начала урока. С паркинга в подвальном этаже до зала им пришлось пробежаться вверх по лестнице. Другие маленькие принцессы уже стоят в исходных позициях в своих дорогих модных костюмчиках на лакированном деревянном полу. А на Оливии все то же купленное в «Фётексе» лиловое платье, в котором она проходила на танцы весь год. Платье чуточку жмет ей в плечах, но ничего, еще какое-то время оно будет ей вполне впору. Йесси торопливо снимает с дочери верхнюю одежду и отсылает Оливию на танцпол, где ее с приветливой улыбкой встречает учительница. Вдоль стены сидят мамы прочих детей, все из себя такие спесивые, и беседуют об осенних каникулах на Гран-Канария, о концепции здорового образа жизни и благополучии класса, в который ходят их дети. Йесси приветствует их вежливой улыбкой, хотя на самом деле с превеликим удовольствием поджарила бы всех на костре.

Девочки уже начали заниматься, а Йесси все с нетерпением оглядывается по сторонам и оправляет юбку, но его все нет и нет. Явно разочарованная, она пристраивается к мамашам. Йесси была уверена, что он появится, и его отсутствие заставляет ее засомневаться в прочности их отношений, в чем раньше она не сомневалась. Йесси чувствует себя лишней в этой компании, но, хотя и решила заранее молчать в тряпочку, от смущения все же присоединяется к всеобщему кудахтанью:

– Ой, какие они все красивые сегодня, наши маленькие принцессочки... Я просто в отпаде. Надо же так здорово научиться танцевать, и всего-то за год...

И с каждым новым словом чувствует на себе все больше и больше сочувственных взглядов. Но наконец-то дверь распаивается, и в зале появляется он. Со своей дочкой, разумеется, которая сразу же присоединяется к танцующим. Он смотрит в сторону мамаш,

дружелюбно кивает, улыбается непринужденной улыбкой, и Йесси чувствует, что сердце у нее забилося неровно. Он ступает уверенным шагом и крутит на пальце ключи от так хорошо знакомой ей «Ауди». Обменивается парой реплик с кем-то из мамаш, отчего те раздражаются хохотом, а Йесси становится грустно – ведь он пока что даже не взглянул на нее. Он старательно делает вид, будто не замечает ее, хотя она стоит рядом, словно виляющая хвостом собака, желающая привлечь внимание хозяина. И у Йесси вдруг вырывается, что вообще-то ей надо кое-что перетереть с ним. Нечто важное о «культуре общения в классе». Это выражение она только что услышала от одной из матрон. Он немало удивлен, но, не дожидаясь ответа, Йесси направляется к выходу из зала. Оборачивается и с удовлетворением отмечает, что он, посчитав странным при всех отказаться от ее предложения, раз уж речь идет о деле такой важности, просит прощения у «мадамов» и идет вслед за ней.

Она спускается по лестнице на этаж ниже и, с трудом открыв тяжелую дверь выходит в коридор, слыша его шаги позади. Останавливается, поджидая его, и по его лицу понимает, что он до крайности раздражен.

– Какого дьявола, ты что, совсем рехнулась? Как ты не можешь понять, что между нами все кончено? Оставь меня в покое, черт бы тебя побрал совсем!

Йесси хватает его за руку, расстегивает молнию на брюках, запускает пальцы в ширинку и сразу находит искомое. Он пытается оттолкнуть ее, но она крепко держит его член, вытаскивает его наружу, берет в рот, и все его сопротивление выливается в протяжное постанывание. Когда он оказывается на грани оргазма, она поворачивается, наклоняется над мусоросборником и другой рукой пытается задрать юбку сзади. Но он опережает ее, дергает новую желтую юбку за край, и Йесси слышит треск расходящихся швов. Она чувствует, что он проник в нее, и начинает делать движения тазом взад и вперед, чтобы он не смог устоять перед соблазном. Через несколько секунд он кончает и, тяжело дыша, замирает. Она поворачивается, целует его в безжизненные губы, держа в руках его влажный пенис. Но он, отступив на шаг, будто Йесси его оттолкнула, отвечает ей полновесную пощечину.

Она в таком шоке, что не может вымолвить ни слова, и лишь чувствует, как жар расплзается по лицу. А он спешно застегивает ширинку.

– Это было в последний раз. Я ничего к тебе не испытываю. Ни хрена. И свою семью никогда на оставлю. Понятно?

Йесси слышит его шаги, звук закрывшейся за ним тяжелой двери и остается в одиночестве, а левая щека горит и болит. Ей кажется, будто он все еще в ней, там, между ног, но сейчас она думает об этом, как о чем-то постыдном. В металлической табличке на стене видит свое искаженное отражение, оправляет одежду и лишь теперь замечает, что юбка у нее разорвана не только сзади, но и спереди, и застегивает пальто, чтобы скрыть разрывы. Вытирает слезы и пытается собраться с силами. Сверху, из танцевального зала до нее доносится веселая музыка. Идет она обратно тем же путем, что пришла сюда, но дверь на лестницу оказывается запертой. Она безуспешно толкает ее, потом пытается позвать кого-нибудь на помощь, однако в ответ слышит лишь слабые звуки музыки.

Йесси решает пойти в обход, проходит по длинному коридору с трубами отопления, где раньше никогда не бывала. Но вдруг коридор раздваивается, и в выбранном ею сначала направлении заканчивается тупиком. Йесси пробует открыть еще одну дверь, но та тоже заперта. Она возвращается к коридору с трубами, но, пройдя еще метров двадцать, вдруг слышит какой-то звук за спиной.

– Эй! Есть здесь кто?

Сперва она пытается внушить себе, что это возвращается он, чтобы попросить прощения, но тишина подсказывает ей: это не так. Она продолжает путь неуверенным шагом, но вскоре переходит на бег. Один коридор следует за другим, и Йесси кажется, будто позади звучат чьи-то шаги, но теперь уже она никого на помощь не зовет. Она пытается открыть каждую дверь, что встречается ей на пути, и наконец одна из них поддается. Йесси бегом устремляется вверх по лестнице. Ей слышится, будто внизу кто-то вышел из коридора вслед за ней, и, достигнув следующего этажа, она с такой силой распахивает дверь, что та с грохотом врезается в стену.

Йесси Квиум оказывается на верхнем этаже торгового центра, где покупатели целыми семьями бродят с тележками под голос диктора, вещающего об осенних скидках. У входа в танцевальный зал видит

женщину и высокого мужчину со следами побоев на лице. Они о чем-то расспрашивают одну из мамаш, которая вдруг замечает Йесси и указывает пальцем в ее сторону.

– Так это она или нет?

– Пока не знаем. Ей показалось, будто кто-то преследует ее в центре. Только вот помогать нам она не торопится, хотя, может, и вправду ничего больше не знает, – отвечает Нюландеру Ту́лин, а Хесс тем временем через зеркальное окно наблюдает за тем, что происходит в допросной. С той стороны окно непрозрачное, так что Йесси Квиум его вообще не видит, тогда как она у него как на ладони.

Внутренний голос подсказывает ему, что Йесси, скорее всего, обладает какой-то тайной, интересующей преступника. Правда, она разительно отличается от предыдущих жертв. В глазах Хесса и Лаура Кьер, и Анне Сайер-Лассен – дамы мелкобуржуазного воспитания, они и старались вести себя соответственно, а вот Йесси Квиум – деваха дерзкая и всегда уверенная в своей правоте. С другой стороны, именно по этой причине она прекрасно подходит для роли красной тряпки для быка. Как раз таких, как Йесси, и выбирают мужики среди сотен других женщин, потому что одновременно и увлекаются ими, и страшатся их. Прямо сейчас эта молодая разгневанная женщина ведет жаркую дискуссию с несчастным оперативником, дежурящим у двери допросной, которого она безуспешно пытается уговорить выпустить ее на волю. И Хесс благодарит Господа, что звук динамика на стене приглушен. Небо за окном совсем почернело, а у него возникает желание прикрутить и голос Нюландера.

– Так если она ничего не знает, может, вы пошли по неверному следу?

– А может, она нас просто запутать хочет? Чтобы мы больше времени на нее потратили?

– Больше времени? – Нюландер обдумывает слова Ту́лин, и Хесс, проживший уже довольно долгую жизнь бок о бок с полицейскими начальниками, прекрасно понимает, чем это все закончится.

Прямо из ратуши Ту́лин с Хессом отправились в Урбанпланен, где проживает Йесси Квиум. Дверь квартиры никто не открыл, и на телефонный звонок женщина не ответила. В деле не были указаны родственники, только номер телефона куратора из муниципалитета, который еженедельно встречался с Йесси и ее дочкой, а сказать вернее, осуществлял за ними контроль. Куратор сообщил по телефону, что Йесси по предложению муниципальных властей каждую пятницу в семнадцать тридцать обязана привозить дочку в школу танцев на верхнем этаже ТРЦ «Амагер».

Они разыскали Йесси Квиум, и им сразу стало понятно, что с нею что-то не так. Молодая женщина объяснила, что почувствовала, будто ее кто-то преследует, когда она спускалась вниз, чтобы поставить парковочный циферблат на лобовое стекло машины. Они тут же прочесали все лестницы, коридоры и подземный этаж, но никого подозрительного не обнаружили. В коридорах отсутствовали камеры видеонаблюдения, а на подземной стоянке теснилось слишком много посетителей, делавших покупки на уик-энд.

На допросе в управлении полиции Йесси Квиум вела себя еще более агрессивнее. От нее несло вином, а когда ее попросили снять пальто, выяснилось, что у нее напроць разорвана юбка. Девушка заявила, будто просто зацепилась за дверцу, выходя из машины, и потребовала объяснить, какого хрена ее держат здесь, в управлении. Ей попытались втолковать, о чем идет речь, но Йесси Квиум, по ее словам, вообще ничего не знала и знать не желала. Она, мол, и думать не думала, что ее кто-то преследует в торговом центре. Зато у нее не было никаких сомнений в том, кто примерно два месяца назад написал анонимное заявление в копенгагенский муниципалитет с призывом изъять у нее Оливию, поскольку она пренебрегает своими родительскими обязанностями и, более того, поколачивает дочку.

– Да это кто-то из школьных мыр. Они кого хочешь запросто закопают. И всё потому, что боятся, как бы их похотливые муженьки на кого-нибудь помоложе да покрасивее глаз не положили. А сами и писать-то без ошибок не могут.

– Йесси, мы не уверены, что заявление написала кто-то из матерей одноклассников Оливии. Кто бы это еще мог быть, по-вашему?

Йесси Квиум, однако, продолжала настаивать на своей версии, и в какой-то момент, к ее удовольствию, сотрудники муниципалитета

поверили ей. Хотя, конечно, тяжковато ей пришлось, ведь «столько времени они в моем грязном белье копались».

– Йесси, чрезвычайно важно, чтобы вы сказали правду. Ради вас самой. Мы не собираемся вас ни в чем обвинять, но если в заявлении есть хотя бы толика правды, не исключено, что автор письма желает вам зла.

– Да что вы себе позволяете? – Йесси Квиум расплакалась. Никто не имеет права называть ее плохой матерью. Она одна воспитывает девочку, а от папаши помощи не дожидаться, он ей ни кроны не дал. Правда, в последние два года по уважительной причине: он в тюрьме в Ньюборге парится, наркотой торговал. – А если кто сомневается, может у Оливии спросить, хорошо ли ей живется.

Однако в планы Хесса и Ту́лин последнее не входило. Шестилетняя девочка в это время сидела все в том же танцевальном костюмчике с одной из сотрудниц отдела в столовой за столом с газировкой и хрустящими хлебцами и смотрела мультфильм, полагая, что полиция проверяет у мамы документы на машину. Одежда на ней изношенная, дырявая, и сама она весьма худа и не слишком ухожена, но все-таки не производит впечатление ребенка, которого подвергают издевательствам. Принимая во внимание все обстоятельства, никто не удивлялся, что девочка ведет себя тихо, и, разумеется, было бы непростительно еще больше нагружать ее психику и расспрашивать, как с нею обращается мать.

* * *

Из допросной вновь доносятся громкие ругательства и проклятия – это Йесси Квиум пытается доказать дежурному, что ее пора выпустить на волю. И снова ее заглушает голос Ньюландера:

– *Нет* у нас больше времени. Вы сказали, что идете в правильном направлении, – ну так и действуйте в том же духе. Или же придется выработать иную версию.

– Дело, может, и пошло бы гораздо быстрее, если б мы провели допросы, которые считаем необходимыми.

– Ты опять на Розу Хартунг намекаешь?

– Я просто говорю, что нам не дали возможности переговорить с нею.

– Ну сколько раз надо повторять тебе одно и то же, чтобы до тебя наконец дошло?!

– Не знаю; я уже и считать перестал. Но мои слова никакого отклика не находят.

– Послушайте! Есть ведь и другой выход.

Хесс и Нюландер прекращают словесную баталию и обращают взоры на Ту́лин.

– Если мы считаем, что Йесси Квиум вполне может стать следующей жертвой, нам, в принципе, нужно просто дать ей возможность жить привычной жизнью – ну, разумеется, под нашим наблюдением, – а нам останется только ждать, когда преступник объявится.

Нюландер смотрит на Ту́лин и качает головой.

– Это исключено. Черт возьми, как ты себе это представляешь? Чтобы я после двух убийств просто выставил Йесси Квиум на улицу и этот психопат уколошил ее, несмотря на все наши наблюдения? Он уже пару раз нас наколол.

– Я не Йесси Квиум имею в виду, я о себе говорю.

Хесс с изумлением смотрит на Ту́лин. В ней росточка-то всего метр шестьдесят семь, не больше. И вообще она тростинку напоминает, ее же ветром в момент сдует. Хотя, впрочем, если заглянуть ей в глаза, расклад сил может показаться совсем другим...

– Рост у меня такой же, и волосы такого же цвета, и фигура примерно такая же, как у Йесси Квиум. А если еще удастся раздобыть большую куклу и замаскировать ее под дочку Йесси, думаю, мы сможем заставить преступника ошибиться в ситуации, какую сами же и создадим.

Нюландер смотрит на Ту́лин с интересом.

– Когда?

– побыстрей бы. А то преступник удивится, мол, куда она запропастилась... Если он действительно нацелился на Йесси Квиум, ему наверняка известен ее распорядок дня. А ты что скажешь, Хесс?

– Давайте еще раз допросим Йесси. Возможно...

В этот момент открывается дверь, и на пороге появляется Тим Янсен. Нюландер, не скрывая раздражения, поворачивается к нему:

– Не сейчас, Янсен!

– Придется сейчас. Или включи новости.

– Зачем?

Янсен бросает взгляд на Хесса.

– Затем, что кто-то слил информацию об отпечатках Кристине Хартунг. На всех канал вой стоит, что дело Хартунг, видите ли, не раскрыто.

На маленькой газовой плите в квартире на Вестербро готовится ужин, и Найе приходится прибавить звук, чтобы расслышать новости за шумом вытяжки и таймера.

– Открой dedu.

– А ты?

– Помоги, я ведь ужин готовлю.

Ле неохотно плетется в прихожую с неизменным «Айпэдом» в руке. Они только что поссорились, но Найе недосуг продолжать выяснения отношений с дочерью. Медийные ресурсы на полную катушку раскручивают сенсационную новость об отпечатках пальцев Кристине Хартунг, обнаруженных на двух каштановых человечках, что были оставлены на месте убийства Лауры Кьер и Анне Сайер-Лассен. Насколько Ту́лин может судить по материалам в Сети, первой новость опубликовало одно из двух крупнейших таблоидных изданий ближе к концу рабочего дня. Однако конкуренты так быстро подсустились, что трудно определить, получили ли они известие из собственных источников или же просто повторили первую публикацию. Заголовок «Шок: неужели Кристине Хартунг жива?» распространился в медийном пространстве со скоростью степного пожара, и почти все СМИ напечатали тот же текст, указывая в качестве источника два таблоида. «Пожелавшие остаться неизвестными источники в управлении полиции» намекали, что, возможно, существует связь между убийствами двух женщин и делом Кристине Хартунг, поскольку загадочные отпечатки ее пальцев посеяли сомнения в ее гибели. То есть, в принципе, СМИ публиковали правду, если не принимать во внимание, что Нюландер и прочие шишки в полиции отвергали любые предположения такого рода. В общем, дело приняло столь сенсационный оборот, что новость эта стала топовой во всех средствах массовой информации. И если б Ту́лин забыла, насколько сама была ошарашена, когда впервые услышала о пресловутых отпечатках пальцев Кристине Хартунг, она обязательно вспомнила бы об этом теперь. Из всех утюгов сыпятся разные версии и догадки, а журналисты одного сетевого издания даже придумали кличку убийце,

назвав его «Каштановым человеком». Впрочем, можно было, без опаски ошибиться, предположить, что это лишь прелюдия к целой туче репортажей, статей и заметок. Так что Ту́лин прекрасно поняла Нюландера, сразу же покинувшего их с Хессом, – ведь ему предстояло провести ряд совещаний по выработке стратегии собственных действий и тактики в отношениях с прессой.

Сама же она с ходу погрузилась в подготовку к вечерней акции в Урбанпланен. Нюландер одобрил предложение устроить преступнику засаду, хотя Хесс и выступил против. Йесси Квиум тоже с недоверием и обидой отнеслась к сообщению, что им с дочерью сегодня не удастся вернуться в свою квартиру, однако все ее возражения были отмечены. Зубными щетками и всем прочим необходимым их обеспечат, и ближайшую ночь – как, возможно, и последующие, – им придется провести под охраной в поселке садового товарищества в Вальбю, где муниципальные власти предоставляют несколько домиков во временное пользование неблагополучным семьям. Впрочем, поселок этот был им знаком, поскольку летом они отдыхали там в одном из домиков за счет муниципалитета.

Йесси Квиум пришлось рассказать, как складывается ее распорядок дня по пятницам, и по характеру вопросов и настойчивости следователей она наконец поняла, что действительно существует угроза ее жизни. Ту́лин, допрашивавшая ее вместе с Хессом, вникала в каждую деталь и теперь в подробностях знала, чем занималась Йесси начиная с того момента, как приехала домой на своей машине, которую полиция также собиралась задействовать в операции.

Ту́лин была готова отправиться в Урбанпланен немедленно, однако возникла загвоздка, потому что вечер пятницы Йесси проводила иным образом. После урока в танцшколе она с шести до девяти вечера обязана была участвовать в собрании анонимных алкоголиков в помещении на Кристансхаунс Торв. Таково было условие муниципальных властей, если она и в дальнейшем собиралась получать различные детские пособия в дополнение к социалке. Дочка же, как правило, все эти три часа спала на стуле в коридоре, пока мать не забирала ее в машину по окончании мероприятия. Но шел уже восьмой час вечера, и потому было принято решение, что Ту́лин начнет

играть роль Йесси Квиум в начале десятого, когда мать-одиночка по плану должна покинуть собрание.

В ожидании начала операции ее руководитель и члены группы захвата занялись изучением планов расположения квартир, а также въездов и выездов с территории жилого комплекса. Ту́лин же тем временем заехала за дочкой, игравшей с Рамазаном у него дома, и отправилась к себе, чтобы успеть приготовить на ужин пасту до прихода деда, согласившегося побыть с Ле в отсутствие матери. Девочка весьма неодобрительно встретила сообщение о том, что вечером ее не будет дома – ведь Найя обещала помочь ей выйти на следующий уровень в «Лиге легенд», которую та считала делом всей своей пока еще маленькой жизни. И Ту́лин ничего не оставалось, кроме как признать, что ее слишком часто не бывает дома по вечерам.

– Давай скорее. Пора ужинать. Если дед голоден, вы можете поужинать вместе.

Дочь возвращается из прихожей с торжествующим видом:

– Это не дед, а с твоей работы, ну тот, с побитым лицом и глазами разного цвета. Он сказал, что *с удовольствием* покажет, как мне перейти на следующий уровень.

Ту́лин не собиралась тратить время на ужин, однако явление Хесса под лампой в небольшой прихожей заставило ее изменить планы.

– Я приехал пораньше, потому что привез схемы комплекса в Урбанпланен и расположения квартир. Тебе придется изучить их до отъезда.

– Только сначала ты поможешь *мне!* – кричит Ле, и Ту́лин не успевает ответить. – Как тебя зовут?

– Марк. Но я уже сказал, что, к сожалению, сегодня у меня не будет времени помочь тебе с игрой, а вот в другой раз – с удовольствием.

– Тебе еще поужинать надо, Ле, – быстро вставляет реплику Ту́лин.

– Ну так и Марк может со мной поужинать. Пошли, Марк, ты мне все за едой объяснишь. Мама своим любовникам есть с нами не позволяет, но ты ведь маме не любовник, тебе можно.

Ле убегает в кухню. Найя стоит перед Хессом и, понимая, что сейчас не время резониться с дочерью, слегка помедлив, отступает чуть в сторону, освобождая Хессу дорогу.

Он садится за стол рядом с Ле, сменившей «Айпэд» на ноутбук. Ту́лин достает из шкафчика три тарелки. С достойной наследницы престола очаровательной улыбкой Ле завладевает вниманием гостя. С самого начала она выказывала ему расположение, скорее всего, в пику матери, но постепенно, по мере того как Хесс все больше и больше раскрывает свои непостижимым для Ту́лин образом накопленные познания, девочка полностью сосредоточивается на его советах, которые помогут ей достичь страны обетованной на шестом уровне.

– А ты Пак Су тоже знаешь? Его весь мир знает.

– Пак Су, ты говоришь? – переспрашивает Хесс.

Тут же на обеденном столе появляется постер и маленькая пластмассовая фигурка корейского подростка. Они начинают трапезу, разговор переходит и на другие игры – Найя даже не подозревала, что дочке они известны. Правда, тут выясняется, что Хессу знакома только

«Лига легенд», а в прочие он никогда не играл. Ле чувствует себя мастером, к которому заглянул на огонек ученик. Она в быстром темпе излагает свои познания, а когда тема оказывается исчерпанной, приносит в кухню клетку с волнистым попугайчиком, у которого, по ее словам, скоро появится дружок, и тогда Ле сможет добавить еще несколько имен на генеалогическое древо.

– У Рамазана пятнадцать имен на древе, а у меня только три. То есть пять, если считать попугайчика и хомячка. Мама не разрешает добавлять своих любовников, а то ух сколько б у меня на древе имен было...

Тут Ту́лин замечает, что дочери пора уже заняться переходом на шестой уровень, и, получив еще пару дельных советов от Хесса, Ле наконец-то усаживается на диван и приступает к боевым действиям.

– Сообразительная девочка.

Найя коротко кивает, полагая, что эта реплика – лишь сигнал к началу интервью об отце девочки, семейном положении и связях Ту́лин, о чем говорить ей вовсе не улыбается. Однако Хесс вместо этого поворачивается к висящей на спинке стула куртке, вынимает из кармана пачку бумажек и раскладывает их на столе.

– Посмотри-ка вот это. Сейчас я тебе все поясню.

Хесс подготовился основательно, и Ту́лин внимательно слушает его разъяснения, следя за пальцем, которым тот водит по схемам домов, расположения квартир и территории вокруг зданий.

– Весь комплекс будет под наблюдением, но, само собой, наблюдатели будут находиться на соответствующем расстоянии, чтобы не спугнуть преступника. Если он вообще там появится.

Он упоминает и куклу, которая будет завернута в перинку, так что Ту́лин сможет изобразить, что несет в руках спящего ребенка. Найя делает несколько замечаний насчет размещения наблюдателей; она опасается, что их присутствие может вызвать подозрение у преступника, однако Хесс настаивает на их участии в операции:

– Мы не имеем права рисковать. Если Йесси Квиум выбрана в качестве следующей жертвы, то преступник, по всей вероятности, прекрасно изучил весь комплекс, так что мы обязаны быть на месте и в случае чего вмешаться. Если вдруг возникнет хотя бы намек на опасность, тебе следует немедленно сообщить об этом. И точно так же ты можешь прямо сейчас сказать, если хочешь, чтобы тебя заменили.

– С какой стати мне отказываться?

– Но ведь это небезопасно.

Ту́лин смотрит ему прямо в глаза – в голубой и в зеленый: да, если б она не знала, о чем именно он говорит, то готова была бы поклясться, что Хесс тревожится за нее.

– Все нормально. Никаких проблем.

– Так вы *ее* ищете? – Ле незаметно для них прошла в кухню за стаканом воды. Она глядит на экран стоящего на обеденном столе под углом к стене «Айпэда» матери, на котором начинается трансляция еще одного выпуска новостей. Разумеется, главная новость – дело Кристине Хартунг, и ведущий смакует детали прошлого и настоящего этой истории.

– Тебе нельзя это смотреть. Это не для детей. – Найя поднимается и резким движением выключает планшет.

Ранее она предупредила дочку, что позднее вечером ей придется уйти на работу, и раздосадованная Ле попросила объяснить, зачем. Тогда Ту́лин и рассказала, что они разыскивают одного человека, но не называла его преступником. И поэтому Ле решила, что мама имела в виду Кристине Хартунг.

– А что с ней случилось?

– Слушай, Ле, пойдя лучше еще поиграй.

– Девочка умерла?

Вопрос был задан совершенно невинным тоном, точно она просто хотела спросить, живут ли еще на Борнхольме динозавры. Но за любопытством явно чувствовалось волнение, и Ту́лин пообещала себе самой впредь выключать новости в присутствии Ле.

– Не знаю, Ле. То есть... – Найя тщетно подыскивает слова. Что бы она ни ответила, риск оказаться в ловушке чрезвычайно велик.

– Никто этого не знает наверняка. Может быть, она просто заблудилась. Так бывает: человек заблудится и никак не может отыскать дорогу домой. Но если она заплутала, мы ее, конечно, найдем, – ответил вместо нее Хесс. И ответил хорошо; во всяком случае, глаза Ле вновь оживились.

– Мне плутать не доводилось. А твоим детям?

– У меня нет детей.

– Почему?

Найя замечает, что Хесс улыбается Ле, но на сей раз не произносит ни слова. В этот момент в прихожей раздается звонок, а это значит, что время ожидания и подготовки к операции вышло.

Вообще-то Урбанпланен – это обычный жилой комплекс в городском районе Западный Амагер, и находится он всего лишь в трех километрах от Ратушной площади Копенгагена. В шестидесятые годы прошлого века здесь возвели бетонные корпуса с целью удовлетворить растущую потребность в жилье. Однако что-то пошло не так, и в начале нулевых комплекс ряд лет значился в правительственном списке геттокварталов. Муниципальные власти до сих пор не решили всех проблем, и потому, как и в Парке Одина, присутствие здесь бледнолицых датских полицейских, будь они даже в гражданской одежде, вызывает повышенное внимание местных жителей. Поэтому в наиболее приметных местах, в том числе и в некоторых автомобилях на темной парковке слева от корпуса, где расположился Хесс, ведут наблюдение сотрудники, внешностью отличающиеся от коренных датчан.

Таймер на плите в пустой квартире на первом этаже показывает почти час ночи. Прежние жильцы выехали из квартиры, и она выставлена на продажу, а потому полиция решила задействовать ее на время операции. Свет в квартире выключен, и через окно маленькой кухоньки Хесс может обозревать темный ночной двор с почти совсем сбросившими листву деревьями, игровой площадкой и скамейками. Виден ему и освещенный вход в подъезд Йесси Квиум, где помимо лестницы есть и лифт. Хотя все наблюдатели располагаются в правильно выбранных местах, Хесс нервничает. В корпусе, где проживает Йесси Квиум, четыре подъезда, по одному на каждую сторону света, и за всеми ими наблюдают Хесс или оперативники, занявшие свои места вокруг здания. Так что им видны все, кто входит в дом или выходит на улицу. На крышах располагаются снайперы, способные поразить двукроновую монету с двухсот метров. А в двух минутах езды находится автобус с группой захвата, готовой действовать по первому же полученному сигналу. И все же у Хесса на душе беспокойно; ему кажется, что всего этого недостаточно.

Приезд Тулин прошел без сучка и задоринки. Хесс сразу же узнал маленькую «Тойоту Айго», когда та с зажженным дальним светом

повернула к въезду в комплекс и остановилась на парковке в условленном месте, откуда незадолго до этого отъехал полицейский автомобиль без опознавательных знаков.

На Ту́лин были шапочка Йесси Квиум, ее одежда и пальто, только порванную юбку заменили на новую, но, разумеется, такого же желтого цвета, и по крайней мере на расстоянии не было заметно, что Ту́лин не та, за кого себя выдает. Она взяла с заднего сиденья завернутую в перинку куклу, закрыла машину, прислонившись к дверце спиной, и направилась к подъезду, держа куклу на руках как-то неуклюже, но в точности так, как на ее месте делала бы настоящая Йесси Квиум. Хесс видел, как она вошла в подъезд, где мгновенно зажегся свет. Они, конечно, не могли предусмотреть, что лифт будет занят так долго в это время суток и Ту́лин придется тащиться по лестнице. Но, к счастью, она без проблем добралась до третьего этажа и даже умудрилась создать такое впечатление, что с каждым лестничным пролетом ей все труднее и труднее нести на руках ребенка. Мимо нее прошли соседи, спускавшиеся с верхних этажей, но, видно, вообще не обратившие на нее внимания. Наконец Ту́лин пропала из поля зрения Хесса, и он затаил дыхание, пока в квартирке с небольшим балкончиком не зажегся свет.

С тех пор минуло три часа, но ничего такого особенного не произошло. До того, вечером, во дворе появлялись люди. Кто-то возвращался с работы, кто-то болтал с соседями о событиях в мире, стоя под кружащимися над их головами опадающими листьями, а в подвальном помещении корпуса слева, предназначенном для общих собраний жильцов, началась небольшая вечеринка. И пару часов на пространстве между корпусами звучала индийская цитра, но постепенно пыл гостей угас, как и погасли огни во многих окнах, словно подавая знак, что время позднее.

Свет в квартире Квиум по-прежнему горит, но Хесс знает, что скоро его выключат, – ведь, по словам Йесси, она обычно ложилась спать в это время, по крайней мере в те редкие пятничные вечера, когда находилась дома.

– Одиннадцать-семь на связи. Вы слышали байку про Монашку и Семерых Маленьких полицейских из Европола? Прием.

– Нет, давай рассказывай, одиннадцать-семь. Мы слушаем.

Это Тим Янсен развлекает коллег по рации с плохо скрытой иронией по адресу Хесса. Со своего места у окна в кухне Марк его не видит, но знает, что тот сидит в машине чуть к западу от подъезда вместе с одним молодым сотрудником из местного отдела, этнически близким к жителям квартала. Хесс не любит, когда коллеги используют радиосвязь для шуточек-прибауточек, но и вмешиваться на торопится. На сборе группы в управлении, перед тем как он отправился домой к Ту́лин, Янсен высказался скептически о целесообразности операции – дескать, он не видит достаточно доказательств, что жизнь Йесси Квиум реально находится в опасности. Янсен, конечно, уверен, будто это Хесс выдал прессе информацию об отпечатках. Тут дело ясное, ведь Марк поставил под сомнение результаты расследования дела Кристине Хартунг, а такие вещи наказуемы. В последние несколько дней, бывая в управлении, Хесс замечал, что Янсен плетет против него интриги. Но после того как вечером в прессе взорвалась бомба, некоторые другие коллеги тоже стали поглядывать на него с недоверием. Что, разумеется, было смеху подобно. Лишь в редчайших случаях освещение СМИ дел об убийствах имело положительный для следствия эффект, и потому у Хесса давно вошло в привычку держаться от журналистов подальше. Фактически утечка вызывала у него раздражение лишь тогда, когда она *действительно* имела место. Преступник теперь, стало быть, осведомлен об отпечатках, и Хесс досадует – ведь тот наверняка забавляется, наблюдая, как следствие стало посмешищем в глазах общественности. Надо бы не забыть проверить источники журналистов, напоминает он сам себе и раздраженно хватается радиотелефон, так как Янсен начинает рассказывать новый анекдот.

– Одиннадцать-семь, используйте связь только в целях выполнения задания.

– Иначе что? Ты позвонишь в «БТ»?^[29]

Руководитель оперативного штаба реагирует на ситуацию и приказывает прекратить смех и вообще засорять эфир трепотней. Хесс смотрит в окно. Свет в квартире Йесси Квиум погас.

Ту́лин старается держаться подальше от больших темных окон, но время от времени переходит из одной комнаты в другую, чтобы преступник знал, что она, то бишь Йесси Квиум, дома. Ну конечно, если он находится во дворе и наблюдает за окнами.

Спектакль на парковке был разыгран как по нотам. Кукла в перинке не оставляла сомнений, что на руках у Ту́лин ребенок, а его голова с искусственными черными волосами почти полностью скрывалась под перинкой. Прокол случился лишь один: лифт в подъезде оказался занят. Однако Найя решила, что такая нетерпеливая от природы женщина, как Йесси Квиум, не станет долго ждать и предпочтет подняться по лестнице. По пути наверх ей встретилась молодая пара, однако они прошли мимо, даже не взглянув на нее. Она отперла дверь ключом Йесси и захлопнула ее за собой, как только оказалась в прихожей.

Хотя Ту́лин ранее никогда не бывала в этой квартире, она хорошо изучила расположение комнат на схеме и, сразу пройдя в спальню, положила куклу на постель. В комнате оказались две кровати, одна для матери, другая – для дочери. Занавески на окнах с видом на еще один бетонный корпус напротив отсутствовали. Она знала, что Хесс находится в квартире на первом этаже, но ей не было известно, кто еще из коллег, возможно, наблюдает за нею. Ту́лин сняла с куклы перинку и уложила ее в постель, как если б укладывала спать Ле у себя дома. Вот уж парадокс так парадокс: исполняя служебные обязанности, она желает спокойной ночи кукле... Впрочем, размышления на эту тему были явно не ко времени. Затем она прошла в гостиную, в соответствии с распорядком дня Йесси Квиум включила телевизор с плоским экраном и уселась в кресло спиной к окну, чтобы иметь возможность обзирать все, что происходит в квартире.

Последней здесь была сама Йесси Квиум, и она явно не потратила времени, чтобы хоть чуть-чуть прибраться в доме, где царит полнейший бардак: множество пустых винных бутылок, тарелки с остатками еды, коробки из-под пиццы и горы немытой посуды. Игрушек в квартире немного. И Ту́лин внезапно почувствовала, будто

находится в привилегированном положении. Да, они не были уверены, что Йесси на самом деле совсем пренебрегала своими родительскими обязанностями, но и условия, в которых росла ее дочь, вряд ли можно назвать приемлемыми. Найе даже вспомнилось ее собственное детство. Впрочем, думать об этом ей совсем не хотелось, и она сосредоточила внимание на происходящем на экране.

Дело Кристине Хартунг по-прежнему занимало первое место в новостных передачах, в которых все время повторялся тезис, что оно, по-видимому, все же не расследовано до конца. Упоминалось об отказе Розы Хартунг от комментариев, и Ту́лин стало жаль министра – ведь ей и семье еще раз напомнили о прошлом, которое они хотели бы поскорее забыть. И тут последовала кульминация.

– Смотрите через минуту: Стиин Хартунг, отец Кристине, будет гостем студии новостей.

Стиин Хартунг выступил в последней вечерней новостной передаче и дал довольно большое интервью. По его словам, он не сомневается, что его дочь все еще жива. Он умолял всех, кому что-либо известно о ее местонахождении, позвонить в полицию, и напрямую обратился к похитителю Кристине, заклиная его вернуть девочку родителям целой и невредимой.

– Мы так тоскуем по дочери... Она все еще ребенок и нуждается в матери и отце.

Ту́лин прекрасно поняла порыв Стиина Хартунга, но не была уверена, что его призыв пойдет на пользу следствию. Затем перчатку подняли министр юстиции и шеф убийного отдела Нюландер и в резких выражениях дистанцировались от всяческих слухов и домыслов. В особенности непреклонен был Нюландер. Он обрушился на прессу с нападками, но при этом голос его звучал так бодро, что Ту́лин заподозрила, будто он просто-напросто наслаждается всеобщим вниманием к собственной персоне. В середине программы Ту́лин получила эсэмэску от Генца; тот спрашивал, что произошло и почему репортеры уже начали названивать и *ему*. Она написала в ответ, чтобы он ни в коем случае не давал комментариев. Генц в шутку ответил, что не может ничего обещать, если Ту́лин не согласится пробежать с ним пятнадцать километров завтра с утра пораньше, но Найя на этом переписку закончила.

Шумиха вокруг дела Кристине Хартунг наконец-то улеглась ближе к полуночи, когда пришла пора скучнейших телесериалов. Оптимистический настрой и азарт, охватившие Тулин на пути из Кристиансхауна, постепенно уступают место сомнениям. Насколько они могут быть уверены, что именно Йесси Квиум выбрана следующей жертвой? Насколько они могут быть уверены, что преступник нацелился именно на нее? Она слышит, как Тим Янсен пытается убить время, балагурия на свой манер по рации, и в какой-то степени оправдывает его поведение. Деятель этот, конечно, дурак дураком, но если они ошиблись, это будет означать в том числе, что они бесконечно далеки от завершения расследования. Посмотрев на мобильнике, который час, Найя, как и было договорено, выключает свет в гостиной, но не успевает снова усесться в кресло, как звонит Хесс.

– Всё о'кей?

– Да.

Ей кажется, что он несколько успокоился. Они обсуждают создавшееся положение, и хотя Хесс об этом даже не заикается, Тулин чувствует, что он по-прежнему находится в состоянии полной боевой готовности. Во всяком случае, в большей степени, нежели она сама.

– А насчет шуточек Янсена не парься, – неожиданно для себя самой говорит Найя.

– Спасибо. Я и не парюсь.

– Он похвалится, что раскрыл дело Хартунг, с тех пор, как я работаю в отделе. И то, что ты, а теперь и журналисты сомневаются в этом, для него все равно как если б ему из обрезка в живот угодили.

– Ты так говоришь, точно сама ему пулю в живот всадить хочешь.

Тулин улыбается. Она собирается ответить, но тон Хесса внезапно меняется:

– Вроде бы начинается. Переключи на рацию.

– Что происходит?

– Переведи на рацию. Скорее.

Связь прерывается.

Найя откладывает мобильник и вглядывается в темноту. И почему-то ее вдруг пронизывает мысль, насколько, в сущности, она одинока.

Хесс замер у окна. Он знает, что с улицы его не видно, но все же стоит не шевелясь. Метрах в ста, в конце корпуса Квиум появляется молодая пара с велоприцепом для детей. Они открыли дверь в подвал, где размещается велосипедная стоянка, и скрылись в помещении. Гидравлическая дверь начинает медленно закрываться, и тут Хесс замечает какое-то движение в темноте у прилегающего здания. Может быть, это порыв ветра качнул ветки деревьев? Нет, движение повторяется. Какая-то фигура метнулась к входу в подвал и успела проскользнуть внутрь, прежде чем дверь закрылась. Хесс берет рацию:

– Возможно, гость появился. Дверь на востоке. Прием.

– Мы видели. Прием.

Хесс знает, *что* находится в том конце здания, хотя ни разу там не был. Подземный коридор ведет от двери к велосипедной стоянке и далее к лестнице и лифту, откуда можно попасть на этажи.

Хесс покидает свой наблюдательный пункт, выбирается в подъезд и закрывает за собой дверь. Но во двор не выходит, а спускается по лестнице в подвал. Свет не зажигает, но достает из кармана фонарик. Он внимательно изучил схему комплекса и знает, куда двигаться дальше. Освещая путь перед собой фонариком, Хесс бежит по ведущему к корпусу Квиум подземному коридору под территорией двора. До корпуса метров пятьдесят, и, уже приблизившись к тяжелой металлической двери подъезда Квиум, он слышит по рации, что лифт занят парой, зашедшей в дом с велосипедным прицепом для детей.

– Неустановленная личность, по идее, находится в подъезде, но свет на лестнице не зажегся, так что мы не уверены. Прием.

– Надо прочесать весь подъезд. Начинаем прямо сейчас, – отвечает Хесс.

– Но мы даже не знаем...

Марк прерывает связь. Что-то у них не срослось. Незнакомец, по-видимому, прошел по газону, а этого они не предусмотрели. Хесс ловит себя на мысли, что не удивился бы, если б преступник спустился по веревке с крыши или выскочил из канализационного люка. Да как угодно, но только не через подъезд. Марк снимает пистолет с

предохранителя, и пока металлическая дверь медленно закрывается за ним, он уже оказывается на лестничной площадке первого этажа.

Тулин слушает переговоры по рации и смотрит в окно. После того как прозвучала фраза о появлении гостя, прошло восемь-девять минут, и только теперь она понимает, что в комплексе установилась полная тишина. Музыка больше не играет, слышен только шум ветра. Когда они обговаривали детали операции, Найя согласилась остаться в квартире, но теперь эта затея представляется ей весьма глупой. Она никогда не умела ждать. И, кроме всего прочего, в квартире нет выхода на черную лестницу, которым можно было бы воспользоваться в случае необходимости. Поэтому, когда раздался стук в дверь, она с облегчением подумала, что это Хесс или кто-то другой из своих пришел ей на помощь.

Тулин выходит в прихожую и смотрит в глазок. В темном коридоре никого нет, она видит только пожарный шкаф в нише прямо перед дверью. Может быть, ей послышалось? Да нет, в дверь точно стучали. И хотя Найе кажется, будто это знак, что опасность миновала, она снимает оружие с предохранителя и готовится к встрече с неизвестным. Отключает сигнализацию, отодвигает засов влево и выходит в приквартирный холл, держа пистолет наготове.

Пара выключателей слабо светятся на стене, но свет она не зажигает: темнота представляется ей союзником. Двери во все квартиры, видимо, открываются в сторону широкого коридора с линолеумом на полу. Постепенно глаза привыкают к темноте, и слева ей становится видна торцевая стена. Справа же коридор ведет к лестнице и лифту, но и там тоже пусто. *Никого* в коридоре нет.

Из квартиры доносится треск рации. Кто-то нетерпеливо повторяет ее имя, и она отступает назад, ближе к двери. Поворачивается лицом к ней – и в этот момент сзади на нее набрасывается мужчина, прятаящийся в нише под пожарным шкафом. Он сидел там, скрючившись, только и поджидая, когда она повернется к нему спиной. Мужчина всем своим весом наваливается на нее, и через открытую дверь Тулин падает на пол прихожей.

– Сука подлая! Отдай мне фотки, или я прикончу тебя!

Больше он ничего не успевает прокричать, потому что Найя двумя быстрыми ударами локтем ломает ему нос. Мгновение он, словно окаменев, сидит, ничего не соображая, и прежде чем до него доходит, что с ним произошло, Ту́ли́н наносит ему третий удар, отчего он расплывается на полу.

Хесс и следовавшие за ним двое сотрудников подбегают к квартире Квиум и в открытую дверь слышат голос кричащего от боли мужчины, напавшего на Ту́лин. Марк зажигает свет. В квартире полный бедлам. На полу посреди нестираного белья и пустых коробок из-под пиццы лежит мужчина с заломленными за спину руками. Ту́лин сидит на нем и одной рукой сжимает ему запястья между лопатками, а другой обыскивает карманы.

– Ты что творишь, черт побери?! Отпусти меня, тварь!

Она заканчивает обыск, и двое полицейских поднимают мужчину, по-прежнему сжимая запястья за спиной, отчего тот кричит еще громче прежнего.

Ему около сорока. Типичный торговый агент. Мускулистый, с напояженными волосами и обручальным кольцом на пальце. Под верхней одеждой на нем всего лишь черная футболка и тренировочные штаны, словно он только что вылез из постели. Опухший нос у него свернут набок, лицо перемазано кровью.

– Николай Мёллер, Мантуявай, 76, Копенгаген С, – Ту́лин зачитывает данные с карточки медстрахования мужчины, лежавшей вместе с кредитными картами и семейным фото в бумажнике, который она достала из внутреннего кармана пальто наряду с мобильным телефоном и ключами с логотипом «Ауди».

– Что происходит? Я ничего не нарушал!

– Что вы здесь делали? Я спрашиваю, что вы здесь делали? – Ту́лин подходит к Мёллеру и приподнимает ему подбородок, чтобы посмотреть в глаза. Тот все еще пребывает в шоке и никак не может поверить, что перед ним стоит какая-то незнакомая женщина в одеянии Йесси Квиум.

– Я хотел просто поговорить с Йесси. Она прислала мне сообщение, чтобы я зашел к ней.

– Вы лжете. Что вы здесь делали, я вас спрашиваю?

– Да ни фига я не делал! Это она меня подставила!

– Покажите сообщение. Давайте! – Хесс берет мобильник у Ту́лин и протягивает его Мёллеру. Полицейские отпускают его, и, хлюпая

носом, он окровавленными пальцами начинает набирать код своего телефона.

– Пошевеливайтесь! Быстрее! – Хесс не желает ждать. Интуиция подсказывает, что сейчас его дурные предчувствия получат подтверждение – правда, пока он не знает, каким образом и почему. – Покажите мне, давайте сюда!

Но Мёллер не успевает протянуть ему телефон – Хесс просто-напросто вырывает мобильник у него из рук и смотрит на дисплей. Вместо номера отправителя на нем высвечивается «Скрытый номер», а само короткое сообщение звучит просто:

– Зайди ко мне сейчас же. Иначе я отправлю фотки твоей жене.

К сообщению приложена фотография, и Хесс нажимает на нее, чтобы укрупнить картинку. Снимок сделан с расстояния в четыре-пять метров от объекта – Марк узнает мусоросборник в коридоре этажом ниже танцевального зала в том торгово-развлекательном центре, где они отыскивали Йесси Квиум. Двое стоят вплотную друг к другу, и занятие их не вызывает никаких сомнений. Впереди – Йесси Квиум, на ней та же одежда, что и сейчас на Ту́лин, а позади – Николай Мёллер со спущенными до щиколотки штанами.

В голове у Хесса одновременно взрываются тысяча мыслей.

– Когда вы получили сообщение?

– Отпустите меня. Я ничего не делал!

– Когда, я вас спрашиваю?

– Полчаса назад. Что здесь, черт побери, происходит?

Хесс впивается в него взглядом. А потом отпускает его руку и бежит к двери.

Садовое товарищество «Гамак» в Вальбю, на котором располагается чуть более ста участков, на зиму закрывается. Летом в этом городском оазисе кипит жизнь, но с наступлением осени хозяева запирают свои деревянные домишки и оставляют их пустовать до прихода весны. И лишь в единственной халупе, одной из принадлежащих копенгагенскому муниципалитету, сейчас горит свет.

На дворе глубокая ночь, но Йесси Квиум все еще бодрствует. За окном трещат на диком ветру ветви деревьев; порою кажется, что он вот-вот снесет крышу маленького, на две комнатки, деревянного домика. Запах внутри совсем не такой, как летом. Йесси лежит в спальне на постели вместе со своей спящей глубоким сном дочуркой и видит лишь полоску пробивающегося из гостиной в щелку под дверью света. Она все еще до конца не может осознать, что там и вправду сидят двое полицейских, охраняющих ее и Оливию. Нежно проводит рукой по щеке дочери. Она редко ласкает Оливию, и хотя слезы готовы хлынуть у нее из глаз, и в минуту просветления Йесси призналась самой себе, что дочка – это единственное, что сообщает хоть какой-то смысл ее собственному существованию, ей вдруг становится предельно ясно: Оливию придется отдать, если она вообще хочет, чтобы жизнь их обеих хотя бы чуточку стала лучше.

Да, денек выдался у нее такой, что любой драматург позавидует. Сперва унижительная сцена, что устроил ей Николай, потом забег по коридорам торгового центра, допрос в управлении полиции и, наконец, проезд в безлюдный поселок. И хотя Йесси настаивала на своей невинности, на самом деле обвинения, о которых она узнала в полиции, потрясли ее. Обвинения в том, что она пренебрегает материнскими обязанностями и избивает Оливию, как утверждал автор заявления в муниципалитет. Вернее, не столько обвинения сами по себе так подействовали на нее, нет, – их она и раньше слышала достаточно. Совесть ее теперь растревожило то, с какой серьезностью отнеслись к этой истории два сыщика, что допрашивали ее. Они вели себя совсем не так, как чинари из муниципалитета. Они вроде как знали, что на самом деле происходило с нею и Оливией. Она, конечно,

сама себя распалила, кричала и орала, как, по ее представлениям, и должна поступать оскорбленная мать, но как бы вдохновенно и убедительно, с ее точки зрения, она ни врала, те ей не верили. И хотя Йесси никак не могла уразуметь, для чего нужно было помещать их с дочкой под охрану в холодный и сырой деревянный домишко, она по крайней мере точно знала одно: во всем этом виновата она сама. Как, впрочем, и во многом другом.

Когда они с Оливией остались вдвоем в спальне, Йесси сперва подумала, что ей удастся собрать волю в кулак. И полностью измениться за одну ночь. Поставить крест на пьянках-гулянках, прекратить унижаться в вечной попытке поймать кого-нибудь на крючок, чтобы иметь основания чувствовать себя любимой. Она уже удалила номер Николая из памяти своего телефона, потому что больше не желает иметь с ним дело. Но сумеет ли она сдержать данное самой себе слово? У нее ведь и до него была куча других, и парней, и девок, и собачья ее жизнь давным-давно стала уже и жизнью Оливии, ведь бедная девочка со всем смирилась и принимает маманины выкрутасы как должное. Долгие дни в пригготовительном классе, одиночество на игровых площадках, разгульные вечера в барах и даже утренние застолья с совершенно чужими ей людьми, которых Йесси притаскивала домой и позволяла им делать все что душе угодно, лишь бы они хоть как-то скрашивали ее серое существование. Она ненавидела свою дочь и избивала ее. И порой лишь мысль о пособии на ребенка, выплачиваемом местными властями, удерживала ее, иначе она давно отказалась бы от дочери.

Но как бы Йесси ни сожалела о прошлом, как бы ни хотела изменить свою жизнь, она знала, что самой, в одиночку, ей не справиться.

Осторожно, чтобы не разбудить Оливию, Йесси вылезает из-под перины. Она стоит босыми ногами на ледяном полу, но все же прежде чем надеть обувь, сначала потеплее закутывает дочку и только потом направляется к двери.

Мартин Рикс прокручивает на своем смартфоне странички сайта «Порнохаб» с обнаженными женщинами. В животе у него бурчит. Он уже двенадцать лет как служит сыщиком и все эти годы грустит, когда его отправляют на такое занудное задание, как сегодня ночью. И тогда только порнографический сайт «Порнохаб», букмекерский портал «Бет365» и суши могут, среди немногих других вещей, скрасить долгое ожидание. Мартин просматривает дальше бесконечный ряд порнографических картинок, но сколько бы ни попадалось ему на глаза силиконовых сисек, сапог на высоченных каблуках и бандажных тесемок, ничто не может утишить чувство досады, которое он испытывает при мысли об этом говнюке Хессе и вброшенной в медийное пространство бомбе о деле Хартунг.

Когда шесть лет назад Мартина Рикса перевели из участка района Беллахой в убойный отдел, его наставником стал следователь Тим Янсен. Рикс поначалу невзлюбил этого здоровенного высокомерного чувака с сильным испытующим взглядом. У Янсена всегда была наготове веселая шуточка в его адрес, отчего Мартин, не обладавший даром красноречия, чувствовал его превосходство и ставил своего наставника в один ряд с однокашниками из школы в Риббе, что считали Рикса туповатым. По крайней мере, до тех пор, пока ему не выпал шанс как следует отдубасить насмешников. Потом, однако, выяснилось, что Янсен, в отличие от одноклассников Рикса, ценил своего напарника за его выносливость и полное презрение к людям. В первые полгода испытательного срока Мартина эти двое проводили все время вместе, будь то в автомобиле, в допросной, в комнате для летучек, раздевалке или столовой, и когда Рикса зачисляли в штат, они сообщили руководству, что и дальше хотели бы работать в паре. За шесть лет дружбы они изучили друг друга вдоль и поперек, и надо сказать, что, несмотря ни на какие перемены в руководстве отдела, прочность положения этой сладкой парочки сомнению не подвергалась. Во всяком случае, до того, как две недели назад не объявился этот козел из Гааги.

Нет, Хесс надежд явно не оправдывал. Возможно, он и был хорош когда-то, давным-давно, когда работал в отделе, но теперь загордился от осознания принадлежности к элите, как и все эти придурки из Европола. С тех давних времен Хесс запомнился молчаливым и малость заносчивым волком-одиночкой, и Рикс даже почувствовал облегчение, когда пришла пора расстаться с ним. Но теперь вот он и Европолу встал поперек горла, и вместо того, чтобы заняться чем-нибудь полезным для отдела, Хесс позволил себе поставить под сомнение результаты расследования, которое на сегодняшний день считается главным достижением Рикса и Янсена.

Мартин по-прежнему помнил в деталях все происходившее в октябрьские дни прошлого года. Давление на них оказывалось небывалое. Рикс с Янсенем вкалывали круглосуточно, и именно они с подачи анонимного источника взяли, допросили и задержали Линуса Беккера и инициировали обыск у него дома. Когда несколько дней спустя они снова допрашивали подозреваемого в управлении, Рикс нутром почувствовал, что этот допрос станет решающим. На руках у них были козыри – косвенные и прямые улики, которые они могли предъявить ему. Ну и, разумеется, малый в конце концов вынужден был написать признательные показания. Облегчение они испытали огромное и славно отпраздновали победу, напившись до положения риз и закончив свои похождения поздним утром следующего дня игрой на бильярде в баре «Макклуд» на Вестербро. Да, конечно, труп девочки они так и не нашли, но отсутствие вишенки вкуса самого торта не испортило.

И тем не менее теперь Рикс сидит в холодной халупе в садовом товариществе «Гамак» в Вальбю и разыгрывает роль няньки при мамашке-алкашке. И все это из-за Хесса и этой гребаной Тулин... Пока они и все остальные вместе с Янсенем делают дело в Урбанпланен, где происходит все самое интересное, он так и будет сидеть здесь и глядеть, как сова из дупла, и надеяться, что в лучшем случае его сменят в шесть тридцать утра.

Внезапно открывается дверь в спальню. В гостиную выходит женщина, которую он назначен охранять. На ней только футболка и туфли на босу ногу. Рикс кладет мобильник на стол. Вид у женщины недоуменный.

– А где другой полицейский?

– Надо говорить не полицейский, а сыщик.

– И где другой сыщик?

И хотя ее это вообще-то не касается, Рикс снисходит и объясняет ей, что тот отправился за суши на Ланггаде в Вальбю.

– А ты чего спрашиваешь?

– Да так просто... Мне хотелось бы поговорить с двумя следователями, они меня сегодня допрашивали.

Хотя мамашка-алкашка стоит позади дивана, Рикс отмечает, что попка у нее знатная, и какое-то время размышляет, есть ли у него шанс и успеют ли они покувыркаться на диване до возвращения напарника с двумя порциями суши. Сколько раз в воображении Рикса разыгрывалась такая сцена: перепихнуться с находящейся под защитой свидетельницей, которую он охраняет... Это круто. Вот только мечта до сих пор не воплотилась в жизнь.

– Я хочу рассказать им правду. И еще хочу поговорить с кем-нибудь, чтобы мою дочь передали в хорошие руки, пока я со своими проблемами не разберусь.

Вот те на, Рикс-то совсем на другое рассчитывал... И он сухо отвечает, что придется ей еще подождать, пока не откроется офис соцзащиты. А вот «правду» он с удовольствием выслушает. Но не успевает женщина открыть рот, как раздается звонок его мобильного телефона.

– Это Хесс. Всё о'кей?

Хесс явно взвинчен. Рикс слышит в трубке, как он хлопает дверцей машины и заводит мотор. Мартин Рикс из кожи вон лезет, желая придать голосу надменные нотки:

– А почему бы и не быть всему о'кей? Что у вас?

Ответа Рикс не разбирает, потому что в этот момент у калитки срабатывает автомобильная сигнализация. Высокие звуки сирены звучат так, будто горнист выдувает сигнал тревоги, и заставляют напрячь нервы. Обернувшись, Мартин видит, что огни дальнего света и мигалки на крыше забегали, точно огоньки карусели в «Тиволи».

Рикс в недоумении, ведь рядом с машиной никого нет. Он все еще держит мобильник у уха, и в ответ на вопрос говнюка Хесса говорит, что сработала сигнализация. И чувствует при этом, что тот насторожился:

– Из дома не выходи. Мы едем.

– Зачем едете? Что случилось?

– Не выходи из дома и охраняй Йесси Квиум. Ты слышал, что я сказал?

Помедлив секунду, Рикс прерывает связь и теперь слышит только завывания сигнализации. Что ж, если Хесс думает, что он подчинится его приказу, то жестоко ошибается.

– Что случилось? – Теперь уже мамашка-алкашка задает ему этот вопрос, испуганно глядя на него.

– Ничего. Иди спать.

Ответ ее не убеждает, но возразить она тоже не успевает, потому что из спальни доносится детский плач, и Йесси спешно возвращается к дочери.

Рикс кладет мобильник в карман и расстегивает ремешок наплечной кобуры. Нет, он не дурак, и разговор с Хессом дает ему понять, что ситуация резко изменилась. У него появляется шанс – может быть, единственный шанс – заткнуть всем им глотку. И Хессу, и Ту́лин, и – в первую очередь – Каштановому человеку, как сегодня стали называть преступника журналисты. Скоро сюда примчится группа захвата, но пока сцена пуста, а он готов выйти на подмости...

Мартин достает из кармана куртки ключи от машины и открывает дверь. Ветер бушует в кустах и ветвях деревьев, и Рикс с пистолетом в руке ступает по садовой тропинке, точно по красной ковровой дорожке.

Оливия хотя и сидит в постели возле деревянной стены, но все же еще не совсем проснулась.

– Мам, что случилось?

– Да ничего, милая. Ложись и спи. – Йесси подходит к постели, садится и гладит дочку по ее длинным волосам.

– Я не смогу заснуть, когда такой шум, – шепчет Оливия и прижимается к матери, но как раз в этот момент сигнализация смолкает.

– Ну вот, все и кончилось. Спи, маленькая.

Через мгновение девочка снова засыпает. Йесси долго смотрит на нее и думает, что разговор с полицейским немножко помог ей. Этого, конечно, недостаточно, и вообще-то она разговорилась с ним, чтобы хоть чуть-чуть облегчить душу. Но внезапно сработавшая сигнализация вселила в нее такой ужас, какого раньше она никогда не испытывала. Правда, теперь, когда сирена замолкла и откуда-то из сада доносятся звуки рингтона мобильного полицейского, она чувствует, что испугалась понапрасну. Но тут же до нее доходит, что полицейский-то трубу не берет. Йесси напряженно вслушивается. Звонки прекращаются. Затем они возобновляются, но и на сей раз на вызов никто не отвечает.

* * *

Йесси Квиум выходит на крыльцо, и ветер взметает ее волосы. Обувь у нее надета на босые ноги, но на улице жутко холодно, и она уже жалеет, что не завернулась в одеяло. Снова раздается звук рингтона, где-то там, возле полицейского автомобиля без опознавательных знаков, но сыщика нигде не видно.

– Эй! Ты где?

Осторожными шагами Йесси подходит ближе к живой изгороди и к машине, стоящей на покрытой щебнем дороге за калиткой. Еще шаг – и она выйдет на дорогу и увидит автомобиль и, наверное, мобильник,

звонок которого звучит где-то совсем поблизости. Но тут Йесси вспоминает слова, сказанные на допросе в управлении полиции. Опасность для ее жизни – вот о чем они говорили. Жуткий страх охватывает все ее существо. Со стороны ветвистых деревьев и голых кустов медленно подкрадывается угроза и тянется к ее голым ногам. Йесси поворачивается и со всех ног мчится назад, поднимается на крыльцо, вбегает в дом через открытую дверь и тут же захлопывает ее за собой.

Из недавнего телефонного разговора полицейского ей известно, что помощь вот-вот подоспеет, и она старается не паниковать. Запирает дверь и придвигает к ней комод. Потом выбегает на кухню, где есть место для малюсенького душа с туалетом, убеждается, что все двери и окна закрыты, находит в кухонном столе длинный нож и забирает его с собой. В окно ей не разобрать, что происходит в задней части сада, и тут она понимает, что сама-то просто купается в море света. И если кто-то там есть – а она уже не сомневается, что это так, – ему видно каждое ее движение. Йесси молниеносно возвращается в гостиную, лихорадочно водит рукой по стене, после двух неудачных попыток находит нужный выключатель и гасит свет во всем доме.

Затем стоит не дыша, вслушивается в темноту и всматривается в заднюю часть сада. Никого и ничего. Только ветер, не оставляющий попыток снести домишко с лица земли. До Йесси вдруг доходит, что в спешке она отрубилась и рефлектор. Наклоняется и снова включает аппарат. Обогреватель начинает гудеть, и в слабом красноватом свете его индикатора на стуле, где совсем недавно сидел полицейский, Йесси вдруг замечает маленькую фигурку.

Она не сразу понимает, что это каштановый человечек с воздетыми кверху ручками-спичками. И хотя вид у него совершенно обычен, ее охватывает дикий ужас. Ведь не было же никакого человечка на этом стуле, когда пару минут назад она выскочила из дома в поисках полицейского!

Когда же Йесси вновь поднимает взгляд, ей кажется, будто в темноте прямо перед нею возникает живое существо. Она собирается с силами – и начинает рубить ножом воздух перед собой.

Служебный автомобиль на полной скорости въезжает в ворота садового товарищества и несется дальше по подсыпанной щебенкой дороге. На маленьких участках с небольшими домишками темно, хоть глаза выколи, и только дальний свет выхватывает впереди полицейскую легковушку без опознавательных знаков. Ту́лйн на полной скорости подъезжает к ней, и Хесс сразу же выпрыгивает на улицу.

На дороге валяются две коробки из-под суши, а рядом молоденький оперативник склоняется над лежащим на земле телом. Заметив Хесса, он зовет его на помощь и неловко пытается унять кровь, хлещущую из глубокой резаной раны на шее Мартина Рикса. Тот корчится в предсмертных судорогах, его недвижный взгляд направлен на склонившиеся над ним ветви деревьев, а Хесс бежит дальше к дому. Дверь заперта, но Марк вышибает ее ударом ноги и, навалившись всем телом, отодвигает подпирающий ее комод. Тычет дулом пистолета во все стороны, и когда глаза привыкают к темноте, различает валяющиеся на полу стол и стулья, как будто совсем недавно здесь произошла страшная драка. В спальне на кровати сидит, вцепившись в край перинки, Оливия, однако самой Йесси Квиум нигде не видно. Ту́лйн показывает на распахнутую дверь, ведущую из кухни в заднюю часть сада. Промчавшись мимо огромной яблони, они в три прыжка преодолевают пологий спуск, добираются до отделяющего участок от соседнего штакетника, но никого обнаружить им не удается. Ряд темных, продуваемых всеми ветрами садилов тянется вплоть до многоэтажных домов на бульваре. Только возвращаясь к дому, они находят ее. Нижние ветки яблони, оказывается, вовсе не ветки, а голые ноги Йесси Квиум. Тело ее размещено в том месте, где ствол разделяется на три. Она как бы сидит на самом толстом суку, а ноги неестественным образом торчат в стороны. Голова склонилась набок, и безжизненные руки, поддерживаемые ветками, словно бы вздеты к небу.

– Мама!

Сквозь шум ветра до них доносится растерянный голос Оливии, и возле двери в кухню они различают размытые контуры фигурки вышедшей на холод девочки. Хесс не в силах пошевелиться и остается возле яблони, а Ту́лин мигом взлетает по склону и увлекает девочку за собой в помещение. Хотя вокруг кромешная тьма, Хессу видно, что руки Йесси Квиум несообразно коротки, и одна нога – тоже. Подойдя ближе, он замечает во рту у нее каштанового человечка с распростертыми ручками-спичками.

Вторник, 20 октября, наше время

Тулин быстрым шагом идет под дождем, посматривая на указатели. Вода уже просачивается в сапоги, но наконец-то она видит табличку, показывающую, что квартира 37С находится в противоположной стороне.

Дело происходит ранним утром – Найя только что отвезла дочку в школу. А всего лишь несколько дней назад она стояла посреди жилых корпусов Урбанпланена и ведать не ведала, что Хесс тоже проживает в квартале социального жилья... Впрочем, факт этот ее ничуть не удивляет. Доброжелательные, но все же и настороженные взгляды женщин в хиджабах и платках подсказывают ей, что здесь она привлекает внимание, и, оглядываясь по сторонам в поисках дороги к 37С, Тулин снова с раздражением задается вопросом, почему Хесс затаился, тогда как весь город стоит на ушах.

* * *

Вот уже скоро как четверо суток средства массовой информации поставляют в медийное пространство стэндапы и репортажи с мест преступлений, из Кристансборга, из управления полиции и экспертно-криминалистического отдела. Повсюду мелькают фотографии трех убитых женщин и Мартина Рикса, испустившего дух на покрытой щебенкой дороге в садовом товариществе. Интервью со свидетелями, соседями, родственниками, высказывания экспертов и их оппонентов, а также полицейских чинов – в первую очередь Нюландера – вновь и вновь оказывающегося перед микрофонами, часто в параллель интервью министра юстиции. И к тому же продолжает раскручиваться история с Розой Хартунг, потерявшей дочь, а теперь еще и вынужденной терпеть унижения из-за слухов о том, что расследование якобы не доведено до конца и дело, возможно, так и не раскрыто. Правда, журналисты в новостных редакциях стали прозревать и вроде бы понимают, что уже повторяются, так что теперь в основном на все

лады гадают, когда же в очередной раз произойдет неслыханное злодеяние.

Начиная с пятницы, Хесс и Ту́лин недосыпали. Вызванные убийством в садовом товариществе эмоции не то чтобы улеглись, но притупились в связи с необходимостью заняться черновой работой. Вечными опросами и допросами, телефонными разговорами, сбором информации об Урбанпланен и садовом товариществе, а также выяснением родственных и любовных связей Йесси Квиум. Шестилетнюю ее дочь, к счастью, не увидевшую мать мертвой, направили на обследование, и врачи выявили, что девочка забита, недоедала и что против нее предпринимались действия насильственного характера, а говоря попросту, ее поколачивали. Один психолог, не отвлекаясь на другие темы, поговорил с ней только о том, какие чувства она испытывает, узнав о смерти матери. И написал в заключении, что искренне порадовался умению маленького ребенка так точно и убедительно выражать свои горестные чувства. Этот факт, несмотря на прочий негатив, давал надежду на то, что девочка выправится. Тем более что родные бабушка и дедушка Оливии, проживающие в Эсбьерге, с большим удовольствием взяли ее к себе на воспитание. Впрочем, им придется немного подождать, пока дело об опеке не будет рассмотрено в соответствующих инстанциях. И еще: благодаря вмешательству Ту́лин и девочку, и бабуку с дедом удалось оградить от назойливого внимания журналистов, только и мечтавших о случае сообщить публике последние новости о Каштановом человеке.

Ту́лин страшно возмущает, что пресса таким образом демонизирует убийцу, потому как в первую очередь была более чем уверена, что он-то как раз и заинтересован в нагнетании атмосферы страха, а ажиотаж вокруг этой истории, не исключено, даже вдохновляет его на новые преступные деяния. Генц и его эксперты пахали круглыми сутками, но пока что никаких реальных результатов их усилия не принесли. Ничего не дал и тщательный анализ сообщения преступника, поступившего на мобильный телефон Николая Мёллера, и ни одно из свидетельских показаний не позволяло заподозрить кого-либо в слежке за Йесси Квиум ни в Урбанпланен, ни в тот день в торговом центре, хотя Хесс с Ту́лин побывали там снова, чтобы еще раз просмотреть записи с камер видео-наблюдения. В общем, как и в случае с убийством Лауры Кьер и Анне Сайер-Лассен,

им не удалось отыскать ни одного следа преступника, словно все их и вправду смыло дождем.

Были, впрочем, данные судебно-медицинской экспертизы, свидетельствовавшие, что Йесси Квиум умерла примерно в один час двадцать минут ночи. Для ампутации использовался тот же инструмент, что и в двух других случаях. И еще стало известно, что производилась она при жизни жертвы – во всяком случае, что касается рук. Ну и, разумеется, экспертиза подтвердила, что отпечатки пальцев на маленькой фигурке каштанового человечка, обнаруженного на сей раз во рту жертвы, принадлежат Кристине Хартунг. И еще следствие пришло к единому мнению, что анонимные заявления по поводу всех трех убитых женщин написаны одним и тем же лицом. В то же время никто из сотрудников муниципалитета не смог оказать сыщикам действенной помощи, а изучение электронных посланий и их таинственной связи с иностранными серверами не вывели следствие на отправителя. И, словно подчеркивая безвыходность ситуации, Нюландер распорядился приставить охрану к включенным в шорт-лист женщинам, в адрес которых также поступили анонимные заявления с аналогичными обвинениями, а также приказал всем своим сотрудникам привести себя в полную боевую готовность.

Да и вообще события последних дней повлияли на настроения в управлении. Как сыщик Мартин Рикс, возможно, и не являлся светочем разума, но как сотрудник, за шесть лет всего лишь дважды не явившийся на службу, он стал такой же неотъемлемой частью ведомства, как и изображение булавы над главным входом в его здание. Более того, выяснилось, что Мартин был обручен, и эта новость большинство его коллег просто-напросто ошарашила. Вчера в двенадцать часов в управлении провели минуту молчания в память Рикса, и молчание это стало весьма красноречивым. Коллеги не скрывали слез, и следственная бригада еще теснее сплотила ряды, как всегда бывает, когда полицейский погибает при исполнении служебных обязанностей.

Для Ту́лин же и Хесса самый главный вопрос заключался в том, каким образом преступнику удалось обвести их вокруг пальца в ночь убийства. Они устроили засаду в Урбапланен, но он узнал об этом. По каким каналам, Ту́лин не ведала, однако случилось так, как случилось. Затем преступник наведался в садовое товарищество, что имело бы

смысл, если б ему заранее было известно, что Йесси Квиум с дочерью провели там неделю прошлым летом и потому, возможно, и теперь находились в том же домике. Эсэмэска Николаю Мёллеру отправлена еще до убийства, а если быть совсем точным, в ноль тридцать семь с телефона с незарегистрированной сим-картой откуда-то из товарищества, и это было еще более страшным открытием. Отправляя сообщение, убийца был уверен, что оно вынудит сбитого с толку неверного супруга отправиться в Урбанпланен и, соответственно, оказаться в руках полиции. Все это убеждало Тулин, что целью преступника как раз и было заставить их признать себя проигравшими и выставленными на всеобщее осмеяние. Точно так же, как и тогда, когда он послал эсэмэску на мобильник Лауры Кьер после того, как умертвил ее. И ничего удивительного, что все это, вкуче с отсутствием реальных результатов огромной работы стольких людей, и привело вчера вечером к жесткому разбору полетов у Нюландера.

– Какого дьявола ты трусишь? Почему ты запрещаешь нам допросить Розу Хартунг? – Хесс вновь настаивал, что убийства так или иначе связаны с министром соцзащиты и исчезновением ее дочери. – Какой смысл рассматривать эти два дела порознь? Отпечатки пальцев на трех каштановых человечках – самое убедительное из всех возможных доказательство, что дела связаны между собой. И это еще не конец истории. Сперва он отчленил одну кисть, потом – обе, а теперь еще и ступня добавилась. И что, по-твоему, преступник собирается сделать в следующий раз? Да ведь это даже ежику понятно! Роза Хартунг – либо ключ ко всему, либо возможная цель.

Однако Нюландер, сохраняя полное спокойствие, вновь и вновь повторял, что уже допрашивал министра, у которой, кстати сказать, есть и другие проблемы.

– Какие еще проблемы? Ничего важнее этой у нее и быть не может!

– Расслабься, Хесс.

– Да я просто спросил.

– По данным спецслужб, за последние пару недель неизвестный или неизвестные прислали ей несколько сообщений с оскорблениями и угрозами.

– Что-что?

– И ты даже не подумал нас об этом предупредить? – вмешалась в перепалку Ту́лин.

– Нет, потому что никакой связи с делами об убийствах это не имеет. Вот последний случай. Как утверждает спецслужба полиции, двенадцатого октября на радиаторе министерского автомобиля намалевали надпись с угрозами – в тот момент, когда преступник, по всей вероятности, уже преследовал Анне Сайер-Лассен.

В общем, встреча закончилась скандалом. Хесс с Нюландером расстались чуть ли не врагами, и Ту́лин оставалось только попытаться избавиться от ощущения, что подобное выяснение отношений весьма однозначно характеризует ситуацию с расследованием.

* * *

Дождь наконец-то перестал раздражать Найю, но лишь потому, что она вошла в крытую галерею, в конце которой и располагается квартира 37С. По обе стороны от двери возвышается куча банок с краской, лаком и растворителем, а проход загораживает какой-то агрегат, используемый, как решила Ту́лин, для циклевки полов.

– Так это тебе он названивал насчет полов? – спрашивает невысокого росточка пакистанец, только что подошедший по галерее вместе с маленьким кареглазым мальчиком. На пакистанце кричащий оранжевый дождевик, как будто он собрался напрямик в Гуантанамо^[30], однако садовые перчатки и мешки для мусора у него в руках свидетельствуют, что он намеревается просто убрать с территории комплекса опавшие листья.

– Здо́рово, что ты профессионал, а то у этого парня руки что крюки, хотя сам-то он считает себя Строителем Бобом. До которого ему далеко, как до луны... А ты знаешь Строителя Боба?

– Ну... да.

– Правильно, что он решил продать квартиру. Здесь ему не место. Но для этого ее надо привести в порядок. Ну да, я, конечно, покрасил стены и потолки, потому что сам он лопату от кисти отличить не может. Но уж полы я ему циклевать не стану. Да и сам он такими глупостями заниматься не будет.

– И я не буду. – Найя, чтобы отделаться от собеседника, показывает ему свой полицейский жетон, но тот, слегка озадачившись, остается на месте и смотрит, как она стучит в дверь.

– Так, значит, ты не квартиру покупаешь? Выходит, пока все по-старому остается...

– Нет. А ты не знаешь, Строитель Боб дома?

– Посмотри сама. Он дверь никогда не запирает. – Пакистанец слегка отесняет Ту́лин в сторону и толчком плеча открывает незапертую дверь. – Вот еще тоже проблема... Ну кому, скажи на милость, здесь, в Парке Одина, взбредет в голову не запирать свою квартиру? Я ему говорил, а он отвечает, что у него, видишь ли, красть нечего, так что ему все одно, но... Аллах акбар!

Маленький пакистанец теряет дар речи, и Ту́лин прекрасно его понимает. В пахнущем свежей краской помещении вещей немного. Стол, пара стульев, пачка сигарет, мобильный телефон, контейнер с едой на вынос да несколько банок с краской и малярные кисти на покрытом газетами полу. Да, судя по всему, Хесс бывает здесь лишь урывками. И Найе почему-то кажется, что и в его квартире в Гааге, или где он там еще обретается, мебели не больше, чем здесь. Однако вовсе не интерьер привлекает ее внимание, а стены.

На них повсюду развешаны разномастные листочки, фотографии и газетные вырезки, а между ними видны слова и буквы, написанные прямо на обоях. словно огромная причудливая паутина, эти материалы покрывают две только что выкрашенные стены; ярко-красным маркером выведены затейливые стрелы, стрелочки и рисунки, соединяющие различные фрагменты друг с другом. По-видимому, картина начиналась в углу с записи об убийстве Лауры Кьер и потом постепенно дополнялась материалами о прочих преступлениях, включая убийство Мартина Рикса. А еще – подчеркнутыми фломастером фигурками каштановых человечков, именами участников событий и названиями мест убийств, обозначенных либо фотографиями, либо надписью фломастером от руки сверху прямо на стене. Что же до записей на отдельных листках, то в ход шли чеки, квитанции и куски картона, к примеру, от коробки из-под пиццы. Впрочем, судя по всему, материал для таких записей у автора закончился. И потому внизу красуется вырванная из газеты фотография министра Розы Хартунг с указанием даты ее

политического камбэка, от которой нарисованная фломастером стрелка ведет к убийству Лауры Кьер. И подобные стрелки множатся и множатся, складываясь в какую-то необозримую сеть стрелок, приводящих в конце концов к отдельной колонке, над которой написано: «Кристиансборг», «угрозы», «оскорбления», «спецслужба». И над всей этой сетью красуется старое газетное фото двенадцатилетней Кристине Хартунг и выведенное маркером поле, в котором заглавными буквами написано «Линус Беккер», и рядом, прямо на стене, сделаны какие-то заметки. Большинство их нечитабельно – видимо, потому, что Хесс еле-еле мог дотянуться дотуда, даже забравшись на верхнюю ступеньку стремянки, все еще стоящей на полу.

Ту́лин рассматривает гигантскую паутину со смешанными чувствами. Когда они расставались вчера вечером, Хесс был замкнут и немногословен, и, не сумев дозвониться до него сегодня с утра, она уже даже и не знала что думать. Но если судить по тому, что она увидела на стенах, парень не сдался. Однако с другой стороны, это полотно явно свидетельствовало, что у его автора проблемы с головой. Вполне возможно, он предполагал таким вот образом создать для себя связную, цельную картину происходящего, но закончил-то ее совсем в другом ключе. И даже одаренному шифровальщику или нобелевскому лауреату по математике было бы сложно не поддержать рекомендацию автору избавиться от идеи фикс или вообще лечиться от психического заболевания.

Увидев, что случилось со стенами, маленький управдом разразился невероятным количеством пакистанских ругательств и ничуть не утихомирился при внезапном появлении в дверях квартиры запыхавшегося Хесса. Его черная футболка, шорты и кроссовки промокли насквозь, и от находившегося долгое время на холоде тела исходит легкий пар. Ту́лин не ожидала, что он такой мускулистый и жилистый; впрочем, при всем при том Хесс явно не в форме.

– Ты о чем думаешь?! Мы же только что все покрасили.

– Я снова покрашу. Ты же сам говорил, что красить надо минимум дважды. – Хесс левой рукой опирается на дверной косяк, а в правой держит свернутую в трубочку прозрачную папку.

– Да *уже* дважды покрасили! Даже трижды!

Кареглазый мальчик устал ждать отца, и пакистанец против воли выходит в галерею. Ту́лин бросает короткий взгляд на Хесса и отправляется вслед за управдомом.

– Подожду в машине. Нюландер требует нас к себе. Через час мы допрашиваем Розу Хартунг в министерстве.

– Не помешаю? – Тим Янсен стоит в дверях. У него круги под глазами, чужой отсутствующий взгляд, и Нюландер чувствует исходящий у него изо рта похмельный запах.

– Нет, заходи.

За спиной Янсена привычно для начала рабочего дня спуют туда-сюда сотрудники отдела. Еще вчера после торжественной церемонии прощания с Мартином Риксом Нюландер отказался вернуть Янсена в состав следственной группы, так что принять его он решил вовсе не по этой причине. Просто он видел, что тот не ответил на приветствие только что покинувших его кабинет Хесса и Тулин и прошел мимо них, глядя прямо перед собой, будто вовсе их не заметил. Вот и счел необходимым уделить ему немного времени.

Встреча с Тулин и Хессом выдалась недолгой. Утром Нюландер связался с Министерством соцзащиты, и министр Роза Хартунг через своего советника Фредерика Фогеля передала, что с удовольствием поможет им и сообщит все сведения, каковыми располагает.

– Однако, поскольку министр не находится под подозрением и ничем на скомпрометирована, мы считаем, что речь должна идти не о допросе, а просто о беседе.

Нюландер решил, что советнику не по нраву идея встречи министра с полицейскими и он наверняка рекомендовал ей вообще избежать «беседы». И, по-видимому, министр сама предложила помочь следствию. Но, несмотря на это сообщение, Хесс, который все больше и больше раздражал Нюландера, остался в кабинете.

– Значит ли это, что ты возобновляешь расследование дела об исчезновении Кристине Хартунг?

Нюландер уловил, что Хесс завел речь об «исчезновении», а не о «смерти» Кристине Хартунг.

– Это даже не обсуждается. И если тебе сложно это усвоить, можешь снова поехать в Урбанпланен и допросить там местных.

Вообще-то не далее как вчера поздно вечером Нюландер еще раз задвинул вопрос о допросе Розы Хартунг в долгий ящик, однако давление на отдел все возрастало. Увиденное в садовом товариществе

вспоминалось ему, как кошмарный сон, а после убийства Мартина Рикса расследование стало личным делом для многих сотрудников. Человеческая жизнь есть человеческая жизнь, и, по идее, не должно быть никакой разницы, полицейского убили или кого бы то ни было еще, но хладнокровное убийство тридцатидевятилетнего сыщика, на которого, по оценке судмедэкспертов, напали со спины и перерезали ему сонную артерию, отложится в ДНК каждого, кто давал клятву при вступлении в полицейское братство.

Сегодня в семь часов утра Нюландера попросили изложить свое видение ситуации на совещании у руководства. Конечно, в принципе, было несложно рассказать о высокой боевой готовности личного состава, а также поведать о многочисленных запланированных следственных мероприятиях, от которых они ожидают реальных результатов. Но хотя он ни разу не назвал ее имени, во время его доклада над высоким собранием витала тень Кристине Хартунг. И возникало ощущение, будто все присутствующие только и ждут окончания его выступления, чтобы наконец-то можно было задать главный вопрос несуществующей повестки дня об этих гребаных отпечатках пальцев на каштановых человечках.

– В свете произошедшего не возникло ли каких-либо сомнений в исходе дела Кристине Хартунг?

Начальник окружного управления полиции сформулировал свой вопрос на дипломатический манер, но прозвучал он все равно издевательски. Так, во всяком случае, воспринял его Нюландер. Вопрос, конечно, и вправду был самым главным на совещании, и Нюландер почувствовал на себе взгляды всех его участников. Любой из присутствовавших руководителей почел бы за счастье не оказаться на его месте, ибо путь к ответу на этот вопрос был нашпигован минами в не меньшей степени, чем какая-нибудь дорога для гуманитарных конвоев на Ближнем Востоке. Тем не менее Нюландер ответил. Если рассматривать дело Хартунг отдельно, нет никаких оснований полагать, что оно не раскрыто. Расследование проведено тщательнейшим образом, все возможные версии проверены, прежде чем материалы были переданы в суд, и виновный понес заслуженное наказание.

С другой стороны, существовали, конечно, эти не совсем четкие отпечатки пальцев на трех каштановых фигурках, найденных на

местах убийств трех женщин. Впрочем, они могли означать все что угодно. К примеру, подпись под критическим высказыванием в адрес министра соцзащиты и руководителей органов опеки, и потому министра, само собой разумеется, следует обеспечить серьезной охраной. А каштаны вполне могли быть приобретены в импровизированном киоске Кристине Хартунг до ее смерти. Но все это пока неизвестно – за одним, впрочем, исключением: нет свидетелей, показавших бы, что Кристине Хартунг жива и находится в добром здравии. А чтобы коллеги не возникали, Нюландер заявил, что преступник, возможно, специально запутывает следствие, и потому, дескать, профессионалам следовало бы сосредоточиться на фактах и уже добытых доказательствах.

– Но, как утверждает сарафанное радио, не все твои сыщики разделяют такую точку зрения.

– Значит, ты что-то не так понял. Возможно, речь идет об одной ну очень уж творческой личности, но это и не удивительно – ведь личность сия не принимала участия в нашем расследовании в прошлом году.

– О ком мы, черт побери, говорим? – задал вопрос один из главных инспекторов полиции.

Заместитель Нюландера поддержал шефа, объяснив, что речь идет об офицере связи Марке Хессе, у которого возникли проблемы в Гааге и которого отправили домой от греха подальше, пока не прояснится его будущее. Услышав неодобрительные реплики других присутствующих в адрес офицера связи, еще больше осложнившего отношения с Европоллом, Нюландер решил, что дискуссия окончена, но тут начальник окружного управления заявил, что прекрасно помнит Хесса и знает, что тот далеко не дурак. Может быть, сейчас Хесс в разобранных чувствах и мыслях, но в свое время он был одним из лучших сыщиков, когда-либо служивших в отделе.

– Но, по-моему, ты сказал, что Хесс немножко неправильно выступил в Гааге... Что же, это прямо как бальзам на душу, тем паче что министр юстиции не далее как час назад в утренних новостях заявил, что нет никаких причин копаться далее в деле Кристине Хартунг. Тем не менее у нас четыре убийства, и один из погибших к тому же полицейский, так что нам нужны какие-то, хотя бы и предварительные, результаты. И мы бы сами себя выпороли, если б

еще раз не проверили как следует какие-то вещи – из-за необходимости спасти свою шкуру и честь мундира.

Нюландер отверг подозрения, сказав, что он вообще никого и ничего не спасает, однако недоверие к его словам словно бы повисло над столом красного дерева в зале заседаний управления. Однако Нюландер быстро соображает, и он сразу же добавил, что в том числе и поэтому сегодня отдаст приказ еще раз, и более основательно, допросить Розу Хартунг. Чтобы выяснить, не располагают ли министр и сотрудники ее министерства сведениями, которые могли бы помочь выйти на след преступника.

Затем Нюландер покинул зал заседаний с высоко поднятой головой, но стараясь ничем не выдать возникшего у него в глубине души тревожного ощущения, что тогда, во время расследования в прошлом году, они допустили ошибку.

Он много раз анализировал ход следствия, но все никак не мог взять в толк, в чем же эта ошибка заключалась. Если, впрочем, они вообще ошиблись. Зато Нюландер прекрасно знал, что может забыть о блестящей карьере – здесь ли, в управлении, в другом ли месте в пределах этого города, – если в самом ближайшем будущем они не добьются весомых результатов.

– Ты должен вернуть меня в группу.

– Янсен, мы об этом уже говорили. В группу ты не вернешься. Езжай домой. Возьми неделю отпуска.

– Домой не поеду. Я хочу помочь ребятам.

– Это исключено. Я ведь знаю, что значил для тебя Рикс.

Тим Янсен не воспользовался предложением Нюландера сесть на дизайнерский офисный стул фирмы «Эймс» и остался на месте, уставив взгляд в окно на дворик с колоннами:

– Что сейчас происходит?

– Люди вкалывают. Я сообщу, когда будут новости.

– Так... Выходит, ни хрена они не нашли, Хесс и эта сучка?

– Янсен, отправляйся домой. У тебя в башке туман. Ступай домой и пропись.

– Это Хесс во всем виноват. Это-то хоть тебе понятно?

– В смерти Рикса никто не виноват, кроме преступника. Фактически я, а не Хесс, дал добро на операцию. Так что если тебе кого и винить, так только меня.

– Рикс в одиночку из дома не вышел бы, если бы не Хесс. Хесс на него надавил.

– Не понимаю, о чем ты...

Янсен отвечает не сразу. Сперва просто смотрит в окно.

– Мы три недели почти не спали... Все силы положили – и в конце концов нашли улики и добились признательных показаний... И тут является этот говнюк из Гааги и начинает распространять слухи, будто мы на самом деле облажались. – Янсен говорит медленно, отделяя слова друг от друга, взгляд его устремлен куда-то вдаль.

– Да ерунда все это. Дело ведь раскрыто. Так что ни фиги вы не облажались. Усек?

Янсен глядит прямо перед собой, точно находится где-то совсем в другом месте, но тут звонит его мобильник, и он выходит из кабинета, чтобы ответить на вызов. Нюландер провожает его взглядом и ловит себя на внезапной мысли, что больше всего ему сейчас хочется, чтобы Хесс с Тулин добыли в беседе с министром что-нибудь стоящее.

Сотрудники Министерства соцзащиты приносят коробки и ставят их на белый стол в форме эллипса в помещении с высокими потолками.

– Все материалы будут здесь. Если вам понадобится что-то еще, скажите, – услужливым тоном говорит первый замминистра и направляется к двери. – Счастливо поработать.

В освещающих коробки солнечных лучах плавают пылинки, но тут за окнами собираются тучки, и роль солнца берут на себя лампы дизайна Поуля Хеннингсена^[31]. Оперы вынимают из коробок папки с делами, однако для Хесса они не представляют никакого интереса. Он в состоянии дежавю. Ведь всего лишь несколько дней назад он стоял в другом конференц-зале, в Копенгагенской ратуше, со стопкой других дел, и ему представляется, будто преступник поместил его в подобный кафкианскому мир абсурда с новыми делами, которые теперь придется проверять. И чем больше папок он видит в коробках, тем яснее становится ему, что заняться им следует совсем иным, что надо выйти за рамки предсказуемости; вот только неведомо ему, как это осуществить.

Вообще-то Хесс возлагал большие надежды на допрос Розы Хартунг. После невразумительного разговора с Фогелем, который напомнил им с Тулин, что они будут не допрашивать Розу Хартунг, а беседовать с нею, они вошли в кабинет министра, где та уже ожидала их. Полицейские подробно рассказали ей о каждой из жертв, но, по ее словам, она о них ничего не знала. Хесс понимал, что она действительно старалась припомнить, сталкивалась ли ранее с ними или с их родственниками, но ничего вспомнить так и не смогла. Ему даже пришлось подавлять в себе чувство сострадания к ней. Роза Хартунг, красивая, одаренная женщина, потеряла дочь и за то короткое время, что Хесс знал ее, сильно сдала. Взгляд у нее стал какой-то растерянный и поникший, точно у загнанного зверя, а когда она рассматривала фотографии и документы, было видно, как дрожат ее тонкие пальцы, хотя министр всеми силами старалась унять их.

И все же Хесс говорил с ней жестким тоном, потому как считал Розу Хартунг ключом к разгадке преступления. Трех убитых женщин объединяло нечто общее. Во всех трех случаях их дети подвергались домашнему насилию в грубой форме. Во всех трех случаях преступник рассылал анонимные заявления с призывом изъять детей из семьи. И во всех трех случаях система ошибочно отвергала обвинения в адрес их семей, не предпринимая никаких действий в защиту детей. А поскольку на месте преступления всякий раз оказывался каштановый человечек с отпечатками пальцев дочери Розы Хартунг, не исключено, что преступник тем самым хотел привлечь ее к ответственности, и эти убийства *должны* были донести до нее какое-то послание, о чем-то напомнить ей.

– Нет, не знаю. Сожалею, но ничем не могу помочь вам.

– А как вы думаете, почему в последнее время в ваш адрес поступали угрозы? Я так понимаю, что вы получили весьма неприятное электронное послание и кто-то намалевал слово «убийца» на министерском автомобиле. Как вы полагаете, кто бы это мог сделать? А главное, с какой целью?

– Контрразведчики задавали мне тот же вопрос, но у меня нет никаких предположений на сей счет.

Хесс сознательно не стал говорить, что история с автомобилем может иметь отношение к убийствам, – ведь, по данным спецслужб, надпись нанесли на радиатор машины в тот же период времени, когда случилось нападение на Анне Сайер-Лассен. То есть, судя по всему, речь идет о не связанных друг с другом происшествиях. Если, конечно, не считать, что на самом деле орудовали двое преступников в сговоре друг с другом, – но пока что не было никаких оснований рассматривать такую версию.

Тут в разговор вступила потерявшая терпение Тулин:

– Но ведь вам должно быть понятно, о чем идет речь? Ведь есть же свидетельства, что вас не все уважают. И может быть, вам известно, за что кто-то хочет отомстить вам?

Советник министра Фогель сразу же заявил, что такой резкий тон в данной беседе недопустим, однако Роза Хартунг снова подтвердила свое желание все-таки помочь следствию. Вот только ей не вполне понятно, каким образом. Всем ведь известно, что она всегда выступала на стороне детей и призывала изымать их из семей, в случае если они

подвергаются домашнему насилию. И именно поэтому министр обратилась к местным властям с просьбой ввести у себя систему приема анонимных заявлений соответствующего характера, как это уже сделано в копенгагенском муниципалитете. Защита интересов детей – главный пункт ее программы, и когда Розу Хартунг назначили министром, она первым делом призвала власти на местах активнее выступать в защиту прав ребенка. Потребность в этом была высока – ведь как раз тогда всплыли грубые нарушения в деятельности некоторых муниципалитетов в Ютландии. И, ясное дело, по этой причине у нее могли появиться противники, в первую очередь из числа чиновников, ну и, конечно, семей, на себе ощутивших ужесточение политики министерства в этом вопросе.

– Но ведь наверняка есть люди, считающие, что вы предали именно интересы детей?

– Нет, этого я представить себе не могу.

– Почему нет? Разве министру не может помешать...

– Потому, что я *не такая*. Не потому, что это меня напрямую касается, но я сама была ребенком, и мне пришлось жить в приемной семье. Так что я знаю, что это такое, и поэтому всегда буду защищать интересы детей.

В глазах министра мелькнул гневный огонек, когда она ставила Тулин на место. Для Хесса были важны и вопрос, и ответ – ведь он, ко всему прочему, понял, в чем секрет популярности Розы Хартунг. Проведя два, мягко говоря, сложных года на министерском посту, она сохранила в себе ту искренность, каковую любой политик старается отыскать в себе и выказать, выступая в прайм-тайм перед телекамерами, но ей она была присуща от природы.

– А каштановые человечки? Вы можете предположить, кому понадобилось напомнить вам о каштановых фигурках или о каштанах вообще? – Хотя на дворе и стояла осень, посыл преступника был весьма необычен, и если Роза Хартунг и вправду ключевая фигура, Хесс надеялся, что она благодаря его наводке может вспомнить нечто важное.

– Нет, к сожалению, ничего не могу вспомнить. Разве что придорожный киоск Кристине осенью. Когда они сидели за столом, она, Матильде и... Но ведь я уже об этом рассказывала.

Министр едва сдерживала слезы, и Фогель попытался закончить беседу, однако Ту́лин возразила, сказав, что Роза Хартунг еще может им кое в чем помочь. Поскольку именно она инициировала увеличение дел об изъятии детей из неблагополучных семей в муниципалитетах, Ту́лин и Хесс хотели бы ознакомиться со всеми делами такого рода, рассмотренными за время пребывания Розы Хартунг на посту министра. Преступник мог оказаться лицом заинтересованным и таким вот образом решил отомстить министру и вообще всей системе, которую она представляет. Роза Хартунг кивнула в знак согласия, и Фогель отправился к первому замминистра, чтобы тот дал необходимые указания сотрудникам. Засим Хесс и Ту́лин поднялись и поблагодарили министра за встречу, но теперь уже она ошеломила их своим вопросом:

– Прежде чем мы расстанемся, я бы хотела узнать: остаются ли еще шансы на то, что моя дочь жива?

Оба сыщика растерялись. Такой вопрос им следовало бы ожидать более всего, но тем не менее они оказались к нему не готовы. Впрочем, Хесс все-таки решился ответить:

– Дело вашей дочери раскрыто. Преступник дал признательные показания и осужден.

– Но как же быть с отпечатками пальцев... в трех случаях?

– Если преступник имеет что-то против вас и у него есть на то свои причины, он может заставить вас и вашу семью поверить в самое ужасное.

– Но вы ведь не знаете это наверняка. Вы не можете этого знать.

– Как уже сказано...

– Я сделаю все, что вы скажете. Но вы обязаны найти ее.

– Мы не можем этого обещать. Как уже говорилось...

Роза Хартунг больше ничего не сказала. Она просто смотрела на них влажными от слез глазами, пока не взяла себя в руки и Фогель не увел ее. А Ту́лин и Хессу выделили в распоряжение конференц-зал, и Нюландер немедленно отправил десяток оперативников помогать им в проверке дел...

Найя входит в зал с коробкой в руках и ставит ее на стол.

– Вот еще одна. Я буду рядом, у меня там ноутбук. Давай принимайся за дело.

Оптимистическое настроение, охватившее Хесса, когда им разрешили переговорить с министром, улетучилось – поминай как звали. Снова им предстоит сидеть и просматривать дела. Вагон и маленькую тележку страниц о неблагополучном детстве, оскорбленных чувствах, утраченных надеждах, вмешательстве местных властей в дела семейные, предательстве и обмане, с чем, скорее всего, преступник сильно желает познакомить полицейских и представителей власти. Хесс не выспался. Мысли разбегаются, ему трудно сосредоточиться. Неужели им удастся обнаружить следы преступника в лежащих на столе делах униженных и оскорбленных? Предположить такое логично. Но следует ли преступник обычной логике? Он наверняка давным-давно понял, что они в первую голову примутся именно за эти дела; так зачем ему рисковать и подставляться? И, кстати, зачем он делает каштановых человечков? И почему отрезает у жертв кисти и ступни? С какой стати он ненавидит матерей, а не отцов? И где же, где находится Кристине Хартунг?

Убедившись, что пластиковая папочка по-прежнему у него в кармане, Хесс идет к дверям.

– Ту́лин, мы уходим. Скажи своим людям, чтобы позвонили, если найдут что-то стоящее.

– Зачем? Куда мы едем?

– Назад, к началу.

Хесс выходит за дверь, не имея понятия, следует ли Ту́лин за ним. Встретившийся ему по дороге Фредерик Фогель кивает в знак прощания и закрывает за собой дверь в кабинет министра.

– С какой стати нам вообще говорить о деле Хартунг, если Ньюландер утверждает, что оно к нашим баранам отношения не имеет?

– Откуда мне знать. Если речь идет о мачете и расчленении поросенка, я линияю отсюда, но ты лучше *его* спроси.

Тули́н отвечает раздраженным тоном, стоя перед Генцем в его лаборатории, и кивает в сторону Хесса, который закрывает дверь, чтобы посторонние не слышали их разговор. Прямо из министерства они проехали через центр города к зданию в форме улья, где куча экспертов в белых халатах трудятся, словно пчелки, в многочисленных стеклянных клетках. По дороге Хесс попросил Тули́н связаться с Генцем, чтобы тот был на месте, а сам все это время болтал с кем-то по мобильному телефону. Эксперт, кажется, обрадовался звонку Найи, может быть, даже больше обычного – потому, что позвонила она ему без предварительной договоренности. Хотя не исключено, что и слегка смутился при этом, узнав, что звонок ее объясняется желанием Хесса перетереть с ним какую-то тему. Тули́н надеялась, что Генц будет занят, но у него отменилось совещание, он сумел выкроить время, и теперь она страшно жалела, что поехала вместе с Хессом. Они стоят возле того стола, на котором увидели на экране первый отпечаток большого пальца Кристине Хартунг. На заднем плане Тули́н видит сварочный аппарат и какие-то предметы из пластика на горелке: оказывается, Генц нагревал их, чтобы проверить пластик на гибкость. Хесс подходит к столу, и эксперт встречает его дружеским, но внимательным взглядом.

– С такой, что дело Хартунг, по-моему, *именно* имеет прямое отношение к последующим убийствам. Мы с Тули́н тогда были не при делах в расследовании, так что мне нужна помощь, а ты единственный, кому я доверяю. Если ты считаешь, что я тебя таким образом подставляю, скажи, и мы уйдем.

Генц смотрит на них с улыбкой.

– Ты меня заинтриговал. И если не собираешься расчленять поросенка, то нет проблем. О чем именно идет речь?

– Об уликах против Линуса Беккера, доказывающих его вину.

Ту́лин поднимается со стула, на который только что присела, но Хесс хватается ее за руку.

– Выслушай меня. До сих пор мы, грубо говоря, делали лишь то, чего ждал от нас преступник. Теперь, чтобы догнать его, нам надо срезать путь. И если заниматься этим старым делом и вправду означает просто терять время и мы сейчас в этом удостоверимся, то я буду молчать в тряпочку, в том числе и об исчезновении Кристине Хартунг.

Хесс отпускает Ту́лин, и та, постояв мгновение, снова садится. Она видела, что Генц заметил, как Хесс схватил ее, и почему-то смутилась: надо было просто отдернуть руку. Марк открывает толстую папку с делом:

– Кристине Хартунг пропала во второй половине дня восемнадцатого октября, когда возвращалась домой после тренировки по гандболу. О происшествии было немедленно сообщено в полицию, и расследование началось по-настоящему через несколько часов, когда в лесу обнаружили ее велосипед и сумку. В течение последующих трех недель продолжались безуспешные поиски девочки, которая будто сквозь землю провалилась. И наконец последовала наводка от некоего анонима, который сообщил о необходимости провести обыск у Линуса Беккера, двадцати трех лет, проживающего на первом этаже в жилом комплексе в Биспебьерге. Я правильно излагаю?

– Да, все верно. Я сам присутствовал при обыске и могу сказать, что это была дельная наводка.

Хесс, не отвечая Генцу, продолжает листать страницы дела:

– Затем Линуса Беккера на месте допросили относительно Кристины Хартунг, и там же был, как ты говоришь, произведен обыск. Чувак оказался личностью подозрительной. Нигде не работал, не имел никакого образования, никаких социальных связей. Жил один, время проводил в основном за компьютером, а зарабатывал на хлеб игрой в покер в Интернете. И, что еще более существенно, отбыл трехлетний срок тюремного заключения за то, что в восемнадцатилетнем возрасте изнасиловал девушку-подростка и ее мать, проникнув в их дом в Ванлесе. Кроме того, Беккер имел еще несколько мелких судимостей за непристойное поведение и прошел курс лечения в муниципальной психиатрической лечебнице. Однако поначалу он отрицал какое-либо отношение к преступлению против Кристине Хартунг.

– Беккер, если я правильно помню, даже заявил, что никаких проблем с психикой у него больше нет. Но потом мы открыли его ноутбук – вернее, наши айтишники сделали это...

– Именно. И, насколько я понимаю, Линус Беккер оказался довольно способным хакером. Он хоть и самоучка, но очень старательный. Парадоксально, но факт: цифровыми технологиями он заинтересовался, посещая компьютерные курсы в тюрьме. И тут выяснилось, что Беккер в течение по меньшей мере полугода взламывал полицейский архив с фотографиями тел убитых в местах преступлений.

Тулин, вообще-то собиравшаяся молчать в целях экономии времени, в этот момент вынуждена была поправить Хесса:

– С чисто технической точки зрения систему он не взламывал. Раздобыл логин-куки одного из компьютеров, подключенных к системе, а она была старая и слабо защищенная, вот он и смог ее обмануть, просто пересылая куки. Такое позорище, что систему ту давным-давно не заменили на более современную, просто зла на них не хватает.

– Замечательно. В любом случае Беккер имел доступ к тысячам фотографий с мест преступлений за долгое время, и, я думаю, ребята, которые это обнаружили, наверняка были в шоке.

– Не то слово. Это было как взрыв атомной бомбы, – добавил Генц. – Малому удалось получить доступ к данным, который, по идее, имеем только мы. К тому же из его пользовательских данных следовало, что он упивался созерцанием самых жутких убийств, какие только имелись в архиве.

– Да, я так и понял. Особенно его интересовали убийства с сексуальным подтекстом. Обнаженные женщины с нанесенными им увечьями – в первую очередь. Но в некоторых случаях речь идет и о преступлениях против детей, преимущественно малолетних девочек. Беккер тогда же признал, что его преследуют навязчивые садистские идеи, и просмотр этих фото возбуждает его сексуальное чувство. Но он по-прежнему отрицал свое касательство к исчезновению Кристине Хартунг. Да ведь тогда в принципе не существовало никаких доказательств против него, верно?

– Верно. Но лишь до тех пор, пока мы не проверили его обувь.

– Ну-ка, ну-ка, расскажи подробнее.

– Все довольно просто. Мы проверили в квартире всё, в том числе и пару его старых кроссовок – они стояли на газете в шкафу. И анализ остатков почвы на подошвах показал стопроцентное совпадение с типом почвы в том районе леса, где были найдены велосипед и сумка Кристине Хартунг. Так что сомнений не оставалось. И тут Беккер начал изворачиваться.

– Ты имеешь в виду его объяснения, в котором часу он оказался на месте преступления?

– Именно. Если я правильно помню, он сказал – ровно так же, как в случае с фотографиями, – что его просто притягивали места, где были совершены преступления. И, услышав в новостях об исчезновении Кристине Хартунг, он сразу же выехал в указанный район леса. Ты, конечно, можешь спросить Тима Янсена или кого-нибудь еще, но, насколько я помню, Беккер утверждал, что находился за полицейским ограждением в толпе зевак и ощущал сексуальное возбуждение от одного лишь пребывания на месте преступления.

– Я к этому еще вернусь... В общем, Беккер все так же продолжил отрицать свою причастность к убийству Кристине Хартунг. Ему вообще было сложно связно рассказывать о своих поступках в тот день; он ссылался на провалы в памяти как одно из проявлений параноидальной шизофрении, которую у него диагностировали. Но главное, он по-прежнему уходил в несознанку – даже тогда, когда на полке в гараже рядом с его машиной нашли оружие убийства, то есть мачете, со следами крови Кристине Хартунг.

Хесс находит соответствующее место в деле:

– И только когда его допросили Янсен и Рикс и предъявили ему фотографию найденного мачете, он наконец-то признался. Я более или менее правильно излагаю?

– Мне неизвестно, что происходило на допросе, но в остальном все верно.

– Отлично, значит, мы можем идти? – Тулин метнула строгий взгляд в Хесса. – Я не вижу, что из всего этого мы можем использовать. Ведь тут все и ежику понятно. Ну едет у мужика крыша, явно едет. Так какой смысл на него попусту время тратить, пока другой злодей на свободе расхаживает?

– Дело не в том, считать Линуса Беккера душевно больным или здоровым, а в том, что, по-моему, он говорил правду до того дня, когда

вдруг дал признательные показания.

– Прекрати!

– Что ты имеешь в виду? – Это уже Генц поинтересовался. Но Хесс вместо ответа продолжает цитировать дело:

– За год, предшествующий исчезновению Кристине Хартунг, Линус Беккер дважды задерживался за непристойное поведение. В первый раз – на заднем дворе общежития в Оденсе, где за пару лет до этого одна молодая женщина была изнасилована и убита своим сожителем. А второй – на Амагер Фэллед, где десятью годами ранее таксист прикончил женщину и спрятал тело в кустах. И в обоих случаях Беккер мастурбировал на месте этих двух старых преступлений, за что, собственно, и был задержан и получил незначительное наказание.

– И что, это что-то доказывает?

– Нет, это лишь позволяет допустить, что Линус Беккер вполне мог отправиться на место исчезновения Кристине Хартунг, как только услышал об этом в новостях. Да, конечно, если б так повел себя нормальный человек, это могло бы показаться странным, но для чувака с такими наклонностями, как у Беккера, подобное поведение вполне объяснимо.

– Да, но фишка в том, что сам-то он об этом ничего не сказал в момент задержания. А невиновный обязательно сделал бы это. Забавно, что впервые Беккер заговорил об этом, лишь когда мы провели анализ почвы на подошвах его кроссовок.

– Но, может, это не так уж и странно. Может быть, он вообще и думать не думал, что вы обратите внимание на эти остатки. Ведь прошло уже три недели, и хотя я лично с Линусом Беккером не знаком, могу предположить, он уповал на то, что ему больше никогда не придется рассказывать о своей навязчивой идее бывать на местах преступлений. Но когда ему предъявили результаты анализа почвы, он был вынужден сказать правду.

Тулин поднимается с места.

– Мы ходим по замкнутому кругу. Я не понимаю, с чего бы нам считать объяснения психопата правдивыми. Так что возвращаюсь в министерство.

– Да хотя бы с того, что Линус Беккер фактически *был* в лесу. И ровно в то время, которое он назвал.

Хесс достает из внутреннего кармана пластиковую папочку, вынимает оттуда несколько листов распечаток с загнутыми краями и пододвигает их в сторону Найи. Она успевает заметить, что это та самая папка, которую она видела в руках Хесса в Парке Одина сегодня утром, когда тот вернулся с пробежки.

– В архиве оцифрованных материалов Королевской библиотеки хранятся статьи и фото, и среди фотографий, сделанных на месте преступления в тот вечер, я нашел вот это. На первой копии – иллюстрация к репортажу, опубликованному в одной бульварной газете на следующий день после исчезновения Кристине Хартунг. На остальных – крупные планы.

Ту́лин рассматривает распечатанные копии. Первое фото она уже видела раньше. Оно уже стало почти иконой, потому что это копия одной из первых фотографий среди опубликованных в прессе материалов о деле Кристине Хартунг. На ней изображен освещенный прожекторами район лесного массива, где полицейские и кинологи с собаками, по-видимому, обсуждают план поисков пропавшей девочки. Вид у них мрачный, что подчеркивает в глазах читателей серьезность ситуации. Вдалеке, на заднем плане, видны собравшиеся за полицейским ограждением журналисты, фотографы и зеваки, и Найя уже собирается вновь заявить, что они зря тратят драгоценное время. Но на следующей фотографии она узнает его. Фото сделано в технике пикселяции, и часть изображения размыта, зато на другой четко видны данные крупным планом лица, как сразу же догадывается Ту́лин, любопытствующих, столпившихся за полицейским ограждением. И позади всех, почти совсем спрятавшись за спинами других зевак, то есть в третьем, а то и в четвертом ряду, стоит Линус Беккер. Копия фото укрупнена, и потому вместо глаз у него черные впадины, но форма лица и редкие белесые волосы не оставляют сомнений.

– И, разумеется, возникает вопрос, каким макаром Беккер мог там оказаться, если в признательных показаниях указано, что в это самое время он колесил с телом Кристине Хартунг по северу Зеландии в поисках места для его захоронения.

– Ну и ну...

Генц берет распечатки из рук Ту́лин, которая все никак не может сообразить, что ей следует сказать.

– Почему же ты об этом раньше ничего не говорил? Почему не поставил в известность Нюландера?

– Мне пришлось дважды уточнять время съемки у фотографа, автора снимка, чтобы убедиться, что он действительно *был сделан* в тот вечер. И я получил подтверждение по дороге сюда в машине. А что до Нюландера, я подумал, что нам лучше сначала переговорить с тобой.

– Но все это тем не менее не снимает обвинения с Беккера. Ведь в принципе он мог убить Кристине Хартунг, спрятать ее тело в машине, вернуться обратно в лес, посмотреть, что предпринимает полиция, а потом уже отправиться в северном направлении.

– Безусловно. Такое случалось с преступниками и прежде. Но, как я уже говорил, странно то, что на мачете не обнаружено костной пыли, а она должна быть, если он на самом деле расчленил тело.

– Но зачем тогда ему признаваться в том, чего он не совершал? Вот что в таком случае непонятно.

– По разным причинам. Но, по-моему, нам лучше всего спросить об этом его самого. Потому как, на мой взгляд, похититель Кристине Хартунг и есть тот преступник, которого *мы* сейчас разыскиваем.

До Слагельсе около ста километров, и навигатор показывает, что дорога займет примерно час с четвертью. Но до того, как Ту́лин поворачивает в сторону старой цирковой площади у Грённингена, где теперь находится психиатрическая больница и, соответственно, ее спецотделение для принудительного лечения, проходит чуть менее часа.

Так приятно было выехать за пределы города – и увидеть мелькающие за окном машины поля и лесные массивы в красных, желтых и бурых тонах! Вскоре краски исчезнут. Бесцветная, серая часть осени уже готова начаться. Ту́лин пыталась насладиться осенним пейзажем, но мыслями все время возвращалась в лабораторию экспертно-криминалистического отдела.

Пока они сидели у Генца, Хесс развил свою версию. Если Линус Беккер невиновен в похищении Кристине Хартунг, получается, кто-то был заинтересован в том, чтобы подозрение пало на него. Линус Беккер по многим показателям прекрасно подходил для роли козла отпущения. С его-то «кредитной историей» и проблемами с психикой он наверняка привлек бы внимание полиции, если б оказался в поле ее зрения. Однако преступник – и в данном случае Хесс имел в виду вовсе не Линуса Беккера – по-видимому, планировал свою акцию очень долгое время и, скорее всего, специально собирался представить дело так, что Кристине Хартунг убита и тело ее захоронено. И потому анонимщик, наводка которого привела к раскрытию преступления против дочери министра соцзащиты, вызывал теперь вполне обоснованные подозрения.

Поэтому Хесс сперва поинтересовался у Генца результатами исследования записи телефонного разговора с анонимом, наведшим полицию на след Линуса Беккера. Генц моментально сел за клавиатуру, чтобы просмотреть отчет аййтишников. Анонимный звонок поступил на стационарный телефон ранним утром в понедельник, но, к сожалению, не на номер горячей линии 112, где все разговоры автоматически записываются, а напрямую на номер секретариата Нюландера. Само по себе это обстоятельство не вызывало особых

подозрений – ведь Нюландер в тот период так часто мелькал в медийном пространстве, что любому, кто следил за освещением событий, могло прийти в голову обратиться с подобным заявлением именно к нему. Далее, звонок поступил с мобильного телефона с незарегистрированной сим-картой, и потому оказалось невозможным установить личность информатора. Таким образом, след его оборвался. Принявший телефонограмму секретарь, согласно рапорту, показал лишь, что звонил датскоговорящий мужчина, который весьма коротко сообщил о необходимости проверить Линуса Беккера и произвести обыск в его квартире в связи с расследованием дела Хартунг. Потом он еще раз повторил имя Линуса Беккера, после чего закончил разговор.

Затем Хесс снова попросил Генца как можно быстрее просмотреть результаты технических экспертиз по делу Хартунг. В тот момент, когда следствие вышло на Линуса Беккера, другие, сочтенные несущественными, версии могли быть отправлены в мусорное ведро, а вместе с ними и те следы, которыми теперь заинтересовался Хесс. Это, разумеется, заняло бы какое-то время, но Генц высказал готовность помочь ему. Он, правда, не преминул спросить, что ему отвечать на вопрос, с какой стати он что-то вынюхивает в отчетах об экспертизе предметов, относящихся к делу Хартунг.

– Скажи, что это я попросил тебя, чтобы самому не подставляться.

Ту́лин на миг задумалась, решая, что в таком случае сказать *ей* самой. Она не сомневалась, что Нюландер никоим образом не похвалит их за самодеятельность, и если эта история каким-либо образом вылезет наружу, она может сильно затруднить ее переход в НЦ-3. И все же Найя не смогла заставить себя позвонить Нюландеру. Вместо этого она набрала номер одного из оперов, просматривавших дела в Министерстве соцзащиты в поисках потенциальных врагов Розы Хартунг. Ничего нового от него Ту́лин не услышала; правда, он сообщил, что во многих обращениях встречаются весьма эмоциональные и резкие высказывания о деятельности властей. Поэтому она и согласилась с предложением Хесса попробовать побеседовать с Линусом Беккером. Марк позвонил в спецотделение психбольницы, куда был помещен Беккер. Главврач отделения находился на совещании, и Хесс в двух словах объяснил его заместителю, в чем состоит их миссия, и сказал, что они уже в пути и придут на место не позднее, чем через час.

– Ничего, что ты поедешь со мной? Тебе ведь ехать не обязательно, а то еще подставишься...

– Да нет, ничего, всё о'кей.

Ту́ли́н не верит, что предстоящий визит принесет хоть какую-то пользу. Линус Беккер, скорее всего, не врал, когда признавался в содеянном. И тем не менее он вполне мог оказаться за полицейским ограждением. Да, она прекрасно знала, что и Тим Янсен, и Мартин Рикс могли применять жесткие, если не сказать больше, методы, в особенности когда надо было выбить у подозреваемого признание вины. Но как бы грубо они ни давили на Линуса Беккера, у того впоследствии было немало возможностей отказаться от признательных показаний. Так с чего бы тогда считать признание ложным? Несмотря на заявления о провалах в памяти, Беккер все-таки помнил достаточно, чтобы составить более или менее полную картину произошедшего. Он согласился на проведение следственного эксперимента, во время которого повторил все свои действия, начиная с того момента во второй половине дня, когда бесцельно разъезжал по району и ему на глаза случайно попала девочка со спортивной сумкой, – и до того, как той же ночью оказался вместе с ее телом в каком-то лесу в Северной Зеландии. И еще рассказал, что изнасиловал Кристине, а потом задушил ее. После чего долго мотался с трупом в машине, не понимая, что ему предпринять. И в своем последнем слове на суде он даже попросил прощения у родителей девочки.

Так что он *точно* сказал правду. А все остальное – это игра воображения; так завершила свои размышления на эту тему Ту́ли́н, паркуясь возле входа в спецотделение.

Новое здание спецотделения принудительного лечения психиатрической больницы построено на квадратном участке земли рядом с самой больницей и со всех четырех сторон окружено двумя стенами шестиметровой высоты с защитным рвом между ними. Единственный вход для посетителей расположен с южной стороны здания прямо у парковки. Хесс и Ту́лин стоят перед видеодомофоном слева от больших тяжелых ворот.

В отличие от Марка Найя никогда в спецотделении не бывала, но, само собою разумеется, слыхала о нем. Отделение, называемое в народе «принудиловкой», является самым крупным в стране учреждением судебной психиатрии для наиболее опасных уголовных преступников. Около тридцати его обитателей осуждены на основании постановления о применении принудительной меры медицинского характера, соединенной с исполнением наказания в виде оказания психиатрической помощи в стационарных условиях. Этим постановлением судебные инстанции могут руководствоваться в тех случаях – довольно редких, – когда есть основания предполагать, что тот или иной преступник по-прежнему представляет опасность для окружающих. В случае если исходящая от преступника опасность объясняется психическим заболеванием, он на неопределенный срок помещается в «принудиловку», представляющую собой симбиоз психиатрической лечебницы и сверхсекретной тюрьмы. Среди обитателей заведения, называемых пациентами, есть убийцы, педофилы, серийные насильники и пироманы, и тем из них, чья болезнь неизлечима, обратный путь в общество заказан навсегда.

Автоматические ворота поднимаются, и Ту́лин вслед за Хессом входит в напоминающее пустой гараж помещение, где находится только принимающий посетителей дежурный за пуленепробиваемым стеклом. Позади него перед мониторами камер видеонаблюдения сидит другой охранник. По требованию дежурного Найя сдает ему свой мобильный телефон, пояс, шнурки и все прочее, что может быть использовано в качестве оружия или орудия самоубийства. И, разумеется, и Ту́лин, и Хессу приходится сдать свои пистолеты, но

Найя больше всего жалеет об отсутствии мобильного, ведь без него она лишена возможности связываться с работающими сейчас в Министерстве соцзащиты коллегами. Да, надо было раньше подумать об этом... Сканер тела освобождает ее от личного обыска. Они заходят в следующий отсек, и только когда за ними закрывается дверь, широкоплечий медбрат с бейджиком с фамилией Хансен, нажав кнопку на пульте, открывает тяжелую металлическую дверь в другом конце отсека:

– Добро пожаловать! Следуйте за мной!

Своими светлыми коридорами и видом на уютные внутренние дворики отделение поначалу напоминает обычный современный образовательный центр для проведения различных курсов и семинаров. Но затем посетитель начинает замечать, что часть интерьера, как на судне, намертво прикручена к полу или стенам. На всем пути вглубь здания их сопровождает звяканье ключей, отпирающих и запирающих двери очередных отсеков, как и в обычной тюрьме, отделяющих один коридор от другого. На диванах в уголках отдыха и у столов для настольного тенниса встречаются пациенты – это бородатые мужчины, большинство из них в шлепанцах, некоторые явно напичканы лекарствами. Глаза у встреченных по дороге Тулин пациентов весьма печальны, и похожи они на обитателей дома для престарелых. Тем не менее некоторых из них Найя помнит по фотографиям в прессе, хотя, конечно, они стали старше и лица у них теперь какие-то мертвые. К тому же она знает, что на их совести несколько человеческих жизней.

– Вы совсем не вовремя. Не понимаю, почему нельзя было предупредить меня заранее.

Главный врач спецотделения Вайланд явно не в восторге от их появления. И хотя Хесс объяснил его заместителю цель их визита по телефону, ему приходится начать все с начала:

– Прошу прощения, но нам необходимо побеседовать с ним.

– В состоянии здоровья Линуса Беккера наблюдается прогресс. Но с ним нельзя говорить на темы смерти и насилия, потому что это может нарушить его душевный покой и затормозить положительную динамику. Линус Беккер и так относится к пациентам, которым запрещается ознакомление с материалами СМИ в любом виде, за исключением часовой телепередачи о природе раз в день.

– Мы зададим ему вопросы лишь о тех вещах, о которых он уже рассказывал ранее. Нам просто необходимо побеседовать с ним. Если вы не разрешите сделать это сейчас, я все равно добьюсь разрешения судьи, но для этого потребуется время, что может стоить кому-то жизни.

Тулин отмечает, что главврач не был готов к такому повороту. Он явно не желает терять лицо, но, помедлив, все же смягчает тон:

– Подождите здесь. Если он не откажется, то всё в порядке, но понуждать я его не стану.

Вскоре главврач возвращается и кивком головы дает понять Хессу, что Линус Беккер дает согласие на встречу, и исчезает. Хансен провожает его коротким взглядом и начинает инструктаж о мерах безопасности:

– Недопустимо вступать с пациентом в физический контакт. Если появится хотя бы намек на проявление эмоций со стороны Беккера, необходимо дернуть тревожный шнурок в комнате для свиданий. Если вдруг – не дай бог, конечно, – что-то случится, мы будем наготове прямо за дверью. Понятно?

Комната для свиданий величиной примерно пять на три метра. В окно из толстого бронированного стекла, что объясняет отсутствие на нем решетки, видны внутренний дворик, весь в зелени, и шестиметровая стена на заднем плане. Четыре стула из твердого пластика стоят ровно посередине у каждой стороны небольшого прямоугольного стола, и такая точность объясняется тем, что все эти пять предметов мебели намертво прикручены к полу. Когда Тулин и Хесса вводят в помещение, Линус Беккер уже сидит за столом.

К их удивлению, он весьма мал ростом – пожалуй, не выше метра шестидесяти пяти, – молод и почти напрочь лишен волос. Лицо у него детское, но тело сильное, мускулистое. Он слегка смахивает на гимнаста – впрочем, может, еще и потому, что на нем синие спортивные брюки и белая футболка.

– Можно я сяду у окна? Я больше всего люблю сидеть у окна. – Беккер поднимается с места и, словно боящийся вызова к доске школьник, робко взирает на вошедших.

– Конечно. Вы сами вольны решать. – Хесс представляет себя и Тулин, и она замечает, что тон он выбрал доброжелательный и доверительный, а заканчивая фразу, даже поблагодарил Беккера за то, что тот согласился уделить им время.

– Ну времени-то у меня теперь куры не клюют. – Линус говорит это без всякой иронии и улыбки. Просто констатирует факт и смотрит на них неуверенным взглядом. Найя садится на стул напротив молодого человека, и Хесс начинает объяснять, что они нуждаются в его помощи.

– Но я не знаю, где захоронил тело. Мне ужасно жаль, но я и вправду не помню ничего, кроме того, что уже рассказал.

– Не думайте об этом. Речь пойдет о другом.

– А вы занимались этим делом тогда? Я вас не помню.

Линус Беккер, похоже, слегка испуган. Он часто моргает своими невинными глазами. Сидит, выпрямившись на стуле, и сосредоточенно обрывает заусеницы на красных неухоженных пальцах.

– Нет, не занимались.

Хесс рассказывает легенду, которую согласовали они с Ту́лин. Он показывает свой европольский жетон и объясняет, что вообще-то работает в Гааге с профилями правонарушителей. Выявляет характерные черты личности и поведения преступников – таких, как, к примеру, Линус Беккер. Подобные профили могут помочь в раскрытии однотипных преступлений. А сейчас Хесс находится в Дании и помогает своим датским коллегам, в том числе и Ту́лин, создать подобный отдел. Они беседуют с некоторыми заключенными об их переживаниях в период, предшествовавший совершению преступления, и очень надеются, что Линус Беккер не откажет им в короткой беседе.

– Но ведь меня не предупредили о вашем приходе.

– Верно, произошла ошибка. Вам должны были сообщить о нашем приходе, чтобы вы могли подготовиться, но, к сожалению, случилось недоразумение. Так что теперь вам решать, захотите ли вы нам помочь. Если нет, мы тотчас же уйдем.

Линус Беккер смотрит в окно, продолжая заниматься своими заусеницами, и Ту́лин абсолютно уверена, что он ответит отказом.

– Я с удовольствием. Для меня важно, если я смогу помочь другим людям.

– Да-да, именно так. Спасибо, вы очень любезны.

Первые минуты Хесс посвящает уточнению личных данных Линуса Беккера. Возраст. Место жительства. Семейное положение. Учеба в школе. Праворукость. Госпитализации в прошлом. То есть задает совершенно простые и пустые вопросы, ответы на которые им уже известны, но которые должны сообщить Линусу Беккеру уверенность в себе и создать доверительную атмосферу. И Ту́лин приходится признать, что Марк действует на ять, и даже устыдиться – ведь сперва она весьма скептически отнеслась к придуманной им легенде. Спектакль, однако, затягивается, и ей представляется, будто они находятся внутри ока урагана и болтают о какой-то жуткой ерунде, в то время как вокруг бушует разрушительный шторм. Но наконец-то Хесс добирается до дня убийства.

– Вы говорили, что у вас весьма туманные воспоминания о том дне. Что вы помните только отдельные эпизоды.

– Да, у меня в тот день были провалы в памяти. От болезни у меня кружилась голова, да я фактически и не спал. Наверное, переутомился,

слишком много времени уделял работе с фотоархивом...

– Расскажите, почему вы этим занялись.

– Это в какой-то степени была мальчишеская мечта, если можно так выразиться. У меня просто было такое вот желание, а потом...

Беккер умолкает, и Тулин думает, что лечение его болезни частично состоит в том, чтобы снизить накал его страстного садистского желания наслаждаться видом смерти.

– ...в криминальной хронике я видел, что эксперты делают съемку в местах преступлений, только не знал, где эти фотографии хранятся. Пока не зашел на сервер экспертно-криминалистического отдела. Ну, а остальное было делом техники.

Да, Тулин с удовольствием подписалась бы под этими его словами. Отсутствие серьезной системы безопасности в компьютерной системе архива экспертно-криминалистического отдела можно объяснить лишь полной уверенностью сотрудников в том, что никому и в голову не придет взламывать киберархив фотографий трупов с мест убийств. Пока этим не озаботился Линус Беккер.

– Вы кому-нибудь рассказывали, к каким материалам получили доступ?

– Нет, я ведь знал, что это противозаконно. Но... как уже сказано...

– Какое значение имели для вас эти фото?

– Я считал, что они мне фактически... помогали, что ли. Потому что, рассматривая их, я мог сдерживать свои желания. Но теперь вижу, что на самом деле все было совсем не так... Они возбуждали меня. Вынуждали заикливаться только на одной вещи. Я, помнится, чувствовал, что мне необходимо подышать свежим воздухом. Вот и поехал проветриться. Ну, а что случилось потом – тут уж меня память подводит.

Тулин перехватывает его извиняющийся взгляд, и хотя лицо у Беккера по-детски бесхитростное, по коже у нее бегут мурашки.

– Кто-нибудь из ваших знакомых знал, что у вас бывают провалы в памяти? Может быть, вы сами кому-нибудь рассказывали об этом?

– Нет, я в тот период вообще ни с кем не встречался. Время по большей части проводил дома. А если и выезжал куда, то только на места.

– Какие места?

– Места преступлений. Новых или старых. Например, в Оденсе или на Амагер Фэллед, где меня и задержали. Но и в другие места тоже.

– А в этих поездках тоже случались провалы в памяти?

– Возможно, но точно я не помню. Так оно с этими провалами и бывает.

– И что еще вы помните о дне убийства?

– Немногое. Ведь у меня все перемешалось: то, что я сам помню, и то, что мне потом рассказали.

– А помните, к примеру, как вы преследовали Кристине Хартунг в лесу?

– Нет. Ее не помню. Помню только, что был в лесу.

– Но если вы ее не помните, откуда же вам известно, что именно вы напали на нее, а потом и убили?

Вопрос ошарашил Линуса Беккера и, похоже, оказался неожиданным для человека, давным-давно признавшего свою вину.

– Так ведь они мне об этом рассказали. И, кстати, еще кое-что вспомнить помогли.

– Кто именно?

– Да те полицейские, что допрашивали меня. Они ведь и вещдоки нашли. Землю на кроссовках. И кровь на мачете, я им ее...

– Но тогда вы утверждали, что не делали этого. Вы сами-то помните мачете?

– Нет, сперва не помнил. Но потом все как-то стало складываться в общую картину.

– А ведь сначала, когда мачете обнаружили, вы утверждали, что ранее никогда его не видели. Что, наверное, кто-то подбросил его в ваш гараж на полку рядом с машиной. И только на одном из последующих допросов признались и заявили, что мачете принадлежит вам.

– Да, все верно, но врачи объяснили, что болезнь именно так и проявляется. Больной параноидальной шизофренией преобразует реальность.

– То есть у вас нет предположений, кто мог подбросить вам мачете, если его вообще кто-то подбрасывал?

– Да нет, никто его не подбрасывал... Я сам его туда положил. Нет, мне сложно отвечать на такие вопросы.

Беккер неуверенно смотрит в сторону двери, словно хочет улизнуть. Однако Хесс наклоняется к нему через стол и пытается поймать его взгляд:

– Линус, ваши ответы просто замечательны. Но мне хотелось бы знать, был ли кто-нибудь рядом с вами в тот период. Кто-нибудь, кто знал, какие чувства владели вами тогда. Кому вы доверились, кого вы случайно встретили или с кем переписывались в социальных сетях или...

– Да не было никого. Не понимаю, чего вы от меня хотите. Мне бы в палату вернуться...

– Не нервничайте, Линус, успокойтесь. Если вы мне хоть немножечко поможете, я думаю, мы сумеем выяснить, что же на самом деле произошло в тот день. И точно узнаем, что случилось с Кристине Хартунг.

Линус Беккер, уже было готовый подняться, неуверенно смотрит на Хесса.

– Вы так думаете?

– Да, я совершенно в этом уверен. Только расскажите, с кем вы тогда контактировали.

Хесс не спускает с него доверительного взгляда. И на миг на наивном испуганном лице Беккера вроде появляется выражение согласия, но внезапно оно расплывается в широченной улыбке.

Линус раздражается хохотом. Хесс и Ту́лин с недоумением смотрят на невысокого мужчину, безуспешно старающегося унять смех. Когда же Беккер возвращается к беседе, кажется, будто он сбросил маску: на лице его больше нет и следа неуверенности или беспокойства.

– Почему вы не спрашиваете меня о том, что на самом деле хотите узнать?

– Что вы имеете в виду?

– Что вы имеете в виду? – Широко раскрыв глаза и насмешливо ухмыляясь, Линус Беккер передразнивает Хесса. – Вам не терпится узнать, почему я дал признательные показания, хотя никакого преступления, по-вашему, не совершал.

Ту́лин смотрит на Беккера: она поражена произошедшими с ним переменами. Он явно совсем сбрендил, и у нее даже возникает желание вызвать главврача – пусть посмотрит, какого прогресса в

лечении пациента они на самом деле добились. Хесс старается сохранить хладнокровие.

– О'кей. Так почему же вы признались?

– Заткнись. Тебе за это бабки платят. Неужто они и вправду вызвали тебя домой из Европола, чтобы вытянуть из меня показания, или ты мне липовый жетон только что предъявлял?

– Линус, я не понимаю, о чем ты говоришь. Но если ты не имел отношения к делу Кристине Хартунг, еще не поздно заявить об этом. И тогда мы наверняка сможем помочь тебе и направить твое дело в суд на пересмотр.

– Но я *не нуждаюсь* в помощи. Если мы всё еще живем в правовом обществе, я вернусь домой не позднее Рождества. Или, в крайнем случае, когда Каштановый человек закончит свою жатву.

Эти слова прожигают мозг Тулин. Хесс тоже будто окаменел.

– Каштановый человек?..

– Именно. Каштановый человек. Вы же из-за него сюда заявились. Малютка Хансен, ну тот квадратный дядечка, он, бедолага, забыл, что здесь в общей комнате отдыха по-прежнему можно смотреть текстовое ТВ на плазменной панели. Всего лишь тридцать восемь знаков в предложении, однако и в таком формате можно следить за событиями. Но почему вы заявились только сейчас? Не потому ли, что ваш начальник не желает копаться в так замечательно расследованном деле?

– Что вам известно о Каштановом человеке?

– *Каштановый человечек, входи, входи, каштановый человечек...* – Линус Беккер, не скрывая насмешки, продолжает напевать песенку. Хесс теряет терпение.

– Что тебе известно, я спрашиваю?

– Вы опоздали. Он далеко впереди вас. Вы ведь поэтому здесь и торчите и пытаетесь меня умаслить. Потому что он вас надул. Потому что вы понятия не имеете, что вам делать.

– Ты знаешь, кто он?

– Я знаю только, *что* он из себя представляет. Он – мастер. Он превратил меня в свое орудие. Иначе я не признался бы.

– Скажи нам, кто он, Линус?

– Скажи нам, кто он, Линус? – Беккер вновь передразнивает Хесса.

- А что с девочкой?
- А что с девочкой?
- Что тебе известно? Где она? Что с ней случилось?
- Да не все ли равно? Она небось не скучает...

Линус смотрит на них невинным взором, и губы его растягиваются в гаденькой ухмылочке. Хесс бросается на Беккера, а Тулин не успевает ему помешать. Зато Беккер оказывается готов к такому повороту событий и мгновенно дергает тревожный шнурок. С оглушительным ревом срабатывает сигнализация. И ровно в тот миг, когда открывается тяжелая металлическая дверь и в помещение врываются здоровенные санитары, Линус Беккер превращается в робкого, неуверенного в себе школьника с испуганным взглядом.

Ворота поднимаются медленно, но Хесс не может ждать. И пока Ту́лин получает у дежурного за пуленепробиваемым стеклом сданные ему при входе вещи, Марк протискивается сквозь довольно узкую щель в не до конца поднятых воротах и сразу же направляется к парковке. Ту́лин следует за ним и на холодном мокром ветру ощущает себя пленницей, вышедшей на свободу. Она набирает полные легкие воздуха, чтобы таким образом отделаться от воспоминаний о встрече с Линусом Беккером.

Из «принудиловки» их в буквальном смысле слова вышвырнули пинком под зад. Срочно вызванный главврач Вайланд потребовал объяснить, что произошло в комнате для свиданий. И Линус Беккер сыграл свою роль блистательно. Он напустил на себя затравленный, испуганный вид и держался на почтительном расстоянии от Хесса и Ту́лин, как будто те подвергли его психическому и физическому воздействию. Он пожаловался, что Хесс «схватил меня» и задавал странные вопросы о смерти и убийствах, и врач принял его сторону. Ни Марк, ни Найя не подумали о том, чтобы записать беседу с Беккером; впрочем, если б даже и подумали, все равно не смогли бы этого сделать, ведь их мобильные телефоны остались у охранника при входе. Поэтому было совершенно бесполезно опровергать утверждения Беккера. Да, поездка в «принудиловку» окончилась полной катастрофой, и пока Ту́лин под дождем шла к машине и прослушивала свой автоответчик, настроение ее отнюдь не улучшилось. Выяснилось, что за время, проведенное в спецбольнице, ей звонили семь раз, и ознакомившись с первым же сообщением, она ускорила темп.

– Нам надо вернуться в министерство. Ребята нашли дела, которые нужно проверить.

Найя открывает машину брелком сигнализации, но Хесс все так же стоит на дожде.

– Министерство нам ни к чему. В тех делах, на которые нас вывел преступник, мы его следов не найдем. Ты разве не слышала, что сказал Беккер?

– Я слышала, как психопат отбарабанил заготовленную речь, и видела, как ты взбеленился. И только.

Ту́лин открывает дверцу, залезает в машину и швыряет пистолет и другие вещи Хесса на сиденье рядом с собой. Она смотрит на часы на приборной доске и понимает, что они вернутся в город, когда уже совсем стемнеет, и ей снова придется просить деда побыть вечером с Ле. Хесс едва успевает поставить ногу на пол возле переднего пассажирского кресла, как она заводит мотор и резко выворачивает на дорогу.

– Беккер знал, что мы приедем. Он ждал этого с тех пор, как его осудили. Он знает, кого мы ищем, – говорит Хесс, захлопывая дверцу.

– Да нет же, ни фига он не знает. Беккер всего-навсего извращенец, что-то там прочитавший в телетексте. Он просто спровоцировал нас и потроллил, а ты купился на его штучки. Ты о чем вообще думал, черт побери?!

– Он знает, кто похитил ее.

– Да ни хрена подобного! Линус Беккер сам ее и похитил. Всему миру известно, что девочка мертва и похоронена. И только ты еще этого не уразумел. Какого дьявола ему признаваться в убийстве, если он его не совершал?

– А такого, что он вдруг понял, *кто* это сделал. Тот, чью вину он охотно взял на себя, потому как в его больной башке утвердилась мысль, что он стал частью великого замысла. Тот, кем он восхищался, на кого смотрел снизу вверх. А на кого равнялся Линус Беккер?

– Да ни на кого! Малый свихнулся. И единственное, что его интересует, так это смерть и разрушение.

– Точно. То есть тот, кто мог дать ему желаемое. То есть то, что Линус Беккер, наверное, отыскал в архивных фотографиях.

Смысл сказанного Хессом наконец-то доходит до Ту́лин, и она резко бьет по тормозам и только в самый последний момент избегает столкновения с огромной фурой, на полной скорости несущейся к основной магистрали. Вслед за грузовиком проносится мимо длинный ряд легковушек. Ту́лин замечает на себе взгляд Хесса.

– Жаль, что я сорвался. Это, конечно, неправильно. Но если Линус Беккер лжет, значит, по-прежнему никому не известно, что случилось с Кристине Хартунг. И никто не знает, жива ли она.

Найя не отвечает. Она заводит машину, прибавляет ходу и набирает номер на мобильном. Версия Хесса не лишена логики. К ее досаде, Генц отвечает не сразу. Связь неважная: он, кажется, в дороге.

– Привет! Почему вы трубу не берете? Как прошла беседа с Беккером?

– Я как раз поэтому и звоню. У тебя есть доступ ко всем фото, которые он нарыл в архиве?

Генц удивлен.

– Наверное, есть. Но я сейчас еще уточню. А почему спрашиваешь?

– Позже объясню. Нам надо узнать, какие конкретно фотографии вызывали у Беккера наибольший интерес. Возможно, таким образом мы вычислим его предпочтения. То есть надо составить список тех фото, которые он чаще всего просматривал. И, может быть, перепостил в своем компе. Мы думаем, там могут остаться кое-какие следы, важные для нас. Сделайте это как можно скорее. Но так, чтобы Нюландер об этом не пронюхал. Ладно?

– Ладно. Я свяжусь с айтишниками, как только вернусь. Но может, лучше подождать, пока не выяснится, прав ли Янсен?

– А Янсен-то здесь при чем?

– Разве он не звонил?

Тулин чувствует, как внутри нее нарастает беспокойство. Она и думать забыла о Янсене после короткой встречи с ним сегодня утром, когда они выходили из кабинета Нюландера. Вид у Янсена был – краше в гроб кладут. Да и сам он был замкнут и молчалив, и она даже почувствовала облегчение, увидев, как Нюландер пригласил его на беседу, и понадеялась, что тот сумеет уговорить подчиненного отправиться домой. Но, судя по словам Генца, этого не случилось.

– С чего бы Янсену звонить?

– Насчет одного адреса в Южном порту. Я совсем недавно слышал по полицейскому радио, как он просил о подкреплении: Янсен предполагает, что в этом месте находятся подозреваемые.

– Что за подозреваемые? Янсен вообще этим делом не занимается.

– Вот как? По-моему, ему это неизвестно... Он организовал облаву по адресу, где, как считает, находятся убийцы.

Тим Янсен сидит на переднем сиденье служебного автомобиля. Проверив, сколько патронов в магазине, он со щелчком вставляет его обратно в свой «Хеклер и Кох». До прибытия подкрепления осталось не менее десяти минут, но это его не расстраивает, ведь он никогда и в мыслях не держал дожидаться подмоги. Убийца Рикса, возможно, дома, а Янсен всегда предпочитал проводить очную ставку или первый допрос в отсутствие коллег. Но теперь они, по крайней мере, знают, где он находится, – так, на всякий случай, если вдруг у него возникнут осложнения. Зато потом, когда ему придется давать объяснения, почему стал действовать в одиночку, он сможет просто сказать, что ситуация внезапно изменилась до прибытия подкрепления.

Янсен вылезает из машины, и его сразу бьет по лицу холодный ветер. В старой промышленной зоне в Южном порту смешались эпохи: здесь и высокие пакгаузы, и новые склады для индивидуального хранения вещей, и свалки, и несколько современных многоэтажных жилых домов, и все это втиснуто в весьма ограниченное пространство района. Ветер гоняет по пустынной дороге мусор и песок, и Янсен направляется напрямик к переднему строению.

Выходящее фасадом на улицу двухэтажное здание легко принять за обычный жилой дом, но, подойдя ближе, он замечает на давно не знавшей ремонта стене остаток таблички, указывающей, что когда-то здесь располагалась промышленная скотобойня. Окошко магазина и остекленная часть двери завешаны с внутренней стороны кусками черной материи, чтобы с улицы никто не мог туда заглянуть. Однако Янсен проходит дальше к въезду во двор. Совсем рядом располагается длинное строение, служившее, по-видимому, в свое время забойным цехом, если судить по эстакаде, ведущей к ряду ворот в самом здании, через которые осуществлялась погрузка и разгрузка. Еще дальше бойню окружает небольшой садик с поваленным штакетником и тремя-четырьмя фруктовыми деревьями, которые ветер того и гляди вырвет с корнем из земли. Янсен снова оглядывается на магазинчик и обнаруживает дверь черного входа. На ней нет таблички с именами проживающих, однако перед нею лежит половичок и рядом стоит

увядшая елка в кадке. Он стучит в дверь, а другой рукой снимает с предохранителя «Хеклер и Кох», который держит наготове в кармане.

* * *

Дни после убийства Рикса Янсен провел словно в иной реальности. Окунулся в нее сразу же, как только увидел своего неживого напарника в свете мигалок «Скорой помощи», под лай служебных собак, обследовавших темные закоулки садового товарищества. По дороге из Урбанпланен ему ничего не было известно о его судьбе, и вдруг он столкнулся с непостижимым. Сперва подумал, что мертвенно-бледное лицо никак не может принадлежать его приятелю. Что смерть ни за что бы не могла низвести Рикса до безжизненной оболочки, распластавшейся у него под ногами. Однако случилось то, что случилось. И хотя следующие несколько часов Янсен все ожидал, что Рикс снова объявится и начнет выговаривать кому-то из оперов за то, что ему пришлось так долго пролежать на щебенке, чуда не произошло.

Они стали напарниками по воле случая, но в памяти Янсена отложилось, что с самого первого дня они оказались настроенными на одну волну. Рикс обладал ровно теми качествами, которые позволяли Янсену терпеть его рядом с собой. Он не был шибко умен, в разговоре долго подбирал слова, да и вообще многоречивостью не отличался. Но при этом был чрезвычайно вынослив и верен тем, кому симпатизировал. Кроме того, Рикс питал здоровое недоверие ко всем и вся, наверняка потому, что в детстве натерпелся унижений, и Янсен с ходу разобрался, каким образом можно использовать заложенные в Риксе качества. И если Янсена можно было назвать мозговым центром их мини-коллектива, то Рикс олицетворял его физическую крепость. И еще их объединяла вполне естественная ненависть к начальникам, адвокатам и прочим кабинетным крысам, общим для коих было то, что они ни фиги не смыслили в оперативной работе. Вместе напарники посадили за решетку столько рокеров, чурок, домашних террористов, насильников и убийц, что наверняка заслужили и повышенной зарплаты, и других поощрений на все оставшееся до пенсии время службы. Но не так устроено наше общество. Жизненные блага

распределяются, увы, несправедливо. Они часто об этом говорили, обмывая так и не доставшиеся им награды в барах и ночных клубах, пока не надирались до бесчувствия или не решали заглянуть в какой-нибудь бордельчик на Внешнем Эстербро.

Теперь всему этому настал конец. И единственной благодарностью Риксу стала табличка с его именем на стене памяти в здании управления рядом с именами других полицейских, погибших при исполнении служебных обязанностей. Янсен был далеко не сентиментален, но табличка эта весьма сильно подействовала на него, когда сегодня утром, снова выйдя на работу, он увидел ее, проходя по дворику с колоннами. А перед этим двое суток Янсен провел дома. В ночь убийства друга он был слишком подавлен и ничем не мог помочь коллегам, кроме как сообщить о произошедшем лучшей половине напарника. А позднее, проснувшись посреди ночи, жена обнаружила его сидящим в полной прострации в темной застекленной веранде их дома в Ванлесе. На другой день супруга отправилась с детьми к кому-то на день рождения, а сам Янсен остался собирать икеевские полки, томившиеся в ожидании этого момента в комнате мальчишек. Однако в инструкции разобраться ему не удалось, и примерно в половине одиннадцатого он откушал первую порцию белого вина. Жена и дети возвратились домой ближе к вечеру и нашли его в сарайчике в задней части сада, где он залакировывал вино водкой и «Ред Буллом». Когда же позднее Янсен проснулся на полу, он сразу понял, что ему необходимо немедленно вернуться на работу.

Однако на работу он вышел только в понедельник. В управлении царил рабочая суэта, коллеги с сосредоточенными лицами сочувственно кивали ему. Нюландер, разумеется, не разрешил ему вернуться в следственную группу, и тогда Янсен, собрав несколько товарищей в раздевалке, попросил их сообщить ему, если вдруг появятся новости, позволяющие выйти на след убийцы. Кто-то сразу отверг его просьбу, но кто-то и согласился, также считая, что в гибели Рикса виноваты Хесс и Тулин, провалившие задание. Да и началось-то все с того, что кто-то из них двоих – скорее всего, Хесс – выдал прессе тайну следствия. И потом, сомневаться в результатах расследования дела Кристине Хартунг – это все равно что ставить под сомнение честное имя коллег, а теперь еще и глумиться над памятью Рикса.

К сожалению, до того как большинство оперов вызвали в Министерство соцзащиты, никаких подвижек в расследовании не произошло. А у самого Янсена поручений считай что вообще не было, и потому он взял служебный автомобиль и отправился в Гревве. По дороге купил в магазинчике шесть пива в упаковке, выпил два из них и только потом постучал в дверь маленькой квартирki на первом этаже дома рядом со станцией электрички, где жил Рикс. Невеста Рикса, вся в слезах, пригласила его войти. Янсен даже не отказался от предложенного ею чаю, но тут из министерства позвонил один из оперов. Он сообщил, что в просмотренных материалах есть несколько дел, касающихся людей, которые имели веские причины ненавидеть государство, систему, министра соцзащиты и вообще чуть ли не весь мир. Оперативник зачитал выписки из этих дел, и одно из них показалось Янсену многообещающим, так как мотив в нем был гораздо серьезнее, нежели в других случаях. Убедившись, что Хесс и Тулин еще не проинформированы о находке, он закончил разговор, попросил прощения у невесты Рикса и отправился в Южный порт по адресу, где проживали подозреваемые.

* * *

– Кто там? – прозвучал вопрос из-за двери.

– Полиция! Откройте!

Янсен нетерпеливо стучит в дверь, а другой рукой сжимает в кармане рукоятку пистолета. Наконец дверь открывается, и из-за нее выглядывает испуганное морщинистое лицо. Янсен подавляет вздох разочарования. Из квартиры тянет сигаретным дымом и дешевой едой.

– Мне надо поговорить с Бенедикте Сканс и Асгером Неергором.

Имена из материалов министерства сообщил Янсену звонивший ему оперативник. Однако старуха качает головой.

– Они здесь больше не живут. Уже полгода как переехали.

– Переехали? Куда?

– Понятия не имею. Мне об этом не докладывают. А что случилось?

– Ты одна здесь живешь?

– Да, но я не помню, чтобы мы были на «ты».

Янсен медлит секунду. Да, совсем не этого он здесь ожидал. Закашлявшись, старуха плотнее запахивает дырявый кардиган, чтобы ее не продуло.

– Я могу чем-нибудь помочь?

– Да нет, вряд ли. Прошу прощения за беспокойство. До свидания!

– До свидания! До свидания!

Янсен отходит от двери, и старуха запирает ее. Он же пребывает в растерянности, не зная, что теперь предпринять. Ответ хозяйки дома его огорошил. По-хорошему, ему сейчас надо в тепло, в машину, и позвонить коллеге в Министерство соцзащиты... Но тут взгляд его падает на окошко на втором этаже – перед ним с потолка свисает мóбиль. Мобиль с маленькими птичками, такие вешают над детской кроваткой. Да не могло его там быть, если старуха права и Бенедикте Сканс и Асгер Неергор давно съехали отсюда.

Янсен снова стучит в дверь, и на сей раз гораздо громче. Когда карга наконец-то открывает, он сразу проходит мимо нее в квартиру и достает пистолет. Старуха возмущенно кричит. Янсен идет напрямик в кухню, а потом и в гостиную, где, собственно, в свое время и располагался торговый зал магазинчика. Убедившись, что гостиная пуста, возвращается к ведущей на второй этаж лестнице, где теперь стоит старая ведьма и загораживает проход.

– Отойди!

– Там ничего нет. Вы не имеете права...

– Заткнись! И дай пройти!

Янсен отталкивает каргу и стремглав поднимается наверх, слыша за спиной ее жалобные вопли. Подняв пистолет, ударом ноги распахивает дверь помещения на втором этаже, держа палец на спусковом крючке. Первые две комнаты оказываются спальнями, последняя – детской.

Над кроваткой мирно висит мобиль, однако больше в комнате ничего нет – неужели он ошибся? Но тут Янсен замечает за дверью изрисованную стену – и мгновенно понимает, кто погубил Мартина Рикса.

Стемнело. В это время суток последние машины, как правило, покидают промзону в Южном порту. Но не сегодня. Перед обшарпанными зданиями, когда-то служившими цехами одной из крупнейших в Копенгагене скотобоев, толпятся полицейские и криминалисты, точно муравьи, снующие взад и вперед со своими спецмоданчиками. На улице выстроились в ряд автомобили, а в окнах выходящего на нее фасадом дома виден резкий свет установленных техниками софитов. Хесс поднимается в комнату на втором этаже и слышит то плач старухи, которую допрашивают в гостиной, то короткие приказы, то звуки шагов, скрипучие голоса по радиации, но в первую очередь спор стоящих у двери Ту́лин и Янсена.

– Кто дал тебе наводку на этот адрес?

– А кто сказал, что мне дали наводку? Я, может, просто мимо проезжал.

– Какого черта ты тогда не позвонил?

– Кому – тебе и Хессу? И что, это что-нибудь изменило бы?

Фотография сделана, наверное, года два назад. Стекло запылилось, но она обрамлена красивыми черными планочками и лежит на подушке в детской кроватке рядом с пухлячком и локоном тонких белесых волос. Молодая мать стоит рядом с кувёзом^[32] и держит на руках завернутого в пеленку ребенка, улыбаясь в объектив камеры. Улыбка, однако, у нее вымученная – усталая и, видно, стоившая ей немалых усилий. Поскольку на женщине помятый больничный халат, Хесс предполагает, что снимали ее в больнице вскоре после родов. Да, а вот в глазах женщины улыбка отсутствует. Взгляд у нее какой-то настороженный, отчужденный, словно ей только что всучили ребенка и она старается сыграть роль, к которой совершенно не подготовлена.

Нет никакого сомнения, что женщина на фото – это та самая милостивая медсестра с серьезным взглядом, которую они встретили в детском отделении Центральной больницы, когда беседовали с Хуссейном Маджидом о Магнусе Кьере и Софии Сайер-Лассен. С тех пор как была сделана фотография, волосы у нее отросли, лицо стало

старше, а улыбки как не бывало. Но это *точно* она, и Хесс ломает голову, пытаясь отыскать связь между медсестрой и преступлением.

На пути из «принудиловки» беседа с Линусом Беккером, словно злокачественная опухоль, не давала ему покоя. Сидя в машине рядом с Ту́лин, он только и думал о том, как им выйти на след преступника, используя архивные фотографии, к которым Беккер получил доступ, взломав сервер экспертно-криминалистического отдела. Но тут стали поступать новости. Сперва позвонил Генц, а потом – один из оперов, работавших в министерстве, который теперь направлялся в Южный порт на подмогу Янсену. Не нужно было обладать богатым воображением, чтобы догадаться: кто-то из коллег, изучавших документы в министерстве, предупредил его. Хотя сейчас этот факт уже не имел особого значения на фоне успеха, которого следствию удалось добиться благодаря находке дела Бенедикте Сканс и ее сожителя.

– Что удалось выяснить? – Нюландер только что прибыл, и дискуссия с Ту́лин, к явному облегчению Янсена, прервалась.

– Жилье арендует Бенедикте Сканс, двадцати восьми лет, медсестра Центральной больницы. Полтора года назад у нее с сожителем по решению копенгагенского муниципалитета изъяли ребенка, которого передали на воспитание в приемную семью. И тогда Бенедикте Сканс подала иск к администрации и обратилась к прессе с нападками на министра соцзащиты за призывы к местным властям чаще пользоваться правом изъятия детей у пренебрегающих своими обязанностями родителей.

– Ты имеешь в виду Розу Хартунг?

– Да. СМИ наживу заглотили, но журналисты быстро сообразили, что для изъятия ребенка из семьи имелись все основания, и предали историю забвению. Однако Бенедикте Сканс и ее сожитель ее не забыли, тем более что вскоре их ребенок умер. Сканс госпитализировали в закрытую лечебницу, откуда она вышла только в конце весны этого года. Ее восстановили в прежней должности, и они вместе с сожителем вернулись сюда, но, как ты увидишь по вырезкам на стене, вовсе не для того, чтобы забыть о произошедшем.

Хесс к их разговору не прислушивается – он рассматривает найденные материалы. Большинство их известны ему по копиям документов из хранящихся в копенгагенском горсовете, которые один

из оперативников захватил с собой из министерства. Молодые годы Бенедикте Сканс, проведенные в Тингбьерге, истощающе характеризуют такие ключевые слова, как «гашиш», «ночная жизнь» и «незаконченное обучение на продавца одежды». В двадцать один год она поступила в медицинский колледж в Копенгагене, который и окончила с приличными оценками, получив диплом медсестры. Тогда же встретила со своим возлюбленным, Асгером Неергором, который учился вместе с ней в средней школе в Тингбьерге, только двумя классами старше. Асгер за это время отслужил в бронетанковом полку в Слагельсе и даже побывал в командировке в Афганистане. В конце концов они обустроили совместное жилье в одном из зданий бывшей скотобойни. Бенедикте Сканс устроилась на работу в детское отделение Центральной больницы, жизнь вроде бы наладилась, и они решили обзавестись ребенком. Забеременеть ей удалось не сразу, однако, когда это произошло, у нее, судя по записям куратора из муниципалитета, начались нервные срывы и появились проблемы с самооценкой. В двадцать шесть лет она родила мальчика на два месяца раньше срока, и у нее случился послеродовой психоз. Полноценной помощи от отца ребенка, по-видимому, ждать не приходилось. Так, куратор считал двадцатилетнего тогда солдата недостаточно зрелым и слишком замкнутым, причем временами, подзуживаемый Бенедикте, он вообще вел себя агрессивно. Муниципалы предоставили им ряд льгот, однако через полгода психическое состояние Бенедикте Сканс ухудшилось, и у нее диагностировали биполярное расстройство. Как-то раз соцработники целых две недели не могли связаться с Бенедикте и обратились в полицию. Полицейские навестили семью, и, как выяснилось, очень вовремя. Семимесячный мальчик лежал без сознания в своей кроватке, перемазанный испражнениями и рвотной массой. Налицо были все признаки недоедания. В больнице выяснилось, что у ребенка хроническая астма и аллергия на некоторые пищевые продукты, так что несколько кусочков шоколада с орехами, которые ему дали незадолго до прихода полицейских, могли оказаться для него смертельно опасными.

Несмотря на то что полицейские, по всей вероятности, спасли ребенку жизнь, их появление в ее доме привело Бенедикте Сканс в бешенство. С помощью адвоката по назначению она начала дело против властей и одним из орудий возмездия избрала прессу. Во

множестве интервью Бенедикте гневно осуждала власти за то, как они обошлись с ее маленькой семьей. «Уж если я плохая мать, то плохих матерей на свете море», – так гласил заголовок одного из материалов, обнаруженных в деле. Поскольку муниципалитет не опубликовал сообщения о небрежении ею родительскими обязанностями, создавалось впечатление, что обличительные высказывания Бенедикте Сканс имеют под собой основания. Эта вакханалия в прессе продолжалась до тех пор, пока министр Роза Хартунг не напомнила СМИ и местным властям, что жесткое толкование статьи 42 Закона о соцзащите об изъятии детей из неблагополучных семей осуществляется именно в интересах ребенка. Журналисты вроде бы осознали, что в данном случае муниципалы имели все основания поступить по всей строгости закона, и критические голоса замолкли. И тут произошла трагедия. Мальчика поместили в замещающую семью, проживающую в Северной Зеландии, и все, видимо, шло хорошо, но всего два месяца спустя он умер от воспаления легких. Бенедикте Сканс набросилась с кулаками на инспектора соцзащиты, принесшего ей известие об этом, после чего амбулаторное лечение у психиатра для нее заменили на стационарное в психиатрической лечебнице Святого Иоанна в Роскилле, откуда она выписалась весной и тогда же возвратилась на свое рабочее место в Центральной больнице.

Хесса аж передернуло – ведь размещенные на стене материалы явно свидетельствовали, что женщина психически нездорова.

– По-моему, они задумали это дело вместе с сожителем, – продолжил Янсен доклад Нюландеру. – Они были убеждены, что с ними обошлись несправедливо, и решили поглумиться над министром соцзащиты и выставить ее на посмешище. Вот в их бедных головах и зародилась идея подставить всю систему под огонь критики и наказать женщин, которые якобы не умеют как следует воспитывать своих детей. А в том, кто был их конечной целью, как видишь, сомнений нет.

Последнее утверждение Янсена, безусловно, справедливо. Если одна половина комнаты представляет собой мемориал ушедшего в мир иной ребенка, то вторая доказывает, что больные умы обитателей квартиры были полностью поглощены фигурой Розы Хартунг. Вся стена слева направо украшена вырезками из газет и фотографиями, повествующими об исчезновении ее дочери, включая сделанное папарацци фото скорбящей матери. Статьи из желтой прессы под

заголовками вроде «Расчленена и захоронена» или «Изнасилована и порезана на куски» издевательским образом соседствуют с фотографией одетой в черное Розы Хартунг в предобморочном состоянии на церемонии прощания с дочерью. И таких вырезок тьма: «Роза Хартунг раздавлена» или «Пораженная горем». Затем однако следует разрыв в хронологическом порядке, и ближе к правому краю стены Хесс видит фотографии поновее, сделанные, по-видимому, месяца три-четыре назад под заголовками типа «Хартунг возвращается». В одной из заметок, прикрепленных к стене чертежными кнопками, от руки обведена информация о том, что Хартунг возвращается на свой пост в день открытия сессии Фолькетинга в первый вторник октября. А рядом висит лист бумаги формата А4 с различными селфи ее дочери с надписью «Счастливого возвращения. Ты умрешь, шлюха».

Еще большее беспокойство вызывает другая серия фотографий. Это не вырезки из газет, а оригинальные фото, снятые, вероятно, в конце сентября, ведь на них запечатлены явные признаки начавшейся осени. Хесс видит дом министра, снятый с разных ракурсов, ее мужа и сына, какой-то спортзал, служебный автомобиль Розы Хартунг, здание ее министерства и Кристиансборг и, наконец, целую кучу копий схемы транспортных артерий столичного региона из «Гугл»-карт.

Материалов целое море. Они полностью разрушают картину, которую Хесс уже было полностью сложил в уме, когда выходил из «принудиловки». Так что же, встреча с Линусом Беккером оказалась бесполезной? И как он ни старается подкрепить свою версию, она рассыпается напрочь. Но не только это мучает его. Перед ними явно возникает новая угроза. И она гораздо ближе той, предполагаемой им; она требует их внимания именно сейчас, когда кажется, будто они держат ситуацию под контролем. И поэтому Хесс продолжает изучать мириады фотографий, пока Нюландер спрашивает Янсена.

– Где эта парочка сейчас?

– В больнице женщина не появлялась уже несколько дней – сказалась больной. И местонахождение сожителя нам тоже неизвестно. О нем у нас, кстати, меньше всего информации, ведь брак официально не зарегистрирован. Так что пока разрабатываем только Бенедикте Сканс. Но мы уже запросили данные на Неергора у военных.

А контрразведку предупредили о нашей находке?

– Да, министр находится в безопасности. А что это за женщина там, внизу?

– Мать Асгера Неергора. Она, видно, тоже здесь проживает. Но якобы не в курсе, где они обретаются; впрочем, мы с ней еще не закончили.

– Так. Значит, мы считаем, что эти двое и есть убийцы?

Ту́лин не дает Янсену ответить, но внимание Хесса вдруг привлекают три или четыре кнопки. Между головками двух из них и стеной остались зажаты маленькие клочки бумаги, будто кто-то в спешке сорвал прикрепленную ими фотографию.

– Мы пока точно не знаем. Прежде чем делать выводы, необходимо...

– Это чего такого мы не знаем? Да ведь у всех у нас глаза есть, черт бы вас всех побрал! – возражает Ту́лин Янсен.

– Вот именно. Здесь масса материалов о Розе Хартунг, но совсем ничего нет об убитых женщинах. Если бы парочка их убила, мы наверняка хоть что-нибудь здесь на них нашли бы, но ведь ничегошеньки же нет.

– Так ведь женщина работала медсестрой в отделении, где вполне могла пересекаться по крайней мере с двумя жертвами, когда они появлялись там с детьми. Или это неважно?

– Нет, важно. Парочку, конечно, надо задержать и допросить, только вот пойди найди их сейчас. Ты ведь вызвал подкрепление и фактически на весь белый свет раструбил, что мы их здесь поджидаем...

Хесс все никак не отыщет фото, висевшее там, где теперь остались только кнопки, зато слышит у себя за спиной хладнокровный голос Нюландера:

– Как я понимаю, у Янсена были все основания действовать именно так, Ту́лин. Кстати, главный врач «принудиловки» только что любезно позвонил мне и сообщил, что вы с Хессом в это время как раз издевались над Линусом Беккером... Хотя я вам на пальцах объяснил, чтобы вы в это дело не совались. И как ты мне это объяснишь?

Хессу ясно, что именно сейчас ему следует встать на защиту Ту́лин, но вместо этого он неожиданно для себя самого поворачивается к Янсену.

– Скажи, как ты думаешь, старуха могла что-нибудь убрать отсюда перед самым твоим приходом?

– Какого дьявола вы делали у Линуса Беккера?

Спор за его спиной продолжается, а Хесс все пытается сообразить, куда бы сам спрятал это фото, зная, что в дверь к нему стучится полиция. Он отодвигает от стены комод – и на пол падает смятая фотография. Марк спешно поднимает и расправляет ее. Высокий стройный молодой человек, Асгер Неергор, как догадывается Хесс, стоит рядом с автомобилем со связкой ключей в руке. На нем прекрасный костюм темного цвета, а черное авто сверкает в лучах скупого солнца, точно его только что помыли и отполировали. И костюм, и дорогой немецкий автомобиль резко контрастируют с обветшалыми зданиями бывшей скотобойни на заднем плане. Хесс не сразу догадывается, почему мать Асгера Неергора решила спрятать именно эту фотографию. Еще раз поглядев на нее, он снова подходит к стене, сравнивает изображенную на нем машину с фотографией министерского авто Розы Хартунг, и у него не остается сомнений: Асгер Неергор стоит с ключами именно от министерского автомобиля. Но Марк не успевает сказать и слова, потому что в дверь просовывает голову одетый, как водится, в белый халат Генц:

– Прошу прощения, я вас прерву. Мы только что начали осмотр старого забойного цеха и нашли кое-что для вас интересное. Там одно помещение, похоже, подготовлено для содержания похищенного человека в течение долгого времени.

Дело близится к вечеру, и движение на трассе E20 к юго-западу от Копенгагена довольно плотное. Асгер изо всех сил жмет на кнопку звукового сигнала, показывая едущим впереди него идиотам, чтобы ему очистили полосу для обгона. Но те и не думают уступать дорогу, боясь маневрировать на скользком от дождя покрытии, и тогда он нетерпеливо обгоняет их по обочине. Впервые он заставляет мотор министерской «Ауди А8» работать на полную мощь. Ему плевать, привлечет он чье-либо внимание или нет, потому что сейчас главное – поскорее смыться куда подальше. Весь их план полетел к чертям собачьим, и Асгер понимает, что полиция раньше или позже догадается, что искать нужно их. А может, и уже догадалась.

Вообще-то сначала все шло как по маслу, но тридцать пять минут назад случился прокол. Он обеспечил себе алиби, проводив сопляка на теннис и обменявшись короткими приветствиями со стариком-директором спортзала, который всегда появляется перед тренировкой и проверяет сетки. Потом попрощался с ним и подъехал к залу с задней стороны, где припарковал машину среди сосен и вошел в здание через одну из боковых дверей, которую оставил приоткрытой, когда заводил сосунка на тренировку. Зал в это время практически пустует, так что ему не составило труда незаметно проникнуть в раздевалку. Подросток переодевался и ничего подозрительного не заметил. Асгер, с балаклавой на голове и в перчатках, уже готов был вытащить из кармана пропитанный хлороформом платок, но в этот момент послышались чьи-то шаги. В раздевалку вошел директор, и хотя Асгер успел стащить с себя клоунский наряд, возникла неловкая ситуация, поскольку Густав никак не ожидал увидеть его здесь. Директор же при виде его, напротив, вздохнул с облегчением:

– А, вот ты где... У меня контрразведка на проводе. Они просили меня найти Густава, ведь ты на звонки не отвечаешь. Но раз уж ты здесь, можешь сам поговорить с ними.

Директор протянул Асгеру свой мобильный телефон, и один из этих надменных хлыщей из личной охраны министра приказал ему везти Густава к матери в министерство, так как возникла чрезвычайная

ситуация. Полиция обнаружила место, где могли скрываться предполагаемые убийцы, в заброшенной скотобойне в Южном порту. Асгер почувствовал, как у него сдавило горло, но тут до него дошло, что пока что полиция разыскивает вовсе не *его*. Ему сделали замечание за то, что не отвечал на звонки по мобильнику, после чего Асгер снова покинул спортзал, на сей раз вместе с сопляком. Директор не спускал с него глаз, так что ему пришлось взять Густава в машину, хотя теперь это уже не имело никакого значения – ведь министерство было последним местом, куда он хотел бы отправиться.

– Почему мы едем по этой дороге? Так мы к моей...

– Заткни свою грязную пасть и дай мне свой мобильник.

Слова его настолько огорошили пацана на заднем сиденье, что тот на них даже не отреагировал.

– Дай мне свой мобильник. Ты что, оглох?

Густав подчиняется приказу и протягивает телефон водителю. Асгер швыряет мобильник в открытое окошко, и тот с треском падает на мокрый асфальт. Асгер чувствует, что парень напуган, но это его не волнует. Заботит только одно: куда им с Бенедикте теперь податься, ведь они не подумали о каком-то конкретном пути отхода на случай, если план их сорвется. Они-то рассчитывали, что будут уже за горами за долами, когда полиция заподозрит неладное, но вышло совсем не так. В голове у него роятся тревожные мысли, но он знает, что Бенедикте его простит – ведь в том, что план их накрылся медным тазом, его вины нет. Она все поймет, и вообще, пока они вместе, все будет в порядке.

Асгер поверил в это, когда впервые заглянул ей в глаза. Они познакомились в Тингбьерге, в старой обшарпанной школе с итальянскими занавесками на окнах, где она училась на пару классов младше, и он сразу же втюрился в нее. Они вместе прогуливали уроки, выпивали, курили и, лежа на травке за отбойником на кольцевой дороге, слали весь мир к..., в... и на... Бенедикте стала его первой женщиной. Но потом Асгера вышибли из школы за многочисленные драки, коих он был зачинщиком, и отправили в интернат для молодых людей в Южную Ютландию, в результате чего отношения их прекратились. Но почти десять лет спустя они снова встретились, на сей раз в Кристиании^[33], где Бенедикте прогуливалась с подружкой,

тоже работавшей в Центральной больнице, и уже на следующий день заговорили о совместном проживании.

Асгер любил, когда она прижималась к нему, словно давая понять, что чувствует себя за ним, как за каменной стеной. Хотя в глубине души признавал, что она бесконечно сильнее его. Служба в армии ему нравилась, но после двух командировок в Афганистан, где он водил патрульные машины и грузовики снабженцев, Асгер демобилизовался, потому что его стали преследовать приступы беспричинного страха и он часто просыпался по ночам, обливаясь потом и ощущая дикую слабость. Бенедикте тогда брала его за руку и держала ее в своей, пока он не успокаивался. По крайней мере, до следующего приступа. Возвращаясь домой после дежурств, она рассказывала ему о детях, которых встречала в больнице, и однажды призналась, что мечтает создать свою семью. И Асгер видел по ее лицу, что значит для нее эта мечта. Вскоре она нашла недорогое жилье в бывшей скотобойне, которое больше никого не привлекало. Когда Бенедикте забеременела, Асгер узнал через своего старого армейского товарища, куда обратиться, чтобы Бенедикте могла получать пособие как единственный кормилец, в чем они весьма и весьма нуждались.

Асгер никак не мог понять, что же случилось с нею после родов, полагая, будто в произошедших переменах виноват ребенок. Конечно, изъятие сына из семьи стало сильнейшим ударом для них обоих, хотя, говоря по правде, Асгер не успел по-настоящему привязаться к нему. После его рождения он вкалывал, монтируя строительные леса, чтобы прокормить семью, и в его глазах Бенедикте была хорошей матерью – во всяком случае, лучше женщины, произведшей его на свет и теперь постоянно заявлявшей к ним покляничить еды или денег на выпивку. Бенедикте связалась с адвокатами и с их помощью вышла на редакции газет и других СМИ и выступила с гневными заявлениями в адрес этой шлюхи-министра Розы Хартунг. Однако вскоре кампания сошла на нет, и как-то раз Бенедикте, заливаясь слезами, поведала ему, что журналисты больше не желают помогать им.

Потом сын их, находившийся в приемной семье, заболел воспалением легких и умер, и смерть его все круто переменяла. После столкновения с мудаком из местного отдела соцзащиты Бенедикте вынудили лечь в клинику, и каждый вечер, отработав весь день на лесах, Асгер мчался в Роскилле навестить ее в психиатрическом

отделении. Сперва ее так накачали лекарствами, что она не только говорить не могла, но и лицо ее не выражало никаких эмоций. Асгер же никак не мог разобраться в длинных разъяснениях старшей врачихи, которую он с большим удовольствием удавил бы. Сам он, к примеру, едва умел читать, но его заставили зачитывать Бенедикте вслух материалы из газет и всяких желтых журнальчиков. По возвращении домой Асгер запирался в своей скотобойне, чувствуя себя невероятно одиноким и совершенно беспомощным. Сидя перед телеком, он накачивал себя спиртным, просто чтобы исхитриться заснуть. Когда же осенью исчезла дочка этой шлюхи в ранге министра, дела у них пошли на лад.

Узнав, что министр соцзащиты тоже лишилась ребенка, Бенедикте воспряла духом, и когда Асгер как-то в очередной раз навестил ее ближе к вечеру, она сама положила ему на стул газету, чтобы он почитал ей. Это случилось в тот день, когда полиция прекратила расследование и закрыла дело. Постепенно писаки умерили пыл, зато Бенедикте снова стала улыбаться, и когда пошел снег и озеро позади больницы замерзло, они стали выходить на длительные прогулки.

В самом начале весны, когда Асгер уже думал, что все худшее осталось позади, в прессе стали появляться сообщения о том, что Хартунг собирается вернуться к исполнению министерских обязанностей после летнего отпуска. Писали в том числе и о том, что Роза Хартунг весьма рада этому обстоятельству. Бенедикте взяла его за руку и долго держала ее в своей, и Асгер понял: он сделает все, что она скажет, пока ее рука покоится в его руке.

План действий они стали разрабатывать сразу, как только Бенедикте выписали из больницы. Сперва они предполагали забросать Розу Хартунг анонимными электронными письмами и эсэмэсками с угрозой проникнуть в ее дом и устроить там погром, и даже, может быть, сбить ее на машине и оставить валяться на обочине. Но когда Бенедикте зашла на домашнюю страничку министерства в поисках электронного адреса Хартунг, ей на глаза вдруг попало объявление, что ведомству требуется личный водитель министра. Вот тогда-то план мести Розе Хартунг стал принимать конкретные очертания.

Бенедикте написала за него заявление о приеме на работу, а времени у нее было достаточно, потому что она только-только вернулась на работу в своей прежней должности в детском отделении с

испытательным сроком после отпуска по беременности и родам и длительного лечения в стационаре. Вскоре Асгера вызвали на собеседование к одному из заместителей министра – верный знак, что эти бараны ничего не знали о его связи с Бенедикте и причастности к ее войне с министром в медийном пространстве. Потому, видимо, что официально он был зарегистрирован по другому адресу. Кроме того, большую роль сыграли прекрасные характеристики Асгера, выданные его армейским начальством, а также то обстоятельство, что он весьма свободен и не обременен семейными обязательствами. К тому же Асгер непринужденно вел себя на собеседовании с агентом контрразведки, проверившим его на благонадежность с точки зрения спецслужб. А получив сообщение об одобрении его кандидатуры, они с Бенедикте отпраздновали победу, отправив Розе Хартунг письмо с угрозами и фотографиями ее дочери из «Фейсбука» в качестве поздравления с возвращением на пост министра.

В тот день Асгер как раз начал работу в новой должности и впервые встретился с Розой Хартунг. Он подъехал к ее шикарной вилле на Эстербро, а по дороге его вводил в курс дела советник министра Фогель, принадлежащий к тому сорту надменных говнюков, каковых Асгер, будь его воля, просто размазал бы по стене. Потом кровью двух пойманных на старой скотобойне крыс они нанесли на капот министерского авто надпись. И еще несколько коварных замыслов оставалось у них в заглавнике. Но все затмили серия идиотских убийств и каштановые человечки с таинственными отпечатками, что так или иначе должно было вывести Хартунг из равновесия. В принципе, этим Бенедикте могла бы и удовлетвориться, но ведь взорвалась бомба: дочь Розы Хартунг, которую все поголовно считали убитой, возможно, все же не погибла.

Эти события побудили их возобновить свои планы отмщения министру. Однако Хартунг теперь находилась под охраной спецслужб, и даже Асгеру было совершенно невозможно остаться с нею наедине. Тогда Бенедикте навела его на мысль о сыне, и Асгер согласился, что гораздо легче и эффективнее похитить сосунка. К тому же он решил, что по делу похищения Густава подозрение полиции, скорее всего, падет на преступника, совершившего последние убийства. Включив поворотник и съезжая с трассы, Асгер подумал об иронии судьбы –

надо же, их с Бенедикте сейчас разыскивают за преступления, которых они не совершали...

Дождь стучит в лобовое стекло, и когда Асгер въезжает на придорожную стоянку, дневной свет иссякает. В конце стоянки он видит пикап, который сегодня ранним утром они арендовали у «Хертца», но специально останавливается в двадцати метрах от него и выключает двигатель. Достает из бардачка свои вещи и на секунду поворачивается к мальчику.

– Сиди здесь и жди, пока за тобой не придут. И никуда из машины! Понятно?

Парень испуганно кивает. Асгер вылезает из машины, захлопывает дверцу и бежит к Бенедикте. Она выпрыгивает из пикапа и ждет его под дождем, хотя на ней всего лишь тонкий пуховый жилет и красная куртка с капюшоном.

Вид у нее далеко не радостный. Наверняка по его лицу она догадалась, что события развиваются против их ожиданий. Едва переводя дух, Асгер рассказывает ей, что произошло.

– Так что, дорогая, у нас два выхода. Либо мы сейчас же смываемся к чертям собачьим, либо едем в ближайший отдел полиции и рассказываем, в какое дерьмо мы с тобой вляпались. Ты как считаешь?

Бенедикте не отвечает. Молчит она и тогда, когда Асгер нетерпеливым движением открывает дверцу арендованного автомобиля, собираясь залезть в кабину, и протягивает руку за ключами. Она все так же стоит под дождем, уставя взгляд в какую-то точку у него за спиной, тот самый молчаливый серьезный взгляд, который в свое время погасил ее улыбку и смех. Асгер оглядывается назад и понимает, что смотрит она на искаженное страхом лицо сопляка, прижавшегося к тонированному стеклу министерского автомобиля. И до Асгера доходит, что Бенедикте не переменит своего решения. Наоборот, она будет настаивать на нем.

Роза спускается вслед за агентом спецслужбы по лестнице администрации премьер-министра и безуспешно пытается дозвониться до Стиина по мобильному телефону. Ей не терпится поговорить с ним; она знает, что он разделит переполняющие ее чувства. Только что контрразведчик прервал встречу в секретариате премьер-министра, сообщив, что полиция провела операцию и обнаружила место, где, по всей вероятности, скрываются преступники, убившие трех женщин и полицейского. Роза уже долгое время старается подавлять эмоции, но с тех пор, как Стиину удалось убедить ее, что найденные на каштановых человечках отпечатки пальцев Кристине имеют для них особое значение, ее охватила тоска. Сегодняшняя находка полиции означает прорыв в следствии, которого они ждали так долго, и тем не менее что-то тревожит и беспокоит ее.

Роза выходит во Дворик принца Йоргена, которым обычно пользуются только служащие администрации премьер-министра, где ее окружают сразу несколько агентов. Они заслоняют ее собой на пути к темного цвета машине, и когда она, преодолев стометровый отрезок, подъезжает к министерству, повторяют процедуру, сопровождая ее к главному входу. Роза не отвечает на вопросы журналистов, разбивших лагерь чуть ли не у самых дверей, проходит мимо охранников прямо к лифту, где ее ожидает Лю, и вместе они поднимаются вверх. С тех пор как СМИ стали распространять сенсационные слухи о судьбе Кристине, к Розе обращались насчет интервью бесчисленное множество раз, но она отказывала в комментариях всем.

Когда Стиин начал строить свои версии, рассказывая о придорожном киоске, подружке их дочери Матильде, каштановых человечках и животных, ей это не нравилось и даже вызывало возмущение. Она знала, что он стал пить и каждый божий день старался делать вид, что держит удар, хотя на самом деле вся эта история мучила его, может быть, даже больше, чем ее. Они горячо спорили, имеют ли какое-либо значение отпечатки на каштановых человечках, обнаруженных на месте двух первых убийств, или насколько важен вопрос, делали ли вообще девочки фигурки в

прошлом году. Хотя Роза, конечно, понимала, что ее мнение ничего не значит, ибо Стиина уже ничто не могло остановить. Судя по всему, никто другой, в том числе и из полицейских, не разделял его надежд, но тем не менее ему в конце концов удалось убедить ее в своей правоте. И не потому, что Роза поверила его аргументам, а потому, что верила в *него* и *хотела* верить. Стиин уже не был тенью себя самого, каковым пребывал столь долгое время, и когда однажды она дрожащим голосом спросила, действительно ли он убежден, что их девочка жива, муж просто кивнул и взял ее руки в свои, – и тогда она разрыдалась.

В ту ночь они впервые за более чем полгода спали вместе, и Стиин посвятил ее в свои планы. Роза поддержала его, хотя и не была уверена, хватит ли у нее сил все это выдержать. И вот в пятницу вечером Стиин появился в студии новостей, где заявил о полной своей уверенности в том, что Кристине жива. Как и год назад, он попросил телезрителей обратиться в полицию, если они обладают какой-либо информацией о ней, и призвал преступника отпустить Кристине. Роза постаралась выкроить время, чтобы посмотреть передачу вместе с Густавом, предварительно основательно подготовив сына. Но тот только разозлился и не принял аргументы отца. Роза прекрасно поняла, почему Густав растерялся и не одобрил поступка Стиина, и чуть ли даже не пожалела, что они решили выступить по телевидению. Но дальше – больше: в ту же ночь им сообщили, что на месте нового преступления найдена еще одна, уже третья по счету, фигурка каштанового человечка с отпечатками пальцев Кристине, и это лишь укрепило их надежду. Хотя и шеф убойного отдела, а позднее и два следователя, беседовавших с нею сегодня утром, настаивали на обратном.

Тем не менее свидетельства людей, видевших Стиина в новостях и действовавших из лучших побуждений, оказались, вероятно, бесполезными. Да и расследование, затеянное старавшимся восстановить ход событий в день исчезновения Кристине Стиином, никаких результатов не принесло. В выходные он проехал по маршрутам, которыми дочь могла пользоваться на пути из спортзала, в надежде отыскать новые следы или свидетелей, что могло поспособствовать решению загадки. Будучи известным архитектором, он получил доступ к проектной документации канализационных ходов, подземных туннелей, а также электро- и теплоподстанций,

которыми преступник мог бы воспользоваться, чтобы как можно быстрее спрятать Кристине от посторонних глаз. Все это напоминало поиски иголки в стоге сена, но Розу необычайно трогало, с каким самозабвением Стиин окунулся в эту работу. Потому-то ей и хотелось поскорее поделиться с ним новостью, из-за которой была прервана весьма неприятная для нее встреча с премьер-министром, встретившим ее в дверях своего кабинета.

– Входи, входи, Роза. Как дела? – Он приобнял ее.

– Благодарю. Не очень. Я несколько раз предлагала Герту Букке встретиться еще раз, но он так и не проявился, так что, думаю, нам нужно немедленно начать переговоры о поддержке нашей политики с другими партнерами.

– Да, но я не о Букке тебя хотел спросить, с ним все ясно, он с нами переговоры больше вести не будет. Я собирался поговорить о тебе и Стиине.

А Роза-то думала, ей придется отчитываться о провалившихся переговорах по поводу бюджета на следующий год... Однако повестка дня оказалась совсем иной. Впрочем, она могла бы об этом догадаться, иначе чем можно было бы объяснить присутствие на встрече министра юстиции?

– Пойми меня правильно и не обижайся. Я, в принципе, все понимаю, но ты же знаешь, что правительство за последний год уже получило пару серьезных укулов, и создавшаяся ситуация нам определенно не на руку. Обращение Стиина в СМИ фактически ставит под сомнение старания министра юстиции. Он ведь неоднократно повторял, что трагическое дело Кристине расследовано полностью и было сделано все, чтобы помочь вам. Да ты и сама его за это благодарила. Но теперь доверие к нему серьезнейшим образом подорвано.

– Я бы даже сказал, ко всему *правительству*, – заметил министр юстиции. – Нам в министерство звонят круглые сутки. Журналисты добиваются доступа ко всякого рода официальным документам. Оппозиция предлагает возобновить следствие, а кое-кто хочет вытащить меня на парламентский час по этому поводу. Да черт с ним, со мной – сегодня с утра прокомментировать это дело просили самого премьера.

– Чего я, разумеется, делать не собираюсь. Но в том, что на нас оказывается сильнейшее давление, сомнений нет.

– И чего вы хотите от меня?

– Я хочу попросить, чтобы ваши со Стиином действия не противоречили точке зрения министра юстиции. То есть чтобы ты дистанцировалась от высказываний мужа. Я понимаю, тебе это не так легко, но вспомни, я ведь оказал тебе доверие, и ты лишь благодаря этому вернулась на пост министра. И мне необходимо, чтобы ты мое доверие оправдала.

Роза разозлилась. Она настаивала на том, что в деле *есть* неясности. Премьер попытался найти компромисс, а министр юстиции еще больше надулся, и на этом встреча прервалась. Да, конечно, эти двое могут послать ее по известному адресу, но Розе вдруг стало все равно. Пока они с Лю идут к ее кабинету, она быстро набирает сообщение на автоответчик Стиина.

– Как прошло совещание у премьера? – интересуется Фогель.

– Не имеет значения. Что вам известно?

Она присоединяется к сидящим за столом Фогелю, двум контрразведчикам, первому замминистра Энгелльсу и еще двум сотрудникам министерства, которые информируют ее о развитии событий. Десять минут назад спецслужбы напрямую сообщили в министерство имя арендатора жилого помещения в Южном порту, и Энгелльс мгновенно заполучил дело Бенедикте Сканс. Они начинают пересказывать его содержание, хотя Розе оно хорошо знакомо, а Фогель и Энгелльс наперебой высказывают свои предположения, какую роль Бенедикте Сканс может играть в событиях сегодняшнего дня. Звонит мобильник одного из агентов, и он выходит из кабинета, чтобы ответить на вызов. Другой агент спрашивает, не встречалась ли Роза в последнее время с Бенедикте или, может быть, ее сожителем. Фотографией его они пока не располагают, а вот фото Бенедикте Сканс той поры, когда она постоянно мелькала в медийном пространстве, целая куча.

– Вот она.

Роза узнает молодую женщину со злобными темными глазами. Именно с ней она столкнулась чуть более двух недель назад в Парадной галерее Фолькетинга. Женщина была в пуховом жилете и красной куртке с капюшоном, а произошел инцидент в тот самый день,

когда кто-то оставил надпись кровью на радиаторе министерского автомобиля.

– Я могу подтвердить. Я тоже ее видел.

Контрразведчик записывает слова Фогеля, а Энгелльс продолжает зачитывать материалы дела, из которых следует, что у Бенедикте Сканс отобрали сына и тот трагически погиб в приемной семье.

Роза наконец-то понимает, что заставляет ее нервничать.

– Почему Густав еще не приехал?

Фогель берет ее за руку.

– Водитель везет его сюда. Все о'кей, Роза.

– Что вы можете сообщить о Бенедикте Сканс? С ней кто-нибудь был в тот день в Кристиансборге? – продолжает задавать вопросы агент.

Однако беспокойство не отпускает Розу. Она вдруг вспоминает, что водитель еще вчера спрашивал, ему или Стиину везти сегодня Густава на теннис. И тут голос Энгелльса заставляет ее замереть:

– Особой информацией о сожителе и отце ребенка мы не располагаем; знаем только, что он служил в Афганистане водителем и зовут его Асгер Неергор.

Фогель тоже застывает на месте, и они с Розой обмениваются взглядами.

– Асгер Неергор?

– Да...

Роза незамедлительно проверяет приложение на своем мобильном телефоне, а Фогель так стремительно поднимается со стула, что тот падает на пол. Приложение называется «Find my Child»^[34]; они со Стиином установили его в прошлом году, чтобы отслеживать местонахождение Густава. Карта GPS, однако, пуста: телефон Густава не передает сигнал. Хартунг не успевает сказать об этом, как в помещении появляется агент, вышедший поговорить по телефону. Роза встречает его взгляд и чувствует, как пол проваливается у нее под ногами. Точно так же, как в день исчезновения Кристине.

Очнувшись, Хесс понимает, что несколько минут пребывал в отключке. Он сидит слева от Ту́лин за столом в комнате для оперативных совещаний, и вялый взгляд его обращен к окнам, выходящим на дворик с колоннами, давно уже погружившийся в темноту. До него доносятся громкие возбужденные голоса, свидетельствующие, что ситуация сложилась серьезная. Впрочем, обстановка ему привычна. Где бы в мире ни случилось похищение ребенка, полиция и спецслужбы реагируют по одному и тому же сценарию. С той только разницей, что работают они более напряженно, когда речь идет о похищении ребенка известного политика.

Прошло уже пять часов, как министерский автомобиль Хартунг обнаружили на придорожной стоянке у одной из автомагистралей к юго-западу от Копенгагена. Но никаких следов ни Густава, ни Бенедикте Сканс или Асгера Неергора полиция не нашла. Никаких требований похитители также не выдвигали.

Сразу же после обнаружения автомобиля началась крупнейшая в истории Дании розыскная операция. Границы, аэропорты, железнодорожные станции, мосты, паромные причалы и береговая линия были взяты под контроль сотрудниками местных отделов и экипажами патрульных машин. У Хесса сложилось такое впечатление, что чуть ли не весь полицейский автопарк был задействован в операции, общее руководство которой осуществляли контрразведка и Управление полиции Копенгагена. К акции даже подключили подразделения гражданской обороны, члены которых, не закончив ужин, отправились в осеннюю темноту. Об операции уже давно предупредили коллег из Норвегии, Швеции и Германии; поступила информация о ней и в Интерпол, и в Европол. Однако Хесс не питал особых надежд на помощь международных организаций. Они подключатся лишь тогда, когда станет ясно, что похитители пересекли границы нескольких стран, но в таком случае вероятность найти Густава Хартунга уменьшится самым драматическим образом. Практика показывает, что наилучшие шансы обнаружить похищенных

сохраняются в течение первых двадцати четырех часов, пока следы преступников еще свежи.

Хесс старается прогнать воспоминания о похищении человека, в поисках которого участвовал пару лет назад. То дело потребовало совместных действий французской и немецкой полиции. Исчез двухлетний мальчик из Карлсруэ, и франкоговорящий похититель стал вымогать у отца ребенка, директора одного из немецких банков, два миллиона евро за возвращение сына. Хесс был в составе группы в условленном месте, где преступник должен был забрать деньги, но так и не явился за ними. А месяц спустя они нашли тело мальчика в канализации всего лишь в пятистах метрах от дома, где проживала семья директора банка. Экспертиза показала, что у ребенка проломлен череп, – по-видимому, похититель уронил его на асфальт рядом с канализационным люком, когда пытался вместе с ним скрыться с места преступления. Убийцу они тогда так и не нашли.

К счастью, обстоятельства исчезновения Густава не столь драматичны, и повод для оптимизма пока еще остается. Как раз сейчас оперативники опрашивают коллег Асгера Неергора, а также сотрудников Министерства соцзащиты, парламента и детского отделения Центральной больницы по месту работы Бенедикте Сканс. Пока что никто из опрошенных не сообщил, где могла бы скрываться парочка вместе с мальчиком, но еще рано исключать возможность получения ценной для следствия информации. Кроме того, во всех выпусках новостей постоянно показывают фотографии Густава Хартунга, и потому похитители вряд ли решатся засветиться с ним в каком-нибудь многолюдном месте. А это и хорошо, и плохо. Хорошо потому, что большинство граждан в состоянии узнать Густава, если увидят его хотя бы мельком, и проинформировать власти о его местонахождении. И плохо, потому что это обстоятельство будет давить похитителям на психику, и как бы они, находясь в состоянии аффекта, не приняли роковое решение. Эту проблему жарко обсуждали в руководстве как Управления полиции, так и контрразведки, но в конце концов дискуссии оказались излишними. Родители Густава сами настояли на том, чтобы о розыске их сына объявили публично, после чего споры прекратились. И Хесс прекрасно понял, почему они приняли такое решение. Год назад семья пережила жуткий кошмар, и не успели они хоть чуть-чуть прийти в себя, как на них нахлынула

новая волна потрясений. Разумеется, хвататься следует за любую соломинку, но знать, верное ли решение приняли родители Густава или нет, Хесс не мог.

Он слышит, как Ту́лин требовательным голосом обращается к Генцу, который из своей ставки в экспертно-криминалистическом отделе по громкой связи докладывает на лежащий на столе мобильник Нюландера о результатах предварительной экспертизы.

– Удалось ли засечь их мобильники?

– Нет. Бенедикте Сканс и Асгер Неергор отключили свои мобильные телефоны сегодня в шестнадцать семнадцать, то есть, видимо, сразу после похищения. Не исключаю, что у них есть другие, незарегистрированные телефоны, но пока я их не...

– А планшеты и ноутбуки в квартире? Там по крайней мере был один «Айпэд» и ноутбук «Леново». Нет ли там электронных билетов на самолет, паром или поезд? Да, и, может, они пользовались кредитными картами?

– Я уже сказал: ничего, что могло бы нам понадобиться, мы пока не нашли. А чтобы добраться до стертых файлов на «Леново», нам потребуется еще какое-то время, потому что ноутбук был поврежден и...

– Так вы, выходит, пока ни фига не проверили, Генц! Нет у нас времени на это! Если на «Леново» есть уничтоженные файлы, их можно воссоздать по программе рекавери, и тебе, черт побери, надо...

– Ту́лин, он сам знает, что ему делать. Генц, сообщи мне сразу, как только найдете что-то стоящее.

– Конечно, мы трудимся в поте лица.

Нюландер заканчивает разговор и убирает телефон в карман. Ту́лин стоит в позе боксера, которому только что сообщили, что сегодня на ринг он не выйдет.

– Что-нибудь еще? Давайте продолжим, – предлагает Нюландер.

Янсен пододвигает к себе лежащий на столе блокнот:

– Я переговорил с психиатрами из роскильльской больницы. Ничего, что пригодились бы нам здесь и сейчас, нарыть не удалось. Зато нет никаких сомнений, что после смерти ребенка у Бенедикте Сканс напроць съехала крыша. Один из старших врачей уверял, что за время пребывания у них она прилично поправила здоровье, но и он не исключает, что она временами может агрессивно вести себя. Это,

конечно, супер-пуперское утешение, особенно если вспомнить, что Бенедикте Сканс работает в детском отделении.

– То есть никаких идей, где она может быть сейчас? А что насчет Асгера Неергора?

– Тридцать лет. Дважды во время службы в армии направлялся в командировку в Афганистан в качестве водителя, соответственно в команде «семь» и в команде «одиннадцать». Характеристики прекрасные, но некоторые его бывшие сослуживцы говорят, что он дембельнулся не потому, что служба ему наскучила, а по какой-то иной причине.

– По какой же?

– Говорят, у него руки начали дрожать, он стал избегать общения с товарищами. Сделался вспыльчивым и агрессивным... в общем, налицо симптомы постравматического невроза. Правда, наверное, не столь явные – по крайней мере, на лечение его не отправляли. Как контрразведчики дали добро, когда его принимали на работу водителем министра, уму непостижимо. Наверняка там кое у кого головы полетят.

– Кто-нибудь из них знает, где он может сейчас обретаться?

– Нет. И мамаша тоже не в курсе. Во всяком случае, молчит на этот счет.

– Что ж, тогда заканчиваем совещание и продолжаем работать. Пока что у нас нет ничего, и это очень не здорово. В мотивах их действий против Хартунг сомнений нет, так что нам, черт бы вас всех побрал, кровь из носу надо как можно скорее найти мальчишку. И пока мы не найдем его в добром здравии, на убийство парочкой четырех человек не отвлекаемся.

– *Если только* парочка на самом деле убивала. – Хесс впервые за время совещания подает голос, и Нюландер смотрит на него как на стоящего на пороге и пытающегося войти в комнату постороннего. Но пока дверь перед ним не захлопнулась, Марк успевает продолжить: – По месту их жительства не найдено никаких доказательств, что именно они совершили эти убийства. Да, угрожали Розе Хартунг смертью, да, подготовили и осуществили похищение ее сына. Но у нас нет ничего, что доказывало бы их участие в убийстве трех женщин. И по крайней мере в одном случае у Асгера Неергора есть алиби – ведь в момент нападения на Анне Сайер-Лассен он, по данным спецслужб,

вместе с Розой Хартунг и ее секретарем находился возле ее автомобиля на заднем дворе министерства.

– Но у Сканс-то алиби нет.

– Верно, но это вовсе не обязательно означает, что она убила Анне Сайер-Лассен. Да и какой мотив мог быть у парочки в таком случае?

– Не надо напускать туману. Ясно ведь, ты просто хочешь отмазаться за визит к Линусу Беккеру. Бенедикте Сканс и Асгер Неергор у нас основные подозреваемые. А о вашем поведении в «принудилровке» мы позднее поговорим.

– Ничего я не отмазываюсь...

– Хесс, если б вы с Тулин как следует поработали с делами в министерстве, мы, вполне возможно, вышли бы на след Бенедикте Сканс и Асгера Неергора несколько раньше, и Густава Хартунга не похитили бы! Я понятно излагаю?

Хесс не произносит ни слова. Он и сам думал о том же и на миг даже почувствовал себя виноватым, хотя и знает, что на самом деле вины его ни в чем нет. Нюландер быстрым шагом покидает помещение. Янсен и остальные участники совещания следуют за ним, а Тулин снимает свое пальто со спинки стула.

– Сейчас главное – найти мальчишку. А потом разберемся, они убивали или нет.

Не ожидая ответа, Найя исчезает в глубине коридора. Через стеклянные окошечки в двери Хесс наблюдает, как следаки и опера снуют мимо друг друга с решительностью и сосредоточенностью, характерными для них, когда дело близится к кульминации и развязке. А вот сам Марк ни решительности, ни сосредоточенности за собой в данный момент не замечает. И встает лишь для того, чтобы выйти на улицу подышать свежим воздухом. Ему представляется, будто ими командует опытный кукловод.

Темнота обычно не мешает Асгеру, когда он за рулем. Глаза его быстро привыкают к ней, и он чувствует себя уверенно и спокойно, даже если, как и сейчас, едет под дождем на большой скорости.

По-настоящему ему понравилось ездить в темноте в Афганистане, где он перевозил военнослужащих и грузы между лагерями, и зачастую уже после захода солнца. Хотя многие его коллеги-водители считали это дело весьма опасным, Асгера оно ничуть не пугало. Он полюбил сидеть за рулем задолго до первой командировки. Когда двигался все дальше и дальше, виды сменявших друг друга за окошком пейзажей успокаивали, и мысли его приходили в порядок. А вот в Афганистане он понял, что лучше всего ездить ночью. Темнота словно защищала его, придавала уверенности и душевного равновесия, чего ему всегда не хватало.

С обеих сторон к шоссе подступает плотный лес, и хотя Асгеру почти ничего там не видно, ему кажется, будто вот-вот оттуда выскочит нечто и поглотит его всего, с потрохами. Отчего у него бегут по коже мурашки и усиливается шум в ушах. Он сильнее жмет на педаль газа, точно старается убежать от собственной тени.

Полицейские повсюду перекрывают дороги, и Асгеру с Бенедикте все время приходится менять направление. Сначала они ехали к Гедсеру, затем – к Хельсингёру, откуда ходит паром в Швецию, но и там, и там их обгоняли полицейские машины, и не стоило большого труда сообразить, куда и зачем они торопятся. Вот поэтому Асгер и держит сейчас курс на Щелландс Одде. Ехать на мост через Большой Бельт бессмысленно, это все равно что отправиться напрямик в ближайший полицейский участок. У него теплится надежда, что въезд на паром до Ютландии еще не взят под контроль, хотя в глубине души он знает, что это маловероятно. Асгер старается понять, куда им двигаться дальше, если предчувствия его обманут, но ничего путного в голову не приходит, а сидящая рядом с ним на пассажирском месте с угрюмым видом Бенедикте молчит.

Асгер вообще-то не был готов брать сопляка с собой, но вопрос этот не подлежал обсуждению, и он прекрасно понимал Бенедикте.

Если б они вот так запросто сдались, вся их операция оказалась бы курам на смех, а министерская шлюха так никогда и не поняла бы, что наделала. Было бы в высшей степени справедливо заставить ее саму тоже пройти все круги ада. И потому Асгер не чувствовал угрызений совести из-за похищения мальчишки. А за то, что щенок сейчас валяется в грузовом отсеке пикапа, пусть мамашу свою благодарит.

Асгер резко тормозит. Чувствует, как машину заносит на мокром асфальте, но тут же отпускает тормоз и выравнивает автомобиль. Далеко впереди среди мокрых деревьев на шоссе он замечает темно-голубые отсветы мигалок, и хотя самих полицейских машин не видно, ясен пень, за следующим поворотом их ждет еще один кордон. Асгер включает поворотник, сбрасывает скорость, а потом совсем останавливается.

– Черт побери, что же нам теперь делать?

Бенедикте не отвечает. Асгер решительно разворачивается и на полной скорости мчится в обратном направлении, громко перечисляя, какие еще возможности скрыться от преследования у них остаются. Когда же Бенедикте открывает рот, он слышит совсем не то, что ожидал:

– Сворачивай в лес. В следующий раз.

– Зачем? Зачем нам туда?

– Сворачивай в лес, я тебе говорю!

На следующем съезде с шоссе Асгер поворачивает в лес, и вскоре машина уже шуршит по узкой покрытой гравием дороге. Бенедикте, разумеется, понимает, что они окружены, и теперь единственный верный выход для них – затаиться в лесной глубине и дожидаться, пока уляжется суматоха. Асгер служил в армии, и кому, как не ему, принимать такого рода решения, но, как всегда, сделала это за него Бенедикте. Они проезжают еще три-четыре минуты. Лес еще не настолько густой, чтобы Асгер счел это место подходящим для укрытия, но внезапно Бенедикте просит его остановиться.

– Нет, не сейчас. Надо проехать подальше. Они увидят нас, если...

– Останови машину! Останови сейчас же!

Асгер жмет на тормоз – пикап мгновенно останавливается – и выключает мотор, но оставляет дальний и ближний свет. Бенедикте сперва не двигается. Он не видит ее лица, только слышит ее дыхание и

стук дождя по крыше. В темноте она достает что-то из бардачка и открывает дверцу кабины, собираясь вылезти наружу.

– Ты что задумала? У нас нет времени здесь торчать.

Бенедикте захлопывает дверцу, и Асгер слышит лишь отзвук своего голоса в кабине. В свете фар он видит, как она обходит машину спереди, и когда поворачивает налево и собирается пройти мимо него, Асгер инстинктивно соскакивает на землю.

– Что ты задумала?

Бенедикте протискивается мимо него и решительно направляется к раздвижной двери грузового отделения пикапа. В правой руке ее блестит какой-то предмет, и Асгер вспоминает, что сегодня рано утром положил в бардачок свой солдатский нож, когда они забирали машину у «Хертца». До него доходит, что она собирается делать. Да, мысль о том, что он все-таки сочувствует сосунку, неожиданна для него самого, и Асгер хватается Бенедикте за руку. Он ощущает, насколько она сильна и насколько велико ее желание осуществить задуманное.

– Отпусти! Отпусти меня, я тебе говорю!

Они борются в темноте. Бенедикте пытается вырваться у него из рук, и Асгер чувствует, как лезвие ножа скользит по его телу в районе паха.

– Он же совсем ребенок! Он же нам ничего не сделал!

Ему наконец-то удастся прижать ее к себе. Руки Бенедикте слабеют, и она раздражается рыданиями. Слезы лишают ее последних сил, и Асгер не может сообразить, сколько они простояли вот так в темном лесу, но, думается ему, целую вечность. А еще он понимает, что это лучшее мгновение в его жизни. И знает, что Бенедикте чувствует то же. Да, противник невероятно силен, но ведь они по-прежнему вместе. Асгер не видит ее лица, но слезы пошли на убыль, и тогда он вынимает нож из ее руки и отбрасывает в сторону.

– Мы отпустим пацана. Нам будет легче, если мы останемся вдвоем, а как только его найдут, «мусора» ослабят хватку.

Теперь, когда он чувствует близость ее тела, Асгер ничуть не сомневается, что у них все получится. Он ласкает ее и поцелуями осушает слезы, а Бенедикте, всхлипывая, согласно кивает головой. Она все еще твердо держит его за руку, но другою рукой собирается открыть дверь в грузовой отсек. Если рассказать парнишке, в каком

направлении идти, он за пару часов доберется до полицейского оцепления, и тогда они с Бенедикте смогут выиграть нужное время.

Раздавшийся вдалеке звук вынуждает Асгера остановиться и всмотреться в темноту. Это звук мотора приближающегося автомобиля. Не отпуская руки Бенедикте, Асгер оглядывается в ту сторону, откуда они приехали. Метрах в пятидесяти от них в лужах на гравийной дороге отражается свет фар, который через несколько мгновений заставляет их зажмуриться. Машина останавливается, водитель выключает и двигатель, и свет.

На дороге устанавливается крошечная тьма. В голове у Асгера проносятся тысячи мыслей. Поначалу он думает, что это полиция, только в автомобиле без опознавательных знаков; однако полицейские вряд ли вели бы себя так спокойно в подобной ситуации. А вдруг это какой-нибудь фермер или лесник? И лишь потом до него доходит, что появиться в такое время суток на этой дороге может только тот, кто ищет *их*. Но ведь никто не видел, как они свернули с шоссе в лес. И он уже давно позаботился, чтобы никто не мог засечь их местонахождение по мобильникам...

Асгер чувствует, что Бенедикте еще сильнее сжимает его руку, и, услышав звук открываемой дверцы, задает вопрос в темноту, но не получает ответа.

– Кто вы? – повторяет он вопрос.

Шаги приближаются, и, понимая, что через мгновение ему станет известен ответ, Асгер наклоняется, чтобы подобрать валяющийся на земле нож.

Ту́лин высыпает мусор на расстеленные на полу в кухне две рекламные газеты, вынимает из ящика шкафчика вилку и начинает ковыряться в содержимом мусорного ведерка. На руках у нее пластиковые перчатки. В нос бьет резкий запах протухшей еды, сигаретных бычков и консервов. Ей приходится разворачивать смятые магазинные чеки в надежде выяснить, куда могла скрыться парочка. Генц и его криминалисты ранее сегодня уже всё перерыли в доме, где раньше располагался магазин, но Найя предпочитает перепроверить. Впрочем, и она ничего не находит. Только чеки продовольственных магазинов да еще квитанция из химчистки – по-видимому, за чистку костюма, в котором Асгер Неергор возил Розу Хартунг. Ту́лин оставляет мусор на газетах.

Она находится в жилой части заброшенного предприятия, и кроме нее самой да еще ведущих наблюдение экипажей пары припаркованных неподалеку патрульных машин в квартале больше никого нет. Пока что она может лишь констатировать, что Генц и его команда выполнили свою работу блестяще. Действительно, нет здесь даже намек на то, что парочка имела еще какое-либо жилье, кроме того, где сейчас находится сама Ту́лин. Что они продумывали маршруты отхода или искали какие-либо потайные места, где могли бы скрыться от полиции. Ранее днем сыщики обнаружили в одной из холодильных камер в старом забойном цехе матрац, ватное одеяло, мобильный туалет и несколько журнальчиков с детскими комиксами. Судя по всему, именно там и было задумано держать Густава Хартунга. Найя содрогается при этой мысли, но с другой стороны, за время обыска она не обнаружила никаких признаков, что в этой квартире проживали двое хладнокровных убийц. Во всяком случае, как она таковых себе представляет. Ясно, что Асгер Неергор постоянно проживал здесь, а не в той комнате, которую он, согласно официальным данным, снимал у своего бывшего сослуживца. По всему видно, что ему нравились японские комиксы манга с обнаженными женщинами. Но лишь это среди обнаруженных ею и предположительно принадлежавших ему вещей могло – и то,

разумеется, с большой натяжкой – свидетельствовать о преступных наклонностях Асгера Неергора. На данный момент, полагает Ту́лин, его более всего отличает тот факт, что ему, тридцатилетнему мужику, нравились «Дом в Кристансхауне»^[35] и простенькие датские комедии и мелодрамы с Дирком Пассером^[36] и Ове Спрогёе^[37], эдакие идиллические картинки из славных шестидесятых-семидесятых с зелеными лужайками и развевающимися национальными флагами. Проигрывал он их, видно, на запыленном DVD-плеере и, лежа на потертом кожаном диване, смотрел на старом телеке с плоским экраном. Но с точки зрения Ту́лин все это вовсе не обязательно свидетельствует, что он психопат или просто невменяем.

Вещи же Бенедикте, по которым можно было бы судить о ее личности, представлялись Найе более значимыми в этом смысле: брошюры о правилах изъятия детей из неблагополучных семей местными органами опеки, выписки из статей закона о социальном обеспечении с пометками и пояснениями Бенедикте, а также юридические журналы о защите интересов ребенка и прочее в том же духе. Кроме того, в нескольких ящиках комода в гостиной Ту́лин обнаружила целую кипу прозрачных папок и скоросшивателей с документами по делу об изъятии их ребенка и перепиской Бенедикте с местными властями и назначенным ей государственным адвокатом. Почти на каждой странице сохранились сделанные от руки записи, некоторые из них нечитаемы, но все сплошь усеяны вопросительными и восклицательными знаками, и Ту́лин представила себе, до какой степени доходили гнев и смятение Бенедикте Сканс. Но были там еще и поэтические сборники школьных времен Бенедикте с наклеенными фотографиями ее самой и Асгера Неергора, лежащими на травке перед уродливым дорожным отбойником, а также документы о среднем медицинском образовании и различные программы реабилитации женщин во время беременности и в послеродовой период.

И чем больше Ту́лин вникала в бумаги, тем сложнее ей становилось представить, что эта парочка могла совершить убийства, которые ей с Хессом выпало расследовать. И еще труднее – поверить, что им оказалось по плечу в течение нескольких недель водить за нос столь серьезным образом организованное следствие. Поэтому она и признала правоту Хесса, в разговоре с Нюландером весьма критически высказывавшегося по поводу возобладавшей версии.

Когда сегодня утром Найя разглядывала материалы на стенах в квартире Хесса на Нёрребро, ей подумалось, что Хесс слегка сбрендил. Ко всему прочему, он никак не хотел признавать, что дочка Хартунгов давно погибла. А если еще вспомнить его противоречащее всем правилам и регламентам решение навестить сперва Генца, а затем и Линуса Беккера, то вполне можно было предположить, что Хесс малость – а может даже и не малость – не в себе. Ту́лин, правда, не забывает, что почти ничего о Хессе и его прошлом не знает. И тем не менее случившееся в «принудилровке» заронило в ней зерно сомнения, а теперь она уже думает, что неплохо было бы им вернуться туда и попытаться вытянуть из Линуса все, что ему известно об убийствах и Кристине Хартунг.

Все так, но сейчас-то речь идет о Густаве. Закончив проверять ящики комода в комнате наверху, Найя спускается вниз, собираясь отправиться к Генцу и помочь ему «вскрыть» ноутбук, с чем у него вроде бы возникли проблемы. Внизу она поворачивает за угол и идет по коридору, но тут ее останавливает какой-то слабый звук. Где-то, видимо, сработала сигнализация, но не в жилой части. Впрочем, и не автомобильная охранная система, потому что звук раздается не с такой частотой, хотя он так же высок и пронзителен. Ту́лин возвращается назад и через кухню идет к коридору, напрямую связывающему жилую часть с собственно забойным цехом. Она открывает дверь в цех, и звук становится отчетливее. В большом продолговатом помещении темно, и Найя останавливается, не зная, где расположены выключатели. Внезапно ее пронизывает мысль: если парочка не имеет отношения к убийствам, то не может ли настоящий преступник прятаться где-нибудь здесь, в темноте? Ту́лин старается прогнать эту мысль – ведь с чего бы ему здесь таиться, – и все же достает пистолет и снимает его с предохранителя.

Освещая путь фонариком мобильного телефона, она движется в сторону, откуда доносится звук, проходит мимо холодильных камер, в том числе и той, что приготовлена для Густава Хартунга. В некоторых помещениях совсем пусто, если не считать свисающих с потолка огромных крюков, но в большинстве из них свалены какие-то коробки и старый мусор.

У двери в одну из последних камер Найя останавливается. Именно оттуда доносится звук. Она входит в помещение, делает два-

три шага и видит, что, наверное, Асгер Неергор оборудовал его для своих тренировок. В свете мобильного телефона она видит старые, облупившейся краской, гири, тяжелоатлетическую штангу, сломанный гоночный велосипед рядом с грязными армейскими сапогами и камуфляжной формой. Но больше всего озадачивает Тулин запах. Хотя она и находится в бывшем забойном цеху, ни в одной другой камере, кроме этой, не воняет тухлым мясом. Но Найя не успевает додумать эту мысль до конца, потому что ее отвлекает какое-то движение в углу. Она направляет телефон в ту сторону. Четыре или пять крыс, не обращая внимания на свет мобильного телефона, вцепились в нижнюю часть дверцы сильно поврежденного бытового холодильника, стоящего в углу рядом с какими-то садовыми инструментами и сложенной гладильной доской. Индикатор на холодильнике мигает и издает тот самый звук, потому что крысы прогрызли резиновую прокладку, и дверца его слегка приоткрылась. Тулин подходит к нему, но крысы разбегаются, только когда она шугает их ногой. Они расположились на небольшом расстоянии от нее, бегают взад и вперед и нещадно пищат. Найя осторожно открывает дверцу холодильника, заглядывает внутрь – и резко зажимает рот рукой, чтобы ее не вырвало.

– Ты совершенно уверен? Бенедикте Сканс действительно дежурила в ночь на пятницу шестнадцатого октября и на субботу семнадцатого октября?

– Да, абсолютно уверен. Я только что общался со старшей сестрой отделения, и она это подтвердила, тем более что сама дежурила в это время.

Хесс благодарит оперативника, заканчивает телефонный разговор и поднимается к кабинету министра соцзащиты Розы Хартунг. На часах около одиннадцати, в приемной нервничает народ, постоянно звонят мобильники. Несколько оперативников продолжают беседовать с сотрудниками министерства. Две женщины с красными глазами отвечают тихим голосом, поминутно всхлипывая. Вокруг на столах видны белые пластиковые пакеты с едой навынос, которые никто пока еще не распечатал из-за нехватки времени.

– Министр у себя?

Секретарь министра судя по внешности, китаянка, не отрываясь от бумаг, кивает Хессу в ответ, и он проходит к двери красного дерева, повторяя про себя код доступа к файлам «Айпэда», который взял на время в комнате отдыха водителей в Кристиансборге.

Тулин, конечно, права: главное сейчас найти младшего Хартунга. После совещания в управлении Хесс сразу же отправился в Министерство соцзащиты помочь в сборе информации о передвижении преступной парочки и местах, где они могли бы скрываться. И в первую очередь поговорить с людьми, которые ежедневно общались с Асгером Неергором. Однако очень скоро ему стало ясно, что никто из них ничего толком не знает. Оперативники уже сделали свою работу, и Хесс ничего нового не добился. Асгер Неергор не был особо общительным, а о своей личной жизни, хобби и прочем, что могло бы представлять интерес, вообще не распространялся. В основном люди рассказывали о качествах его натуры. Некоторым он с самого начала показался необычным. Какой-то он, дескать, странный, молчаливый, может быть, даже несколько придурковатый, но Хесс понимал, что все это люди говорят сильно

задним числом. Уже в течение многих часов разные телеканалы подвергали сограждан ковровым бомбардировкам новостями о розыске Густава Хартунга, передавая описания внешности предполагаемых преступников, среди которых – вот она, настоящая сенсация! – оказался персональный водитель Розы Хартунг. И если кто-то сомневался, что эта история – лакомый для прессы кусочек, то ему достаточно было увидеть множество передвижных телевизионных студий и армию журналистов, собравшихся на малюсенькой площади перед входом в министерство, которые в своих репортажах давно уже по-своему охарактеризовали личности похитителей. Те же свидетели, на показания которых полагался Хесс, отмечали, что Асгер Неергор был интроверт и не очень далекого ума, держался замкнуто и в перерывах обычно курил и говорил по телефону у канала, в отличие от коллег, предпочитавших убивать время в теплой комнате отдыха водителей в здании парламента.

В комнате отдыха Хесс тоже побывал, и один пожилой шофер рассказал, как не раз и не два помогал Асгеру справиться с замками гаража, где водители оставляли служебные машины министерства на ночь. И уже хотя бы по одной этой причине невозможно предположить, что этот малый вместе со своей сожительницей был в состоянии продумать до самых мелочей план убийства Лауры Кьер, Анне Сайер-Лассен и Йесси Квиум.

Еще более очевидным это стало, когда другой сослуживец Асгера Неергора, возивший, кажется, министра энергетики, показал ему электронный дневник. Тот содержал в себе записи о действиях всех водителей в течение рабочего дня. Каждый из них обязан был вносить в электронный журнал, находившийся в автомобиле, соответствующие записи о том, где, в какое время и с какой целью находился. Вскоре Хесс нашел запись Асгера Неергора за определенный день, после чего отправился обратно в министерство. По дороге он поговорил по телефону с оперативником, которого отправили на место работы Бенедикте Сканс. Обо всем об этом Хесс и собирался переговорить с Розой Хартунг.

Войдя в кабинет, Марк сразу увидел, как тяжело переживает она случившееся с ее сыном. Руки у нее трясутся, в покрасневших глазах испуг, а тушь размазалась по щекам, хотя она и пыталась смахнуть кусочки высохшей краски для ресниц. Муж ее также присутствует в

кабинете, он говорит по телефону и, увидев Хесса, собирается закончить разговор, но Марк качает головой в знак того, что новостей он с собой не принес. Хартунги решили остаться в министерстве не только потому, что им предстояло ответить на вопросы об Асгере Неергоре, но и потому, что здесь сотрудники Розы могли постоянно держать их в курсе событий. Хессу, однако, показалось, что им и не хотелось уезжать. Дома они оказались бы с глазу на глаз со своей бедой, а здесь, по крайней мере, как бы участвуют в розыске, постоянно спрашивая сыщиков о новостях.

Стиин Хартунг продолжает разговор, а Хесс указывает Розе Хартунг на большой стол для заседаний:

– Может быть, присядем на минутку? У меня к вам несколько вопросов, и, надеюсь, вы сможете на них ответить. Поверьте, вы очень нам поможете.

– Что вам удалось выяснить? Что происходит сейчас?

– К сожалению, ничего нового. Но мы задействовали все силы, все машины на улицах, все границы взяты под контроль.

Он видит страх в ее глазах, она прекрасно понимает, что сын в смертельной опасности, но Хессу необходимо поговорить о своей находке, и, увидев через мгновение, что она смирилась с отсутствием новостей, он кладет «Айпэд» на стол между ними.

– В пятницу шестнадцатого октября в двадцать три пятьдесят семь ваш персональный водитель Асгер Неергор записал в своем электронном журнале, что он прибыл в министерском автомобиле к «Черному алмазу», чтобы отвезти вас после мероприятия. Он пишет дальше, что сидел в ожидании в фойе до нуля сорока трех, когда сделал еще одну запись: «Конец рабочего дня. Едем домой». Верно ли, что он действительно ожидал вас в фойе и что вы вышли из зала в указанное им время?

– Не понимаю, какое это имеет отношение к делу Густава.

Хессу не хочется расстраивать ее еще больше и напоминать, что именно в это время преступник совершил третье и четвертое убийства. И если сведения в электронном дневнике верны, Асгер Неергор, выходит, никак не мог убить Йесси Квиум и Мартина Рикса, да еще отрезать у первой обе кисти и ступню до появления Хесса и Тулин на месте преступления. И поскольку Хесс только что получил подтверждение, что Бенедикте Сканс действительно в ту ночь

дежурила в детском отделении, его вопрос становился чрезвычайно важным.

– Это важно по причинам, которые я прямо сейчас озвучить не могу. И вы нам весьма поможете, если сумеете вспомнить, верно ли, что он ожидал вас и вы поехали домой именно в указанное время.

– Я вообще не понимаю, почему эта запись появилась в дневнике, – ведь я не была на этом мероприятии, о чем предупредила организаторов.

– Вы там не были? – Хесс пытается скрыть разочарование.

– Нет. Фредерик, то есть Фредерик Фогель, мой советник, сообщил, что я не приеду.

– Вы уверены, что вас там не было? Асгер Неергор записал, что...

– Уверена. Вообще-то мы собирались с Фредериком пойти туда пешком, ведь это не очень далеко от министерства. Но за несколько часов до начала я рассказала ему, что мой муж в этот вечер выступит на телевидении, и Фредерик ответил, что ничего страшного не случится, если я откажусь. И я была этому очень рада: мне хотелось быть рядом с Густавом в тот вечер...

– Но если Фогель сообщил, что вас не будет, почему же тогда появилась такая запись в дневнике?

– Не знаю. Этот вопрос лучше задать Фредерику.

– А где сейчас Фредерик?

– У него какие-то дела в городе, но он наверняка скоро вернется.

А теперь мне хотелось бы узнать, что предпринимается для поисков Густава.

* * *

В огромном офисе Фогеля темно и пусто. Войдя в кабинет, Хесс закрывает за собой дверь. Помещение производит приятное впечатление. Какая-то здесь особая, умиротворяющая и теплая атмосфера в отличие от других холодных и обезличенных кабинетов министерства. Марк ловит себя на мысли, что на женщину такая расслабляющая обстановка, пожалуй, навеяла бы эротические воспоминания. Светильники Вернера Пантона^[38], ковры с длинным ворсом из кончиков тонкой пряжи, низкие итальянские диванчики с

массой мягких подушечек. Не хватает разве что легкой фоновой музыки в стиле Марвина Гэя^[39], и Хесс на мгновение даже чувствует укол зависти, ибо у него не достало бы энергии обустроить свое рабочее место таким образом.

Однако гораздо больше, и уже не в первый раз за этот вечер, Хесса удивляет отсутствие советника министра на этом самом рабочем месте. Ему известно, что примерно в девятнадцать часов оперативники опросили тридцатисемилетнего Фогеля насчет Асгера Неергора, но тот лишь выразил удивление, что министерский водитель оказался преступником, и больше ничем следствию не помог. Однако когда Хесс пару часов спустя прибыл в министерство, советника и след простыл. По словам секретаря министра, у него образовались какие-то дела в городе. Что, на взгляд Хесса, заслуживало особого внимания, ведь министр находится в плачевном состоянии, да еще и в плотном кольце журналистов.

О Фогеле Хессу известно немного. Роза Хартунг недавно рассказывала, что он всегда оказывал ей огромную поддержку. Они несколько лет вместе изучали госправо в Копенгагенском университете, но потом пути их разошлись: Фогелю удалось поступить в Высшую школу журналистики. Когда же Роза позднее заняла пост министра, то, само собой разумеется, назначила его своим советником. Фогель даже стал другом семьи. Он оказывал ей и ее домашним колоссальную поддержку весь тяжелый год, прошедший со дня исчезновения Кристине Хартунг. И во многом его заслуга в том, что она набралась мужества вернуться в кресло министра.

– Вы с мужем не теряете надежду, что ваша дочь жива. Что думает по этому поводу Фогель? – спросил Хесс.

– Фредерик старается оградить нас от неприятностей. И сначала он был весьма озабочен, не скажется ли это негативно на моей работе. Но теперь он исключительно на нашей стороне.

Чтобы составить представление об этом деятеле, Хесс бегло просматривает часть заваливших письменный стол бумаг из старого дела Бенедикте Сканс, а также написанные от руки заметки о стратегии работы с прессой. Но ничего интересного не находит. Пока не кликает мышкой стоящего на столе «МакБука». Скринсейвер начинает показывать фотографии Фогеля на разных этапах его карьеры. Фогель перед штаб-квартирой в Брюсселе, Фогель пожимает

руку канцлеру Германии в Парадной галерее Кристиансборга, Фогель в Нью-Йорке перед мемориалом Всемирного торгового центра, а также Фогель с Розой Хартунг в здании ЮНЕСКО. Но после официальных фото вдруг появляются фотографии личного порядка: Фогель и семья Хартунгов на детских днях рождения, на гандболе, на прогулке в «Тиволи». Обычные семейные фото, а Фогель является частью семьи.

Хесс старается убедить себя, что его собственное представление о Фогеле как о бессердечной змее макиавеллиевского типа не подтвердилось. Но вдруг он понимает, *что* показалось ему странным. На этих фотографиях отсутствует Стиин Хартунг. Ни на одной из них его нет. Зато наличествуют селфи Фогеля с Розой и детьми или только с Розой, как будто они супружеская пара.

– Секретарь министра сказала, что вы хотели видеть меня.

Дверь открывается, и вошедший в кабинет Фогель настораживается, увидев Хесса перед монитором ноутбука, который освещает его лицо. Пальто его мокрое от дождя, а каштановые волосы всклокочены, и он приглаживает их ладонью.

– Есть результаты? Вы нашли водителя?

– Пока нет. Но мы и вас не могли найти.

– Были дела в городе. Надо было немножко укоротить этих гребаных редакторов, а то они слишком глубоко копают, да еще данные Густава из Сети используют... А сожительницу шофера нашли? Могли же вы, черт побери, сделать хоть что-нибудь за это время?

– Мы работаем. Но сейчас мне нужна ваша помощь по другому поводу.

– У меня нет времени на другие дела; валяйте, если только быстро.

Хесс, замечает, как Фогель с весьма натуральной деликатностью захлопывает ноутбук, перед этим вынув свой смартфон из кармана пальто и швырнув последний на стол.

– В пятницу шестнадцатого октября вы сообщили по поручению министра организаторам вечернего мероприятия в «Черном алмазе», что она не приедет. За несколько часов до этого в беседе с ней вы узнали о выступлении ее мужа в тот вечер и сказали, что она вполне может туда не ездить.

– Да, все верно, кроме одного. Министр не нуждается в моих рекомендациях в таких случаях – она сама принимает решение.

– Но ведь министр, наверное, часто следует вашим советам?

– Даже не знаю, что и ответить... А почему вы спрашиваете?

– Да неважно. Но вы сообщили об отмене визита?

– Да, от имени министра я позвонил организаторам и сообщил, что Розы не будет.

– А Асгера Неергора вы предупредили, что министра на мероприятии не будет и, следовательно, ее не надо отвозить домой по его окончании.

– Да, конечно.

– А вот в его электронном дневнике записано, что он был на работе в тот вечер. И на самом деле сидел в фойе «Алмаза» примерно с полуночи почти до без четверти час и ожидал окончания мероприятия, чтобы отвезти министра домой.

– Какого черта! Разве можно верить тому, что он записал? Может, он просто алиби себе обеспечивал, а сам в это время другими делами занимался... Я почти уверен, что сообщил ему об отмене задания, но разве можно тратить время на такую ерунду сейчас, когда необходимо найти Густава Хартунга?

– Это не совсем ерунда. Так вы предупредили Асгера Неергора в тот вечер или нет?

– Я уже сказал, что почти уверен в этом или, может, поручил кому-то.

– Кому поручили?

– Да какого черта, разве это важно?

– Значит, не исключено, что вы не сказали ему об этом и он в самом деле находился в фойе?

– Если мы будем говорить только об этом, то у меня нет времени.

– А сами вы чем занимались в тот вечер?

Фогель направляется к двери, но останавливается и глядит на Хесса.

– Вы ведь собирались вместе с министром в «Черный алмаз», но визит отменили; выходит, у вас появилось свободное время?

Губы Фогеля слегка искривляются в презрительной полуухмылке.

– Вы, по-моему, хотите сказать совсем иное.

– А что, вы думаете, я хочу сказать?

– Вам хочется знать, чем я занимался в момент какого-то убийства, вместо того чтобы сконцентрироваться на поисках похищенного сына министра, но, надеюсь, это не так.

Хесс не отвечает, лишь смотрит на собеседника.

– А если вы и вправду желаете знать, то я поехал домой, в свою квартиру, чтобы посмотреть выступление Стиина Хартунга и разобраться, к каким последствиям для министра оно может привести. Я был один, без свидетелей, и располагал кучей времени, чтобы совершить убийство и корпеть над каштановыми человечками всю ночь. Вы это хотели от меня услышать?

– А где вы были в ночь на шестое октября? Или двенадцатое октября около восемнадцати часов?

– Об этом я расскажу на официальном допросе и в присутствии моего адвоката, а до этого буду выполнять свои обязанности. Чем, по моему, и вам не грех было бы заняться.

Фогель кивает на прощание. Хессу не хочется отпускать этого типа, но в этот момент звонит его мобильник, и Фогель выскальзывает из кабинета. На телефоне высвечивается имя Нюландера, и Хесс решает рассказать ему о своей находке и подозрениях в отношении Фогеля, но начальник опережает его:

– Это Нюландер. Сообщи всем, чтобы заканчивали следственные действия в министерстве и в Кристиансборге.

– Почему?

– Потому что Генц вышел на след Сканс и Неергора. Я еду туда вместе с группой захвата.

– Куда именно?

– Это к западу от Хольбека, где-то в лесу. Генц открыл этот «Леново», обнаружил в почтовом ящике счет от «Хертц-авто» и направил запрос на фирму. Парочка арендовала машину в их филиале у Вестерпорта сегодня рано утром, и Генц выследил ее, так как все автомобили у них снабжены приборами слежения на случай угона. Сообщи людям и давай обратно в управление. Да, не забудь подготовить отчет.

– Но что с...

Нюландер, однако, уже закончил разговор. Хесс разочарованно кладет телефон в карман и спешит к выходу. Он передает одному из оперативников приказ Нюландера, бежит дальше по коридору и через

открытую дверь в кабинет министра видит, как Фогель утешает Розу Хартунг, приобнимая ее.

Несмотря на дождь, Хесс домчался до Северо-западной Зеландии за сорок минут – хвала синей мигалке на крыше, – но минуты эти показались ему вечностью. Добравшись до неосвещенного шоссе, пересекающего лес, он сразу увидел, где ему повернуть. На обочине покрытой щебнем лесной дороги припаркованы большие пустые микроавтобусы группы захвата и с полдюжины патрульных полицейских машин. Хесс показывает через окно свой жетон двум промокшим до нитки полицейским, и его пропускают дальше. Так, проехать ему разрешили, значит, операция завершилась. Чем она закончилась, знать он не может, но и не хочет терять время на расспросы коллег, тем паче что вряд ли они обладают полной информацией, раз до сих пор дежурят у поворота с шоссе. Хесс мчался сюда как угорелый, но когда под колесами зашуршала щебенка, невольно сбросил скорость. Он послушался приказа Ньюландера, не вернулся в управление и по пути сюда решил разузнать побольше о Фредерике Фогеле. Что, пожалуй, ему следовало сделать давно.

Судя по некоторым данным, Асгер Неергор подтвердит, что находился на работе поздним вечером шестнадцатого октября. Во всяком случае, Хесс только что переговорил по мобильному с секретарем Хартунг, и она поведала, что Неергор разбудил ее звонком сразу после половины первого ночи и спросил, куда подевалась министр, которую он безуспешно ждал в фойе «Черного алмаза». Секретарь еще даже и извинилась за то, что его не предупредили об отмене задания, и если Неергор и вправду находился в фойе, это могут подтвердить и другие свидетели. Ну а раз Бенедикте Сканс в то же время несла ночное дежурство в Центральной больнице, значит, подозрение парочки в убийстве Йесси Квиум и Мартина Рикса отпадают полностью, и в таком случае, возможно, больший интерес представляет Фогель. У него, по-видимому, нет алиби на момент преступления в садовом товариществе, и Хесс с нетерпением ожидает возможности расспросить Асгера Неергора о том, что он знает о местонахождении Фогеля в момент совершения двух первых убийств.

И не исключено, ему что-то известно о взаимоотношениях Фогеля и Розы Хартунг. Может быть, так и обнаружится мотив, на который они не обратили должного внимания. Хессу снова приходится набрать номер Тулин, которой он безуспешно пытался дозвониться уже дважды на пути из Копенгагена.

На встрече вспыхивает дальний свет приближающегося автомобиля, и Хесс вынужден сдать чуть вправо на обочину, чтобы пропустить «Скорую». Та едет без сирены и мигалки, и не понять, хорошо это или плохо. Позади нее следует полицейский автомобиль без опознавательных знаков, на заднем сиденье которого в темноте Марк замечает Нюландера, полностью погруженного в телефонный разговор по мобильному. Хесс едет дальше; мимо него небольшими группками движутся в сторону шоссе ребята из группы захвата, и при виде их напряженных суровых лиц Хессу чудится присутствие смерти где-то неподалеку. Подъехав к оцеплению, Марк уже понимает, что события развивались не так, как он надеялся.

Чуть дальше впереди на залитой резким светом прожекторов площадке размером десять на десять метров маячат несколько полицейских. В центре ее стоит пикап с логотипом фирмы «Хертц» на заднем откидном борту. Одна из дверей кабины открыта, как и раздвижная дверь грузового отсека; возле левого переднего колеса лежит тело, покрытое белой простыней. А метрах в десяти от него – еще одно.

Хесс вылезает из машины, не замечая ни дождя, ни ветра. Среди полицейских он видит лишь одно знакомое лицо и, хотя Янсен ему несимпатичен, обращается к нему:

– Где мальчик?

– А ты что здесь делаешь?

– Где он?

– С пацаном все о'кей. Похоже, не пострадал; его увезли на обследование.

У Хесса словно камень с души упал, но с другой-то стороны, он знает теперь, кто лежит на земле под белыми простынями, и это знание его отнюдь не радует.

– Ребята из группы захвата обнаружили его и вызволили из машины. Все прошло замечательно, так что нечего тебе здесь делать, Хесс.

– Да, но что же случилось?

– Да ни фиги. Мы их в таком положении и застали.

Янсен приподнимает край простыни. У молодого человека, в котором Хесс узнает Асгера Неергора, открыты мертвые глаза, а тело исколото, словно подушечка для иголок.

– По предварительной версии, женщина лишилась рассудка. Отсюда примерно шесть километров до нашего оцепления, вот они и заехали сюда, чтобы затаиться, но подруга, видимо, сообразила, что им хана. И сначала уколола солдатским ножом сожителя, а потом перерезала себе сонную артерию. Когда мы прибыли, они еще не остыли, так что все произошло не более пары часов назад. Только не думай, я не радуюсь; по мне, так лучше б они здесь лет тридцать валялись и гнили. За то, что с Риксом сотворили.

Хесс наконец-то замечает, что по его лицу хлещут струи дождя. Янсен опускает край простыни, и теперь из-под нее выглядывает лишь безжизненная рука Асгера Неергора. И, сдается Хессу, направлена она в сторону другого прикрытого простыней тела, лежащего неподалеку в осенней грязи.

– Но что они говорят? Должны они знать хоть что-то? – Роза знает, что у Фогеля нет ответа, но вопросы тем не менее слетают с ее губ один за другим.

– Они проверяют, выясняют, и шеф убойного свяжется с нами, как только...

– Нет, так не пойдет. Позвони им еще, Фредерик.

– Роза...

– Мы имеем право знать, что происходит!

Фогель уступает ей, хотя, как она видит по его лицу, считает бесполезным снова звонить в управление. В глубине души Роза благодарна ему за помощь, ибо знает, что он сделает все, что в его силах, хотя, возможно, и не согласен с тем, как они ведут себя в данной ситуации. Он всегда был таким, но Хартунг просто не может больше ждать. На часах ноль один тридцать семь, и они со Стиином и Фогелем только четверть часа как вернулись вместе с Густавом из больницы. Она уже и так своими расспросами вынесла мозги двум полицейским, дежурящим перед их домом, чтобы держать на более или менее приличном расстоянии толпу журналистов, но те ничего нового сообщить не смогли. Да, наверное, только шеф убойного отдела может ответить на ее вопросы о судьбе Кристине, и она сторает от нетерпения в ожидании связи с ним.

Роза расплакалась, как только они со Стиином вошли в травматологическое отделение Центральной больницы, куда потрепанного Густава доставили на обследование. Она опасалась худшего, но он оказался невредим, и врачи разрешили ей обнять сына. Насилия, по всей видимости, к нему не применяли, судя в том числе и по тому, что сейчас он спокойно сидит в кухне на своем привычном месте на углу стола и с удовольствием поглощает бутерброд с хлебом из муки грубого помола и паштетом, который ему только что сделал Стиин. Да, по нему и не скажешь, что совсем недавно он подвергся смертельной опасности. Роза подходит к сыну и гладит его по волосам.

– Ты не наелся? Хочешь, сделаю тебе пасту или...

– Нет, спасибо. Я лучше в «ФИФА» поиграю.

Роза улыбается – ну, значит, мальчик совсем здоров, – но ей еще так много хочется узнать у него...

– Густав, можешь рассказать обо всем подробно? Что еще они говорили?

– Я уже рассказывал.

– Повтори еще раз.

– Они забрали меня и заперли в машине. И потом долго куда-то ехали, и вдруг машина остановилась, и они стали ругаться, но шел такой сильный дождь, что слов я не разобрал. Потом долго была тишина, а потом появились полицейские и открыли отсек, а больше я ничего не знаю.

– Но почему они ругались? Они говорили что-нибудь о твоей сестре? И куда они собирались?

– Мам...

– Густав, это важно!

– Дорогая, пойдём-ка... – Стиин уводит Розу в гостиную, чтобы Густав не слышал их разговора, но Роза не желает успокаиваться.

– Но почему полиция не нашла ее следов там, где скрывались преступники? Почему они не заставили их назвать место, где она находится? Какого черта мы ничегошеньки не знаем?

– Тут много причин. Главное, что они взяли преступников, значит, и ее скоро найдут. Я в этом ничуть не сомневаюсь.

Розе так хочется, чтобы Стиин оказался прав... Она прижимается к нему и вдруг чувствует, что кто-то смотрит на них. Поворачивается – и видит в дверях Фогеля, но не успевает задать вопрос, потому как он опережает ее и сообщает, что звонить в управление нет нужды, так как шеф убийного отдела только что прибыл собственной персоной.

Нюландер стоит в холле, осматривается и, хотя знает, что был в этом помещении примерно девять месяцев назад, чтобы сообщить семейству Хартунгов, что дело их дочери считается раскрытым и законченным, вспомнить его не может. Ситуация повторяется, и ему кажется, будто он проходит круги ада. Вновь и вновь разыгрываются чудовищные сцены. Однако он знает также, что ему необходимо выполнить эту миссию и он будет чувствовать себя значительно лучше, когда выйдет из этого дома на улицу. Мысленно Нюландер уже проигрывает свое выступление на пресс-конференции, которую ему предстоит провести по возвращении в управление после встречи с руководством. И, в отличие от других встреч с журналистами за последние две недели, эта пройдет под знаком триумфа полиции.

Так он, конечно, не думал, когда ранее вечером вместе с группой захвата прибыл на место происшествия в лесу, где они зафиксировали смерть Бенедикте Сканс и Асгера Неергора. Безусловно, полицейские вздохнули с облегчением, найдя сына министра в добром здравии, но с другой стороны, двое предполагаемых преступников теперь уже не дадут никаких разъяснений или показаний, в том числе и признательных, необходимых для того, чтобы закрыть дело со спокойной душой и совестью. Удача повернулась к нему лицом в виде звонка Ту́лин, когда он сидел на заднем сиденье служебного автомобиля, следовавшего за увозившей сына министра «Скорой», и размышлял, чем бы заткнуть пасть скептикам. Ирония судьбы заключалась в том, что именно Ту́лин сообщила ему о находке в бытовом холодильнике в бывшей скотобойне – та самая Ту́лин, которая давно уже спелась с Хессом и стала раздражать его еще больше, чем обычно. Тем не менее находка достойно увенчала сегодняшний день. Нюландер сразу же попросил ее вызвать Генца, чтобы сохранить улики в целости и сохранности, и по окончании разговора уже не опасался встречи с оппонентами ни на пресс-конференции, ни в управлении.

– С Густавом всё в порядке?

Нюландер обращается с этим вопросом к вышедшим в холл Стиину и Розе Хартунгам, и Стиин кивает в ответ.

– Да, выглядит он хорошо. А сейчас ужинает.

– Рад слышать. Я ненадолго. Просто хочу сообщить вам, что мы считаем дела об убийствах раскрытыми и что мы...

– Вы что-нибудь узнали о Кристине? – Своим вопросом Роза Хартунг нарушает продуманный Нюландером план, но он, оказывается, готов к этому и, стараясь сохранить самообладание, спокойно и убедительно дает им понять, что ничего нового о судьбе их дочери, к сожалению, сказать не имеет.

– Обстоятельства смерти вашей дочери были прояснены еще в прошлом году, и сегодняшнее дело ничего в этом смысле не меняет. Я все время старался обратить ваше внимание на то, что речь идет о совершенно разных преступлениях. И, разумеется, представлю вам полный отчет о нынешнем деле. Когда расследование будет доведено до конца.

Слова Нюландера повергают родителей в отчаяние, и все же они, перебивая друг друга, задают ему конкретные вопросы:

– Но как же быть с отпечатками пальцев?

– Разве они ничего не значат?

– Что говорят преступники? Вы их уже допросили?

– Я понимаю ваше горе, но вы должны доверять следствию. Мои люди обыскали автомобиль, в котором нашли Густава, а также квартиру преступников, побывали у них на работе, но не нашли никаких доказательств, что Кристине жива. И вообще ничего, что указывало бы на их знакомство с нею. К сожалению, оба преступника покончили жизнь самоубийством до того, как мы их обнаружили. Видимо, они решили таким образом избежать поимки и наказания. Поэтому сами они на ваши вопросы уже не ответят. Но повторю, нет никаких оснований полагать, что на допросе они могли бы сообщить что-то новое о вашей дочери.

Родители, дело ясное, никак не хотят упускать последнюю соломинку, и все-таки критический выпад Розы Хартунг в адрес Нюландера звучит резко и даже в какой-то степени агрессивно:

– Но, может быть, вы ошибаетесь?! Вы ни в чем не уверены. Ведь были же эти каштановые человечки с отпечатками пальцев Кристине. Может, эти люди вовсе не преступники?

– На самом деле мы знаем, что преступники именно они. Уверены в этом на сто процентов.

Нюландер рассказывает им о неопровержимых уликах, найденных сегодня вечером в заброшенной скотобойне, при воспоминании о которых у него от удовлетворения ощущаются бабочки в животе. Однако, закончив свою речь, он по глазам Розы Хартунг понимает, что отнял у них последнюю надежду. Взгляд ее направлен на него, но она его не видит, и Нюландер даже представить себе не может, что эти люди когда-нибудь вообще смогут прийти в себя. Он смущен и растерян. Внезапно у него возникает желание взять Розу за руку и сказать, что все у них наладится. Ведь у них есть сын. Они по-прежнему вместе. И у них все еще так много всего, ради чего следует жить. Но вместо этого он бормочет что-то невнятное – мол, к сожалению, он не может толком объяснить, каким образом эти несчастные каштановые человечки с отпечатками пальцев Кристине оказались у преступников, но в конечном итоге этот факт ничего не меняет...

Министр его не слышит. Нюландер прощается и пятится к выходу, пока не появляется ощущение, что теперь можно развернуться. Он выходит на улицу и закрывает за собой дверь. У него еще двадцать минут до встречи с руководством, и все же, глотнув свежего воздуха, Нюландер сразу спешит к машине.

Хесс быстрым шагом идет по мокрым плитам в совершенно пустом дворике с колоннами. Ему слышен голос корреспондента, ведущего репортаж от виллы Хартунгов на Внешнем Эстербро, который дежурный при входе в управление смотрит по телевизору с плоским экраном. Хессу, однако, не до репортажей. Поднявшись в ротонду, он идет в сторону отдела и в одном из кабинетов видит, как народ открывает пивные банки, собираясь отпраздновать успешное окончание операции. Долгий день клонится к концу. Но для Хесса он еще не закончен.

– Нюландер у себя?

– У него совещание.

– Мне надо с ним поговорить. Это важно. Прямо сейчас!

Смиловившаяся над ним секретарь исчезает за дверью зала для совещаний, а Хесс остается ждать в приемной. Обувь у него вся в грязи, одежда промокла насквозь. Руки дрожат, и Марк сам не знает, то ли от возбуждения, то ли от холода в лесу, где он находился последние пару часов, упорно игнорируя просьбы судмедэксперта не мешать тому работать. Но время он там провел не напрасно.

– У меня нет времени. Через минуту пресс-конференция.

На выходе из комнаты Нюландер прощается с парой шишек из руководства. Хесс по опыту знает, что в такой ситуации любой полицейский начальник предпочтет публично объявить об успешном окончании операции, чтобы освободиться от давления прессы. Но ему просто кровь из носу надо переговорить с Нюландером до начала пресс-конференции, и потому он на ходу объясняет шефу, что дело не закончено.

– Хесс, твоя упертость меня уже не удивляет.

– Во-первых, у нас нет доказательств того, что Бенедикте Сканс и Асгер Неергор знали погибших женщин. И дома у них мы ничего не нашли, что говорило бы об их знакомстве.

– А вот с этим я не совсем согласен.

– Во-вторых, у них отсутствовал мотив убивать их, а уж тем более отрезать у них руки и ступни. Они озлобились конкретно на Розу

Хартунг, а вовсе не на всех женщин или всех матерей вообще. Теоретически Бенедикте Сканс благодаря связям в больнице могла получить доступ к историям болезни детей в травматологическом отделении, но если это они с Асгером писали заявления, почему же мы не обнаружили следов этого?

– Потому что мы еще не закончили расследование, Хесс.

– В-третьих, у Бенедикте Сканс и, скорее всего, у Асгера Неергора имеется алиби на момент убийства Йесси Квиум и Мартина Рикса в ночь с шестнадцатого на семнадцатое октября. Если подтвердится, что Неергор действительно находился в это время в фойе «Черного алмаза», то, получается, никто из них физически не мог оказаться на месте преступления в ту ночь, и тем самым их причастность к *другим* убийствам не столь уж и очевидна.

– Ну что ты плетешь? Я тебя не понимаю. Вот когда у тебя будут на руках доказательства, я охотно тебя выслушаю.

Нюландер входит в комнату для оперативных совещаний, чтобы забрать подготовленные для пресс-конференции бумаги и идти дальше, но Хесс преграждает ему дорогу:

– Кроме всего прочего, я говорил с судмедэкспертом. Да, похоже, Бенедикте Сканс сама перерезала себе сонную артерию. Но реконструкция движения ее руки показывает, что оно неестественно, и ситуацию *можно* толковать так, что кто-то попытался создать впечатление, будто она сама наложила на себя руки.

– Я тоже с ним говорил. И он подчеркнул, что с той же степенью вероятности можно предположить, что *именно* она сама это сделала.

– Кроме того, колотые раны на теле Асгера Неергора расположены слишком высоко, чтобы их мог нанести человек такого роста, как Бенедикте Сканс. К тому же, если она решила умереть вместе с сожителем, какого черта тела их лежат в десяти метрах друг от друга?! Не логичнее ли предположить, что она от кого-то убегала?

Нюландер хочет возразить, но Хесс его опережает:

– Если б у них хватило ума спланировать эти убийства, они ни за что не сотворили бы такую глупость, как забрать мальчишку с собой в арендованной машине, вычислить которую легче легкого.

– И что бы ты предложил, если б сам руководил расследованием?

Вопрос Нюландера застает Хесса врасплох, эмоции переполняют его, и он, перескакивая с одного на другое, начинает лихорадочно

перечислять: допрос Линуса Беккера, исследование фотографий с мест преступлений из архива экспертно-криминалистического отдела и прочее. Сам Хесс уже поручил одному айтишнику из ЭКО отработать материалы, которые он сегодня утром просил раздобыть Генца.

– Да, и советника Хартунг Фредерика Фогеля стоило бы прощупать на предмет его алиби на момент убийств.

– Хесс, ты не слышал мое сообщение на автоответчике...

Марк оборачивается на голос Ту́лин, вошедшей в комнату с несколькими фотографиями в руке.

– Какое сообщение?

– Ту́лин, введи его в курс дела. У меня времени нет. – Нюландер направляется к двери, но Хесс задерживает его, схватив за плечо.

– А как же отпечатки пальцев на каштановых человечках? Ты же не можешь утверждать, что дело раскрыто, пока не разберемся с отпечатками. У нас уже три убитые женщины, а может стать и четыре, если ты ошибаешься.

– Я не ошибаюсь! И ей-же-ей, только ты этого не понимаешь.

Нюландер вырывается из рук Хесса, оправляет пиджак и кивает Ту́лин. Хесс вопросительно смотрит на нее, и, чуть помедлив, она протягивает ему фотографии. Марк бросает взгляд на верхний снимок. На решетке холодильника лежат вразброс четыре кисти женских рук.

– Я обнаружила их у Бенедикте Сканс и Асгера Неергора. В бытовом холодильнике в одной из холодильных камер старой скотобойни.

Хесс с недоуменным видом разглядывает фото с одним и тем же сюжетом. И задерживает взгляд на том, где изображена отчлененная в районе щиколотки женская ступня в контейнере для хранения овощей. Фото напоминает ему инсталляцию Дэмьена Хёрста^[40].

Хесс ничего не понимает и с трудом подыскивает слова:

– Но... Почему криминалисты не нашли их днем? Там все двери были запорты? Никто не мог их потом подложить?

– Хесс, отправляйся домой к чертям собачьим!

Подняв глаза, Хесс встречает взгляд Нюландера.

– Но как же отпечатки? Дочь Хартунгов... Если мы сейчас остановим расследование и если девочка жива...

Нюландер исчезает за дверью, а растерявшийся Хесс остается на месте. Мгновение спустя он оглядывается на Ту́лин, ища у нее

поддержки, но та смотрит на него с состраданием. В ее посерьезневших глазах читается сочувствие. И не из-за Кристине Хартунг, не из-за пропавшей и до сих пор не найденной девочки и таинственных отпечатков пальцев на каштановых человечках. Нет, это ему она сочувствует, ему, Хессу, страдает. Он потерял разум, утратил способность рассуждать здраво – вот что выражают ее глаза, и от этого взгляда ему вдруг становится страшно, потому как он не уверен, что она права.

Хесс пятится к двери, пошатываясь, бредет по коридору и слышит, как Тулин зовет его. Он пересекает заливаемый дождем дворик с колоннами и, не оборачиваясь, чувствует, что она глядит ему вслед из окна. Хесс ускоряет шаг, а последние метры перед выходом преодолевает бегом.

Пятница, 30 октября, наше время

На памяти Хесса так рано снег не выпадал никогда. Сегодня только предпоследний день октября, а на улицах уже лежит двух-трехсантиметровый белый ковер. И крупные снежные хлопья все еще падают за огромными окнами международного терминала аэропорта, перед входом в который Хесс только что стоял с «Кэмелом» во рту в надежде, что выкуренная сигарета поможет ему перенести перелет до Бухареста без проявлений абстинентного синдрома.

Хесс увидел свежевыпавший снег три четверти часа назад, когда, заперев в последний раз дверь своей квартиры, вышел в галерею на свежий морозный воздух и спустился по лестнице к уже ожидавшему его такси. Дневной свет поначалу ослепил его, и он испытал облегчение, когда нащупал во внутреннем кармане куртки очешник. С облегчением, потому как не был уверен, что отыщет его там. Он вообще мало в чем был уверен, ибо проснулся с жуткого похмелья, и тот факт, что солнцезащитные очки оказались там, где им и положено, вселил в него ощущение, что все пойдет хорошо и впереди его ждет замечательный день. По пути к такси Марк наслаждался мыслью, что похороны на самом деле скончавшейся осени проходят в день его отъезда. Добрые предчувствия не покидают Хесса и теперь, когда он после прохождения контроля безопасности шагает по аэровокзалу, ощущая свою принадлежность к международному сообществу. Его окружают туристы и прочая зарубежная публика, лепечущая что-то на всевозможных языках, и он чувствует, что Копенгаген остался во всех смыслах этого слова позади. Проходит электронную регистрацию и с удовлетворением убеждается, что посадка на его рейс уже объявлена. Снегопад еще не сказался на работе аэропорта, а это еще один знак того, что сегодня ему посопутствует удача. Хесс поднимает сумку с немногочисленными вещами, которую берет с собой в салон, и направляется к выходу на посадку. Увидев свое отражение в окне одного из бутиков в зале вылета, начинает гадать, одет ли он более подходяще для бухарестской погоды, чем для нынешней копенгагенской. Кто его знает, тепло там или морозно и снежно...

Лучше всего было бы, наверное, заскочить по дороге в магазинчик и купить парку и сапоги от «Тимберленда», но похмелье и желание поскорее покинуть страну перевешивают, и он довольствуется круассаном и кофе навынос в «Старбаксе».

Зеленый свет для Хесса зажегся в Гааге вчера вечером: ему позвонил секретарь Фрайманна, а на его смартфон поступил авиабилет в Румынию. По иронии судьбы, в этот момент Хесс пребывал в еще более плачевном состоянии, чем тогда, чуть более трех недель назад, когда впал в немилость и был сослан в Копенгаген. Ведь последние десять дней он находился в поисках истины в кабаках и пивных, на которые столь богат стольный град датский. Спустя мгновение Хесс переключили на самого Фрайманна, который коротко сообщил, что проверка закончилась в его пользу.

– В том смысле, что за любое упущение, неповиновение распоряжениям вышестоящего начальства или хотя бы поползновение на отсутствие на рабочем месте пощады не будет. Твой копенгагенский шеф дал положительный отзыв о твоей работе и гарантировал, что мотивации тебе не занимать, так что тебе несложно будет выполнить вышеизложенные условия.

Хесс воздержался от долгих излияний и просто ответил утвердительно. Он не видел причины объяснять, что Нюландер дал ему положительную характеристику, по всей вероятности, лишь для того, чтобы поскорее распрощаться с ним. Потом Марк позвонил Франсуа и поблагодарил его за помощь. Он испытывал колоссальное облегчение, предвкушая возвращение под надежное крыло Европола. Ну, разумеется, после того, как сделает крюк и заедет в Бухарест. Да, конечно, ночевать ему придется в номере гостиницы средней руки и заниматься совершенно рутинным «евроделом», но, как ни крути, там все же лучше, чем здесь.

Помимо всего прочего, уладилась и ситуация с квартирой. Контракт, правда, еще не подписан, но, как ни поразительно, маклеру удалось-таки отыскать покупателя. Ну, дело ясное, во многом потому, что Хесс согласился снизить цену на двести тысяч крон, что, кстати сказать, произошло в тот день, когда он более всего нализался. Поэтому вчера же вечером Марк передал ключ от квартиры управдому, и тот, по-видимому, был столь же рад распрощаться с ним, как и Нюландер и вся его компашка из управления. Мало того, еще ранее на

неделе пакистанец пристал к нему, как банный лист, вызвавшись самолично отциклевать полы и закончить отделку квартиры, если уж Хесс и вправду собирается продавать ее. Марк поблагодарил его, хотя на самом деле ему было глубоко фиолетово что до полов, что до снижения цены, лишь бы сбыть эту берлогу с рук и никогда более сюда не возвращаться.

Единственное не законченное Хессом дело заключалось в том, что он так и не разрулил дурацкую ситуацию с Найей Ту́лин. Хотя, с другой стороны, не настолько она его задевала, чтобы называть ее «делом». В ту ночь, когда они расстались, он вдруг почувствовал, что она полагает, будто корни его версии исчезновения дочери Хартунгов следует искать в нелучшем его психическом состоянии. Будто он перестал адекватно воспринимать происходящее лишь потому, что у него возникли проблемы с головой. Возможно, кто-то давно уже поведал ей о его прошлом, и она нашла в этом причину его душевного нездоровья. Хотя Марк и не исключал, что она права. Во всяком случае, с той ночи он больше не думал ни о каштанах, ни об отпечатках пальцев. Дело было расследовано, и решающим фактором стала находка отчлененных фрагментов тела в заброшенной скотобойне. И теперь, когда он стоит в очереди на посадку с посадочным талоном в своем мобильном, ему представляется странным, почему он поставил под сомнение версию коллег. И лишь две вещи, связанные с пребыванием в Копенгагене, не дают ему покоя. Это светлые глаза Ту́лин и то, что он не позвонил и не попрощался с нею. Но от такого рода болезней есть надежное средство – во всяком случае, именно с таким настроением он исчезает в утробе рейсового лайнера и устраивается на месте 12В. Сидящий рядом бизнесмен, учуяв похмельный запах из рта Хесса, одаривает его неодобрительным взглядом, но тот лишь поглубже усаживается в кресло, чтобы поудобнее покемарить пару часов полета. Еще он напоминает себе не забыть выпить виски с содовой или джингу с тоником, чтобы облагораживающий душу и тело сон был достаточно глубок. Но тут на его мобильник поступает эсэмэска на английском от Франсуа.

I'll pick you up at the airport. We go straight to headquarter. Make sure you read the case before arrival^[41].

Последнее Хесс запомнил, однако потеря невелика, просто придется отложить оздоровительный сон и приняться за дело прямо сейчас. Он с неохотой касается иконки почты на своем мобильном телефоне впервые за более чем неделю – и обнаруживает, что вообще не получил материал. Хесс посылает электронное послание Франсуа, и тот в ответ сообщает, что файл должен быть в его телефоне.

Check again. Emailed you the case at 10.37 pm you lazy Danish sod^[42].

Хесс наконец понимает, почему письмо Франсуа не дошло до него. Прикрепленный к другому посланию файл слишком велик, и почта его переполнена. То, другое письмо отправлено айтишником из экспертно-криминалистического отдела и содержит материалы, которые Тулин поручила Генцу раздобыть после их беседы с Линусом Беккером. Еще позже, уже ночью, Хесс сам просил заняться ими компьютерщиков. Да, это именно хит-лист фотографий с мест преступлений из архива ЭКО, то есть тех фото, что интересовали Линуса Беккера более других в период до его задержания и признания в убийстве Кристине Хартунг.

Впрочем, тема эта утратила актуальность, и Хесс просто отмечает файл, чтобы впоследствии уничтожить его. Но любопытство все-таки берет верх. Встреча с Линусом Беккером оставила неприятное впечатление, но с чисто профессиональной точки зрения его психологическое состояние, несмотря ни на что, вызывает интерес. А время у Хесса еще есть, пока пассажиры все еще протискиваются к своим местам в узком проходе. Он дважды кликает файл. Мгновение – и у него перед глазами полный набор фотографий, которыми Линус Беккер наслаждался более всего. Правда, экран маленький, но и этого вполне достаточно.

На первый взгляд Линус Беккер интересовался фотографиями с мест убийств именно женщин. В основном женщин от двадцати пяти до сорока пяти лет. Многие из них, по всей видимости, имели детей – по крайней мере, если судить по окружающим жертв или маячащим на заднем плане предметам. А это пластмассовый трактор, детский манеж, велосипед с прицепом для детей и прочее в том же духе. Часть

фото черно-белые, но большинство цветные, и сделаны они в течение многих лет, начиная с пятидесятих годов прошлого века и вплоть до момента задержания Линуса Беккера. На них обнаженные женщины и одетые, брюнетки и блондинки, маленькие и крупные. Застреленные, зарезанные, задушенные, утопленные или избитые до смерти. А некоторые еще и явно сперва изнасилованные. Перед глазами Хесса разворачивается гротескное представление с садистским душком, и он совершенно не готов понять Линуса Беккера, говорившего, что эти картинки возбуждают его сексуальное чувство. Старбаксский круассан норовит вырваться наружу, и Хесс по старой привычке быстро прокручивает кадры назад, к началу, чтобы выйти из файла, но количество информации в нем слишком велико, и в какой-то момент на экране замирает фото, на которое Хесс не обратил внимания при первом просмотре.

На почти тридцатилетней давности карточке изображена ванная комната, а машинописная подпись под фото гласит: «Мён, 31 окт. 1989». На мозаичном полу в неестественной позе лежит изуродованное женское тело, все в пятнах засохшей черной крови. Женщине, наверное, лет сорок, но точнее сказать сложно, потому что лицо ее обезображено до неузнаваемости. Однако больше всего поражает Хесса, что одна рука и одна нога отрублены и лежат рядом с трупом. И, судя по всему, преступнику удалось расчленить тело не с первой и даже не со второй или третьей попытки – как будто топор оказался для неумелого его обладателя слишком тяжел и не сразу научился повиноваться ему. Жестокость преступления свидетельствует о непомерной кровожадности убийцы, и хотя ранее Хессу ничего подобного видеть не приходилось, он чувствует, что фото непостижимым образом притягивает его.

– *All passengers seated!*^[43]

Бортпроводники укладывают на багажные полки последние вещи из ручной клади пассажиров, а стюард вешает телефонную трубку на стенку возле кабины пилотов.

Однако оказывается, что фото с голой женщиной в ванной комнате открывает целую серию фото убитых в той же местности и в то же время, а именно на острове Мён 31 октября 1989 года.

Подросток и девочка его возраста убиты на кухне. Парень полулежит, прислонясь к печке, а девушка склонилась над столом, и голова ее покоится в тарелке с овсяными хлопьями – у обоих огнестрельные ранения. Хесс переходит к следующему снимку и, к своему удивлению, видит, что очередной жертвой преступника стал пожилой полицейский. Он лежит на полу подвального помещения, и, судя по ранам на лице, также убит топором. Фотография с полицейским оказывается последней в серии, и Хесс уже собирается вернуться к женщине в ванной комнате, как вдруг его внимание привлекают цифры в скобках сбоку от фото – (37). И до него доходит, что айтишник таким образом подсказывает ему, сколько раз Линус Беккер просматривал именно это фото.

– Выключите все электронные приборы. Спасибо!

Хесс кивает в знак того, что понял стюарда, и тот движется дальше, предупреждая других пассажиров о том же. Да, но почему же Линус Беккер смотрел фотографию с убитым полицейским целых тридцать семь раз? Ведь вроде бы его в первую очередь интересовали женщины. Хесс быстро просматривает другие фото, теперь обращая внимание на проставленные у каждого из них айтишником цифры в скобках. Ни одна из прочих фотографий не удостоилась такого количества просмотров. Даже фото с женщиной в ванной комнате Беккер просматривал лишь шестнадцать раз. Хесс чувствует, что у него засосало под ложечкой. Что же все-таки такого важного увидел Линус Беккер на фотографии с убитым полицейским на полу подвала? Он старается прогнать от себя мысль, что айтишник просто-напросто ошибся. Краем глаза Марк замечает, что бортпроводник возвращается, и проклиная слишком маленький экран и свои трясущиеся с похмелья руки, едва слушающиеся его, когда он пытается укрупнить снимок, чтобы разглядеть детали, которые он, возможно, упустил. Но нет, все напрасно, и через мгновение увеличенные пиксели распадаются на какие-то клетчатые картинки, которые никоим образом не дают ответа на вопрос, чем до такой степени увлекло это фото Линуса Беккера.

– Так, всё. Пожалуйста, отключите! Благодарю!

Стюард на сей раз не отходит от него. Хесс уже готов сдаться, как вдруг, проведя случайно пальцем по экрану, он переводит картинку в вертикальное положение, и в фокусе оказываются полки над телом полицейского. Хесс замирает. Сначала он никак не может сообразить,

что же изображено на заднем плане, но потом ему удается укрупнить фото – и время внезапно прекращает свой бег.

На стене подвала, прямо над телом убитого полицейского, висят три неровные полки. И все они заставлены сделанными детскими руками каштановыми фигурками: каштановыми человечками, кавалерами и дамами, и каштановыми зверушками. Они стоят молча, с пустыми глазами, точно маленькие солдатики, и все вместе составляют впечатляющую армию изгоев.

Шок парализует Хесса. Сам не ведая, по какой причине, он сразу же догадывается, что именно из-за этих фигурок Линус Беккер просмотрел фото с полицейским тридцать семь раз. Он замечает, что лайнер уже пришел в движение, и, несмотря на протесты бортпроводника, направляется к кабине пилотов.

Зал ожидания для пассажиров бизнес-класса в Копенгагенском аэропорту, где пахнет духами и одеколонами всех мастей, свежесваренным кофе и свежей же выпечкой, почти совсем безлюден. Тем не менее Хессу понадобилось минут пять на переговоры с дежурной возле входа. У нее прекрасной лепки молодое лицо, она улыбается и кивает ему дружелюбно – и все же явно сомневается, что человек такого вида и поведения может быть полицейским. Марк тычет ей в глаза свой служебный жетон и пытается объяснить, что у него важное дело. Но только когда призванный ею на помощь агент безопасности – судя по внешности, сомалиец, – подтверждает его личность, девушка решает смилостивиться и пропустить Хесса в священные палаты. Тот сразу же направляется к выставленным в конце зала в распоряжение посетителей трем мониторам с клавиатурой. Немногочисленные гости, уткнувшись в смартфоны, поглощают постный бранч за круглыми столиками. Так что нет никаких сомнений, что высокие барные стулья перед мониторами могут быть заняты разве что ребяташками, которых родители изредка тащат с собой в деловую поездку. Хесс садится за один из мониторов и на чем свет стоит костерит про себя слишком медленно работающую систему кибербезопасности Европола, пока не добирается до своего почтового ящика. Он знает, что сегодня есть еще несколько вылетов в Бухарест, пусть даже и с промежуточной посадкой в какой-нибудь германской дыре. Хотя, конечно, опоздание в любом случае вызовет у Фрайманна неудовольствие, если слух о нем достигнет его ушей. Тем не менее Хесс чувствует, что выбора у него нет.

Кликнув соответствующий файл, он видит на экране каштановых человечков – и тут же забывает о своем прямом начальнике. На большом мониторе безмолвные фигурки производят еще более гнетущее впечатление, но все же ему по-прежнему невдомек, какое значение имеет его находка. Линус Беккер выделял эту фотографию среди всех прочих и считал ее необычайно ценной для себя. Лишь такой вывод Марк мог сделать, основываясь на том, что Беккер просмотрел фото с убитым мужчиной целых тридцать семь раз, хотя

обычно отдавал предпочтение фотографиям с убитыми женщинами. Но *почему* Линус так ценил именно это фото? Когда он в свое время наткнулся на него в результате своей хакерской атаки на архив экспертно-криминалистического отдела, СМИ ничего не сообщали об убийце, лишавшем жизни женщин и оставлявшем на месте преступления каштановые фигурки. Этим прославился изверг, орудовавший в последние недели, а его не было и в помине, когда Беккер заинтересовался армией самодельных фигурок. В этом свете совершенно непонятно, что же все-таки привлекло к ним внимание Линуса. А в том, что того заинтересовали именно каштановые фигурки, сомнений у Хесса нет никаких.

Сначала ему приходит на ум, что Беккер увлекся этим фото по прочтении документов из дела о преступлении на Мёне в 1989 году. Полицейский отчет, не исключено, мог бы прояснить, почему у него возникла идея возвращаться к фотографии снова и снова. К примеру, он мог узнать в жертвах знакомых или место преступления, или еще нечто подобное, что побудило его столь скрупулезно изучать фото с убитым полицейским. Но ведь в похищенном Беккером файле лишь фотографии, никаких пояснительных документов *нет*. Ни по мёнскому делу, ни по каким другим. Архив мест преступлений содержит только фотоматериалы с этих мест, и ничего иного. Следственные документы хранятся в других цифровых архивах, и, насколько помнит Хесс, по делу Линуса Беккера доказано, что он сумел проникнуть лишь в архив фотоматериалов с мест преступлений, которые якобы вызывали у него сексуальное возбуждение.

Все так, но размышления эти не показывают Хессу выход из тупика. Он снова чувствует симптомы похмелья и уже жалеет, что, словно полоумный, заколотил кулаками в кабину и вынудил немецкоязычного пилота выпустить его из самолета, уже готового взять курс на Бухарест. Причем точно по расписанию. Хесс поднимает взгляд на табло, где указаны рейсы, которыми он может покинуть Данию, но видит только лицо Линуса Беккера и еще слышит его саркастический хохот. Он решает возобновить просмотр. Начинает с самого начала и снова проглядывает весь этот жуткий сборник фотографий с мест жестоких убийств. Один снимок сменяет другой, и каждый следующий превосходит предыдущий по степени жестокости преступников и страданий их жертв. И все же ни один из них не дает

ответ на вопрос, что же такого занимательного находил в этих фото Линус Беккер. Хессу представляется, что ответить может лишь человек с воспаленным воображением. Что-то, на что только такой извращенец, как Линус Беккер, мог обратить внимание. И вдруг Хесса осеняет. Он догадывается, что именно так привлекало Беккера еще до того, как видит само фото. Потому как это самое страшное, что он может себе представить. И одновременно совершенно непостижимо, как Линус Беккер от этого может прийти в состояние экзальтации.

Хесс возвращается к началу, пропуская фотографии, уже хорошо знакомые ему, и на сей раз не обращает внимания на трупы. Ему интересно теперь все остальное: то, что на переднем и заднем планах, предметы, все то, что на первый взгляд кажется несущественным. И уже на девятом снимке находит искомое. Это фотография с места еще одного преступления с указанием: «Рисков, 22 сент. 2001». Вроде бы она не сильно отличается от других. Тело блондинки лет тридцати пяти лежит на полу помещения, напоминающего гостиную в частном доме или квартире. На женщине темно-коричневая юбка, разодранная женская сорочка и туфли на высоких каблуках, один из которых сломан. На заднем плане угадываются игрушки и детский манеж, а в левой стороне – красиво накрытый на двоих обед, который так и не состоялся. Преступник действовал жестоко и явно в состоянии аффекта, а само убийство, по всей вероятности, произошло в том месте на правой стороне фотографии, где все перевернуто вверх тормашками и залито кровью. Но взгляд Хесса приковывает детский манеж. Потому что на его перильце рядом с погремушкой висит маленький, словно робеющий, каштановый человечек.

Хесс чувствует, что у него зашумело в ушах. Он продолжает охоту, и теперь его интересует только одно. Все остальное ему уже по барабану. Во всем мире для него остались лишь маленькие фигурки.

На двадцать третьем снимке взгляд его снова останавливается.

«Ньюборг, 2-е окт. 2015». На фото молодая женщина в маленьком черном автомобиле. Через лобовое стекло можно увидеть, что она сидит на месте водителя, откинувшись всем телом на детское кресло на пассажирском сиденье. Женщина тоже одета нарядно, точно собиралась в гости или на свидание. У нее выбит глаз, но крови на фотографии почти нет, и вообще убийца действовал более хладнокровно, в большей степени контролируя свои действия, нежели

в Рисскове. Но с зеркала заднего вида на переднем плане свисает маленький каштановый человечек. Вернее, угадывается только его силуэт, но это точно он.

Остается еще порядка сорока фотографий, однако Хесс выходит из системы и поднимается со стула. Спускаясь на эскалаторе на первый этаж аэровокзала, он успевает обдумать еще одну мысль. Убийства, растянувшиеся во времени почти на тридцать лет, не мог совершить один и тот же преступник. Ведь это просто невозможно. Кто-нибудь да обнаружил бы этот факт. И наверняка что-то предпринял бы. Да и потом, что такого одиозного в каштановых человечках, тем более в осенний период? А вдруг он, Марк, видит лишь то, что очень *хочет* увидеть?

И все же, заполняя бумаги у стойки фирмы проката автомобилей «Кар Рентал» и ожидая ключи, Хесс не может не вспомнить выражение лица Линуса Беккера. Ведь именно он обратил внимание на эту связь: каштановый человечек, словно подпись преступника, подтверждающего, что это он убивает снова и снова.

Получив наконец ключи, Хесс бегом направляется на стоянку, и в этот момент снегопад усиливается.

Ту́лин не обращает внимания на двух оперативников, оторвавшихся от мониторов и наблюдающих, как она забирает вещи из своего шкафчика, и громко захлопывает металлическую дверцу. Найя специально никому не говорила, что сегодня ее последний день в отделе, так какой смысл менять свое решение сейчас? Хотя – какая разница?! По кому ей скучать здесь? Как, наверное, и некому тосковать по ней... Так она поставила себя с первого своего рабочего дня, и сегодня, в день последний, старается никому не попадаться на глаза, пока не покинет здание. Правда, только что она столкнулась в коридоре с Нюландером, направлявшимся вместе со своей свитой на пресс-конференцию, каковых за последнее время и так набралось видимо-невидимо. Поводом для сегодняшней, анонсированной как заключительная, стал отчет о результатах работы судмедэкспертов и специалистов по ДНК в рамках общего расследования. Ту́лин размышляет, только ли желание Нюландера оказаться в центре всеобщего внимания является причиной созыва акул пера. Свет рампы шеф просто обожает. Такое впечатление, по крайней мере, складывалось, когда он явно позировал фотографам, стоя рядом с министром юстиции в неимоверно сверкающем костюме. Или когда с напускным великодушием рассыпал похвалы своим операм за блестяще проведенную операцию в Южном порту, ставшую поворотным пунктом в ходе расследования.

Нюландер остановился и пожелал ей семь футов под килем.

– Еще увидимся, Ту́лин. Привет Венгеру.

Он имел в виду Исака Венгера, нового начальника Найи в НЦ-3, и по тону Нюландера она поняла: он считает, что соотношение сил изменилось и Ту́лин еще пожалеет об уходе из отдела. Найя уже почти забыла, какой рывок в карьере совершила еще до того, как шеф НЦ-3 самолично позвонил ей и поздравил с успешным окончанием дел об убийствах:

– Но я не только за этим звоню. Надеюсь, у тебя не пропало желание работать у нас?

Венгер предложил ей должность в центре, хотя она и не подала заявления и не получила рекомендации от Нюландера. Если она согласится на его предложение, он обещал уладить все организационные дела с шефом убойного отдела, чтобы Ту́лин могла приступить к работе в НЦ-3 после слегка припозднившегося осеннего отпуска, в который она теперь и отправляется. Целую неделю у нее будет масса времени, чтобы побыть побольше с Ле и заняться собой. И хотя в этом смысле все шло как надо, все последние дни Найя, к собственному неудовольствию, старалась убедить себя, что следствие они действительно довели до логического конца.

Найденные в бытовом холодильнике в заброшенной скотобойне отчлененные кисти рук Анне Сайер-Лассен и Йесси Квиум, а также ступня последней, неопровержимо доказывали правоту Нюландера, и Ту́лин не видела иного выхода, кроме как поддержать его версию. Да, конечно, Хесс поставил ряд вопросов, оставшихся без ответа, но, несмотря ни на что, логичнее всего было бы предположить, что он просто заикнулся на своей версии и потому отвергал все прочие. И, кстати сказать, не исключено, что у него возникли проблемы психологического, если не психического свойства.

Во всяком случае, так, отбросив сантименты, объяснял его поведение Нюландер, рассказав ей, что причиной болезненного состояния Хесса, возможно, является постигшая его личная трагедия, из-за чего он в свое время покинул и отдел, и Копенгаген. Сам Нюландер не был посвящен в детали, поскольку тогда в отделе еще не работал, но по слухам знал, что более пяти лет назад жена Хесса погибла при пожаре в их совместной квартире в Вальбю. Ей было двадцать девять лет.

Его рассказ произвел сильное впечатление на Ту́лин. Из полицейского отчета о происшествии, который она потом отыскала в базе данных, следовало, что пожар возник примерно в три часа ночи и необычайно быстро распространился по всему дому. Жильцов эвакуировали, но огонь был такой силы, что пожарным не удалось добраться до квартиры в мансардном этаже. Когда же пожар потушили, в спальне обнаружили обугленное тело молодой женщины, о чем ее мужа, следователя отдела по расследованию преступлений против личности Марка М. Хесса, проинформировали по телефону, поскольку он в это время находился в Стокгольме по делам службы.

Были проверены версии о неисправной электропроводке, использовании керосиновых ламп, а также поджога, однако однозначных выводов о причине пожара сделать не удалось. Женщина была на восьмом месяце беременности, а официально пара оформила брак за месяц до трагедии.

Закончив читать отчет, Ту́ли́н почувствовала себя неудобно. Многое в отношении личности Хесса встало для нее на свое место, но с другой стороны, эта история не давала ей возможности разобраться в его проблемах. Впрочем, теперь уже не имело никакого смысла возвращаться к поставленным им вопросам. И, может быть, именно поэтому Найя испытала облегчение, когда сегодня утром услышала, как начальник полиции округа говорил Нюландеру, что гаагское руководство помиловало Хесса и направило с заданием в Бухарест. Стало быть, Хесс покидает Данию, и такой исход наверняка к лучшему. Она набирала его пару раз на неделе, но безуспешно, а он потом не перезвонил. Да еще Ле застала ее врасплох, спросив, когда же «этот твой, ну тот, с глазами» зайдет посмотреть, как далеко она продвинулась в игре. То же самое случилось, когда Найя позвонила узнать о судьбе Магнуса Кьера и выяснила, что его поместили в интернат, пока идут поиски подходящей приемной семьи. Дежурный сообщил ей об улучшении состояния здоровья мальчика и добавил, что тот несколько раз интересовался, когда же его навестит некий «полицейский», и Ту́ли́н не нашлась что ответить. Тогда она решила выбросить из головы все связанное с Хессом, а как показывает практика, ей было не слишком сложно окончательно расставаться с людьми таким образом. В последний раз такое случилось с Себастьяном, и хотя он все еще присылал ей сообщения на автоответчик, Ту́ли́н не видела причин возобновлять с ним отношения.

Она возвращается к своему пустому письменному столу.

– Найя Ту́ли́н? – Посыльный в велосипедных туфлях смотрит на нее вопросительным взглядом, и, увидев в его руках букет, она, несмотря на то только что данное себе обещание, первым делом думает о Хессе. Желтые, оранжевые и красные осенние цветы, названия которых Найя даже не знает, так как никогда не питала слабости к цветам. Курьер протягивает ей электронную ручку, она расписывается в получении, и тот вразвалочку покидает кабинет. Ту́ли́н открывает карточку и поздравляет себя с тем, что все ее коллеги столпились

сейчас у плазменной панели в столовой и смотрят прямую трансляцию пресс-конференции Нюландера.

«Спасибо за пробежку. Удачи в НЦ-3. Оторвись наконец от письменного стола. J»

Тулин улыбается про себя и швыряет карточку от Генца в мусорное ведро. Вскоре она уже идет по коридору, спускается вниз навстречу свободе и празднику Хеллоуина в классе Ле и, проходя мимо стойки секретариата, оставляет на ней букет, ибо знает, что там его оценят.

* * *

Найя выходит из управления на улицу, где по-прежнему падает густой снег, и потому досадует, что до начала работы в НЦ-3 служебным авто она пользоваться не может. Кроссовки ее быстро намокают, и она торопится по заснеженной улице Бернсторффа к Главному вокзалу на электричку до станции Дюббельсбро.

Ранним утром, когда Тулин встретила с Генцем, снегопад еще не начался. Она все-таки приняла его приглашение совершить совместную утреннюю пробежку – так Найя решила отметить свой последний день в убойном отделе. Теперь, когда они перестали быть коллегами, она думала поставить красивую точку в их отношениях да и порасспросить его кое о чем. Они договорились пробежаться вдоль Прибрежного шоссе и ровно в шесть тридцать утра встретились у его подъезда в новом шикарном жилом комплексе в районе Северного порта. Ее поразило, что у Генца есть средства на жилье в таком доме. Впрочем, учитывая, что ведет он правильный образ жизни, можно не удивляться его умению с умом распоряжаться своими доходами.

Первая часть пробежки удалась на славу; особенно хорошо стало, когда над Эресунном вошло солнце. Они обсудили итоги расследования. Каким образом у Бенедикте Сканс и Асгера Неергора на фоне их личной трагедии возникла жажда мести, сделавшая из них убийц. Каким образом медсестре посчастливилось раздобыть информацию о травмах детей и их матерях. Как парочке удалось использовать интернет-кафе с доступом к украинскому серверу, чтобы пересылать заявления не со своих адресов. И почему криминалисты не

обратили внимание на содержимое бытового холодильника во время первого, предварительного осмотра бывшей скотобойни. Что же до орудия убийства и инструментов для расчленения, то их пока еще не обнаружили. Но ведь, будучи медсестрой, Бенедикте Сканс имела доступ к разного рода хирургическим пилам и скальпелям, которые сейчас эксперты исследуют и проверяют...

Генц не сомневался в выводах следствия; правда, Тулин заподозрила, что его более занимает сама пробежка, нежели беседа с нею. И пожалела о своем сделанном во всеуслышание заявлении о своей любви к длинным дистанциям, потому как быстро выяснилось, что ему приходится сдерживать темп, чтобы она не отставала. Преодолев восемь километров, они развернулись в обратном направлении, и Тулин сразу превратилась в любителя бега трусцой на буксире какого-нибудь кенийского стайера. Только когда Генц увидел, что она осталась далеко позади и сбросил скорость, они смогли возобновить диалог. И если Тулин думала, что, приглашая ее на пробежку, Генц просто хотел приударить за нею, то она жестоко просчиталась. Бегу он отдавался с той же страстью, как и работе в своей лаборатории.

На оставшейся части пути Найе просто не хватило дыхания продолжать беседу, и только когда они остановились на красный свет в районе Форта Шарлоттенлунн, она поведала о мучившей ее загадке. Они ведь так и не выяснили, почему на месте преступления злоумышленники оставляли каштановых человечков с отпечатками пальцев младшей Хартунг. Похожих фигурок в их жилище не найдено. Так каким же образом те попали им в руки?

– Разве только Нюландер прав и они купили их в киоске младшей Хартунг и ее подружки до исчезновения Кристине, – попытался найти объяснение Генц.

– Но насколько это вероятно? Стиин Хартунг считает, что девчонки вообще не занимались каштановыми человечками в прошлом году.

– Может, он ошибается? Бенедикте Сканс как раз в тот момент положили в больницу в Роскилле, но Асгер-то Неергор вполне мог ездить по району и готовить план уже тогда.

– И его вдруг случайно опередил Линус Беккер? Ты так, что ли, считаешь?

Генц пожал плечами и улыбнулся.

– Я версий не выдвигаю. Я всего лишь технический работник.

Однозначного ответа они, по-видимому, никогда не получают, но почему-то эти каштаны все еще бредили душу Ту́лин. Как будто сыщики забыли что-то проверить или не учли какой-то нюанс.

Наконец они добежали до станции Сванемёллен, где как раз и пошел снег, от которого Ту́лин спряталась под навесом на перроне.

* * *

– Где третий «А»?

– Посмотрите в классе. Там, где шумно.

Ту́лин стряхивает снег с пальто и проходит мимо двух учителей в украшенном к празднику Хеллоуина рекреационном зале. Она прибыла в школу, что в переулке неподалеку от станции Дюббёльсбро, точно в назначенное время и дает себе клятвенное обещание и впредь приезжать вовремя. Уж больно часто она опаздывала или вообще не успевала на школьные мероприятия дочки. Вот почему, войдя в класс, Найя ловит на себе удивленные взгляды некоторых родителей. Они стоят возле стены, где выставлены тыквы с вырезанными на них гримасами. В классе броуновское движение: дети бегают и дурачатся в своих маскарадных костюмах. Сам праздник только завтра, но завтра уик-энд, и поэтому в школе решили отметить его сегодня. Девочки изображают ведьм, мальчики – монстров, многие из них в масках чудовищ, одна страшнее другой, и кое-кто из родителей вскрикивает, делая вид, что до ужаса напуган, когда дети пробегают мимо. Классный руководитель, женщина одного с Ту́лин возраста, одета ведьмой. На ней черное платье с вырезом, черные чулки в сетку, черные туфли-лодочки и черная же конусовидная шляпа. Лицо у нее мертвенно-бледное, с ярко-красными губами. Она напоминает персонажа из какого-то фильма Тима Бёртона^[44], и несложно догадаться, почему у присутствующих в классе мужчин в эту пятницу настроение более приподнятое, нежели обычно.

Сначала Ту́лин никак не может найти ни Ле среди жутких монстров, ни деда среди родителей, но потом вдруг замечает резиновую маску зомби с разрубленным черепом и вылезающими из

него желтыми мозгами. Эта маска из игры «Растения против зомби» – единственное, что Ле захотелось купить в «Сигарах фараона» на Скиннергаде, куда она вчера затащила Найю. Дед поправляет маску на Ле так, чтобы мозговое вещество не свисало на шею.

– Привет, мам! Понимаешь, что это я?

– Нет, а где ты?

Ту́ли́н оглядывается по сторонам, а когда поворачивается обратно, Ле срывает с себя маску и обнажает мокрое от пота торжествующее лицо:

– Я буду первой, когда мы пойдем в зал с тыквами.

– Круто. С удовольствием посмотрю.

– Ты останешься посмотреть?

– Конечно.

– Давай подержу мозги, а то еще в обморок грохнешься от духоты, – предлагает Аксель, отирая пот со лба девочки.

– Да ладно, дед.

Со сдвинутой на затылок маской зомби Ле подбегает к Рамазану, изображающему человеческий скелет.

– Все о'кей? – спрашивает Аксель, интересуясь, как прошел последний день Ту́ли́н в управлении.

– Да, замечательно. Писец – всему делу венец.

Аксель собирается что-то сказать, но в этот момент классная хлопает в ладоши, призывая детей собраться возле нее.

– Отлично, мы начинаем! Дети, ко мне! – командует она задорным голосом и поворачивается к взрослым. – Прежде чем мы перейдем в зал на праздник, нам нужно закончить тему «Осень». Дети подготовили три выступления и сейчас с удовольствием продемонстрируют свои способности.

Ту́ли́н замечает, что класс все еще украшен по-осеннему, планшетками с генеалогическим деревом каждого ребенка. Она лишь раз видела выступление детей на школьном празднике. Они разыгрывали цирковое представление, и в одном из номеров ребятам в костюмах львов нужно было трижды пролезть сквозь обруч. Тогда истеричные аплодисменты родителей изрядно смутили ее.

Нынешнее представление отличается немногим. Первая группа ребятшек демонстрирует планшетки с ветками и желтыми или красными листьями. Улыбающиеся родители снимают действие на

камеры мобильных телефонов. А у Ту́лин красно-желтые листья еще долго будут ассоциироваться с жутким видом изуродованных тел Лауры Кьер, Анне Сайер-Лассен и Йесси Квиум. Не улучшается у нее настроение и когда следующая группа представляет собранную классом коллекцию каштановых фигурок.

Наконец наступает очередь Ле. Они с Рамазаном и еще двумя одноклассниками становятся перед кафедрой и начинают рассказывать, что каштаны можно употреблять в пищу.

– Но сперва их надо порезать на ломтики, чтобы их не разорвало в духовке. А поджаривать нужно при температуре ровно двести двадцать пять градусов, ни градусом больше, ни градусом меньше. И потом каштаны можно есть с маслом и солью, – говорит Ле чистым и ясным голосом.

Ту́лин едва не валится на пол от удивления; ведь это маленькое воинственное существо никогда в жизни не интересовалось, чем мать занимается на кухне. Несколько блюд с жареными каштанами передают родителям на пробу, а классная тем временем обращается к Рамазану, видимо, забывшему свою реплику:

– Ну, Рамазан, что надо знать, если ты хочешь поесть жареных каштанов?

– Сначала надо выбрать нужный вид. Эти каштаны называются съедобными.

– Именно. Существует много разных видов каштанов, но употреблять в пищу можно только съедобные.

Рамазан кивает, берет в рот каштан и начинает звучно грызть плод. Родители его с улыбкой принимают одобрителльные взгляды других взрослых. Классная рассказывает забавные подробности, как дети сами готовили предложенные родителям каштаны, но Ту́лин не слушает ее. Что-то мешает ей. Она чувствует, как внутри нее нарастает тревожное ощущение, и причину его она понимает лишь в тот момент, когда родители разражаются смехом, реагируя на очередную фразу учительницы.

– Что вы имеете в виду, когда говорите, что есть много разных видов каштана? – Ту́лин припозднилась с вопросом, теперь он звучит совсем не в тему. Учительница глядит на нее с удивлением, как и некоторые взрослые, отсмеявшиеся над рассказом классной. –

Насколько я знаю, существует только два вида каштана: съедобные и те, из которых делают каштановых человечков.

– Нет, на самом деле их гораздо больше. Но сейчас Рамазану надо...

– Насколько вы в этом уверены?

– В общем-то уверена. Но теперь...

– И сколько?

– Сколько чего?

– Сколько имеется видов каштана?

Смех в классе смолкает. Взрослые переводят взгляды с учительницы на Ту́лин и обратно. И даже дети притихли. Слишком уж резко прозвучал вопрос Найи, и задала она его не вежливым, как ранее, а чуть ли не инквизиторским тоном. Классная медлит с ответом и неуверенно улыбается, не понимая, с чего ей вдруг устроили экзамен.

– Всех я не знаю. Но есть несколько видов съедобных каштанов – например, европейский каштан, японский, – и есть несколько видов конского каштана, к примеру...

– А из каких каштанов делают фигурки?

– Наверное, из любых. Но самым распространенным у нас является конский каштан...

В классе повисает тишина. Взрослые смотрят на Ту́лин, а она глядит на учительницу, не видя ее. Краем глаза замечает лицо Ле и думает, что у ее дочери выдался сегодня, наверное, самый черный день в жизни. Найя идет к двери. Потом она бежит через зал к выходу и слышит, что у нее за спиной начался праздник Хеллоуина.

– Если ты хочешь позвать меня еще на одну пробежку, вынужден попросить подождать до следующей недели.

Генц улыбается. Рядом с ним продолговатый спецчемоданчик с инструментами и небольшая дорожная сумка. Когда Тулин входит в лабораторию, он как раз надевает пальто из водоотталкивающей ткани. Найя уже знает от дежурного при входе, что Генц совсем недавно вернулся с места преступления, а теперь собирается в Хернинг на конференцию криминалистов, которая проводится в Выставочном центре в субботу и воскресенье. Ей все же удалось уговорить дежурного пропустить ее к шефу. Она, правда, пыталась связаться с ним по мобильному по пути в экспертно-криминалистический отдел на такси, но дозвониться не смогла. И обрадовалась, узнав, что он у себя в резиденции, то есть в лаборатории, пусть даже и приехала она не ко времени.

– Я не об этом. Мне нужна твоя помощь.

– Может, по дороге к машине поговорим?

– Те каштановые фигурки с отпечаткам пальцев Кристине Хартунг, они к какому виду относятся?

– К какому виду чего? – Генц уже собирался выключить галогеновые лампы, но все-таки останавливается и смотрит на нее. – Что ты имеешь в виду?

Найя бегом поднималась по лестнице и все еще не может перевести дыхание:

– Каштан – он ведь не просто каштан, и всё. Их несколько разных видов. Так к какому виду относятся те?

– Ну так, навскидку, я тебе не скажу.

– Это конский каштан?

– Какие-то странные вопросы ты задаешь... Что там стряслось?

– Может, и ничего. Но если ты не помнишь, может, в вашем отчете есть?

– Совершенно в этом уверен, но мне...

– Генц, я бы не спрашивала, если б это не было так важно.

Эксперт смотрит на нее с недоумением, но, глубоко вздохнув, все же садится в кресло перед большим монитором. Спустя секунду он входит в систему, и Тулин получает возможность следить за его манипуляциями на висящем над ним на стене экране. Генц находит папку, листает страницы пронумерованных отчетов и дважды кликает мышкой. Цифр в аналитических записках немерено, но ему известно, где и что искать, и он останавливается на части, озаглавленной «Виды и происхождение».

– В первом случае, то есть в деле Лауры Кьер, отпечатки оставлены на съедобном каштане. Если точнее, на так называемом *Castanea sativa x Castanea crenata*^[45].

– А что с остальными?

Генц на мгновение задерживает на ней взгляд, будто хочет сказать, что шутить ему недосуг.

– Давай-давай, это важно!

Эксперт перелистывает свою электронную книжку дальше, дважды кликает еще один отчет и повторяет ту же процедуру с третьим. Когда он заканчивает, Тулин видит ответ еще до того, как он громко объявляет:

– В других случаях результат тот же: *Castanea sativa x Castanea crenata*. Довольна?

– Ты уверен? Никаких сомнений?

– Тулин, эту часть экспертизы выполняли мои помощники, так что гарантий я дать не...

– Но ведь твои помощники вряд ли могли ошибиться во всех трех случаях?

– Нет, наверняка нет. Но все-таки ребята не специалисты по каштанам, так что они, скорее всего, как и обычно, разыскали какого-нибудь эксперта, который и подтвердил их выводы. Так, может, все-таки расскажешь, что все это значит?

Тулин долго молчит. В такси она воспользовалась мобильником дважды. Сперва позвонила Генцу, а потом – Стиину Хартунгу. Последний ответил мертвым голосом. Испытывая уколы совести, Найя попросила прощения за беспокойство и объяснила, что заканчивает отчет, и ей надо только уточнить, какого вида каштан растет у них в саду, из плодов которого Кристине и ее подружка изготавливали фигурки. У Стиина Хартунга не было сил удивляться ее вопросу, и

когда она добавила, что это пустая формальность, он ответил, не вдаваясь в подробности: в саду у них растет огромный конский каштан.

– Это значит, что у нас проблема. Придется немедленно связаться с этим экспертом.

Пространство между «Красными воротами»^[46] и «Домом Петера Липса»^[47] в Дюрехавене покрыто свежесвыпавшим снегом. Роза Хартунг предпочитает бежать по тропинке, покрытой гравием, а не по асфальтированной дорожке, по такой погоде скользкой, как лед. Она добегает до ее конца, откуда открывается вид на опустелые и напоминающие привидения аттракционы «Баккена», и поворачивает направо, на тропку, выходящую под кронами деревьев и по этой причине еще не тронутую снегом. Ноги ее отказываются продолжать бег, но воздух свеж и холоден, и, преодолевая болевые ощущения, она бежит дальше в надежде, что моцион позволит ей выйти из депрессии.

Уже дней десять Роза практически не покидала их дом на Внешнем Эстербро. Все силы, которые она собрала в себе перед возобновлением министерской карьеры, испарились, когда пришло понимание, что надежды вновь увидеть Кристине живой в действительности не имеют под собой оснований. Все вокруг сделалось серым и бессмысленным, как оно уже и было большую часть прошлой зимы и весны. Фогель, Лю и Энгелльс проявляли о ней заботу, призывали приехать в министерство, но их уговоры не действовали. Роза оставалась дома, и, что бы они там ни говорили, она знала, что дни ее как политика сочтены. Да, и премьер, и министр юстиции публично выступали в ее поддержку, но в кулуарах ни у кого не оставалось сомнений, что роль Розы в жизни партии осталась в прошлом. Утечет в речке еще немножко водицы, и Хартунг покинет передовые партийные ряды – или по причине разногласий с премьером, или из-за ее нестабильного психического состояния. Но все это стало ей совершенно безразлично.

К горю же своему остаться равнодушной Роза, разумеется, не могла. Сегодня утром она посетила психиатра, и тот посоветовал ей возобновить прием антидепрессантов. Поэтому по возвращении домой она и заставила себя надеть спортивный костюм. Вообще-то говоря, у нее вошло в привычку бегать в послеобеденное время, когда она работала дома. Но сегодня Роза вышла на пробежку прежде всего в надежде, что выработанные из-за физической нагрузки эндорфины

хотя бы чуть-чуть подымут ей настроение и придадут сил, необходимых для того, чтобы обойтись без таблеток.

Нашелся и еще один повод покинуть дом. Как раз в это время должны были приехать грузчики и увезти вещи Кристине. После консультации у психиатра она сдалась и решила последовать его совету: отдать их, чтобы раз и навсегда расстаться с прошлым. Этот символический поступок, по словам врача, поможет ей жить дальше. Поэтому Роза позвонила на фирму по перевозке вещей и показала домработнице, что именно грузчикам следует забрать из комнаты Кристине: четыре большие коробки с одеждой и обувью, а также письменный стол и кровать, на которой она так любила сидеть. Хартунг дала Элис номер отделения «Голубого креста»^[48] на Нордре Фрихаунсгаде и попросила предупредить их о скором приезде грузчиков с вещами, а сама отправилась на машине в Дюрехавен.

По дороге она думала позвонить Стиину и рассказать о своем решении, но так и не набралась мужества. Они больше почти не разговаривали. Начальник убойного отдела все изложил четко и ясно, но Стиин продолжал цепляться за свою надежду, что было уже сверх всяких ее сил. Он отказался подписывать бумаги о признании Кристине умершей, хотя сам же и просил адвоката подготовить и прислать документы. Розу муж в свои поиски не посвящал, но она знала, что Стиин ходит по домам в кварталах, где Кристине могла оказаться в день своего исчезновения. Об этом рассказал ей партнер мужа Бьярке. Взволнованным голосом он поведал Розе, что стол Стиина все так же завален схемами канализационных ходов, коттеджных поселков и дорог. Каждый день в первой его половине он покидает свое рабочее место, не сообщая, куда и с какой целью отправляется. И вот вчера Бьярке поехал за ним и увидел, как Стиин без усталости обходит дома в поселке возле спортзала. Правда, он, наверное, пожалел, что позвонил ей, так как Роза выслушала его с полнейшим безразличием. Поиски Стиина были абсолютно бессмысленны, но пусть его. Им, безусловно, нужно сплотиться и вместе думать о Густаве, но прямо сейчас сподобиться на это они не были готовы.

Роза совсем выдохлась, когда наконец добралась до «Красных ворот». По телу течет холодный неприятный пот. Из рта у нее просто-таки валит пар. Ей даже приходится на минутку опереться о калитку и

передохнуть, и только потом она забирается в оставленную на парковке машину. По дороге домой, проезжая памятник Кнуду Расмуссену^[49] и спроектированную Арне Якобсенем автозаправку, замечает небольшую прореху в облаках. Снег перестал идти, солнечные лучи ненадолго проникают в эту прореху, и Розе представляется, будто расстилающаяся перед ней местность покрыта гигантским одеялом, сотканным из искрящихся кристалликов, и ей приходится зажмуриться, чтобы ее не ослепило. Повернув к въезду на участок, она чувствует, что дышать ей стало чуточку легче, чем до пробежки. Дыхание успокоилось, и кажется, будто воздух теперь достигает самой диафрагмы, а не застревает, точно вода в засоренной раковине, в области грудной клетки, а то и в горле. Выйдя из машины, она видит широкие следы протекторов грузовика на снегу и ощущает небольшое облегчение. Что ж, дело сделано. По старой привычке идет к задней части дома, ко входу в подсобное помещение, которым всегда пользуется после пробежки, чтобы не оставлять грязных и мокрых следов в прихожей. Силы совсем покидают Розу; она думает лишь о том, как бы поскорее добраться до дивана и рухнуть на него, пока мысли о безвозвратно покинувших дом вещах Кристине не одолеют ее. Свежевыпавший нетронутый снег поскрипывает под ногами.

Повернув за угол и дойдя до тамбура подсобки, Роза внезапно останавливается. На коврике перед дверью лежит какой-то непонятный предмет. Подойдя на шаг ближе, она видит невзрачный веночек или какое-то свое-образное украшение, и сразу же ей вспоминаются Рождество и Рождественский пост – наверное, потому, что вокруг лежит белый снег. И лишь наклонившись, чтобы подобрать украшение, она понимает, что сплетено оно из каштановых человечков. Они держат друг друга за руки и таким образом образуют круг.

Роза вздрагивает и с опаской оглядывается. Вокруг, однако, ни души. Всё в саду, в том числе и старый каштан, покрыто свежевыпавшим девственным снегом, на котором нет никаких других следов, кроме ее собственных. Она снова осматривает веночек, осторожно поднимает его и входит в дом. Ее столько раз спрашивали о каштановых человечках и их символике, что и не сосчитать. И никогда они не вызывали иных ассоциаций, кроме как с теми фигурками, что Кристине и Матильде каждый год кропотливо составляли за обеденным столом. Однако, когда, забыв снять

промокшие кроссовки, Хартунг бегом поднимается по лестнице на второй этаж и зовет домработницу, ее охватывает какое-то другое и гораздо более неприятное чувство, определить которое она затрудняется.

Роза находит девушку в пустой комнате Кристине – она пылесосит ковры в тех местах, где прежде стояли коробки и мебель дочери. Элис испуганно оглядывается, когда Роза выключает пылесос и показывает ей веночек.

– *Alice, who brought it? How did it get here?*^[50]

Домработница смотрит на нее с недоумением. Она не видела никакого веночка и не знает, ни как он очутился перед дверью подсобки, ни кто его принес.

– *Alice, it's important!*^[51]

Роза повторяет свои вопросы, настаивая, что девушка видела, кто принес подарок, но сбитая с толку домработница никого, кроме приезжавших за вещами грузчиков, с тех пор как хозяйка уехала, не замечала. И только когда на глазах девушки появляются слезы, до Розы доходит, что у нее действительно нет ответа на ее вопросы.

– *Alice, I'm sorry. I'm sorry...*^[52]

– *I can call the police. Do you want me to call the police?*^[53]

Роза рассматривает веночек, который положила на пол, чтобы обнять всхлипывающую девушку. Его составляют пять каштановых человечков, соединенных между собой стальной проволокой. Они похожи на фигурки, которые ей показывали полицейские, но теперь Хартунг замечает, что две из них по размеру больше остальных. Будто бы они родители. Каштановые родители держат за руки маленьких каштановых детишек, и все вместе они составляют кружащуюся в круговом танце каштановую семью.

И тут Розу осеняет. Она узнает веночек и догадывается, почему он оказался именно у ее дома, почему этот подарок предназначается именно ей. Она помнит, когда впервые увидела его, кто преподнес его ей, и главное – почему. Она помнит все ясно и четко, хотя мозг ее все еще отказывается признавать, что догадка ее верна. Не может же быть, чтобы причина была именно в этом. Ведь эта история случилась так давно...

– *I'll call the police now, Rosa*^[54].

– *No! No police. I'm okay*^[55].

Роза высвобождается из объятий Элис. Мгновение спустя она уже бежит к машине и уезжает. Ее никак не оставляет ощущение, будто кто-то следит за ней, причем уже очень долгое время.

Путь до центра города кажется ей невероятно долгим, и преодолевает она его не без затруднений. Когда выпадает возможность, выезжает на соседнюю полосу, а на Треугольной площади и в районе Королевского сада даже проскакивает перекресток на красный свет. В голове у нее теснятся воспоминания. Что-то она помнит хорошо, что-то – смутно и отрывками. Такое ощущение, что все они должны собраться у нее в голове, чтобы появилась возможность составить цельную картину. Подъехав к министерству, Роза решает припарковаться так, чтобы не привлекать излишнего внимания. Ей удается найти свободное место на парковке, и она бегом мчится к заднему входу. И вдруг вспоминает, что позабыла пропуск, однако охранник узнает ее и пропускает в здание.

– Лю, мне нужна твоя помощь.

В министерском кабинете ее секретарь проводит встречу с двумя молодыми девушками-юристами, как помнит Роза, только недавно принятыми на работу. Лю ошеломлена появлением министра, а ее собеседницы за столом замолкают.

– Да, конечно. Мы поговорим позже.

Лю прощается с молодыми сотрудницами, и те, выходя из кабинета, с любопытством косятся на Розу. Что и неудивительно, ведь она как была в тренировочном костюме и грязных кроссовках, так и заявила в таком одеянии в министерство.

– Что случилось? С тобой все о'кей?

Приятно, конечно, почувствовать искреннюю озабоченность Лю, но Розе сейчас не до этого.

– Где Фогель и Энгелльс?

– Фогель сегодня не объявлялся. А у Энгелльса совещание где-то здесь, в министерстве. Вызвать его?

– Нет, все равно. Думаю, мы сами разберемся. У нас ведь есть доступ к муниципальным архивам дел об изъятии детей и реестру временно замещающих семей?

– Да... Но зачем тебе это?

– Мне нужны сведения по делу одной приемной семьи. Оно заведено в местном совете Одсхерреда. По-моему, в восемьдесят шестом году, если не ошибаюсь.

– Не уверена, что дела за те годы оцифрованы.

– А ты попробуй! Ладно?

Лю явно ошарашена, и Розе становится ее жалко.

– Лю, не спрашивай, зачем мне это надо. Просто помоги.

– О'кей. – Та садится за клавиатуру уже стоящего на столе ноутбука, и Роза смотрит на нее благодарным взглядом. Вводит свой логин на страничку архива местного совета Одсхерреда и получает доступ к материалам. Роза садится на стул и придвигается ближе, чтобы видеть монитор.

– Фамилия приемных родителей Петерсен, – подсказывает она Лю. – Они проживали в Одсхерреде на Церковной улице, тридцать пять. Отца звали Поуль, он школьный учитель, а мать, Кирстен, была художником по керамике.

Пальцы Лю летают по клавиатуре, и на экране появляется запрос Розы.

– Нет, ничего нет. А у тебя их номера гражданской регистрации есть?

– Нет, номера не помню, но у них еще до этого уже была приемная дочь, Роза Петерсен.

Лю начинает набирать названный Розой номер, но вдруг останавливается и смотрит на нее.

– Но ведь это же твой...

– Да. Ищи дальше. Я не могу сейчас говорить, о чем идет речь. Просто доверься мне.

Лю неуверенно кивает, продолжает поиск и вскоре находит нужные данные:

– Приемная дочь Роза. Урожденная Юуль Андерсен. Приемные родители Поуль и Кирстен Петерсен...

– Введи их регистрационные номера и поищи одно дело за тысяча девятьсот восемьдесят шестой год.

Лю возобновляет поиск, набирает их номера, но через несколько минут качает головой:

– За восемьдесят шестой ничего нет. Как я и говорила, оцифровка еще не завершена, так что может...

– Посмотри за восемьдесят седьмой или пятый. У нас в семье тогда появился мальчик, и с ним его сестра.

– Как звали мальчика или...

– Не знаю. Они недолго у нас пробыли. Несколько недель или месяцев.

Пока они обменивались репликами, Лю ввела все данные и теперь внимательно вглядывается в монитор.

– Кажется, нашла. Восемьдесят седьмой год. Токе Беринг... И его сестра-двойняшка Астрид.

Роза видит на экране странички акта гражданского состояния с длинной сопроводителькой. По допотопному шрифту можно догадаться, что изначально запись была сделана на пишущей машинке. Однако имена детей Розе ни о чем не говорят. Как и упоминание, что они близнецы. Но она уверена, что именно их ей и надо разыскать.

– Похоже, они провели у вас три месяца, а потом их поместили в другое место.

– Куда именно? Мне надо знать, что с ними произошло.

Лю отодвигается от компьютера, чтобы Роза сама могла просмотреть странички журнала на экране. Хартунг внимательно читает. Три страницы машинописного текста сотрудника отдела соцзащиты заставляют ее содрогнуться. По лицу текут слезы, к горлу подступает тошнота.

– Роза, что с тобой? Мне это не нравится. Может, Стиину позвонить, или...

Роза качает головой. Она едва переводит дух, но все же заставляет себя прочесть текст снова. Теперь – для того, чтобы уяснить, что в нем самое главное для нее. Понять, чего добивается от нее изготовитель каштанового веночка, на что хочет сподвигнуть ее. Или она уже опоздала? Неужели чудовищный смысл его послания в том, что все произошло из-за того случая? И в наказание ей всю оставшуюся жизнь пребывать с этим ощущением?

На сей раз Роза обращает внимание на каждую деталь и лихорадочно перебирает подробности, надеясь, что они подскажут, как ей действовать. И – вот удача! Она видит название места, куда были помещены близнецы, и понимает, что ехать ей нужно именно туда. Это *должно* быть там. Хартунг поднимается, стараясь запомнить указанный в журнале адрес.

– Роза, расскажи, пожалуйста, в чем дело.

Она не отвечает на вопрос Ли. На ее мобильник, оказывается, поступила эсмэска со «скрытого номера». Это эмодзи в виде приложенного к губам пальца. Понятно, Розе следует молчать, если она не хочет потерять надежду все-таки узнать, что же произошло с Кристине.

Валит плотный тяжелый снег, и расстилающийся перед сидящим за рулем Хессом белый ландшафт кажется бескрайним. На трассе, где в обе стороны курсировали снегоочистительные машины, ехать было еще терпимо, но когда он свернул с E47 на шоссе к Вордингборгу, ему, чтобы не впасть в идущие впереди автомобили, пришлось снизить скорость до черепаших двадцати километров в час.

На пути из Копенгагена через Зеландию Хесс позвонил в окружные отделы полиции, соответственно в Рисков и Ньюборг, но, как он и опасался, это ему не сильно помогло. Меньше всего информации он добыл по делу об убийстве в Рискове в 2001 году. Та история приключилась восемнадцать лет назад, и полицейские в Орхусе никак не могли взять в толк, какого дьявола он интересуется этим давнишним делом. Вот и отправили его звонить в три разные инстанции, пока наконец одна оперативница не сжалилась над ним и не поленилась заглянуть в дело. Она-то и поведала, что оно было признано «висяком» и по этой причине отправлено подальше от глаз начальства. Сама оперативница к делу отношения не имела, но согласилась зачитать отрывки из заключительной его части. К сожалению, ничего полезного для себя Хесс из этого не извлек. Жертва, одинокая мать, попросила кого-то из знакомых присмотреть за годовалой дочкой, потому как пригласила на обед друга. Прийдя в оговоренное время, тот обнаружил ее лежащей на полу в гостиной с ножевыми ранениями, оказавшимися несовместимыми с жизнью. Двумя годами позже дело спустили на тормозах, а на самом деле положили под сукно за отсутствием подозреваемых и реальных следов преступника.

По-иному обстояло дело с убийством в Ньюборге в 2015 году. Жертвой оказалась мать трехлетнего мальчика. Следствие по делу все еще продолжалось, поскольку отец ребенка, бывший сожитель убитой, являлся основным подозреваемым и находился в розыске, но скрывался от полиции, по-видимому, в Паттайе. Предположительно он совершил убийство как на почве ревности, так и из-за денег. Экс-сожитель был «связан с рокерами». Версия местного инспектора

уголовного розыска заключалась в том, что он следовал за бывшей подругой на машине и увидел, как она встречается с одним женатым профессиональным футболистом, с которым завела роман. На обратном пути ее вынудили остановиться на обочине, после чего нанесли ей удар неустановленным оружием, которое, пройдя через левый глаз, поразило мозг. Хесс и представить себе не мог, что бывший сожитель жертвы, скрывающийся, вероятно, в Таиланде, каким-то образом причастен к убийствам, которые он сам расследовал. И поэтому спросил инспектора, не проходили ли по этому делу другие подозреваемые из окружения женщины, помимо близкого друга, бывшего сожителя и родственников. По словам собеседника, таковых не было, и вообще Хесс почувствовал, что инспектор истолковал его вопрос как завуалированную критику в свой адрес, и оставил эту тему.

В заключение Марк решил порасспросить инспектора о предмете, висевшем на зеркале заднего вида в машине жертвы, однако начал издали:

– Кто-нибудь из тех, кому ты показывал на допросах фото с места преступления, обратил внимание на наличие в машине предметов, вызвавших у них удивление?

Вопрос инспектора явно поразил:

– Откуда ты знаешь? И почему спрашиваешь?

– Ты можешь ответить?

– Мать жертвы удивилась, что на зеркале заднего вида в машине жертвы висел каштановый человечек. Ей это показалась странным, поскольку у дочери с детства была аллергия на орехи.

Инспектор не любил оставлять непроясненные вопросы без ответа и не поленился попробовать разгадать загадку. На его запрос в детский сад сына убитой ему сообщили, что в последние несколько недель дети его группы изготавливали каштановых человечков. И можно предположить, что мать, несмотря на возможную аллергическую реакцию, сама поместила произведение сына в машину. Хесса аж передернуло. Версия инспектора на первый взгляд казалась правдоподобной; Марк же ни на миг не усомнился в том, что она неверна. Ну кого, скажите на милость, может поразить каштановая фигурка в сентябре или октябре месяце?! Да наверняка никого. Хессу показалось, что его вопрос вызвал у инспектора новую волну

сомнений и самокритики, и поспешил погасить ее. Зачем разжигать страсти, ведь речь-то идет всего лишь о версии...

Не имея возможности дальше копаться в этих историях здесь и сейчас, Хесс поворачивает на юг в надежде переговорить с кем-нибудь о деле «Мён, 31 окт. 1989». Мён, к счастью, находится в юрисдикции управления полиции округа в Вордингборге, так что, по крайней мере, он не попадет в снежный занос в самой глухой провинции. В то же время Хесс уже начинает жалеть, что затеял эту лабуду. По этой же причине он так до сих пор и не связался ни с Ту́лин, ни с Нюландером. Поднимаясь по скользким, занесенным снегом ступеням к входу в здание вордингборгского отдела полиции, Марк сильно сомневается, что ему сегодня вообще понадобится звонить им. Да, в аэропорту его посетило озарение, но потом он постепенно осознал, какую сложную задачу поставил перед собой. Даже если окажется, что терроризировал и убивал женщин в течение столь долгих лет один и тот же преступник, им потребуется минимум столько же времени, чтобы доказать это, сколько ему – для того, чтобы эти злодеяния совершить. *Если*, конечно, его версия верна.

В дежурке вордингборгского отдела Хесс пересказывает уже ставшую привычной придуманную им легенду, объясняет, что сотрудничает с отделом по расследованию преступлений против личности копенгагенского управления и ему необходимо побеседовать с местным начальником. В отделе царит суета сует по причине гололедицы на дорогах, где сегодня аварии случаются одна за другой. И все же находится одна добрая душа, которая подсказывает ему, где найти Бринка.

Хесс входит в неприбранный офис открытого типа, где рыжий мужик лет эдак шестидесяти и с центнер весом, с оспинками на лице, надевает пальто, продолжая разговор по телефону:

– Оставь свою хрень там, если она не заводится. Я сейчас буду!

Мужик завершает разговор и шагает к выходу, даже не делая попытки посторониться и пропустить Хесса.

– Могу ли я поговорить с Бринком?

– Я ухожу, так что придется подождать до понедельника.

Марк спешно достает свой полицейский жетон, но Бринк уже вышел в коридор, застегивая на ходу молнию парки.

– Это важно. У меня всего пара вопросов по одному делу и...

– Ясен перец, но у меня уик-энд. Обратись в дежурку. Уверен, они тебе помогут. Всего хорошего!

– Я с этим в дежурку обращаться не могу. Речь об одном убийстве на Мёне в восемьдесят девятом году.

Крупная фигура Бринка останавливается посреди коридора. Мгновение он стоит спиной к незваному гостю, но когда поворачивается к нему, Хессу кажется, будто Бринк увидел перед собой привидение.

Инспектор полиции Бринк на всю оставшуюся жизнь запомнил тридцать первое октября 1989 года. Все, что ему довелось пережить за время службы в полиции, блекнет на фоне увиденного в тот день. Даже теперь, так много лет спустя, когда Бринк сидит в полутемном кабинете напротив Хесса, а за окном все сыплет и сыплет снег, он не может сдержать волнения.

Оперативный сотрудник Бринк за день до своего двадцатидевятилетия прибыл в усадьбу Эрума во второй половине дня, поскольку тогдашний инспектор Мариус Ларсен вызвал подкрепление. Мариус Ларсен, или, как его тогда величали, «шериф», выехал по жалобе одного или нескольких соседей, сообщивших, что скотина Эрума разгуливает по их полям. Подобное случалось и ранее. У Эрума, сорокалетнего с хвостиком главы семейства, было небольшое хозяйство, и к тому же он еще подрабатывал на паромном причале. На фермера никогда не учился, да и опытом и навыками работы на селе не обладал. В округе говорили, что скотину он держит только ради скромного заработка. Усадьбу же Эрум приобрел за сущие гроши на аукционе по продаже недвижимости за неуплату долгов. Хлев, скот и посевные площади продавались вкуче с жилыми постройками, вот он и решил зашибить на этом деньгу. Правда, дела у него шли ни шатко ни валко. В общем, когда разговор заходил об Эруме, чаще всего звучало слово «деньги» или скорее «отсутствие средств». Кое-кто при этом утверждал, будто именно из-за финансового положения семьи Эрумы предложили местным властям помещать у них приемных детей. Вслед за очередным ребенком или подростком, прибывавшим к ним на воспитание, на счет Эрума поступала определенная сумма. И с годами таких воспитанников набралось немало.

Конечно, в маленьком сельском сообществе Мёна понимали, что Эрумы не принадлежат к сторонникам мягких методов социальной педагогики. Но с другой стороны, все признавали, что попавшие под крыло их семьи дети оказывались в весьма неплохих для воспитания условия. Свежий воздух, поля, скотина – ребяташки учились, помогая взрослым зарабатывать на хлеб. Детей Эрумов, будь то приемные или

их собственные, биологические, легко было отличить от других детишек в округе. Ведь одежда у них была поношенная и зачастую не соответствующая сезону. Соседи отмечали, что все семейство держалось отчужденно, а нелюдимость приемышей объясняли их печальным прошлым. Так или иначе, но Эрумы, хотя их и недолюбливали, все же в какой-то степени пользовались уважением, ведь они – за деньги или нет – творили добро для детишек, у которых в этом мире больше никого и ничего не осталось. Ну а то, что Эрум вдоволь заряжался пивком, когда работал на паромном причале или просто сидел в порту в своем старом, выдавшем всякие виды «Опеле», так пусть его, на здоровье.

Вооруженный этими не слишком обширными знаниями, Бринк с коллегами и прибыл на двор усадьбы примерно тридцать лет назад одновременно с каретой «Скорой помощи», которую распорядился вызвать «шериф». Дохлая свинья во дворе позади трактора как бы предупредила их, какая кровавая бойня разыгралась в доме. Двое собственных детей Эрумов подросткового возраста были застрелены на кухне за обеденным столом во время завтрака. Расчлененный труп матери они обнаружили в ванной комнате. А в подвале нашли еще теплое тело Мариуса Ларсена, убитого несколькими ударами в голову тем же топором, что и мать семейства.

Самого же Эрума найти тогда не удалось. Да, его старый «Опель» стоял в сарае, но сам он бесследно исчез. Мариус Ларсен был убит не более чем за час до прибытия подкрепления, и, понятное дело, далеко уйти Эрум не мог, однако полномасштабная операция по его розыску закончилась безрезультатно. И только почти через четыре года труп Эрума случайно обнаружили в грязи на дне мергелевого карьера прямо позади усадьбы, где он, по всей вероятности, самолично лишил себя жизни, застрелившись из охотничьего ружья. И произошло это, наверное, незадолго до прибытия Бринка и его коллег на место преступления. Криминалисты установили, что из найденного на дне карьера ружья были убиты подростки на кухне усадьбы и свинья на скотном дворе. Таким образом, все концы оказались сведены с концами, и преступление посчитали раскрытым.

– А что случилось? Почему Эрум так поступил? – Хесс, по ходу рассказа делавший какие-то заметки на клейком листочке, переводит взгляд на сидящего по другую сторону стола инспектора.

– С уверенностью я сказать не могу. Может быть, из чувства вины. Из-за того, что они делали с приемышами.

– С какими приемышами?

– Двойняшками. Мы нашли их в подвале.

Сперва-то Бринк занялся близнецами и, быстро убедившись, что они живы, передал врачам «Скорой помощи», а потом вместе с коллегой сконцентрировался на организации поисков Эрума по мере прибытия остальных полицейских экипажей. И только когда снова спустился вниз, ему стало ясно, что это было не простое подвальное помещение.

– Оно походило на тюремную камеру: висячие замки, решетки на окнах, немного одежды, несколько школьных учебников и матрац. Для чего он предназначался, даже и думать было неохота. А в старом шкафу мы нашли массу видеокассет VHS с записями того, что там происходило.

– И что же там происходило?

– Разве это важно?

– Очень.

Бринк смотрит на Хесса и глубоко вздыхает.

– Девочку истязали и насильовали с первого дня, как они появились у Эрумов, и так продолжалось до самого конца. Секс во всех возможных видах. Либо с самим Эрумом, либо с их детьми-тинейджерами, которых родители заставляли при всем том присутствовать. А на одной кассете есть запись, как они выволакивают девочку из дома и затаскивают ее в свинарник.

Бринк умолкает. Огромный мужчина трогает себя за мочку уха и моргает. Хесс замечает, что у оперативника блестят глаза.

– Я уже взрослый малый. Всякого навидался, но когда вспоминаю, как мальчик кричит на мать, чтобы она вмешалась...

– И что мать?

– Да ничего. Она же все это и снимала.

Бринк сглатывает слюну:

– А на другой записи она запирает брата девочки в подвальной комнате и наказывает ему заниматься своими каштановыми человечками, пока все не закончится. Он и подчинился. И так, наверное, повторялось всякий раз. Ведь весь подвал был заполнен этими гребаными каштановыми фигурками...

Перед глазами у Хесса возникает картина. Точно в извращенной версии «Эмиля из Леннеберги»^[56], приемная мать запирает мальчика в подвальной комнате, а в это время за стенкой истязают его сестренку. И он пытается представить себе, как весь этот ужас может сказаться на психике маленького человека.

– Я хотел бы посмотреть дело.

– Зачем?

– Не могу вдаваться в детали, но мне необходимо выяснить, где эти мальчик и девочка могут находиться сейчас. И время не терпит.

Хесс поднимается, будто хочет показать собеседнику, насколько он торопится. Бринк, однако, не следует его примеру.

– Затем, что тебе надо составить характеристику на одного придурка из «принудиловки»?

Он смотрит на Марка и чуть-чуть оттягивает кожу под глазом, точно хочет спросить, не считает ли его Хесс непроходимым тупицей. Да, он просто вспомнил легенду, которую приезжий выложил ему в самом начале, решив, что лучше повторить старую ложь, чем выдумывать новую. И рассказал, что помогает датским коллегам в обследовании одного пациента «принудиловки», некоего Линуса Беккера, у которого прослеживается маниакальный интерес к определенной фотографии с места преступления на Мёне в 1989 году. Чем меньше распространяться о том, чем он на самом деле занимается, тем лучше.

– Я думаю, на этом мы закончим. Как зовут твоего начальника в убойном отделе?

– Бринк, это важно.

– Да с чего мне тебе помогать копать в этом дерьме?! Я и так уже полчаса на тебя потратил. А меня сестра ждет, она в сугробе застряла.

– С того, что я не уверен, будто Эрум убил твоего коллегу Мариуса Ларсена. Или, если уж на то пошло, и всех остальных тоже.

Тучный инспектор смотрит на него, и Хесс уже думает, что сейчас он сардонически ухмыльнется. Но в словах Бринка не слышится удивления; скорее они звучат так, словно он старается убедить себя самого:

– Мальчик *не мог* этого сделать. Мы выдвигали такую версию. Но это невозможно. Ведь ему было всего десять-одиннадцать лет.

В ответ Хесс молчит.

Дело о кровавой бойне на Мёне в 1989 году весьма обширно. Однако начавшийся несколько лет назад процесс оцифровки документов архива вордингборгского отдела полиции продвинулся настолько, что Хесс имеет возможность просматривать материалы на мониторе компьютера, а не рыться в окружающих его запыленных папках. Впрочем, последнее было бы для него предпочтительнее. Сгорая от нетерпения, он прислушивается к звонкам ожидания на своем мобильнике и скользит взглядом по полкам. Непостижимо, сколько забытых историй человеческих страданий, зафиксированных государственными органами с течением времени, хранится в различных архивах, реестрах гражданской регистрации и на серверах...

– Вы седьмой в очереди.

Бринк проводил его в подвал и отпер дверь архива – неказистого, насквозь пропыленного помещения, с выстроившимися в ряды стеллажами, уставленными коробками и папками. Окон здесь нет, лишь длинные допотопные люминесцентные лампы, каковые Хесс в последний раз наблюдал, когда еще сидел на школьной скамье. Так что вид комнаты сам по себе напомнил ему, сколь сильно он ненавидит подвальные и вообще подземные помещения.

По словам Бринка, объем документов по делу настолько велик, что его решили оцифровать в первую очередь, чтобы освободить побольше места на стеллажах. Благодаря этому Хессу теперь приходится читать материалы на экране старого, производящего страшный шум компьютера. Бринк предложил ему свою помощь и чуть ли даже не настаивал, чтобы остаться, но Хесс предпочел поработать в одиночестве, не отвлекаясь на внешние раздражители. Ему, естественно, звонили несколько раз на мобильный – в первую очередь Франсуа, который, видимо, уже понял, что Хесс в Бухаресте не появился, – но Марк на вызовы не отвечал.

Он точно знал, что именно ему надо найти, но все же история захватила его и Марк стал вникать в детали. Самое яркое впечатление оставило описание первой встречи оперативников с близнецами. Когда

их нашли, они сидели, тесно прижавшись друг к другу, и мальчик обнимал сестру. Девочка вела себя апатично, будто находилась в шоковом состоянии. Мальчик воспротивился, когда их разлучали, чтобы поодиночке отвести к «Скорой». И вел себя как «дикое животное». По результатам обследования врачи подтвердили, что детей подвергали издевательствам и насилию, для чего, собственно, и было оборудовано подвальное помещение. Их попытались допросить, но это оказалось делом совершенно невозможным. Мальчик все время молчал – да так и не вымолвил ни слова. Девочка же, напротив, была необычайно словоохотлива, но отвечала невпопад; видимо, просто не понимала суть вопросов. Присутствовавший при этом психолог пришел к выводу, что она, скорее всего, старалась вытеснить из памяти нежелательные воспоминания и жила как бы в параллельной реальности. Судья освободил их от участия в последовавшем затем судебном разбирательстве, и к тому времени двойняшек уже поместили во временно замещающие семьи в разных районах страны. Власти решили разлучить близнецов, чтобы им легче было дистанцироваться от прошлого и начать жизнь с чистого листа. Хесс не был готов назвать это решение мудрым.

Первым делом он, разумеется, выписал на клейкий листочек имена близнецов – Токе и Астрид Беринги, – а также их номера гражданской регистрации. Правда, информация о прошлом детей была весьма скудна. Из справки сотрудника службы соцзащиты следовало, что их подкинули на ступеньки родильного дома в Орхусе в 1979 году, когда им было не более двух недель от роду. Не вдаваясь в подробности, автор справки далее сообщал, что до того, как за два года до кровавых событий появиться в «Каштановой усадьбе» – так называлась ферма Эрумов, – близнецы проживали и в других приемных семьях. С каждой новой прочитанной строкой Хесс все больше и больше чувствовал, что приближается к разгадке тайны. Однако предчувствие успеха улетучилось, когда он забил регистрационные номера близнецов в полицейский спецреестр, желая выяснить, где они проживают в настоящее время.

– Вы третий в очереди.

Спецреестр фиксирует данные всех прочих архивов, которые могут представлять интерес для полицейских органов следствия, в частности, сведения о том, по какому адресу и когда зарегистрирован

тот или иной гражданин. В реестре в хронологическом порядке располагаются данные о смене места проживания граждан, а также о времени переезда. Кроме того, он содержит сведения об изменениях в социальном статусе гражданина: состоит ли тот в браке, разведен ли, выдвигались ли против него обвинения, был ли он осужден или выслан, и прочее, что может заинтересовать следственные органы.

Однако то, что казалось Хессу пустой формальностью, задает ему новую загадку.

По данным реестра, проведя какое-то время в государственном приюте для социально неустроенных детей, Токе Беринг в двенадцатилетнем возрасте был помещен в приемную семью на острове Лангеланн. Затем – в семью на острове Альс. Затем он проживал еще в трех других временно замещающих семьях, но вскоре после достижения им семнадцати лет следы его теряются. То есть никаких других сведений о месте проживания или его жизни реестр не содержит.

Если б Токе Беринг умер, об этом обязательно имелась бы отметка, а так записи просто прервались. Хесс позвонил в Центральную регистрационную палату, чтобы прояснить ситуацию, однако сотрудница палаты лишь подтвердила то, что ему уже было известно. Впрочем, она предположила, что Токе Беринг просто проживает теперь в другой стране.

Пользуясь случаем, Хесс навел справки и о сестре Токе, но и о ней никаких иных сведений, кроме уже известных ему, сотрудница сообщить не смогла. Астрид Беринг после «Каштановой усадьбы» также воспитывалась в приемных семьях, но в какой-то момент специалисты по социальным вопросам и детские психологи решили изменить стратегию ее реабилитации и стали направлять Астрид в учреждения для психически больных молодых людей. Записи о ее месте проживания с восемнадцати до двадцати семи лет отсутствуют, и это может означать, что эти годы она провела за границей. После этого, однако, один за другим следуют адреса учреждений для психически нездоровых молодых людей. Однако менее года назад, в тридцативосьмилетнем возрасте, она исчезла в никуда. Поэтому Хесс позвонил в последнее учреждение, где побывала Астрид Беринг, но за это время там сменился руководитель, а новый понятия не имел, куда она подевалась после выписки.

– Вы второй в очереди.

Хесс решает действовать по методу «ржаного хлеба». Он предполагает обзвон всех приемных семей близнецов с целью выяснить, получали ли они от парня или девушки какие-либо известия с тех пор, как расстались с ними, и не известно ли им их нынешнее местожительства. Марк начал обзванивать приемные семьи в хронологическом порядке, то есть сперва те, в которых близнецы жили до «Каштановой усадьбы». Первые два разговора ничего нового не дали. Нет, люди охотно соглашались помочь, но связь с близнецами после расставания не поддерживали.

– Муниципалитет Одсхерред, отдел по делам семьи. Чем могу помочь?

Старый городской номер приемной семьи Петерсенов заблокирован, поэтому Хесс звонит в муниципалитет. Он представляется и объясняет, что разыскивает Поуля и Кирстен Петерсен, проживающих по адресу Церковная улица, 35, в Одсхерреде. Возможно, они могут сообщить ему некоторые сведения о находившихся у них на попечении в 1987 году близнецах.

– Только если у вас есть связь с Господом. По данным на моем компьютере, Поуль и Кирстен Петерсен перешли в мир иной. Он умер семь лет назад, а она – два года спустя.

– Как они умерли?

По старой привычке Хесс поинтересовался причиной смерти, однако собеседница усталым голосом сообщает, что таковая в акте не указана. Впрочем, если мужу на момент ухода из жизни было семьдесят четыре, а жене – семьдесят девять, и умерли они с разрывом в пару лет, то его вопрос можно считать несущественным.

– А дети? Были ли у них тогда дети? – Хесс спрашивает об этом, потому что братья и сестры, будь то родные или приемные, вполне могут поддерживать связь с близнецами даже и после смерти родителей.

– Нет, насколько я могу судить.

– О'кей, спасибо. До свидания!

– Нет, подождите. У них до этого была приемная дочь, которую они удочерили. Ее звали Роза Петерсен.

Хесс уже был готов закончить разговор, когда прозвучала последняя реплика. Это, конечно, может быть простым совпадением,

ведь на свете живут тысячи женщин по имени Роза. И все же чутье подсказывает ему, что этот вопрос стоит уточнить.

– У вас есть регистрационный номер Розы Петерсен?

Получив номер, он просит собеседницу подождать у телефона, а сам поворачивается к экрану компьютера. Через мгновение спецреестр выдает информацию: пятнадцать лет назад Роза Петерсен вышла замуж и взяла фамилию мужа. Всё, у Хесса больше уже не остается сомнений: Роза Петерсен и Роза Хартунг – одно и то же лицо. Он чувствует, как внутри него нарастает тревожное ощущение, и едва может усидеть на месте.

– Есть ли что-то конкретное о пребывании близнецов в семье Петерсенов в восемьдесят девятом году?

– Ничего. Могу лишь сказать, что они пробыли у них примерно три месяца.

– А почему не больше?

– Об этом ничего не сказано. И, кстати, у меня начинаются выходные.

Инспектор отдела по делам семьи кладет трубку, а Хесс по-прежнему сидит, приложив мобильник к уху. Итак, близнецы пробыли у Поуля и Кирстен Петерсенов и их приемной дочери Розы всего три месяца. Потом их поместили в семью Эрумов на Мён. Больше Хессу ничего не известно, но тем не менее цепочка выстраивается: пребывание в семье Петерсенов – мальчик в подвале «Каштановой усадьбы» – каштановые человечки на местах убийств – жертвы, изуродованные и расчлененные так, что напоминают фигурки, – преступник, вырезающий из человеческих тел своего собственного каштанового человека.

Руки у Хесса дрожат, а в голове сменяют друг друга картины, каждая из которых должна занять свое законное место. А ведь все с самого начала выводило их на Розу Хартунг. Отпечатки пальцев раз за разом указывали на нее, только он не понимал, по какой причине. И вот теперь ответ найден. Осознание этого заставляет его подняться с места, и вдруг на сцену падает мрачная тень, ибо ему становится ясно, *что* еще ждет их впереди.

Он сразу же звонит Розе Хартунг. Длинные гудки сменяет ее голос на автоответчике, и Хесс отменяет вызов. Он собирается перезвонить,

но в этот момент на его мобильник поступает звонок с не известного ему номера.

– Это Бринк. Извини, если помешал. Я тут пообщался кое с кем из местных, но никто не знает, что случилось с близнецами.

– Спасибо, но у меня нет времени.

Бринк предложил Хессу кое-что разузнать у местных, и тот принял его предложение, только чтобы остаться в одиночестве. Вот почему позвонивший не вовремя с отчетом Бринк сейчас его раздражает.

– И в системе о пацане ничего нет, вообще ничего. Я еще младшую дочку сестры спросил, она тогда в одном классе с близнецами училась. Племяншка тоже не смогла с ними связаться, когда пару лет назад класс собирался на юбилей окончания школы.

– Бринк, мне нужно бежать.

Хесс заканчивает разговор и снова набирает номер Розы Хартунг, нетерпеливо переминаясь возле компьютера. Она по-прежнему не отвечает. Он наговаривает ей сообщение и решает позвонить ее мужу, но тут сам получает эсэмэску. Сначала он думает, что это Роза Хартунг наконец-то откликнулась, но, оказывается, сообщение прислал Бринк.

Фотография 5-го «А» класса, 1989 год. Не знаю, понадобится ли она тебе. Племянница говорит, что девочка, видимо, была больна в тот день, а парень здесь, он крайний слева в первом ряду.

Хесс сразу же касается прикрепленного фото и внимательно разглядывает его. На выцветшей карточке менее двадцати учеников – возможно, потому, что школа сельская. Во втором ряду ребята стоят, а в первом – сидят на стульях. На всех одежда в пастельных тонах, некоторые девчонки в перманенте и в платьицах с плечиками, а ребята – в кроссовках «Рибок» и курточках «Каппа» и «Лакост». В переднем ряду сидит девочка с искусственным загаром и огромными серьгами и держит в руке табличку с надписью «5 А». Большинство ребят улыбаются, словно кто-то – может быть, фотограф – только что рассказал что-то смешное. Но выделяется среди других именно крайний слева парень в первом ряду. Для своего возраста он невысок. И на вид развит не так, как другие его одноклассники. Одежда на нем обтрепанная и несвежая. Но взгляд у него жесткий и строгий. Парень

тоже смотрит прямо в объектив фотокамеры, но на лице его нет и намека на улыбку, точно он, единственный из всех, не слышал только что рассказанной шутки.

Хесс внимательно разглядывает его: волосы, скулы, нос, подбородок, губы – все то, что так радикально изменится в последующие годы. Он и узнает это лицо, и не узнает. И только когда укрупняет снимок и затеняет лицо, так что остаются видны только глаза, он понимает, кто это. Он знает этого человека, и это настолько же очевидно, насколько и невозможно. Но факт, что называется, налицо, и первым делом Хесс думает, что борьбу они уже проиграли.

Лодыжки у нее тонкие, изящные и чудесно смотрятся, когда на ней туфли на высоких каблуках. Ему уже давно нравится рассматривать их, как и сейчас, когда она выходит из зала для пресс-конференций и идет по коридору. Она оборачивается, что-то говорит ему, и Нюландер кивает, а на самом деле разрабатывает план операции: он уже принял решение завести с нею шашни. И сегодня, ближе к вечеру, самое время для стартового выстрела. Можно, к примеру, просто пригласить ее на чашечку кофе в лобби одного из близлежащих отелей, чтобы потом и все остальное сделать по-быстрому. Он поблагодарит ее за помощь, а потом они поговорят о перспективах ее в качестве специалиста по связям с общественностью в полицейском ведомстве. Впрочем, если он правильно просек ситуацию, особых усилий, чтобы залучить ее в гостиничный номер на часок-другой, не потребуется. Ну а уже потом можно будет направить свои стопы домой и приготовить аперитив для гостей традиционной пятничной вечеринки, организуемой его супругой. Нюландер давно уже поставил крест на любви к жене или, по крайней мере, на мечте о счастливой семейной жизни. Она погрязла в заботах о детях, делах родительского комитета и создании видимости крепкой и дружной ячейки общества. Так что ничего страшного в том, чтобы провести часть свободного времени в свое удовольствие вдалеке от любопытствующих глаз, он не видит. И как раз сегодня с утра в голове у него крутится мысль, что он вполне заслуживает вознаграждения за переживания и тяготы прошедшей недели.

Последняя пресс-конференция осталась позади, результаты расследования представлены публично, и таким образом в деле поставлена окончательная точка. И такая жирная, как того желал Нюландер. Лишь немногие понимают, каких усилий стоило ему соблюдать хрупкий баланс между серьезностью и доверительностью в медийном пространстве. Впрочем, Нюландер давно уже осознал, что тщательно подготовленные публичные высказывания вполне можно использовать и для продвижения своих интересов по другим темам, будь то в управлении полиции, в прокуратуре или в Министерстве

юстиции. И еще он заметил, как повышается его статус в управлении с каждой секундой, проведенной им на различных экранах и платформах. Оппоненты были поставлены на место, и плевать он хотел на тех, кто считал, будто он чересчур выпячивает себя и свои заслуги. Сам же Нюландер полагал, что ничуть не поспешил на похвалы своим людям, и в первую голову Тиму Янсону. Хотя при этом не посчитал нужным выделить ни Хесса, ни Тулин. Да, конечно, это Тулин обнаружила отчлененные фрагменты тел убитых, но зато она нарушила его запрет на общение с Линусом Беккером. Не далее как сегодня утром он подумывал, как здорово было бы расстаться с ней. Пусть катится, пусть даже в этот свой ненаглядный НЦ-3. Скоро отделу придадут новые силы, и в перспективе такого добра, как эта баба, у них наверняка будет навалом. Хотя, конечно, не признать, что эта маленькая странная птичка обладает недюжинными способностями, нельзя...

А вот о Хессе ничего хорошего он сказать не может. Правда, Нюландер до небес вознес его таланты в телефонном разговоре с каким-то начальником из Европола, но лишь с целью поскорее распрощаться с ним. После раскрытия убийств Хесс ни разу не появился в управлении, и Нюландеру даже пришлось засадить Тулин и других коллег за отчет о проделанной работе на участках, за которые тот нес ответственность. В общем, его порадовала новость, что этот придурок отправился прочь из Дании. И потому он немало поразился, увидев, что именно Хесс звонит ему на мобильный.

Поначалу, увидев его имя на экране телефона, Нюландер, разумеется, собирался сбросить звонок, но потом сообразил, в чем дело, и принял его. Только что один из сотрудников сообщил, что звонил некий француз из Европола и интересовался, почему Хесс не появился в условленном месте. Правда, Нюландер его не дослушал, посчитав информацию не заслуживающей внимания. Теперь же он представил себе, как Хесс начнет объяснять, почему проморгал рейс на Бухарест, и станет канючить, умоляя Нюландера позвонить в Гаагу и спасти его, придумав какую-нибудь отговорку. Хотя на самом деле Хесс вполне заслуживал, чтобы его вышибли с работы с концами. Обдумывая, каким образом ему избежать возвращения Хесса под свое крыло, Нюландер подносит мобильник к уху.

Три минуты и сорок восемь секунд спустя разговор заканчивается. Продолжительность его с точностью до секунды зафиксирована на дисплее, на который тупо смотрит Нюландер. Перед ним разверзается пропасть. Мозг отказывается воспринимать сказанное Хессом. Хотя в глубине души он понимает, что, скорее всего, тот ничего не выдумывает. Нюландер вдруг с удивлением замечает, что рядом стоит и что-то лепечет сотрудница пресс-службы, затем срывается с места и мчится в отдел, где командует первому попавшемуся на глаза оперу:

– Собирай группу захвата! И свяжи меня с Розой Хартунг! Живо!

В коттеджном районе, где в поисках следов дочери бродит Стиин Хартунг, снова пошел снег, и он промок до нитки. Единственное средство для сугрева хранится у него в маленьких бутылочках, но скоро они закончатся, и он напоминает себе, что надо заехать в магазинчик на Бернсторффсвай. Небыстрым шагом Стиин идет по очередной заметенной снегом садовой дорожке. По обеим сторонам от нее выставлены подготовленные к Хеллоуину припорошенные снегом тыквы. Он нажимает кнопку еще одного звонка. В ожидании ответа оглядывается на свои следы на белом покрывале и рассматривает крупные снежинки, хаотично крутящиеся среди домов, словно внутри огромной снежной сферы. Где-то ему открывают, где-то нет, и долгое ожидание подсказывает, что эта дверь не откроется для него никогда. Уже повернувшись и сделав шаг вниз по ступеням крыльца, он вдруг слышит звук отпираемого замка. Глаза открывшего ему дверь мужчины кажутся знакомыми. Стиин его не знает, но вроде бы как узнаёт. Впрочем, он устал, он уже несколько часов безрезультатно бродит по кварталу, и у него уже больше не осталось сил верить своим глазам. Он начинает осознавать, что поиски его имеют целью лишь одно – утишить все никак не проходящую боль. Стиин изучает карты и схемы, звонит в двери чужих домов, но в глубине души уже чувствует, что все это напрасно.

Открывшему дверь мужчине он сбивчиво объясняет цель своего визита. Рассказав о ситуации в целом, выражает надежду, что хозяин дома может вспомнить хоть что-нибудь из произошедшего во второй половине дня восемнадцатого октября прошлого года, когда его дочь предположительно проезжала на велосипеде по этой улице. Стиин показывает фото дочери, намокшее от попавших на него снежинок, так что на лице появились разводы, словно по нему размазалась тушь для ресниц. Он еще не успевает договорить, а мужчина уже отрицательно покачивает головой. Выждав мгновение, Стиин снова пытается объясниться, но хозяин дома вновь качает головой и собирается закрыть дверь.

Стиин уже не может держать себя в руках.

– По-моему, я видел вас раньше. Кто вы? Я уверен, что видел вас!

В голосе Стиина звучит недоверие, будто он узнал в собеседнике подозреваемого. Хартунг ставит ногу на порог, чтобы хозяину не удалось захлопнуть дверь.

– И я помню вас, и это, блин, не так уж удивительно. Вы же в прошлый понедельник заходили и задавали ровно те же вопросы, что и сейчас.

Миг – и до Стиина доходит, что мужчина прав. Сгорая со стыда, он просит прощения, в полном смятении спускается по ступенькам и идет к дороге. Слышит, как хозяин дома спрашивает, всё ли с ним в порядке, но не достаивает его ответом. Чуть ли не бегом пробирается сквозь снежные вихри и останавливается только в конце дорожки у машины, где, подскользнувшись, опирается рукой на капот, чтобы не грохнуться наземь. Жалкий дурак, думает он о себе, так тебе и надо, нечего цепляться за прошлое. Стиин садится за руль, его сотрясают рыдания. Он сидит в темноте в припорошенном снегом автомобиле, рыдая, точно дитя, и едва ощущая вибрацию мобильного во внутреннем кармане. Решив, что это Густав, достает телефон, видит массу пропущенных вызовов, и его охватывает страх. Но, оказывается, звонит не Густав, а домработница, и Стиин уже готов прервать разговор, не говоря ни слова. Однако Элис сообщает, что ему надо немедленно разыскать Розу, потому что случилась беда. Понять, о чем речь, он не может, но слова «каштановые человечки» и «полиция» заставляют его с головой окунуться в новый кошмар.

Три машины спецназа с ревущими сиренами пролагают себе путь в пробке на черной слякотной мостовой Обульвара. Нюландер сидит в одном из следующих за ними автомобилей и весь путь из центра до указанного адреса старается найти доводы, опровергающие версию Хесса, на которой тот настаивал в телефонном разговоре. Нюландер получил сброшенную ему Хессом на телефон фотографию класса и всю дорогу не отрывает от нее взгляда. Хотя он и узнает лицо стоящего крайним слева мальчика, но все никак не может поверить в правоту Хесса.

На некотором расстоянии от цели сирены вырубает, чтобы ненароком не спугнуть подозреваемого. Подъехав к входу в здание экспертно-криминалистического отдела, отряд распределяется согласно разработанному плану. В течение сорока пяти секунд полицейские окружают здание в форме улья. Любопытствующие уже выглядывают из окон, а Нюландер сквозь снежную пелену идет к главному входу, где все выглядит как обычно. В дежурке звучит приглушенная музыка, коллеги обмениваются планами на уик-энд через стойку, на которой красуется корзина с фруктами. Источающая лимонный запах дежурная с готовностью сообщает, что Генц проводит срочное совещание у себя в лаборатории. Услышав ее, Нюландер костерит себя на чем свет стоит за то, что поверил Хессу и забил тревогу. В нарушение правил внутреннего распорядка он проходит мимо ящика с выложенными для посетителей по случаю снегопада голубыми бахилами и вместе с тремя оперативниками, под любопытствующими взглядами сидящих за рабочими столами в стеклянных клетках экспертов, направляется в лабораторию. Нюландер часто бывал в этом огромном помещении, когда желал самолично убедиться в том, что доказательный материал соответствует предъявленному в отчетах или в телефонных переговорах.

Однако в лаборатории пусто. Как и в прилегающем к ней личном кабинете Генца. Что успокаивает, так это обстановка и в том, и в другом помещении – везде чисто и убрано, и лишь пластиковая чашка с остатками кофе мирно стоит на столе перед большим экраном.

Проводившая их в лабораторию дежурная не без удивления констатирует отсутствие шефа на рабочем месте и отправляется на его поиски. Она уходит, а Нюландер начинает строить планы, как лучше испортить Хессу жизнь и карьеру за то, что втянул его в эту постыдную акцию. Вот сейчас Генц придет и все объяснит, и, может быть, даже громко расхохочется и скажет, что на фотографии вовсе не он. Что его никогда не звали Токе Беринг. Что это не он потратил столько лет на то, чтобы разработать и воплотить в жизнь план мести. Что, разумеется, он не имеет ничего общего с психопатом-преступником. И тем самым опровергнет версию Хесса.

Но тут его взгляду открывается все объясняющая картина. Нюландер стоит в центре лаборатории, но может обзреть оба помещения сразу. На пустом письменном столе в кабинете Генца лежат его удостоверение личности, ключи, служебный телефон и пропуск, на которые он не обратил внимания, когда заходил туда. И разложены они так аккуратно, словно их хозяин хотел показать, что они ему более не понадобятся. Но не личные вещи Генца заставляют Нюландера содрогнуться. А маленький каштановый человечек, стоящий на спичечном коробке рядом с ними.

Хесс дозвонился до Нюландера, когда выехал на последний перед Копенгагеном участок скоростной магистрали. Он и до этого звонил ему несколько раз, вот только эта дубина не брал трубу, да и теперь особого расположения говорить с ним не выказывает.

– Тебе чего? Я занят.

– Вы нашли его?

В лаборатории его не было. Отсутствовали и какие-либо следы Генца. Если не считать его подписи, то есть каштанового человечка, которой он как бы приветствовал своих преследователей. Сотрудники показали, что он вроде бы отправился на научную конференцию куда-то в Ютландию. Однако, обратившись к организаторам, сыщики выяснили, что Генц у них даже не зарегистрировался.

– А по домашнему адресу?

– Мы сейчас как раз там. Большой пентхаус в новом жилом комплексе в районе Северного порта. Но он пустой. Я имею в виду, *совсем* пустой: ни мебели, ни личных вещей, и даже отпечатков пальцев, наверное, нет.

Видимость на магистрали не превышает двадцати метров, и все же Хесс еще чуть сильнее жмет на акселератор.

– Но вы хоть с Розой Хартунг связались? Все дело в ней, и если...

– Ни с кем мы ни хрена не связались. Никто не знает, где она, а ее телефон выключен, и мы не можем его отследить. И муж ничего не знает. Только домработница говорит, что она уехала на машине, после того как нашла какое-то украшение из каштановых человечков перед входной дверью.

– Что за украшение?

– Я его не видел.

– А Генца нельзя выследить? Его телефон или машину?

– Нет; он оставил служебный телефон в кабинете, а в машинах криминалистов нет видеорегистраторов. Есть еще клевые предложения?

– А компьютер в лаборатории? Пусть Тулин взломает код, посмотрим хоть, что там есть.

- У нас уже работает группа, ребята пытаются получить доступ.
- Ту́лин вызови! Она это сделает за...
- Ту́лин нет.

Что-то зловещее послышалось Хессу в словах Нюландера. Ему слышно, что тот со товарищи спускается по лестнице и шаги их эхом отдаются в подъезде. Выходит, обыск в пустой квартире Генца закончен.

– Что ты имеешь в виду?

– Она, судя по всему, приехала сегодня к экспертам в отдел и встретилась с Генцем. Слесарь в гараже пару часов назад видел, как они вышли из запасного выхода, сели в машину Генца и уехали. Больше мне ничего не известно.

– Пару часов назад? Но вы хоть ей позвонили?

– Пытались. Мне только что сообщили, что ее телефон нашли в урне возле экспертно-криминалистического.

Слова Нюландера ошеломляют Хесса. Он притормаживает в стремительно несущемся потоке машин, съезжает на заснеженную обочину, едва успев увернуться от мчащейся по правой полосе фуры, и наконец останавливается.

– Генцу она не нужна. Не исключено, он просто подвез ее куда-то. Может, она дома или где-то со своей...

– Хесс, мы ведь всё *проверили*. Ту́лин нигде нет. У тебя есть еще предложения? Насчет того, где он сейчас может быть?

Марк слышит вопрос. Мимо с шумом проносятся автомобили. Но его словно парализовало. Он старается выйти из этого состояния, но единственное, что еще двигается в машине, – это «дворники», скользящие вверх и вниз по лобовому стеклу.

– Хесс?

– Нет. Я не знаю.

Он слышит, как хлопает дверца, связь прекращается. Не сразу отнимает руку с телефоном от уха. Мимо по размякшей снежной массе спешат машины. «Дворники» продолжают свое движение.

Ему следовало позвонить ей. Ему следовало позвонить ей из аэропорта, сразу, как только он понял, что у них на пороге беда. Если б он позвонил ей, она сейчас занималась бы снимками с мест преступлений, на которых заиклился Линус Беккер, и ей и в голову не пришло бы ехать к Генцу. Но он не позвонил, и подступающие к горлу

слезы подсказывают ему, что причин ее визита к криминалисту было больше, чем ему хотелось бы.

Хесс старается направить мысли в рациональное русло. Время у него пока еще есть. Но нет точного ответа на вопрос, зачем Ту́лин поехала к Генцу. Так, если она добровольно села в его машину, значит, не знала, кто он такой. Выходит, у Генца не было никаких причин причинить ей зло, не говоря уж о том, чтобы тратить на нее время. Да, но вдруг Ту́лин что-то нарыла и поехала к Генцу как к союзнику, посоветоваться?

Мысль устрашающая. Но Ту́лин для Генца не более чем «лежачий полицейский» для водителя, и он не свернет с дороги, ведущей к его цели. А цель у него – Роза Хартунг. Вот что всегда было его целью – Роза Хартунг и прошлое.

Внезапно Хесса пронзает мысль. Он знает теперь, что ему делать. Правда, это как выстрел в тумане, скорее наитие, нежели рациональная версия. Но все другие версии либо неправдоподобны, либо уже проверены Нюландером и коллегами в Копенгагене. Он оборачивается через плечо, вглядываясь в свет противотуманных фар несущихся стройными рядами автомобилей, разбрызгивающих почерневший снег во все стороны. И когда возникает двухсекундная пауза, во всяком случае, достаточная, чтобы машины следующей волны могли избежать столкновения с ним, Хесс выжимает педаль газа и пересекает дорогу в направлении того места, где из-за дорожных работ разделительное ограждение снято. Машина буксует, Хесс уже думает, что сейчас его закрутит и он останется на месте, словно кегля в боулинге, но вот резина сцепляется с поверхностью, он пересекает разделительную полосу и вываливается на встречку. Он не учел интенсивности движения по ней, сигналил изо всех сил, успевает проскочить между двумя грузовичками и только уже на обочине выравнивает свою машину.

Хесс едет теперь в противоположную сторону. Через мгновение стрелка спидометра показывает сто сорок километров в час, и он оказывается впереди всех на полосе обгона.

– Замечательный день для лесной прогулки, но, насколько я могу судить, здесь сплошь самые обычные буковые леса.

Услышав замечание Генца, Ту́лин еще внимательнее вглядывается в окружающий пейзаж. Да, похоже, эксперт прав. Даже если б вокруг не мело, все равно было бы весьма сложно углядеть среди буков каштаны. А сейчас, когда мёнский ландшафт присыпан белой пудрой, это все более и более представляется Найе невозможным.

Они едут по узкому извилистому шоссе. Сидящий за рулем Генц поглядывает на часы.

– Ну что ж, попытка не пытка, но мне уже пора. Я довезу тебя до моста, и там ты возмешь попутку до станции в Ворденборге. А я рвану дальше на Ютландию. О’кей?

– Ага...

Да, поездка оказалась бесполезной. Ту́лин откидывается на спинку сиденья.

– Извини, я у тебя столько времени отняла...

– Да ерунда, все нормально. Ты же сама сказала, что мне все равно по пути.

Найя старается улыбнуться в ответ на улыбку Генца, но это у нее слабо получается: она мерзнет и вообще жутко устала.

Они быстро связались с экспертом, консультировавшим криминалистов по поводу вида каштанов с отпечатками пальцев Кристине Хартунг. Профессор Ингрид Кальке с факультета естественных и бионаук Копенгагенского университета оказалась весьма молодой для столь высокого звания, примерно лет тридцати пяти. Однако эта хрупкая женщина говорила голосом, не оставлявшим сомнений в авторитетности ее мнения. Сидя в своем кабинете, она по скайпу подтвердила, что представленные для экспертизы плоды не относятся к самому распространенному в Дании виду – конскому каштану.

– Каштаны, из которых изготовлены фигурки, относятся к съедобным. Вообще-то климат в Дании слишком холоден для съедобных каштанов, тем не менее они встречаются у нас – к примеру,

в районе Лимфборда. Если быть совсем точной, этот вид является гибридом европейского и японского каштанов и относится к роду так называемых *Castanea sativa x Castanea crenata*. На первый взгляд он принадлежит к сорту «Маригаль», который сам по себе к редким не относится. Необычно же то, что в данном случае он скрещен с сортом «Буше де Бетизак». Большинство специалистов полагают, что как раз этот гибридный сорт в Дании вымер. Я, например, в последний раз слышала о нем много лет назад, когда еще оставшиеся представители этого сорта оказались поражены определенного рода грибом. Но ведь я уже рассказывала вам об этом.

Да, она уже посвятила в примечательные детали произрастания каштанов в Дании связывавшегося с ней помощника Генца. И Ту́лин отметила, что Генц промолчал, когда профессор напомнила ему об этом. Ну понятно, наверное, принял ее замечание на свой счет, как критику в адрес своего отдела, ведь следователям этот факт стал известен только сейчас.

На этом консультация и закончилась бы, если б Ту́лин не задала еще один вопрос:

– Не подскажете, где каштаны сорта «Маригаль-Бетизак» в последний раз регистрировались на территории Дании?

Профессор Ингрид Кальке дважды переговорила с одним из своих сотрудников и выяснила, что последние зарегистрированные каштаны этого сорта произрастали в некоторых местах на острове Мён. При этом она повторила, что сорт этот считается вымершим. Тем не менее Найя записала названия соответствующих местностей на Мёне у пролива Грёнлунн, что между Мёном и Фальстером, и попрощалась с профессором. После чего ей пришлось потратить некоторое время, чтобы объяснить Генцу значение полученной информации.

Смысл находки, по словам Ту́лин, заключался в следующем. Раз плоды с отпечатками пальцев Кристине Хартунг не принадлежат к виду конского каштана, они не могли оказаться в ее с Матильде киоске, и, таким образом, происхождение их становится еще более таинственным. Теперь уже логически не объяснить, как они, а тем паче с отпечатками пальцев Кристине, могли оказаться в руках Бенедикте Сканс и Асгера Неергора. И получается, что версия Нюландера поставлена под сомнение. Однако Ту́лин весьма вдохновил тот факт, что каштаны такого же сорта, как и те, с отпечатками дочери

Хартунгов, можно встретить лишь в немногих местах в Дании, а точнее – лишь в некоторых местах на острове Мён. Если сорт действительно так редок, как утверждает профессор, поиски его в тех местах могут принести существенные для следствия результаты. А в лучшем случае сообщить новые данные о преступнике и судьбе или хотя бы местонахождении Кристине Хартунг.

Генц только теперь сообразил, куда клонит Ту́лин. Она хочет сказать, что дело об убийствах, может быть, не раскрыто. Что Хесс, возможно, прав. Не исключено, что кто-то инсценировал их так, чтобы подозрение пало на молодую пару.

– Да ладно. Ты шутишь, что ли?

Генц рассмеялся и отказался подбросить ее на Мён искать там каштаны. Хотя она и старалась убедить его, что ему все равно надо в ту сторону, если он едет на Ютландию. То есть, по крайней мере, ему почти по пути. Генц все отрицательно качал головой, но потом понял, что она в любом случае отправится туда. И тогда уступил ее уговорам, за что Найя была ему весьма благодарна. С одной стороны, потому, что не могла сегодня воспользоваться служебной машиной. А с другой – потому, что рассчитывала на его помощь, когда потребуется опознать и верифицировать сорт каштана, если, конечно, они его вообще отыщут.

К сожалению, дела у них с самого начала не задались, хотя Генц оказался классным водителем и они, несмотря на снегопад, домчались до указанного профессором места на Мёне всего за полтора часа. Однако вместо лесных массивов они обнаружили там либо припорошенные снегом пни, либо новые жилые дома. Оставался последний шанс, и Ту́лин уговорила Генца съехать с магистрали и отправиться в обратную сторону к мосту на Зеландию по извилистому шоссе, с одной стороны которого тянется лес, а с другой – простираются поля. Генцу все труднее и труднее становилось преодолевать снежные заносы, и хотя он не терял бодрости духа, в какой-то момент стало ясно, что им придется завершить свое предприятие.

Ту́лин вспомнила о дочери и деде. Праздник у них в школе, видимо, давно закончился, и она решила позвонить им и сообщить, что едет домой.

– Ты мой мобильник не видел?

Найя обыскала все карманы, но телефона так и не нашла.

– Нет. Зато у меня есть версия, каким образом каштаны редкого сорта с Мёна могли оказаться у Хартунгов и их дочери. Просто они всей семьей выезжали на Мён полюбоваться видом утеса, ну и по дороге собрали немного каштанов и взяли с собой домой.

– Что ж, не исключено.

В последний раз Тули́н доставала свой телефон в лаборатории Генца, где положила его на стол. И теперь ее смущает мысль, что она там его и забыла, ведь такого с ней никогда прежде не случалось. Найя уже собирается снова порыться в карманах, но тут взгляд ее привлекает что-то почти у самой обочины. Секунду Тули́н сомневается, но картина остается у нее перед глазами, и ей становится ясно, *что* она разглядела на опушке. Мысли ее завертелись в ином направлении:

– Стоп! Останови здесь! Стой!

– Почему?

– Стой, я говорю!

Генц наконец-то нажимает на тормоз, и машина, слегка вильнув, останавливается. Тули́н распахивает дверцу и в наступившей тишине вылезает на обочину. Времени около четырех, но солнце уже клонится к закату. Справа от нее расстилаются покрытые снегом поля, на горизонте они сливаются с небом. А слева – густой темный лес, где тут и там наметены сугробы. А чуть позади машины, почти у самой обочины высится огромное дерево. Оно выше соседних собратьев. Ствол у него толщиной с бочку, а в высоту оно достигает двадцати, а может, даже и двадцати пяти метров. Большие тяжелые ветви припорошены снегом. На обычный каштан оно не сильно похоже. Ветки совершенно голые, вся листва с них уже опала, и все же Тули́н уверена, что не ошибается. Она приближается к дереву, снежок поскрипывает на холодном воздухе. Под нижними ветками, где снежный покров не так плотен, Найя сразу же видит маленькие шарики. Она без перчаток, и подбирает несколько упавших в снег плодов голыми руками.

– Генц!

Тули́н раздражает, что эксперт все так же стоит возле машины и не разделяет ее восторга. Она очищает каштаны от снега и видит, что холодные темно-коричневые шарики на ее левой ладони похожи на те,

с отпечатками Кристине Хартунг. Найя старается вспомнить характеристики разных сортов каштана, подсказанные консультантом.

– Подойди-ка и посмотри. Вполне вероятно, это они самые и есть!

– Ту́лин, даже если это они самые, ничего это не доказывает. Хартунги ездили на Мёнский утес, а домой возвращались этой дорогой, вот дочка и собрала эти каштаны.

Найя не отвечает. Раньше, когда они ехали вдоль леса, она не обращала на это внимания, но теперь замечает, что лес-то на самом деле не такой уж и густой, как казалось. И неподалеку от одинокого каштана начинается извилистая лесная дорога, покрытая свежим нетронутым снегом.

– Давай съездим туда, посмотрим, что там есть.

– Зачем? Ничего там такого нет.

– Откуда ты знаешь? Да и что с нами может случиться? Разве что застрянем в снегах.

Ту́лин бодрым шагом возвращается по снежной целине к машине. Генц все так же стоит возле дверцы со стороны водителя и смотрит на нее. Но когда она проходит мимо него, чтобы, обогнув автомобиль спереди, сесть на свое место, он устремляет взгляд в какую-то невидимую точку в конце узкой лесной дороги и произносит:

– Ну и ладушки. Раз уж ты сама захотела...

Осень 1987 года

Руки у мальчика грязные, под ногтями траурные полоски. Он неуклюже старается проделать шилом дырочку в каштане, и Розе приходится показать ему, как это делается. Дырочку надо не прокалывать, а пробуравливать. Прокручивать шило вокруг его оси, пока оно не достигнет мякоти каштана. Сначала надо проделать дырочку для шеи на обоих плодах, потом прочно вкрутить половинку спички в один из каштанов и насадить на нее другой. Затем снова пробуравить дырочки для ручек и ножек, и лучше всего сделать их поглубже, чтобы спички прочно сидели в гнездах.

Девочка научилась нехитрому ремеслу первой. Кажется, будто пальцы у мальчика неумелые, негибкие, и раз за разом плоды выпадают у него из рук на мокрую лужайку, и Розе приходится поднимать их, чтобы он мог повторить попытку. Роза и девочка смеются над ним, не желая обидеть, да он и не обижается. Хотя, может, сначала и обижался – ну, может быть, первые пару раз, когда они собирали плоды под огромным каштаном в лесных зарослях. Потом, как и сейчас, сидели в саду за домом на крылечке домика для игр посреди желтых и красных опавших листьев, и когда Роза посмеялась над неловкими попытками мальчика изготовить каштанового человечка, вид у него сделался испуганный. То же произошло и с его сестренкой. Но потом Роза помогла им обоим, и они поняли, что подсмеивалась она над ними беззлобно.

– Каштановый человечек, входи, входи, каштановый человечек, входи...

Роза напевает песенку и одновременно показывает мальчику, что ему надо сделать, чтобы собранный им каштановый человечек присоединился на деревянной полочке к другим уже готовым фигуркам. Она успела рассказать им, что чем больше фигурок они изготовят, тем больше денег заработают, когда будут продавать их в самодельном киоске у дороги. Раньше у Розы не было ни братика, ни сестренки, и хотя она знает наверняка, что они не останутся у них навсегда, а пробудут, скорее всего, только до Рождества, вспоминать

об этом ей не хочется. Так здорово, что они здесь, думает она, просыпаясь. Ранним утром в субботу и воскресенье, когда не надо в школу, она может зайти в гостевую комнату, что находится по другую сторону от родительской спальни. Хотя ее приход будит их, близнецы на нее не сердчатся. Они протирают глаза, прогоняя остатки сна, и ждут ее предложений, чем будут заниматься сегодня. С любопытством слушают рассказы Розы о разных играх, и ее ничуть не задевает, что сами близнецы по большей части молчат и никаких предложений не высказывают. Она безумно счастлива всякий раз, когда показывает им какую-нибудь новую игру, которую сама же и придумала. И ей даже кажется, будто воображение у нее развивается и в голову легче приходят всякие забавные идеи и придумки – теперь, когда у нее появилась другая публика, помимо матери и отца, которые только и могут, что вскрикивать «о!», «ах!» или «мы такого раньше никогда не видали!».

– Роза, подойди-ка к нам на минуточку.

– Мам, мы играем!

– Нет, подойди. Ненадолго.

Роза бежит мимо огородных грядок, где между картофельным полем и кустами крыжовника торчит воткнутая в землю отцовская лопата.

– Что случилось?

Роза в нетерпении останавливается у входа в пристроенный к небольшому коттеджу сарайчик, но мать просит ее снять резиновые сапожки и войти внутрь. Роза немало удивлена, что родители встречают ее с какой-то странной улыбкой на лице. Они, наверное, уже давно так стоят, догадывается она, и наблюдают, как дети играют в саду.

– Тебе нравится играть с Токе и Астрид?

– Да, а что? У нас времени нет.

Ей обидно, что приходится торчать в сарайчике в дождевике, а близнецы в это время ждут ее у игрового домика. Если они закончат с каштановыми человечками утром, то успеют забрать из гаража ящички с фруктами и открыть торговлю из киоска еще до обеда, так что времени у них в обрез.

– Мы решили оставить Токе и Астрид у нас навсегда. Как ты на это смотришь?

Загудела стоящая за спиной отца стиральная машина. Родители смотрят на Розу.

– Им пришлось хлебнуть горя; теперь же им нужен хороший дом, и нам с папой кажется, что им будет хорошо у нас. Если тебе тоже так кажется? Как ты думаешь?

Такого вопроса Роза не ожидала и даже не знает, что ответить. Она думала, родители спросят, не хотят ли они черного хлеба с маслом или фруктовой воды, или пару печенюшек «Мария». Но оказалось, речь совсем о другом... И Роза отвечает так, как и ожидают от нее улыбающиеся родители:

– Да, конечно, отлично.

Через мгновение родители, не накинув хотя бы теплые куртки, выходят в мокрый сад: мать в резиновых сапогах, отец в деревянных сабо на босу ногу. Роза видит, что они довольны ее ответом. Родители идут к игровому домику, на ступеньках которого сидят поглощенные изготовлением каштановых фигурок близнецы. Роза остается в дверях сарайчика, как будто ей приказали. Мать с отцом присаживаются к близнецам и долго беседуют с ними. Роза не слышит, о чем они говорят, лишь видит лица близняшек. Внезапно девочка бросается в объятия к родителям. А мальчик вскоре срывается в плач. Просто сидит себе и плачет. Мать обнимает и утешает его, они с отцом переглядываются и улыбаются друг другу такой улыбкой, какой она за ними сроду не замечала.

Внезапно небеса разверзаются, и на землю льются потоки воды. Роза все стоит в дверях сарайчика, а остальные забираются под небольшой козырек и громко смеются.

** * **

– Мы полностью поддерживаем ваше решение. Где они?

– В гостевой комнате. Я их сейчас приведу.

– А как самочувствие вашей дочери?

– С учетом всех обстоятельств – неплохо.

Роза сидит за столом в кухне, но прекрасно слышит голоса в коридоре. Мать проходит мимо полуоткрытой двери на кухню в гостевую, а отец продолжает беседу с мужчиной и женщиной,

только что вышедшими из белой машины прямо перед окном, где сидит Роза. Голоса в коридоре становятся глуше, а потом собеседники и вовсе переходят на шепот, и она уже больше не может разобрать слов. Всю последнюю неделю в доме вообще много шушукались, и Розу радует, что скоро шепот прекратится. А поселился он в доме после того, как она рассказала родителям одну историю. Кто ее знает, где она слышала ее... хотя нет, конечно же, там, в детском саду. Она все еще помнит, как отреагировали взрослые, когда одна девочка по имени Берит рассказала, что происходило в игровой комнате. Она играла с мальчиками, и один из них захотел увидеть ее пипиську, и даже предложил ей за это пятьдесят эре. Берит показала ему пипиську и спросила, может, и другие мальчики хотят посмотреть. Желающих набралось немало, и Берит заработала кучу денег, которые, правда, ребята ей задолжали. Да, и еще она разрешала что-нибудь засунуть туда, но за это нужно было доплатить двадцать пять эре.

Взрослые явно перепугались. Об этом случае потом много шушукались, в том числе и родители в раздевалке, и вскоре в детском саду ввели незнамо сколько новых строгих правил, что было совсем невесело. Роза, казалось, все это напрочь забыла. Но однажды вечером, когда мать с отцом потратили весь день на то, чтобы купить и собрать две новые кровати и покрасить стены в гостевой комнате, эта история произвольно всплыла у нее в голове. Никаких усилий, чтобы вспомнить ее, она не предпринимала.

В щелку приоткрытой двери Роза видит, как два маленьких существа, склонив головы, проходят по коридору. Она слышит их шаги на ступеньках крыльца, куда отец уже вынес их сумки. В коридоре мать спрашивает, куда близнецов отправят теперь.

– Мы пока еще не выбрали для них новое место, но, надеюсь, много времени поиски не займут.

Взрослые прощаются. У Розы нет никакого желания видеть близнецов, потому что у нее разболелся живот. Будто желудок ее завязали узлом. Да, не в ее власти переделать историю, потому как она сказала то, что сказала, а на такие темы лгать нельзя. Такие истории надо хранить при себе и никому никогда не рассказывать. И все же, увидев, какой подарок близнецы оставили ей на постели, она чувствует, что внутри у нее как бы взорвалась бомба. Пять

каштановых фигурок, соединенных стальной проволокой, словно бы держатся за руки и образуют круг. Две фигурки больше других, точно они представляют отца и мать, стоящих вместе с тремя своими детьми.

– Ну вот, Роза, все и закончилось.

Роза пробегает мимо родителей. Слыша за спиной их удивленные голоса, она выскакивает на двор. Белый автомобиль только что отъехал от края тротуара и быстро движется к повороту. Позабыв про башмаки, в одних колготках Роза несется за ним что было сил, пока он не скрывается из виду. Последнее, что она видит, – это темные глаза мальчика, смотрящего на нее с заднего сиденья.

Дневной свет начинает иссякать, когда она поворачивает на лесную дорогу и прибавляет газу. Возобновилась метель. Снег уже почти полностью запылил следы протекторов – Роза едва различает их впереди в свете фар. Сперва она проскочила нужный поворот, и ей пришлось остановиться у первого увиденного дома и спросить дорогу. Она никогда не бывала на Мёне, да если б даже и была, никакой роли это не сыграло бы. Следуя советам хозяйки дома, Роза развернулась и поехала в обратном направлении. Возле огромного каштана она повернула на лесную дорогу, на которую в первый раз вовсе не обратила внимания. Дорога вьется среди старых голых лиственных деревьев и елей и изобилует резкими поворотами. Однако Роза строго держится следов недавно проехавшей здесь машины, и только поэтому ей удается и удерживать скорость, и не свалиться при этом в кювет. Метель тем временем не утихает, следы совсем исчезают под свежеснежившим снегом, и Розу охватывает паника. Вокруг ни построек, ни людей, вообще ничего, только лес и дорога. Если она снова заехала не туда, то, наверное, опоздает навсегда.

Однако ровно в тот момент, когда она совсем уж было отчаялась, лес вдруг расступается, и дорога выводит ее прямо на заснеженный двор большой усадьбы, окруженной огромными деревьями. На вид усадьба совсем не такая, какой представлялась Розе. Если судить по описанию в прочитанном ею на экране компьютера в министерстве отчета, ее ожидало жалкое зрелище ветхих убогого вида строений. Ан нет. Глазам предстает картина едва ли не идиллическая. Роза останавливается, выключает двигатель, выскакивает на снег и, позабыв захлопнуть дверцу, торопливо оглядывается вокруг, так что пар от ее дыхания рассеивается во все стороны.

Перед ней дом с двумя длинными флигелями, двухэтажный, с соломенной крышей, с первого взгляда напомнивший ей господскую усадьбу из какого-то романа Мортена Корка^[57]. Правда, белый оштукатуренный фасад подсвечивается современными лампами, которые освещают и двор, где она стоит. В уголках под соломенной крышей вмонтированы маленькие стеклянные купола камер

видеонаблюдения. Сквозь окна с белыми шторами на первом этаже видны блуждающие отсветы открытого огня. Над главным входом красуется надпись; там аккуратными черными буквами выведено название «Каштановая усадьба». Увидев ее, Роза понимает, что попала туда, куда нужно.

Ждать ей уже просто невмочь. Она набирает в легкие как можно больше воздуха и кричит изо всех сил, так что крик ее отзывается эхом на большом дворе и пропадает среди деревьев:

– Кристине...

Стая ворон срывается с ветвей высящихся позади дома деревьев. Птицы проносятся сквозь снежную пелену над флигелями, и когда последняя из них скрывается из виду, Роза замечает его фигуру в дверях сарая.

Он высок ростом – примерно метр восемьдесят пять. На нем расстегнутое пальто из водонепроницаемой ткани. В одной руке у него синее малярное ведро с поленьями, в другой – топор. Лицо кроткое, моложавое, Роза не сразу узнает его.

– А-а, нашла, значит... Ну что же, добро пожаловать! – говорит он каким-то даже дружелюбным голосом и, бросив на нее короткий взгляд, шагает к дому. Снег поскрипывает у него под ногами.

– Где она?!

– Начну с извинений за то, что усадьба выглядит не так, как тогда. Когда я ее приобрел, то собирался воссоздать в прежнем виде; хотел, чтобы ты увидела, как тут было тогда. Но потом мысль эта стала меня угнетать.

– Где она?

– Здесь ее нет. Пожалуйста, можешь сама убедиться.

Сердце у Розы колотится. Вся сцена представляется ей сюрреалистической. Мужчина останавливается на пороге, вежливо открывает перед нею дверь, а сам отходит чуть в сторону и сбивает снег со своих сапог.

– Входи же, Роза. Давай покончим с этим.

В доме темно и холодно. Роза зовет дочь, проходя по коридору, заглядывает в комнаты. Взбегает по лестнице на второй этаж, осматривает все помещения с наклонными стенами, но с тем же результатом: никого и ничего там нет. Ни мебели, ни каких-либо вещей, лишь запах лака и свежеструганных досок повсюду преследует ее. Только что отреставрированный дом совершенно пуст, и Розе кажется, что его вообще не обустраивали. Спускаясь вниз на первый этаж, она слышит его голос. Он что-то напевает, какую-то старую детскую песенку. Роза узнает ее, и у нее стынет кровь в жилах. В дверях из прихожей в гостиную она видит, что он сидит на корточках спиной к ней и кочергой помешивает полешки в печке. В синем ведре рядом с ним она замечает топор. Роза быстрым движением хватает его. Однако ее визави вообще не обращает на это внимания. Он все так же сидит на корточках, но когда бросает взгляд на нее, руки у Розы начинают дрожать, и ей стоит немалых усилий удержать топор.

– Скажи мне, что ты с ней сделал?

Он захлопывает заслонку печи и аккуратно запирает ее на задвижку.

– Она сейчас в хорошем месте. Разве не так обычно выражаются?

– Я спрашиваю, что ты с ней сделал?

– Во всяком случае, так мне говорили, когда я спрашивал, где моя сестра. Такой вот маленький парадокс. Сначала засылают двух близнецов в подвал, где папочка делает с ними все, что ему заблагорассудится, а горадая на выдумки мамочка подбрасывает ему свежие идейки, да еще и снимает все это на камеру. А потом близнецов разделяют, так что они долгие годы не видят друг друга – дескать, так им будет лучше.

Роза не знает, что на это сказать. Он поднимается, и она еще сильнее сжимает в руках топориче.

– Послушай, ты сказал *хорошее место*, но это не слишком-то утешает. По-моему, хуже всего неопределенность. Ты не согласен?

Он, наверное, совсем спятил. По пути сюда Роза обдумывала, как ей себя вести с ним, но ни логика, ни стратегия, ни какой-нибудь план

не помогут ей справиться с этим его спокойным взглядом. Роза на шаг подступает к нему.

– Я не знаю, чего ты добиваешься. Да мне это до лампочки. Ты должен сказать, что ты сделал с Кристине и где она сейчас. Ты слышишь?

Он бросает на нее быстрый взгляд, и ей сразу кажется, будто топориче у нее в руке растворилось. Она чувствует, что слезы вот-вот навернутся на глаза. Да, он прав: она не сможет воспользоваться топором, ведь в противном случае ей никогда не узнать правды. Роза борется со слезами, но они уже всю льются по щекам, а у него на лице появляется легкая улыбка.

– Давай покончим с этим. Мы оба понимаем, чего ты хочешь, и я тебе все выложу. Вопрос лишь в том, *сколько много* ты хочешь знать.

– Я все сделаю... Только расскажи мне все. Почему ты не хочешь мне...

Быстро, так что она не успевает ничего предпринять, он приближается к ней и прижимает что-то мягкое и мокрое к ее лицу. Резкий запах раздрает ноздри. Роза пытается вырваться из его рук, но он слишком силен, и шепот его раздается так близко от ее уха:

– Вот так. Вдохни. Скоро все кончится.

Резкий свет ослепляет ее. Роза зажмуривается, а потом с трудом разлепляет глаза и сперва видит только белый потолок и белые стены. Слева от нее, чуть в стороне, сверкает в свете сильной лампы низенький стальной столик, а на противоположной стене мерцают мониторы. Так, выходит, она в клинике, и все, что случилось с нею, видела во сне... Но, попытавшись подняться, Роза понимает, что сделать это ей не удастся. Нет, лежит она вовсе не на больничной койке, а на операционном столе, тоже стальном, а обнаженные руки и ноги раздвинуты в стороны и крепко связаны кожаными ремнями, намертво прикрепленными к столу. Она истошно кричит, но удерживающий ее голову внизу ремешок закрывает ей рот, и крик получается приглушенным, так что слов не разобрать.

– Еще раз привет! С тобой все о'кей?

Взгляд у Розы затуманен, и она его не видит.

– Наркоз перестанет действовать минут через десять-двенадцать. Мало кто знает, что обычный конский каштан содержит в себе ядовитое вещество эскулин. Оно так же эффективно, как хлороформ, если, конечно, соблюдать правильные пропорции при изготовлении раствора.

Роза вращает глазами, но по-прежнему не видит его, только слышит его голос:

– В любом случае нам еще много чего надо успеть. Так что постарайся бодрствовать. Договорились?

Внезапно он возникает в поле ее зрения в белом пластиковом халате. В руке у него продолговатый чемоданчик. Он ставит его на маленький стальной столик, наклоняется, открывает замки и говорит, что история Кристине началась в тот день, когда он после многолетних поисков неожиданно узнал Розу в теленовостях.

– Я вообще-то уже отчаялся тебя разыскать. А тут вдруг тебя из задних рядов Фолькетинга пересаживают в кресло министра соцзащиты... Согласись, какая ирония судьбы в том, что я тебя нашел благодаря этому назначению.

Роза вспоминает, что такие белые халаты, как сейчас на нем, обычно носят эксперты-криминалисты. Рот у него прикрыт белой маской, на голове голубая шапочка, а на руках – пластиковые одноразовые перчатки. Он откидывает крышку чемоданчика; Роза, преодолевая сопротивление ремешка, поворачивает голову чуть влево и различает в темном его нутре два углубления. Он загораживает спиной содержимое переднего углубления, но в заднем она видит сверкающий металлический стержень. С одного конца он снабжен металлическим же шаром величиной с кулак, весь усыпанный маленькими острыми шипами. С другого конца к стержню прикреплена ручка, чуть ниже нее – острый, как шило, наконечник длиной пять-шесть сантиметров. Увидев этот инструмент, Роза старается высвободить руки и ноги, а он в это время рассказывает, что уже давным-давно, просмотрев архивные документы муниципалитета Одсхерреда, понял, из-за чего их с сестрой отправили в «Каштановую усадьбу»:

– Ты, конечно, была всего-навсего маленькая невинная девочка и не умела еще в полной мере откладывать свои потребности. Но так или иначе, ты раздула из мухи слона, и всякий раз, когда ты как министр выступала в защиту несчастных детей, я по твоему самодовольному виду понимал, что ты ту историю благополучно забыла.

Роза заходится в крике. Она хочет сказать, что это не так, но на самом деле дико воет. И краем глаза видит, что вместо стержня он достает какой-то предмет из переднего углубления в чемоданчике.

– С другой стороны, ты бы очень легко отделалась, если б я тебя просто убил. А мне надо было показать тебе, какие страдания ты сама причинила другим, вот только не знал, как это сделать. До тех пор, пока не выяснил, что у тебя есть дочь, да еще примерно того же возраста, как и мы с сестрой в те давние времена. И тогда у меня созрел план. Я стал изучать вашу жизнь, ваши привычки; прежде всего, разумеется, выяснил, чем увлекается Кристине. А девочка она не шибко резвая, достаточно обыкновенная, можно сказать, типичное изнеженное дитя состоятельных родителей. И мне не составило труда вычислить ее распорядок дня и разработать план действий. Оставалось только дождаться осени... Да, кстати, это ты научила ее делать каштановых человечков?

Роза пытается сориентироваться. В поле ее зрения нет ни окон, ни лестниц, ни дверей, и все же она не прекращает кричать. И хотя рот все так же зажат кожаным ремнем, голос ее тем не менее заполняет все помещение. Это придает ей силы, и она продолжает извиваться из стороны в сторону, пытаясь высвободить руки и ноги из кожаного плена. Но когда силы все-таки покидают ее, Роза вдруг обнаруживает, что он стоит рядом с ней и возится с каким-то инструментом.

– Я с таким удовольствием наблюдал, как они с подружкой продавали фигурки у дороги... Мне даже виделась в этом какая-то своя поэзия, хотя я и не знал сперва, как это обстоятельство может мне помочь. Я переждал пару дней, а потом – далеко не в первый раз – поехал за ней после ее тренировки в спортзале. Всего в двух улицах от вашего дома остановил ее, спросил, как мне проехать к Ратушной площади, и мне удалось затащить Кристине в пикап, где я анестезировал ее. Велосипед и сумку я оставил в лесопарке, чтобы полиции было чем заняться, а сам, разумеется, оттуда уехал вместе с Кристине. Надо отдать тебе должное: дочка у тебя весьма воспитанная. Она очень доверчива и дружелюбна, и поверь мне, такими бывают только дети хороших родителей...

Роза плачет. Грудь ее вздымается и опадает в такт рыданиям, которые она не в силах сдержать. Ее одолевает мысль, что вовсе не случайно она оказалась здесь, на операционном столе. Роза чувствует себя виноватой и заслуживающей такого наказания. Как бы там ни было, она не доглядела за своей малышкой, не уберегла ее...

– Ну вот... Как ни смешно, но в нашей истории четыре главы, и первую мы уже закончили. Теперь сделаем перерыв, а потом продолжим. Идет?

Услышав скрежещущие звуки, Роза старается повернуть голову в сторону своего мучителя. В руках у него инструмент из стали или алюминия. Величиной он, может быть, с утюг. У него две ручки, металлический экран и направляющая шина с грубыми швами кустарной сварки. Роза не сразу понимает, что звуки эти издает вращающееся полотно электропилы, расположенное в передней части инструмента. До нее вдруг доходит, почему ноги и руки ее затянуты ремнями и свисают с операционного стола. Пила касается ее руки в районе пястной кости – и Роза снова срывается в крик.

– С тобой все о'кей? Ты меня слышишь?

Роза слышит вопрос. Перед глазами у нее мелькают пятна яркого белого света. Она пытается сориентироваться и воскресить в памяти все произошедшее до того, как потеряла сознание. На миг она чувствует облегчение, оттого что не случилось чего-то еще более ужасного, но тут замечает, что левая рука потеряла чувствительность. Она смотрит в ту сторону, и ее охватывает паника. Лабораторные зажимы из черного пластика сдерживают кровь из открытой раны в том месте, где прежде была ее левая кисть. А на полу в синем ведерке она различает кончики пальцев.

– Вторая глава начинается здесь, в подвале. Когда вы наконец-то сообразили, что произошло неладное, мы с Кристине уже прибыли сюда, – доносится до нее его голос.

С инструментом и синим ведерком в руках он становится справа от стола. Его белый халат с одной стороны забрызган кровью, ее кровью, вплоть до самого плеча и маски, скрывающей его рот. Роза снова корчится в попытках высвободить руки и ноги.

– Я знал, что ее исчезновение поставит всю страну на уши, и хорошо подготовился. Подвал тогда выглядел совсем не так, как сейчас. Я устроил все так, что даже если б кто-то вошел в дом, он его не обнаружил бы. Кристине была, разумеется, ошеломлена, когда очнулась уже здесь, в подвале. Хотя, наверное, лучше сказать «напугана». Я постарался объяснить ей, что мне пришлось сделать надрез на ее маленькой тонкой ручке, так как ее ДНК была нужна мне, чтобы направить полицию по ложному следу, и она довольно мужественно это восприняла. Правда, к сожалению, ей очень много времени пришлось проводить в одиночестве – у меня ведь работа в Копенгагене. Ты, наверное, хочешь узнать, как она себя здесь ощущала. Скучала ли, боялась ли... Сказать честно, она и скучала, и боялась. Умоляла отправить ее к вам. Это было так трогательно, но ничто не длится вечно, и когда где-то через месяц шумиха улеглась, нам пришла пора расстаться.

Рассказ его доставляет ей больше страданий, нежели боль в руке. Роза рыдает и чувствует, что грудная клетка у нее вот-вот разорвется.

– Это была вторая глава. А теперь мы снова устроим перерыв. Ты побудешь без сознания не дольше, чем в первый раз, – ведь у меня, как бы там ни было, не целый день впереди.

Он ставит синее ведерко под ее правую руку. Роза умоляет его прекратить, но вместо слов произносит какие-то нечленораздельные звуки. Инструмент снова жужжит, полотно пилы приходит в движение, и когда оно опускается на ее запястье, Роза опять заходится в крике. Тело ее выгибается в сторону потолка, когда, скользя по косточке, пила попадает во впадинку и врезается в мякоть. Боль безумная, и она не проходит, хотя инструмент перестает жужжать и вращаться. Слабые крики Розы перекрывают завывания противоугонной сигнализации, и именно эти звуки заставляют его прекратить операцию. Не выпуская из рук пилы, он поворачивается к мониторам на противоположной стене. Роза тоже старается взглянуть на них. На одном из них угадывается какое-то движение – и она понимает, что на мониторы транслируется изображение с камер наружного наблюдения. В кадр попадает какой-то далекий объект, может быть, автомобиль. И это последнее, о чем она подумала, прежде чем опять наступил мрак.

От напряжения кровотечение из раны на голове не прекращается, и кровь заливает лицо Ту́лин. Чтобы не случился обморок, ей приходится глубоко втягивать в себя воздух. Голова у нее обмотана клейкой лентой так небрежно, что дышать она может только одной ноздрей, но руки у нее связаны, и сорвать ленту она не имеет возможности. Ту́лин лежит на боку в багажнике в кромешной темноте и, слегка отдышавшись, снова упирается коленями в то место, где, по ее предположению, находится замок. Все мышцы у нее напряжены, затылком и плечами она упирается в переднюю стенку. Не оставляя усилий, вновь и вновь жмет на замок, а из носа у нее текут сопли пополам с кровью. Замок, однако, не поддается. Зато какой-то шурупчик больно врезается в ссадину под коленкой. От недостатка воздуха силы быстро покидают ее, и она сдается, прекращает борьбу с замком и судорожно втягивает в себя воздух.

Ту́лин представления не имеет, сколько времени провела в багажнике. В последние минуты до нее доносились пронзительные звуки какого-то включенного электроприбора и одновременно женские крики, и эти минуты показались ей целой вечностью. Хотя крики придушенные, точно у женщины заклеен рот, и звук доходит до Ту́лин, словно через вентиляционный канал, ей кажется, что никогда ранее она не слышала таких душераздирающих воплей. Если б у нее не были связаны руки, она заткнула бы уши, в том числе и по той причине, что прекрасно понимает, почему женщина так жутко кричит.

* * *

Придя в себя, она довольно долго не могла понять, где находится, потому как вокруг стояла кромешная тьма. Однако, ощутив холодные металлические стенки по бокам и крышку над собой, Ту́лин догадалась, что, скорее всего, очутилась в багажнике машины; по-видимому, той, на которой они с Генцем сюда приехали. Когда лес неожиданно расступился и они вырулили на двор усадьбы, Найя

первым делом обратила внимание на само здание с двумя флигелями. Она вылезла из машины на нетронутый снег, краем глаза отметила гигантские каштаны, обрамляющие территорию усадьбы, и, увидев надпись над входной дверью, сразу же достала пистолет. Дом с соломенной крышей на первый взгляд показался ей темным и негостеприимным. Она подошла ближе, сработали световые сенсоры, загорелись лампы подсветки фасада, и Ту́лин увидела купольные камеры видеонаблюдения. Дверь главного входа оказалась запертой, в самом доме никого и ничего разглядеть не удалось, но она ни на миг не сомневалась, что они приехали в нужное им место.

Ту́лин отправилась вокруг дома в поисках другого способа проникнуть в здание, но успехом они не увенчались. Она уже собиралась разбить одно из окон первого этажа и через него пролезть внутрь, как вдруг подошедший сзади Генц сказал, что нашел ключ под ковриком перед дверью главного входа. Чему она даже не удивилась, ведь сама думала заглянуть туда. Так или иначе, они вошли в дом. Ту́лин сделала это первой, и уже в прихожей почувствовала запах лака и свежеструганных досок, как будто дом только что отстроили и никто там еще не жил. Но стоило ей подойти к печке в том углу гостиной, который было не разглядеть со двора, стало понятно, что жилище вполне себе обитаемо. На белом рабочем столе расположились два ноутбука, электронное оборудование, мобильные телефоны, ваза с каштанами, планы каких-то участков в горизонтальной проекции, стеклянные колбы и лабораторные инструменты, а возле стола на полу стояли две металлические канистры. На стене над столом – фотографии Лауры Кьер, Анне Сайер-Лассен и Йесси Квиум. Выше висит фото Розы Хартунг, а также сделанные, похоже, любителем снимки самой Ту́лин и Хесса.

Мороз пошел у нее по коже, когда она увидела фотографии. Ту́лин сняла пистолет с предохранителя, приготовившись к обыску остальной части здания, и за отсутствием своего мобильного попросила Генца немедленно позвонить Нюландеру и сообщить ему об их находке.

– К сожалению, не могу.

– То есть как, почему?

– Я жду гостя, а это может помешать мне спокойно работать.

Ответ его настолько поразил Ту́лин, что она повернулась и посмотрела на него вопрошающим взором. Генц стоял в дверях

гостиной. Лампы подсветки во дворе у него за спиной все еще горели, и лица эксперта ей не было видно. Угадывался только его силуэт, и Ту́лин вспомнилась фигура за фасадной пленкой на строительных лесах напротив ее квартиры.

– Ты что за пургу несешь-то, черт бы тебя подрал?! Звони сейчас же!

Только теперь Найя сообразила, что он стоит с топором, словно бы вросшим в руку.

– Все верно, я рисковал, используя здешние каштаны. Позднее ты, может быть, поймешь, что мне были необходимы именно такие.

Сперва Ту́лин его не поняла. Но мгновение спустя до нее дошел смысл сказанного Генцем, и только тогда ей стало ясно, какую фатальную ошибку она совершила, обратившись за помощью к нему. Найя подняла руку, стараясь направить пистолет в сторону Генца, но в этот миг он швырнул топор обухом вперед. Ту́лин успела чуть отклонить голову, но этого «чуть» оказалась недостаточно, и очнулась она с пульсирующей головной болью уже только в темном багажнике. Привели ее в чувство голоса: спокойный – Генца и истеричный – женский, похожий на голос Розы Хартунг. Они доносились со двора, но потом стихли, а чуть погодя послышались крики женщины.

Затаив дыхание, Ту́лин прислушивается. Инструмент замолк. Замолкла и женщина. Но не значит ли наступившая тишина всего лишь, что вскоре настанет ее очередь подвергнуться таким же пыткам? Она вспоминает Ле и деда, и ее пронзает мысль, что, может быть, ей уже больше никогда не увидеть дочку.

Внезапно в тишине раздается звук мотора, он приближается. Сначала Найя не верит своим ушам, но похоже, и вправду на двор въезжает какой-то автомобиль. Когда он останавливается и водитель выключает двигатель, она убеждается, что ее предположения верны.

– *Ту́лин!*

Найя узнает его голос. Но ведь это невозможно – первой в голове у нее мелькает именно эта мысль. Его физически не может здесь оказаться, он должен быть на пути куда-то далеко-далеко. Но остается фактом: он все-таки здесь, и это возрождает в ней надежду. Ту́лин из всех сил кричит что-то в ответ, но производимые ею звуки столь слабы, что он не может услышать ее. По крайней мере со двора. Тогда она с отчаяния начинает бить ногами в боковую стенку багажника.

Где-то в пустом пространстве слышится отзвук, и она продолжает колотить в то же место.

– *Ту́лин!*

Он еще несколько раз выкрикивает ее имя. Потом голос его умолкает – наверное, он вошел в дом. И попал прямо в руки Генца. Тот ведь давно уже понял, что приехал Хесс, иначе ни за что не остановил бы пытку. Осознав это, Ту́лин продолжает долбить ногами в стенку багажника.

Входная дверь незаперта, и, войдя в дом, Хесс быстро убеждается, что ни в гостиной, ни на втором этаже никого нет. С пистолетом в руке он торопливо спускается по лестнице, проходит еще раз по темным помещениям, но никаких признаков жизни, кроме своих собственных влажных следов, обнаружить ему не удастся. Возвратившись в гостиную, он подходит к рабочему столу возле печки, где на стене висят фотографии трех жертв, Розы Хартунг, Ту́лин и его самого. Останавливается и прислушивается. Не слышно ни звука, кроме его дыхания, но печка еще хранит тепло, и у Хесса возникает ощущение, что Генц в доме повсюду, растворен в каждом его уголке.

Вид усадьбы его поразил. Он ожидал увидеть ветхую обшарпанную развалюху, как о доме было написано в полицейском отчете, и поначалу подумал, что ошибся адресом, заехал не туда. Правда, сразу же заметил на дворе машину Розы Хартунг, уже почти совсем занесенную снегом, и предположил, что она простояла здесь по меньшей мере около часа. Однако машины, в которой уехали Генц и Ту́лин, Хесс не обнаружил и решил, что либо она где-то спрятана, либо вообще находится в другом месте. Он утешил себя надеждой, что верна первая версия. Кроме того, подъехав к дому, Марк сразу же обратил внимание на многочисленные камеры видеонаблюдения, размещенные поверху фасада. Так что если Генц дома, значит, ему известно о приезде напарника Ту́лин. И потому Хесс, не медля ни секунды, стал звать сначала Ту́лин, а потом и Розу Хартунг. Если они находились поблизости – и если оставались в живых, – имелся шанс, что они услышат его. Но как ни вслушивался Хесс, сдерживая дыхание, в зловещую тишину, ответа он не дождался.

Марк спешно возвращается в кухню, хотя ранее уже успел обследовать ее, и старается восстановить в памяти снимок из архива фотоматериалов с мест преступлений. Так, убитая девушка сидела с одной стороны неубранного обеденного стола, а парень лежал на полу по другую его сторону. Впрочем, не это важно сейчас – его занимает дверь на заднем плане фотографии. Тогда он подумал, что она, наверное, и ведет в подвал, где были найдены тело Мариуса Ларсена и

близнецы. Однако помещение полностью перепланировано, и в девственной новизне интерьера, напоминающего кухонный уголок в ИКЕА, все ему незнакомо. Даже стены теперь располагаются по-иному. В центре стоит еще не использовавшаяся большая варочная плита с шестью газовыми горелками и хромированной вытяжкой над нею. А по сторонам от нее – американский холодильник, два двухстворчатых кухонных шкафа, фарфоровая мойка, стиральная машина и большой духовой шкаф с еще не убранной с дверного стекла фольгой. Никакой двери не видно, тем паче ведущей в подвал, только небольшой проход в подсобное помещение.

Хесс торопливо возвращается в прихожую, бросает взгляд на верх лестницы и заглядывает под нее в надежде отыскать люк или дверь в подвал, но не находит ни того ни другого. Он уже готов поверить в шальную мысль, что подвала в доме теперь вообще нет. Что Генц, или как он там еще себя называет, давным-давно залил его бетоном, чтобы тот больше не напоминал ему о произошедшем тогда, когда они здесь жили...

Внезапно откуда-то издалека доносятся звуки, как будто от ударов. Хесс замирает и вслушивается, но определить, что это за звуки, не может. Как и понять, откуда они доносятся. Ведь в поле его зрения ничего не происходит, только снежинки падают во дворе в свете наружных светильников. Хесс быстрым шагом возвращается в кухню, на сей раз собираясь обследовать подсобное помещение, а потом, пройдя через дверь подсобки и другую часть дома, посмотреть, нет ли там каких-либо окон, спусков или иного, что могло бы ответить на вопрос, есть ли в здании подвал. Однако, миновав варочную плиту, Хесс останавливается. Его посещает простая мысль. Марк подходит к первому из двух белых двухстворчатых шкафов, стоящих примерно в том месте, где, как он помнит по старой фотографии, находилась дверь в подвал. Открывает обе створки, но ничего, кроме пустых полок, там не находит. Тогда Хесс открывает дверцы стоящего рядом второго шкафа – и сразу видит белую дверную ручку. Полки и задняя стенка сняты, и в глубине просматриваются очертания тяжелой белой металлической двери в стене самой кухни. Хесс входит в пустой шкаф, нажимает на ручку, дверь открывается в другую сторону, и за ней оказывается спуск.

Резкий белый свет освещает пол у нижнего конца примерно трехметровой бетонной лестницы. Хесс вспоминает, до чего же он ненавидит подвалы. Подвал в Парке Одина, в гараже Лауры Кьер, в Урбанпланен, в отделе полиции в Вордингборге, а теперь вот и этот... Он снимает пистолет с предохранителя и ступенька за ступенькой начинает спускаться вниз, сконцентрировав внимание на участке пола возле лестницы. Спустившись на пять ступенек, останавливается, наткнувшись на кучу каких-то клейких скомканных пластиковых предметов. Ткнув пистолетом в кучу, догадывается, что это голубые бахилы, которые они с коллегами надевают на обувь, когда обследуют место преступления. Только вот эти бахилы уже были в употреблении, и все они заляпаны кровью. А на следующих ступеньках видны ведущие вверх кровавые следы, и заканчиваются они возле кучи бахил. Смысл увиденного мгновенно доходит до него. Он резко оборачивается, бросает взгляд вверх и видит стоящую в дверях фигуру. И, точно маятник, чуть ли не с шумом разрезая воздух, в него летит топор. Хесс успевает лишь вспомнить убитого инспектора Мариуса Ларсена – и получает удар в голову.

Подвал в доме его бабки по отцу был сырой, с пятнами плесени на необработанных стенах, с неровным каменным полом. Его весьма скудно освещали голые лампочки без абажуров в старых фарфоровых патронах черного цвета, свисавших с потолка на проводах с размочаленной тряпичной изоляцией. В том таинственном мире со странными помещениями и проходами царили беспорядок и неразбериха, и этот мир разительно отличался от того, что существовал наверху, за разделявшей этажи дверью.

На первом преобладали желтоватые тона. Тяжелая мебель, обои в цветах, оштукатуренный потолок, гардины – все, даже вонь бабкиных серут^[58], было желтоватого оттенка. Красивая пирамидка пепла высилась в этернитовой плоске возле набивного садового стула, на котором бабка сидела в гостиной вплоть до того дня, когда ее буквально вынесли на руках к машине и отправили в интернат для престарелых. Хесс ненавидел бывать у нее, но в подвале было еще хуже, чем наверху. Там тебе ни окон, ни воздуха, никакого выхода – только шаткая лесенка, по которой он зигзагообразно поднимался в настигавшей его снизу темноте, когда возвращался из подпола с еще одной бутылкой и ставил ее потом на маленькую тумбочку возле бабкиного садового стула.

Вот точно с таким же ощущением подступающей к горлу тошноты и грозящей охватить его паники, как тогда, в детстве, Хесс очухался в подвале «Каштановой усадьбы». Кто-то жестко бьет его по лицу, и он чувствует, как кровь заливает лицо.

– Кто знает, что ты здесь? Отвечай!

Хесс полулежит на полу, прислонившись спиной к стене. А пощечинами одаривает его Генц. Он в белом пластиковом халате, и только глаза его видны между закрывающей рот забрызганной кровью маской и голубой шапочкой на голове. Защититься от пощечин Хесс не может, так как руки у него связаны за спиной чем-то вроде клейкого тейпа.

– Никто...

– Приложи сюда палец. Или я отрежу его. Давай действуй!

От толчка Генца Хесс валится, точно куль. Генц склоняется над ним.

Прижимаясь щекой к подкладке, Марк оглядывается в поисках своего пистолета, но тот валяется в нескольких метрах от него. Генц прижимает большой палец Хесса подушечкой к кнопке «touch» на мобильном телефоне. Не отрывая взгляда от дисплея, поднимается, и Хесс видит что у него в руке *его* мобильник. Он знает, что сейчас последует вспышка гнева, и старается соответствующим образом подготовиться к ней. Однако удар ногой по голове оказывается столь силен, что Хесс едва не теряет сознание вновь.

– Ты звонил Нюландеру девять минут назад. Наверное, еще из машины, когда остановился во дворе.

– А, да, точно... Совсем забыл.

Следует еще один удар в голову, почти в то же место, что и первый, и на сей раз Хессу приходится выплюнуть сгусток крови, чтобы не задохнуться. Он говорит сам себе, что время для шуток прошло, однако сообщенные Генцем сведения ему явно пригодятся. Так, если он подъехал к усадьбе и, опознав машину Розы Хартунг, позвонил Нюландеру девять минут назад, то уже очень скоро Бринк и экипажи быстрого реагирования из Вордингборга будут здесь. Если, конечно, снежные заносы их не задержат.

Хесс снова сплевывает и на сей раз замечает, что в лужице у него под ногами не его кровь. Он прослеживает, откуда она течет, и видит открытую рану на свисающей с операционного стола руке. На нем лежит недвижимое тело Розы Хартунг; на левой руке у нее, в том месте, где раньше была кисть, размещены пластмассовые хирургические зажимы, препятствующие кровотечению. Да и на правой руке у нее вроде бы тоже глубокий надрез; впрочем, под нею поставлено синее ведро. Хесс с трудом различает его содержимое и едва сдерживает приступ тошноты.

– Что ты сделал с Тулин?

Генца, однако, он не видит. Мгновение назад тот швырнул мобильник на колени пытавшемуся было подняться на ноги Хессу, отошел в дальний угол помещения и чем-то там гремит.

– Генц, завязывай с этим! Они знают, кто ты, и найдут тебя. Где она?

– Ничего они не найдут. Ты забыл, кто такой Генц?

В нос Хессу ударяет знакомый резкий запах, и эксперт появляется у него перед глазами. Он разбрызгивает керосин на стены, потом подходит к ложу Розы Хартунг, выплескивает на ее недвижимое тело большую порцию жидкости и продолжает обход помещения.

– Генц немножечко разбирается в криминалистике. Когда они придут, от него здесь и следа не останется. Генц был придуман с одной целью, и когда они это поймут, поезд будет уже далеко-далеко.

– Генц, послушай меня...

– Нет, давай обойдемся без банальностей. Я допускаю, ты случайно разнюхал, *что* здесь когда-то произошло. Только вот не надо рассказывать сказки, будто ты мне сочувствуешь и мне скостят срок, ежели я явлюсь с повинной, и прочую хрень в том же духе.

– А я тебе не сочувствую. Ты, похоже, родился психопатом. Жаль только, что тебе удалось выбраться тогда из подвала.

Генц смотрит на него и улыбается чуть ли не удивленной улыбкой.

– Надо было мне давным-давно уже покончить с твоей дерьмовой жизнью. И ведь мог же – последний раз, когда ты стоял ко мне спиной и пялился на эту шалашовку Квиум у дерева в садовом товариществе...

Хесс еще раз сплевывает кровью. Почувствовав привкус железа, проводит языком по верхним передним зубам и убеждается, что два из них расшатаны. Да, вот оно как – преступник находился в темноте сада в товариществе рядом с телом Квиум, а он такого даже и вообразить себе не мог...

– На самом деле я думал, что ты мне вообще неопасен. Поверил слухам, что ты – конченный самовлюбленный говнюк, попавший на днище в Европоле. И вдруг ты появляешься, чтобы расчленить поросенка или поболтать о Линусе Беккере, и до меня доходит, что мне не только с Тулин глаз спускать нельзя. Я, кстати, видел, как вы разыгрывали из себя папеньку, маменьку и детоньку перед Урбанпланен. Неужели и ты запал на эту потаскушку, а?

– Где она?

– В таком случае ты не первый. Я наблюдал, как к ней приходили гости. А ты, к сожалению, не в ее вкусе. Впрочем, я передам Тулин привет от тебя, а уж потом перережу ей горло.

Генц выливает на него остатки керосина из канистры, отчего у Хесса жжет в глазах и в старой, да и в новой ранах на голове. Он

задерживает дыхание, пока жидкость льется на него, и мотает головой, стараясь стряхнуть с себя капли. Потом, открыв глаза, обнаруживает, что Генц срывает с себя белый халат, сворачивает его вместе с маской и шапочкой, и швыряет белый сверток на пол. Он стоит перед белой металлической дверью, по всей видимости, той, что ведет к бетонной лестнице на кухню. В руке у него каштановый человечек. Генц смотрит Хессу прямо в глаза и проводит спичкой-ножкой фигурки по коробку. А когда пламя охватывает бóльшую часть фигурки, бросает ее в лужицу керосина на полу и закрывает за собой дверь.

Спинка одного из задних кресел с громких скрипом поддалась, сиденье продвинулось чуть вперед, и в образовавшейся в передней стенке багажника щели Ту́лин наконец-то увидела свет. Вся в поту, она еще мгновение лежит, собирая оставившие ее было совсем силы, а потом просовывает в щель голову, так что теперь может смотреть в правое боковое стекло. Тонкая вертикальная полоска света от светильников во дворе проникает сквозь неплотно прикрытые ворота, и Ту́лин догадывается, что машина, в багажнике которой она находится, припаркована в сарае.

Замок багажника открыть ей так и не удалось. Зато она заметила, что передняя его стенка поддается, когда она толкает ее ногами, и продолжила эти движения, помогая себе еще и плечами, действуя ими, как свайным молотом. Она еще сильнее вжимается в стенку, и на сей раз ей удастся расширить щель и просунуть в салон бóльшую часть тела. Ей бы еще найти что-нибудь, чем можно разрезать стягивающую руки и ноги ленту, – вот тогда она смогла бы сказать, что время у нее еще есть. Тишина в доме невыносима для нее – эх, если б ей удалось пробраться туда, да еще найти свой пистолет, они оказались бы вдвоем против одного... К тому же Хесс не дурак. Ведь он приехал в усадьбу – значит, вычислил Генца, понял, что тот убийца. А раз так, то наверняка знает, что следует сохранять осторожность...

Ту́лин не успевает додумать эту мысль, потому что внезапно раздается какой-то громкий хлопок – словно где-то вспыхнуло пламя. Такое ощущение, что внезапный порыв ветра наполнил паруса до предела. И произошло это совсем рядом, скорее всего, в самом доме и, возможно, в том помещении, откуда доносились давно уже, впрочем, смолкшие женские крики.

Затаив дыхание, Найя прислушивается. Да, действительно, где-то неподалеку бушует пламя, и уже чувствуется запах дыма. Она извивается всем телом, чтобы полностью выбраться в салон, и старается понять, почему вдруг в доме вспыхнул огонь. И тут вспоминает две металлические канистры у стола в гостиной. Она сразу же заметила их, как только вошла туда, но не придавала им значения,

сосредоточив все внимание на фотографиях на стене и Генце. Но если пожар возник по сценарию Генца, значит, дела у Хесса катастрофически плохи.

Ту́лин протискивает туловище в щель, подтягивает ноги и оказывается на заднем сиденье машины. Она лежит на боку, но потом ей удается встать на четвереньки. Так, теперь ее задача – дотянуться связанными руками до ручки дверцы. Ту́лин уже представляет, как найдет в сарае какой-нибудь инструмент, перережет им ленту на ногах и руках и помчится в дом. И тут через щелку между створками ворот сарая она видит Генца.

Он выходит через главный вход с канистрой в руке и льет из нее на пол какую-то жидкость. Спустившись по занесенным снегом ступенькам крыльца, швыряет канистру внутрь, чиркает спичкой и бросает ее на ступени, а потом поворачивается и идет прямо на Ту́лин. За спиной у него с быстротой степного пожара по всему дому распространяется пламя. Когда он подходит к воротам сарая, языки огня в окнах первого этажа уже достигают потолка, и потому Ту́лин виден только его силуэт.

Она бросается на пол за водительским сиденьем, и в тот же миг створки ворот распахиваются. Пляшущие отсветы косматого пламени проникают в сарай, и она сжимается в комочек, чтобы Генц не обнаружил ее. Передняя дверца открывается, он садится за руль, и прижатой к спинке кресла щекой она ощущает вес его тела. Он вставляет ключ в замок зажигания, включает мотор, и когда машина выезжает из сарая на заснеженный двор, Ту́лин слышит, как лопаются от жара первые окна.

Хесс давно уже стал равнодушен к смерти. И не потому, что ненавидит жизнь, а потому, что существование в этом мире доставляет ему боль. Он не искал помощи, не навещал тех совсем немногих друзей, что еще у него оставались, и не прислушивался ни к чьим советам. Он просто спасался бегством. Он бежал изо всех сил, но мрак наступал ему на пятки, и все же порой ему удавалось скрыться от него. В небольших оазисах в чужих европейских краях, где он отдыхал душою и где его ждали новые впечатления и новые вызовы. Тем не менее мрак всегда наступал его снова и снова, вместе с воспоминаниями о лицах ушедших, каковых в его памяти набралась целая ватага. У него *не было* никого, и сам он *был* никто. Так что задолжал он вовсе не живущим, и потому наступление смерти оставило бы его безучастным. Так было, но сейчас здесь, в подвале, им владеют иные чувства.

Когда дверь за Генцем захлопнулась и пламя побежало змейкой по залитому керосином полу, он сразу же подполз к окровавленному инструменту, брошенному за операционным столом. Догадаться, с какой целью Генц использовал это орудие, было несложно. И у Хесса не заняло много времени разрезать о его алмазные зубчики связывающую руки за спиной ленту. Потом он проделал то же с лентой на ногах. Когда огонь уже охватил половину помещения и стал подбираться к операционному столу, Марк успел поднять с пола свои мобильник и пистолет и встать на ноги. Клубы черного дыма поднимались к потолку, пламя все приближалось и приближалось, и, не медля ни секунды, Хесс первым делом один за другим отстегнул кожаные ремни на руках и ногах Розы Хартунг. Он едва успел поднять ее недвижимое тело и перенести его в тот угол, где Генц не расплескал керосину, как огонь охватил операционный стол.

Времени, однако, у него было в обрез. Языки пламени уже лизали древесноволокнистые панели на стенах. Вот-вот перекинута на потолок, а ведь они с Розой тоже все в керосине. Вопрос идет о мгновениях. Огонь того и гляди достигнет их угла, или же температура поднимется до такой степени, что они просто-напросто

самовоспламеняются. Единственный выход – дверь, за которой скрылся Генц. Но открыть ее оказалось невозможно: ручка настолько накалилась, что куртка Хесса, которую он собирался использовать в качестве прихватки, загорелась от соприкосновения с нею. Черное дымовое облако под потолком все увеличивалось, и тут Марк заметил, что несколько завивающихся струек дыма тянутся к большой панели ДСП на стене прямо перед ним. Он хватается пилу, и, действуя ею, точно ломом, с первой попытки отламывает угол плиты. Просунув пальцы в образовавшийся зазор, отодвигает плиту в сторону.

Перед Хессом оказывается подвальное окно с двойной решеткой с внутренней стороны. В темноте за окном он видит габаритные огни пересекающего двор автомобиля. Хесс безуспешно пытается сорвать решетки, и когда автомобиль исчезает в темноте, его пронзает мысль, что вот сейчас смерть доберется до него. Он поворачивается в ту сторону, откуда наступает пламя и где лежит у его ног Роза Хартунг, и вид ее изуродованной руки подсказывает ему спасительное решение. Он снова поворачивается к окну и сразу же отмечает, что прутья решетки не толще косточек Розы, которые перепилила пила, что он держит в руках. Полотно проходит через первый прут, словно нож сквозь масло. Еще три подхода – и Хесс срывает решетку и крючок и выламывает раму.

Он поднимает Хартунг на подоконник, залезает на него сам и проползает мимо нее. Потом спиной валится вниз, увлекая Розу за собой, и, ощущая огонь у себя на затылке и джемпере, падает на влажный снег.

Закашлявшись, Марк поднимается на ноги и волочит Розу по двору. Он чувствует, будто тело у него горит, и ему хочется броситься в снег и сбить пламя. И все-таки, отхаркивая кусочки легких, Хесс продолжает свой путь и лишь метрах в двадцати от горящего дома оставляет Хартунг у каменной ограды. А сам бегом направляется в сторону леса.

Внутренний голос просто криком кричит Ту́лин, что она обязана что-то предпринять. Согнувшись в три погибели на полу темного салона за водительским сиденьем, Найя ощущает скорость машины и чувствует каждый ее маневр. И старается вспомнить лесную дорогу, чтобы определить, когда Генцу придется полностью сконцентрироваться на вождении. Снег и темнота с нею заодно. В том, что ему придется это сделать, сомнений нет, ведь вокруг кромешная тьма, да и снегу навалило не меньше пятидесяти сантиметров. Ту́лин старается представить себе, каким способом ей лучше попробовать одолеть его, будучи в буквальном смысле слова связанной по рукам и ногам. Каждую секунду, проведенную в бездействии, она считает потерянной зря. Ведь ей кровь из носу надо как можно скорее вернуться в усадьбу. Да, хотя она и не решалась поднять голову и выглянуть в окно, когда они выехали из сарая и двинулись к дороге, по треску горящего дерева и лопающегося стекла ей не составило труда оценить мощь пожара.

Ту́лин вдруг замечает, что водитель сбросил скорость. Вроде бы для того, чтобы вписаться в длинный поворот. Все мышцы ее напряжены; ведь машина, судя по всему, приблизилась к большой дуге, которую дорога описывает примерно на половине пути от усадьбы к шоссе.

Она резко поднимается и выбрасывает вперед стянутые клейкой лентой руки, стараясь как бы набросить на шею водителя петлю. Но в слабом свете приборов тот замечает ее движение в зеркале заднего вида. Он, кажется, был готов к ее маневру и с силой отбрасывает ее руки назад. Найя повторяет попытку, и тогда он отпускает педали и руль и обрушивается на нее град ударов кулаком. Ту́лин падает на заднее сиденье и жадно втягивает воздух одной ноздрей. Только теперь Генц останавливает машину и оставляет мотор работать на холостом ходу.

– Надо отдать тебе должное: я и вправду считал, что во всем убойном отделе только с тобой надо было держать ухо востро. Зато теперь я знаю о тебе все. Знаю даже, какой запах от тебя исходит, когда

тебе приходится напрягаться и ты вся мокрая, точно новорожденный поросенок. С тобой все о'кей?

Вопрос его бессмыслен. Он с самого начала знал, что она здесь, в салоне, и когда Генц подносит нож к закрывающей ее рот ленте, ей на миг кажется, что сейчас он вонзит его в горло. Но нет, он делает надрез в тейпе, и теперь она сама может своими связанными руками сдвинуть его с губ и наконец-то глубоко вдохнуть.

– Где они? Что ты сделал с ними?

– Тебе это прекрасно известно.

Тулин лежит на заднем сиденье, она тяжело дышит, а перед глазами у нее стоит пылающая усадьба.

– Хессу и так уже надоело коптить небо. Кстати, он просил передать тебе привет, прежде чем я перережу тебе горло, если, конечно, это тебя утешит.

Тулин закрывает глаза. Противник чересчур силен, и от осознания этого слезы текут у нее по щекам. И плачет она и по Хессу, и по Розе Хартунг, но особенно по Ле, которая ждет ее дома и которая вообще ни при чем.

– А дочка Хартунгов? Это тоже ты?

– Да, так было нужно.

– Но для чего?..

Голос ее тонок и жалостен, и Тулин ненавидит себя за это. На миг в салоне повисает тишина. Ей кажется, будто Генц вперил взгляд в темноту и обдумывает что-то важное. Потом он возвращается к действительности и поворачивается к ней своим черным лицом.

– Это долгая история. А я тороплюсь. Да и тебе надо поспать.

– Ге-е-е-енц!..

Крик вспарывает тишину, и она не узнает этот сиплый голос. Он доносится откуда-то издалека, то ли из лесной части, то ли из-под земли. Генц застывает на миг, но тут же молниеносно поворачивается и напряженно вглядывается в темноту за лобовым стеклом. Тулин не видит его лица, но ей думается, будто он отказывается верить своим глазам. Она с огромным трудом принимает сидячее положение, чтобы тоже посмотреть туда, в самый конец образуемого фарами дальнего света светового конуса. И ей становится ясно, *что* так поразило Генца.

Легкие его вот-вот разорвутся, а сердце словно молотком колотит по ребрам. Из рта белыми облачками прерывисто вырывается пар. Руки от холода ходят ходуном, и он с трудом удерживает пистолет в направлении на стоящую впереди перед ним машину. До нее метров семьдесят пять, и стоит Хесс ровно на том самом месте, куда он мгновение назад выскочил, точно ходячая смерть из черного, как антрацит, лесного мрака. Вначале его путь по лесу освещало пламя охватившего усадьбу пожара. Языки огня отбрасывали мощные отсветы, и он бежал в том направлении, в каком ложились тени деревьев. Марк помнил, что дорога от усадьбы идет не прямо, а образует дугу в виде огромной буквы С недалеко от перекрестья с шоссе, и он надеялся, что, дав крюка через лес, окажется там раньше машины. Но по мере того, как Хесс продвигался дальше и дальше, свет от пожара постепенно слабел. Немножко помогал ему отсвечивающий белый снег, и все-таки последнюю часть пути он пробежал практически вслепую. Вокруг царил мрак, Марк различал лишь стволы деревьев, но твердо придерживался выбранного курса, невзирая ни на какие препятствия. Несколько раз он падал плашмя на снег и в конце концов, как ему почудилось, потерял направление. Но именно в этот момент вдалеке слева от себя Хесс увидел слабый свет. Источник его был далеко, даже очень далеко от него, и при этом передвигался. Внезапно он замедлил движение, и когда Марк наконец-то выбрался на дорогу, автомобиль оказался позади него – он стоял с работающим на холостом ходу двигателем и включенным дальним светом.

Хесс не знал, почему машина остановилась, да и какая разница! Генц где-то там, в темном салоне за лобовым стеклом. Марк терпеливо ждет, стоя посреди дороги, с пистолетом, направленным прямо перед собой, и слышит лишь слабый шум ветра в лесу. Внезапно раздастся рингтон мобильного телефона, и он не сразу соображает, что звонит его мобильник. Хесс смотрит на машину и видит неяркий свет дисплея на водительском месте. Медленно, точно нехотя, он достает мобильник из кармана, не спуская глаз с автомобиля.

Голос в трубке холодный и как бы равнодушный:

– Где Хартунг?

В темноте за лобовым стеклом Хесс видит контуры фигуры на месте водителя. Вопрос наводит его на мысль, что муки Розы Хартунг – единственное, что занимает Генца. Он старается дышать ровно, чтобы ненароком не выдать волнения.

– Роза чувствует себя замечательно. Она осталась на дворе и сейчас ждет твоего рассказа о судьбе ее дочери.

– Ложь! Ты не успел вытащить ее.

– Твоя самодельная пила режет не только кости. Хороший криминалист подумал бы об этом и забрал ее с собой. Тебе так не кажется?

На другом конце связи устанавливается тишина. Хесс знает, что Генц сейчас вспоминает детали обстановки в подвале и произошедших там событий, стараясь понять, можно ли верить его словам. Генц все молчит, и на миг Марку становится страшно: а вдруг тот сейчас развернется и помчится обратно к усадьбе, невзирая на скорое прибытие полиции?

– Передай ей, что я вернусь и навещу ее как-нибудь в другой раз. И уйди с дороги – у меня Тулин.

– Да плевать я хотел! Давай-ка вылезай из машины и ложись на землю. И руки в стороны не забудь раскинуть.

Молчание.

– Генц, вылезай из машины!

Хесс целится в единственную видимую ему цель. Но неожиданно свет от мобильного за лобовым стеклом исчезает, а связь прерывается.

Сперва Марк не может понять, что все это значит. Вдруг автомобиль газует. Двигатель с ходу набирает такие обороты, словно водитель выжал акселератор до конца. Колеса сначала с визгом проворачиваются на снегу, и выхлопные газы вырываются наружу в красном свете габаритных огней. Но потом протекторы сцепляются с землей, и машина срывается с места.

Хесс отшвыривает мобильник в сторону и прицеливается. Машина движется прямо на него, с каждым метром набирая скорость. Он стреляет – раз, другой, третий. Первые пять пуль направляет в капот, но все без толку. Руки у него дрожат – вот в чем дело. Хесс повторяет попытку, держа пистолет обеими руками, стреляет снова и снова, с каждым выстрелом все больше теряя уверенность в своих

стрелковых навыках. Машина будто заслонена каким-то невидимым щитом. Когда между ними остается метров тридцать, мозг пронзает мысль, что он может попасть в Ту́лин, если она действительно рядом с Генцем. Палец его застывает на спусковом крючке. Он слышит рев мотора, однако по-прежнему стоит посреди дороги с поднятым пистолетом; палец все так же недвижим. До него вдруг доходит, что он уже не успевает броситься в сторону. Но в последний момент Марк замечает какое-то движение в салоне, и автомобиль проносится так близко от его правого бедра, что он даже успевает ощутить тепло двигателя. Обернувшись, Хесс видит, что машина несется поперек дороги, а потом с оглушительным грохотом врезается в какое-то препятствие. Он слышит, как корежится металл, разбиваются стекла, как ровный шум акселератора сменяется резким свистящим звуком, как врубается сигнализация. Два сплетенных тела, словно неживые куклы, вылетают через лобовое стекло и, переворачиваясь в воздухе, летят за обочину в сторону лесной опушки. Они как будто бы сцепились друг с другом, но потом тандем распадается, и одно из тел продолжает полет, а другое с треском падает на ветки дерева и сливается с темнотой.

Хесс бросается туда. Капот закрутило вокруг пня, но, как ни странно, фары дальнего света все еще горят. Сперва он бежит к телу, попавшему на ветки огромного дерева. Из груди у Генца торчит толстая сучковатая ветвь. Ноги дрыгаются в пустом пространстве. Увидев Хесса, он останавливает на нем взгляд:

– Помо...ги...мне.

– Где Кристине Хартунг?

Взгляд у него какой-то зыбкий и чуть ли не изумленный.

– Генц, ответь мне.

Однако жизнь покидает тело Генца. Он висит близко к стволу, почти сливаясь с ним. Голова склонена набок, а руки раскинуты в стороны, как у его фигурок. Хесс потерянно озирается вокруг, зовет Ту́лин и чувствует, как под ногами у него похрустывают каштаны.

Вторник, 3 ноября, наше время

Небольшой кортеж из трех автомобилей съезжает с рампы и покидает паромный причал, когда только занимается утренняя заря. В Ростове холодно и ветрено. Кортеж держит путь в поселок, что в паре часов езды от города. Хесс сидит за рулем последней машины, и хотя предсказать успех предстоящего предприятия невозможно, ему все равно приятно отключиться от суеты только что минувших дней. В управлении, как и в прочих полицейских органах, в последнее время царили смятение и стремление отмазаться. А здесь над немецким автобаном светит неяркое солнышко, и он вполне может включить радио, не опасаясь, что его в принудительном порядке заставят слушать, как дома все поливают друг друга грязью и занимаются поисками козлов отпущения.

Разоблачение Генца как Каштанового человека повергло в шок всех без исключения. Будучи шефом экспертно-криминалистического отдела, он являлся примером для подражания своим коллегам. У него в «улье» по-прежнему оставались ученики и последователи, которым сложно было поверить, что он злоупотреблял служебным положением и на его совести несколько человеческих жизней. Критики из противоположного лагеря напирали на то, что Генц заимел слишком большую власть и их возражения должны были быть услышаны давным-давно. Впрочем, оппоненты не ограничились призывами к покаянию и самокритике. А что уж тогда говорить о медиа-пространстве!.. Отдел по расследованию преступлений против личности, который пользовался услугами талантливого криминалиста, но не разглядел его подлинной сути и ни в чем не заподозрил, подвергся жесточайшему осуждению. Как и, разумеется, руководство Департамента полиции Дании, ведь оно в свое время поддержало кандидатуру Генца на пост начальника ЭКО. Впрочем, министр юстиции, этот опытный старый волк, раздачу слонов в связи с допущенными в ходе расследования ошибками пока что отложил – по крайней мере, до окончания выяснения всех обстоятельств жизни и деятельности Симона Генца.

Пока в прессе ходуном ходили штормовые волны, Хессу и другим сыщикам предстояло свести все концы с концами и выстроить цельную картину произошедшего. Хесса поразило, насколько хитро и умело Генц уводил следствие по делу об убийствах с верного на ложный путь. Сперва он навел Ту́лин и Хесса на след каштанового человечка с отпечатками пальцев и таким образом вовлек в игру министра соцзащиты Розу Хартунг. Затем вынудил их заняться бандеролью с мобильным телефоном Лауры Кьер, посланной Эрику Сайер-Лассену, а сам в это время напал на его жену в их доме в Клампенборге. Потом взломал базу данных детского отделения Центральной больницы и нашел основания, чтобы в подробностях изучить дела детей Лауры Кьер, Анне Сайер-Лассен и Йесси Квиум – да, как выяснилось, Оливия Квиум тоже лечилась в стационаре после полученной в домашних условиях травмы. Затем стал рассылать анонимные заявления в муниципальные органы, чтобы привлечь внимание к недостаткам в системе соцзащиты. А как ловко он сумел добыть сведения о готовящейся ловушке в Урбанпланен?! И как, почувствовав угрозу после беседы Хесса и Ту́лин с Линусом Беккером, подбросил отчлененные фрагменты тел убитых в дом, где жили Сканс и Неергор, куда прибыл для исполнения служебных обязанностей. Ну и наконец – хотя это не менее важно, – как он с помощью видеорегистратора в арендованном на фирме «Хертц» автомобиле выследил молодую пару в лесу, по всей вероятности, убил обоих и *только потом* позвонил Нюландеру и сообщил о местонахождении парочки. Каждое из этих открытий вызывало неприятные ощущения, а сколько таких находок наверняка их еще ожидает... Особенно в связи с тем, что до сих пор не выяснено, какую роль Генц играл в деле с исчезновением Кристине Хартунг в прошлом году.

Что же до личной истории жизни Генца, то полученные Хессом сведения о нем в спецреестре были тщательно проштудированы и дополнены. После пребывания у Эрумов сирот-близнецов разлучили, и так как власти впоследствии не сумели найти для Токе Беринга подходящей временно замещающей семьи, его в семнадцатилетнем возрасте определили в школу-интернат в Западной Зеландии. Там-то фортуна, по всей видимости, и повернулась к нему лицом. Пожилой бездетный предприниматель по фамилии Генц, ранее учредивший фонд помощи неблагополучным в социальном отношении ученикам

этого интерната, взял да и усыновил юношу. Приемный отец дал ему шанс начать совершенно новую жизнь в элитной гимназии в Сорё, где тот учился под именем Симона Генца. Однако социальный эксперимент пожилого бизнесмена увенчался успехом лишь на бумаге. В двадцать один год Генц был принят в Орхусский университет, где начал изучать применение информационных технологий в микроэкономике и где, наверное, познакомился с лаборанткой, жертвой убийцы в Рисскове в 2001 году. Из дела в архиве орхусской полиции следовало, что «студент Симон Генц, проживающий в общежитии напротив, был допрошен в связи с тем, что, возможно, видел бывшего сожителя жертвы в день убийства». Иными словами, Генц жил напротив жертвы и предложил свою помощь в раскрытии убийства, которое, с определенной долей вероятности, сам же и совершил.

Когда вскоре после этого его мецената свел в могилу сердечный приступ, Генц унаследовал значительную сумму денег и, воспользовавшись вновь обретенной свободой, переехал в столицу, где сменил род занятий и поступил в школу полиции с целью стать простым скромным криминалистом. Способности его и заинтересованность в учебе были быстро оценены по достоинству. Только вот первым делом он научился, как взломать базу данных государственного реестра гражданского состояния и изменить в ней кое-какие сведения о себе, чтобы никто и никогда больше не смог бы идентифицировать его с Токе Берингом. Читать о последующем его подъеме по карьерной лестнице было весьма занимательно, но в то же время и не очень-то приятно. Ведь по двум другим, нераскрытым делам об убийствах женщин за период 2007–2011 годы следствие возобновили, поскольку на фотографиях с мест этих преступлений были обнаружены каштановые человечки.

С 2014 года Генц, пользовавшийся доброй славой истинного профессионала, сотрудничал с Федеральной полицией Германии и Скотланд-Ярдом, однако оставил обе эти должности около двух лет назад, чтобы стать начальником экспертно-криминалистического отдела в Копенгагене. Подлинной же причиной его стремления оказаться именно на этом посту послужила, по всей вероятности, возможность использовать свое служебное положение для реализации планов мести Розе Хартунг, которая незадолго до этого стала известна

всей стране, заняв пост министра соцзащиты. Сразу после своего назначения Генц выкупил «Каштановую усадьбу» и на оставшиеся от наследства деньги отреставрировал ее. И вот осенью прошлого года, когда деревья стали опадать, он приступил к осуществлению задуманной операции. Будучи шефом экспертно-криминалистического отдела, Генц без проблем мог контролировать ход расследования и быть в курсе всех отрабатываемых сыщиками версий. Сначала тех, что направили следствие на ложный путь в деле о похищении Кристине Хартунг, а затем и тех, что могли привести к разоблачению Линуса Беккера. Тулин за выходные проштудировала хранящиеся в памяти компьютера Генца в его лаборатории материалы и выяснила, что тот узнал о хакерской атаке Линуса Беккера на архив фотографий с мест преступлений задолго до того, как это стало известно полиции. И, что примечательно, никого об этом не предупредил. Генц, видимо, понял, что Линус Беккер прекрасно подходит на роль козла отпущения, чем и воспользовался. Для него, разумеется, было чисто делом техники поместить мачете со следами крови Кристине Хартунг в гараж дома, где жил Беккер, и навести на него полицию. То, что Беккер решил признаться в совершении преступления, стало для Генца дополнительным бонусом, лишь потешившим его самолюбие. Ведь в самооговоре Беккера никакой нужды не существовало, ибо доказательная база и так была достаточно велика.

* * *

Хесс же считал самой главной проблемой отсутствие среди весьма и весьма скудного «наследия» Генца материалов, позволяющих ответить на вопрос, что же *на самом деле* случилось с Кристине Хартунг. Такого рода документы были, по всей вероятности, стерты, уничтожены или сожжены, как «Каштановая усадьба», превратившаяся в пепелище. По этой причине Марк связывал большие надежды с двумя мобильными телефонами, найденными в разбитом в хлам автомобиле в лесу, однако оба они оказались новехонькими: Генц пользовался ими лишь в последний день своей жизни. Зато по данным его приемника GPS удалось установить, что за последнее время он несколько раз побывал в одном районе Северной Германии к юго-

востоку от Ростока. Поначалу этот факт не привлек к себе особого внимания, ведь Генц ранее сотрудничал с германской полицией. Однако вчера, когда Хесс получил ответ на свои запросы на паромные переправы на Фальстере и Лолланде, которыми пользовался эксперт, он заинтересовался этим следом. Выяснилось, что предназначавшийся в аренду для Генца автомобиль темно-зеленого цвета, заказанный вечером в пятницу, когда он погиб, напоровшись на ветку каштана, до сих пор дожидается его возле паромного причала в Ростоке. Обратившись в немецкую автопрокатную фирму, Хесс выяснил, что автомобиль арендован женщиной.

– *Der Name der Mieterin ist Astrid Bering*^[59], – сообщил сотрудник компании по телефону.

С этого момента следствие резко активизировалось. Хесс окольными путями связался со своими знакомыми в германской полиции и выяснил, что сестра-двойняшка Генца зарегистрирована нынче по немецкому адресу, который можно локализовать в районе небольшого поселка Бугевитц, что находится в двух часах езды от Ростока и неподалеку от границы с Польшей. Хесс вспомнил, что, по данным спецреестра, следы генцевской сестры теряются после ее выписки из психиатрической лечебницы чуть менее года назад. Так что если Генц поддерживал с нею контакт – а на такую возможность указывали данные его приемника GPS, – то сестра могла оказаться единственным человеком, располагающим сведениями о судьбе Кристине Хартунг.

– Ту́ин, проснись!

Зазвонил мобильный телефон на соседнем сиденье, и Найя высунула сонное лицо из-под укрывавшей ее пуховой куртки.

– Это, наверное, немцы звонят. Я ведь за рулем, вот и попросил их в случае чего набрать твой номер. Но можешь не отвечать.

– Ладно, чего там, я ведь не совсем инвалид. И, кстати, прекрасно говорю по-немецки.

Хесс улыбается про себя, пока недоспавшая свое Ту́ин с трудом достает мобильник из кармана пуховой куртки. Сломанная в двух местах левая рука у нее на перевязи, все лицо в синяках и ссадинах – да, видок у нее тот еще. Впрочем, Марк выглядит не сильно лучше, так что красивую же парочку они собой являли, когда полчаса назад вкушали яства шведского стола за завтраком на пароме. Потом

спустились вниз и расселись по машинам, и когда Хесс спросил, не лучше ли ей подремать в пути, Найя ничего не имела против. Начиная с полудня субботы, они вкалывали как лошади, стараясь раздобыть хоть какие-то новости о судьбе Кристине Хартунг. Начальники дали им несколько дней, чтобы они завершили дело и пришли в себя, вот Хесс и подумал, что у Ту́лин недосып. Ну и, конечно, он был ей бесконечно благодарен – ведь если б она не врезала Генцу по башке в машине, тот, скорее всего, сбил бы его насмерть. Хесс нашел Ту́лин лежащей на снегу без сознания чуть позади дерева, на котором повис Генц, не представляя, насколько серьезны у нее повреждения. Когда стали приближаться звуки сирен, он вынес ее к дороге и с первой же остановившейся машиной быстрого реагирования отправил в ближайшую больницу.

– *Yes... Gut... I understand... Danke*^[60], – Ту́лин заканчивает разговор, глаза у нее оживают.

– Что они говорят?

– Опергруппа ожидает на парковке в пяти километрах от адреса. Кто-то из местных сказал, что в том доме действительно живет женщина, и по описанию вроде бы возраста Астрид Беринг.

– Ну и?.. – По лицу Ту́лин Хесс догадывается что она выложила не все новости, вот только ему невдомек, хорошие они или плохие.

– Женщина по большей части держится особняком. Но пару раз ее видели на прогулке в лесу с ребенком лет десяти-двенадцати. Правда, местные считают, что это ее сын.

За матированными окнами светит солнце. Астрид ставит сумки на пальмовый половик в прихожей и нетерпеливо ждет, когда небольшая семейка на велосипедах отъедет чуть дальше от дома и уже не сможет увидеть, как она откроет дверь и выйдет на двор. А там всего лишь пятнадцать шагов до гаража, где стоит маленький помятый «Сеат», но ей придется поторопиться, ведь надо будет вернуться и забрать Мулле, пока на дороге не появится еще один велосипедист или машина.

Астрид почти не спала сегодня. Бóльшую часть ночи она бодрствовала и все пыталась понять, что же все-таки случилось, и в четверть восьмого утра решила послушаться брата и сбежать. Отперла дверь в маленькую кладовку, ласковыми движениями растормошила Мулле, сказала, чтобы та одевалась, а сама отправилась готовить еду. Она с прошлой недели не осмеливалась сходить в магазин и потому сегодня сделала лишь пару бутербродов из хрустящих хлебцев с джемом, да еще помыла яблоко для Мулле. Их дорожные сумки Астрид упаковала еще в пятницу вечером, когда брат сказал, чтобы они были готовы к отъезду до его возвращения. Он, однако, так и не появился. Астрид все ждала и ждала его, и, стоя перед окном в кухне и затаив дыхание, всматривалась в свет фар изредка появлявшихся на шоссе автомобилей. Но всякий раз они проезжали мимо маленького одиноко стоящего домика, зажато между полями и лесом. Астрид в равной мере испытывала и страх, и облегчение, но еще целый день не решалась заняться чем-нибудь и просто ждала его. И еще один день, и еще один. Обычно он всегда звонил в условленное время утром и вечером, узнать, все ли идет как положено, но в последний раз это случилось в пятницу утром. Сама же она позвонить ему не могла за неимением номера его телефона. Он давно уже предупредил ее, что звонить ему небезопасно. И она смирилась с этим, как почти всегда и во всем слушалась его, что бы он ни предлагал. Потому что он был сильный и лучше знал, как им следует поступать.

Если б не брат, Астрид уже давным-давно погибла бы от наркотиков, алкоголя и ненависти к самой себе. Он неустанно помещал ее в самые разные больницы и лечебницы, где применялись новейшие

методы лечения. И раз за разом выслушивал врачей, разъяснявших характер ее душевных травм, а она все никак не могла уразуметь, что он воспринимал ее страдания как свои собственные. Астрид, конечно, вполне отдавала себе отчет в том, на что он способен, – ведь она своими глазами видела все произошедшее в тот давнишний день в усадьбе Эрумов. И все-таки, полностью поглощенная своей болью, она не замечала, как больно ему, а потом уже стало поздно.

С год назад он забрал ее из очередной лечебницы и проводил до машины. Они добрались до парома, а потом отправились дальше, в местечко к югу от Ростока, где он приобрел на ее имя дом дачного типа, где можно было жить круглогодично. Астрид ничего не понимала. Однако само место и волшебные осенние краски, особенно яркие в тот день, произвели на нее такое впечатление, что душа ее переполнилась чувством благодарности брату за его любовь к ней. И это чувство не покидало ее вплоть до того момента, когда он рассказал ей, с какой целью купил этот дом и как собирался его использовать.

Это произошло как-то вечером, когда он вернулся с маленькой девочкой, спавшей в багажнике его машины. Астрид ужасно перепугалась. Она узнала девочку, ведь весь последний месяц видела ее лицо на экране телевизора в комнате отдыха лечебницы. А тут еще брат с видом триумфатора поведал, чья это дочь... Астрид воспротивилась его намерениям, и гнев его оказался велик. Он заявил, что немедленно прикончит ребенка, если сестра откажется приглядывать за нею. Потом поместил девочку в специально подготовленную для нее кладовку и засим оставил Астрид, сообщив напоследок, что в доме установлена масса камер видеонаблюдения и он в состоянии отслеживать каждое их движение. Астрид и так боялась его, а тут страх ее сделался еще пуще, чем в тот день, когда она увидела его с топором в руке рядом с телом убитого полицейского.

В самом начале она по большому счету вообще избегала общения с девочкой и лишь дважды в день приносила в кладовку еду. Но слышать детский плач стало ей невыносимо, да и горькая участь ребенка напоминала ей собственное заточение. И вскоре Астрид разрешила ей выходить из кладовки и есть вместе с нею за столом на кухне. Или смотреть в гостиной молодежные сериалы на одном из немецких телеканалов. Ведь Астрид чувствовала, что обе они – пленницы под одной крышей, да и время тянулось не так медленно,

когда они были вместе. Однажды, однако, девочка попыталась выбежать из дома, и Астрид пришлось встать у нее на пути и снова запереть ее в кладовке. Соседей поблизости не было, так что шум ее не волновал, но все-таки эпизод оставил у Астрид неприятные ощущения, и она поняла, что сочувствует девочке. И потому сразу после рождественских и новогодних праздников, отмечать которые сил у Астрид не оставалось никаких, она решила установить в доме строгий распорядок дня, чтобы проводить время более или менее разумным образом.

День начинался с завтрака, после чего следовала учеба. В одном из окрестных городков Астрид купила бледно-розовый пенал, а также рабочие тетради по математике и английскому языку и по мере сил и возможностей стала готовить задания с девочкой за обеденным столом в кухне. Датским же языком они занимались, выполняя задания с какой-то домашней странички, отысканной Астрид в Сети, за что девочка была ей особенно благодарна. В первой половине дня они проводили три урока и затем обедали, причем еду готовили вместе, после чего следовал урок физподготовки. Именно во время урока гимнастики, упражнения для которой Астрид придумывала сама, они впервые вместе рассмеялись: уж больно смешно выглядели, когда устроили бег на месте и нелепо задирали вверх коленки. Случилось это в конце марта, и Астрид впервые за много лет почувствовала себя счастливой. Тогда же она стала называть девочку Мулле – самым красивым, на ее взгляд, именем среди ей известных.

Когда приезжал брат – а навещал он их по меньшей мере раз в неделю, – настроение в доме менялось. И Астрид, и Мулле становились унылы и молчаливы, будто в доме появлялся палач. Брат заметил, что между ними установилась тесная связь, и несколько раз устраивал Астрид взбучку, в том числе и по телефону, когда благодаря камерам видеонаблюдения узнавал, какую свободу она предоставила девочке. Когда они обедали втроем и, как правило, молчали, он часто сидел с мрачной миной на лице и наблюдал, как Мулле убирает со стола после еды, и Астрид внимательно следила за каждым его движением. Впрочем, никакой агрессии по отношению к Мулле при этом он не проявлял. А ударил ее только раз – после того, как прошлым летом девочка попыталась сбежать во время прогулки в лесу, – но, правда, ограничился лишь пощечиной.

А случилось вот что. Наступила жара, и сидеть взаперти стало невыносимо. Уроки, в том числе и гимнастику, они перенесли на веранду в задней части дома, но однажды Мулле спросила, нельзя ли ей прогуляться по лесу. Никакого риска в этом Астрид не видела. Лес большой, и людей она встречала там крайне редко. К тому же они так далеко от Дании, да и выглядела Мулле теперь совсем не так, как раньше – с коротко подстриженными волосами и в одежде, в которой больше походила на маленького мальчика. Брат всемилостивейше разрешил им гулять по лесу, и однажды Мулле едва не удрала от Астрид. На прогулке они увидели впереди пожилую пару и, как обычно в таких случаях, повернули обратно к дому, но Мулле вырвала ручонку из руки Астрид и попыталась догнать незнакомцев. Всю обратную дорогу до дома Астрид пришлось волочить за собой по земле истошно вопившую девочку, что и зафиксировали камеры видеонаблюдения. Всего несколько часов спустя примчался брат, и приговор его был таков: целый месяц Мулле разрешалось покидать кладовку лишь для того, чтобы справить нужду. По истечении этого срока Астрид вывела ее на террасу и угостила самым большим мороженым, какое только смогла купить в близлежащих магазинчиках. Она объяснила, что девочка сильно огорчила ее, Мулле попросила прощения, и Астрид обняла хрупкую девочку за плечи. С той поры дела у них снова наладились, они точно следовали распорядку дня, занимались уроками, гимнастикой, и Астрид только и мечтала, чтобы так продолжалось и дальше. Но тут наступила осень, и как-то раз брат появился со своими каштанами...

– Останься здесь, Мулле. Я скоро вернусь.

Семья на велосипедах наконец-то проехала дальше, и Астрид с сумками в руках открывает дверь и выходит на ясный холодный воздух. Она торопливым шагом идет к гаражу и пробует рассчитать, как далеко они смогут уехать сегодня, если поедут быстрее, чем обычно. Астрид не успела составить четкий план. Да и вообще, такими вещами всегда занимался брат, а теперь вот ей предстоит действовать в одиночку. Только б Мулле была рядом, и все тогда будет хорошо. Она знала, что они ладят друг с другом, и уже давно перестала вспоминать, что у девочки есть другой дом, кроме ее, Астрид, собственного. А может, оно и к лучшему, что брат

отсутствует, – ведь в глубине души она опасалась, что он сделает девочке плохо, когда эта история закончится.

Это последнее, о чем подумала Астрид, поворачивая к машине, потому что в этот момент рука в черной перчатке зажимает ей рот. Несколько одетых в черное мужчин в балаклавах и с оружием – солдаты, что ли? – грубо толкают ее и прижимают к стене гаража.

– *Wie viele gibt es im Haus?*^[61]

– *Das Mädchen, wo ist sie?!*^[62]

– *Anrworten!*^[63]

«Солдаты» выхватывают сумки из рук Астрид. Она настолько ошеломлена, что не в силах ответить. И только когда высокий мужчина с побитым лицом и разного цвета глазами обращается к ней по-датски, ей удается промямлить, чтобы они не отбирали у нее ее девочку.

– Где она?

Он все повторяет и повторяет свой вопрос. И только когда до Астрид доходит, что мужчины в балаклавах и с оружием собираются брать дом штурмом, она говорит то, что он хочет услышать от нее. И тут же падает без чувств на садовые плиты рядом с ним.

В кухне так пусто, что девочка понимает: больше ей сюда никогда не вернуться. Она сидит в верхней одежде на табуретке за покрытым заляпанным линолеумом столом в ожидании, когда войдет мама и заберет ее с собой, ведь самой ей выходить на двор запрещено.

Это не настоящая ее мама, но она велела называть ее так. А не Астрид. Тем более, когда они на прогулке. Она все еще помнит свою настоящую маму, и папу, и младшего брата. И каждый день мечтает снова увидеть их. Но мечта эта мучает ее. Поэтому она научилась делать так, как ей говорят, до того дня, когда ей удастся сбежать. Что она делала много раз и наяву, и в своих фантазиях. И все же сейчас, когда она внимательно наблюдает в окно за происходящим у гаража, в ней пробуждается смутная надежда.

А началось все, наверное, несколько дней назад, когда не приехал тот человек. Мама вообще уже упаковала все вещи и наказала ей быть в полной готовности и ждать на той самой табуретке, на которой она сейчас и сидит. Но он не приехал. Ни на следующий день не появился, ни через день. И никто даже не позвонил. Мама нервничала и беспокоилась гораздо заметнее, чем прежде, и когда будила ее сегодня утром, по ее голосу она догадалась что та приняла решение.

А может, и хорошо, что они уедут отсюда. Уедут из ненавистного ей дома прочь от этого мужчины с его видеокамерами, что постоянно следят за нею. Но вот вопрос – куда и зачем? Вдруг там будет еще хуже? Впрочем, девочка не додумала эту мысль до конца, и значит, не она порождает надежду. Может быть, полоска дневного света в открытой двери или то, что мама все никак не приходит...

Она осторожно ставит ноги на пол и поднимается, не отрывая взгляда от гаража. А вдруг это ее последний шанс?! В углу кухни под самым потолком мигает красный свет купольной камеры видеонаблюдения, и, медленно переставляя ноги, она начинает двигаться к двери.

Нюландеру *жутко неприятно* торчать на опушке леса вместе с немецкой опергруппой где-то в Северной Германии и ждать скорого сообщения, находится ли Кристине Хартунг в этом маленьком деревянном домишке или нет. При этом он никем не руководит и ничего не контролирует. И так продолжается уже несколько дней, начиная с прошлой пятницы, когда у него словно ковер из-под ног выдернули. И ведь унизили его, ко всему прочему, при всем честном народе. Через сотрудницу пресс-службы управления, ту самую, которую он вообще-то собирался собственноручно возложить на кровать в гостиничном номере, начальство велело ему поднять белы руки и признать ошибочность выдвинутых ранее в ходе следствия версий. А также, разумеется, воздать похвалы Хессу и Тулин за успешное раскрытие преступлений.

В глазах Нюландера начальство с тем же успехом могло предложить ему отрезать себе яйца и прибить их гвоздями к фасаду Копенгагенского управления полиции. Тем не менее он подчинился приказу, и затем ему оставалось только наблюдать, как его люди вместе с криминалистами разбираются в оставленных Генцем бумагах и записях, пытаясь разыскать следы дочери Хартунгов, дело которой он же самолично и похоронил перед стрекочущими камерами за несколько дней до этого.

Вот почему Нюландер теперь чувствует себя полностью вымазанным дерьмом. Но все-таки он прибыл сюда в составе кортежа из трех автомашин, стартовавшего сегодня совсем ранним утром от стен управления. Уже очень скоро обстановка разрядится. И он пока не знает, будет ли нанесен ему смертельный удар. Если Кристине Хартунг *нет* в доме, ущерб его репутации будет столь незначительным, что на него вполне можно будет закрыть глаза. А само ее дело, по-видимому, так и останется загадкой, и благодаря этому ему не составит труда навесить немного лапши на уши журналистам. Но если Кристине Хартунг *находится* в доме, тогда да, тогда разверзнется ад. Если, конечно, ему не посчастливится свалить вину на кого-то другого. И железный аргумент у него припасен: заблуждения его вполне понятны

и объясняются тем, что кто-то – а вовсе не он – в свое время совершил фатальную ошибку, назначив такого психа, как Генц, на столь значимую должность.

Немецкие спецназовцы окружили дом и теперь попарно приближаются к нему, но вдруг они останавливаются. Дверь дома распахивается, и во двор на полной скорости бросается маленькое худенькое существо. Нюландер следит за щуплой фигуркой, что бежит по мокрой от росы лужайке сильно заросшего сада. Достигнув ее середины, она останавливается и с изумлением смотрит на них.

Все вокруг словно застыли. Да, черты ее лица изменились. Она выросла и глядит тревожным и сумрачным взглядом. Однако Нюландер сотни раз разглядывал ее фотографию – и теперь мгновенно узнает ее.

Операция слишком затягивается, и Розе кажется, что это плохой знак. Они стоят у шоссе, и домик им не виден, хотя, как им сказали, он находится всего в пятистах метрах отсюда по другую сторону пашни и защитной лесополосы с высокими деревьями и кустарником. Светит солнце, но холодный колючий ветер пробирает до костей, хотя они и укрылись за двумя большими машинами полицейского спецназа.

Когда вчера вечером им со Стиином сообщили, что полиция собирается проверить некий след в Германии, они настояли, чтобы их взяли с собой. Сестра преступника предположительно живет в домике дачного типа у самой границы с Польшей. По некоторым данным, он был на пути именно туда, когда погиб на лесной дороге неподалеку от «Каштановой усадьбы». Вполне вероятно, сестра была сообщником злодея и может что-то знать о Кристине. Так или иначе, но надеяться на что-то иное у них не было никаких оснований, и они категорически потребовали, чтобы им разрешили присоединиться к полицейским. Тем паче что сам преступник ничего сказать уже не мог.

Роза задала этот вопрос первым делом, когда очнулась в клинике после операции. Поняв, что находится в настоящей больнице, а не в кошмарном белом подвале, она посмотрела в заплаканные глаза Стиина и спросила, сказал ли преступник что-либо. Муж покачал головой, и она поняла, что прямо сейчас это не столь важно. Он, как и Густав, чувствовал огромное облегчение, ведь Роза осталась жива. Да разве могли они остаться равнодушными, когда ее так мучили и изуродовали? Хирургические зажимы на открытой ране на левой руке спасли ей жизнь, предотвратив серьезную потерю крови. А вот отрезанную левую кисть поглотило пламя. Врач сказал, что боли скоро пройдут. А в будущем ей сделают протез по индивидуальному заказу, она привыкнет к нему и перестанет вздрагивать, когда на секунду забудет о боли или увидит себя в зеркале с повязкой на нижнем конце предплечья.

Как ни странно, но на психике Розы случившееся почти не отразилось. Она не стала делать трагедии из-за утраты кисти и даже поймала себя на мысли, что эта потеря совсем незначительна. Она

готова была отдать все: и правую руку, залатанную врачами, и обе ноги, и даже самую жизнь, если бы взамен ей предложили открутить время назад и спасти Кристине. Чувство вины переполняло ее, когда она лежала на больничной койке и, глотая слезы, упрекала себя за тот грех, который совершила так давно, будучи еще маленькой девочкой. Да, это *была ее* вина. И хотя большую часть своей взрослой жизни Роза пыталась загладить ее, ничего не помогало. Напротив, она, эта ее вина, отразилась и на судьбе Кристине. А ведь девочка вообще никому не причинила зла, а пострадала просто потому, что она – ее дочь... Как ужасно сознавать это! Стиин пытался уговорить ее не мучить себя, но ведь Кристине не было, как не было и того, кто назвался похитителем их дочери, и Роза только и мечтала о том, чтобы он на самом деле похитил *ее*.

И так она горевала и упрекала себя все время, как вдруг вчера вечером поступило сообщение о вновь открывшемся следе, и им предоставили место в кортеже, отправившемся в путь еще до восхода солнца. Несколько часов спустя по прибытии на стоянку, где их ожидали немецкие полицейские, Стиин услышал разговор датских сыщиков с местными коллегами. Выяснилось, что подозреваемую женщину в течение лета несколько раз видели на прогулке в лесу с ребенком примерно одного с Кристине возраста. Датские полицейские подтвердить эту информацию не стали. Когда операция началась, они оставили их на стоянке вместе с двумя немецкими операми.

Внезапно Розу пронзает мысль: она не осмеливается верить, что Кристине жива. Снова, уже в который раз, она выдумала мечту, построила воздушный замок, который вскоре разлетится на куски. Ночью, когда Роза проснулась и стала готовиться к поездке, она решила надеть знакомую Кристине одежду: темно-синие джинсы, зеленую вязаную кофту и подбитые мехом сапоги, которые Кристине называла «мишкиными». А оправдываясь перед самой собой, говорила: «Ведь *что-то* же надо было мне надеть». Но на самом деле выбрала Роза этот наряд потому, что ею вновь овладела надежда, и ей уже представлялось, как сегодня она наконец-то сможет побежать навстречу Кристине, прижать ее к себе и задушить в своих объятиях...

- Стиин, я хочу домой. По-моему, нам пора ехать.
- Что?
- Открой машину. Ее там нет.

- Они же еще не вернулись...
- Нам нельзя уезжать надолго. Я хочу к Густаву.
- Роза, мы останемся здесь.
- Открой машину! Ты слышишь меня? Открой машину.

Она дергает ручку дверцы, но Стиин не лезет в карман за ключами. Он что-то увидел там, у нее за спиной. Роза поворачивается и смотрит в том же направлении.

Две фигуры движутся им навстречу, минуя лесополосу с высокими деревьями и кустарником. Они идут по полю, держа курс на шоссе, где стоят полицейские машины. Жирная грязь с пашни налипает на обувь, и им приходится высоко поднимать ноги. Одна из них – женщина из полиции, ее зовут Ту́лин. В другой фигуре ей поначалу чудится мальчик лет двенадцати-тринадцати. Ту́лин держит его за руку. Он коротко стрижен, но волосы у него растрепаны. Одежда висит на нем, точно на огородном пугале, глаза опущены долу, потому что ему трудно идти по грязи. Но когда мальчик поднимает голову и ищущим взглядом окидывает автомашины, где Роза стоит рядом со Стиином, она сразу все понимает. У нее жутко сосет под ложечкой. Роза смотрит на Стиина, хочет убедиться, что тот видит ту же самую картину, и замечает, что по искаженному гримасой рыдания его лицу текут слезы. Роза срывается с места. Она проскакивает мимо машин и выбегает на поле. Когда Кристине бросает руку Ту́лин и сама устремляется ей навстречу, Роза понимает, что все это происходит наяву.

Среда, 4 ноября, наше время

Вкус у сигареты какой-то необычный, но Хесс не торопится вступить в слои международной атмосферы, хотя вообще-то она ему весьма и весьма симпатична. Он стоит перед входом в терминал номер три аэропорта под сильнейшим ливнем и ожидает появления Ту́лин.

Вчерашние переживания все еще на отпускают его, и если даже на секунду он забывает о них, ему мгновенно напоминают о произошедшем аршинные заголовки в интернет-газетах на экране мобильного или планшета. Воссоединение семьи Хартунгов с дочерью вытеснило из медийного пространства историю Симона Генца и стало одной из главных новостей дня. Если судить по шрифту заголовков, она уступает лишь сообщениям о возможном возобновлении боевых действий на Ближнем Востоке. Даже Хесс с трудом сдерживал слезы, когда родители на диком ветру обнимали свою девочку посреди чистого поля. Вечером, добравшись до своей берлоги в Парке Одина, он рухнул на постель и впервые за несколько лет проспал десять часов подряд.

Утром Марк поднялся с позабытым уже ощущением блаженства и отправился вместе с Ту́лин и ее дочерью, у которой наступили несколько задержавшиеся по времени осенние каникулы, в интернат к Магнусу Кьеру. Бывший приемный отец Магнуса Ханс Хенрик Хауге на выходных был обнаружен и арестован дорожной полицией на придорожной стоянке где-то в Ютландии. Однако вовсе не по этой причине Хесс собирался навестить мальчика. Ле и Магнус быстро сдружились на почве общего интереса к «Лиге легенд». Пока они играли, руководитель отделения сообщил Хессу и Ту́лин, что мальчику наконец-то подобрали хорошую приемную семью из Гиллелаяе. С ними уже десять лет живет приемный сынишка, чуть помладше Магнуса, который очень тоскует без братика или сестренки. Магнус уже встречался с будущими родителями, и они вроде бы понравились друг другу. Правда, потом мальчонка сказал, что если б ему позволили самому сделать выбор, он назвал бы «полицейского, ну того, с глазами». Дела это, конечно, не меняло, и все же пока Ту́лин и Ле

пошли прогуляться, Хесс с Магнусом провели часок за игрой и в результате захватили одну башню и уничтожили несколько миньонов и одного чемпиона. Хесс дал Магнусу бумажку с номером своего телефона и попрощался. Затем еще раз переговорил с руководителем отделения, и тот снова заверил его, что в новой семье мальчику будет реально хорошо, после чего Хесс откланялся.

В «Экспериментарии» они с Тулин съели на обед по рыбному блюду, после чего Ле поспешила вернуться в «световой лабиринт» в разделе «Все о свете». Тулин же и Хесс остались в кафе, где, кроме них, было полно родителей с беспрестанно кричавшими и шумевшими детьми. Оба они знали, что Хессу ближе к вечеру улетать в Бухарест, но установившаяся в их отношениях за последние дни атмосфера доверительности и естественности куда-то испарилась, и они просто сидели и обменивались дурацкими фразами. В какой-то момент заплутавший в ее бездонных глазах Хесс собрался было что-то сказать, но тут подбежала Ле и потащила их в «Львиную пещеру», где можно измерить силу своего голоса, засунув голову во что-то типа ящика и заорав во все горло. Ну а потом Тулин с дочкой настало время уезжать. При расставании Найя сказала, что заедет в аэропорт попрощаться, чем весьма приободрила Хесса. Он сразу же поспешил обратно в Парк Одина, где ему предстояло встретиться с управдомом и риелтором.

Впрочем, маклер имел весьма бледный вид: найденный им покупатель отказался от Хессовой квартиры якобы в пользу «более надежного жилья» на Эстербро. Что явно в большей степени расстроило пакистанца, нежели самого Хесса. Марк передал ему ключи от квартиры и поблагодарил за помощь. По дороге в аэропорт, имея время в запасе и уступая нахлынувшему на него чувством, он попросил таксиста остановиться возле Западного кладбища.

Хесс впервые решил побывать на могиле. Он точно не знал, где она находится, но в кладбищенской конторе ему объяснили, как пройти к небольшой рощице. Могила, как и опасался Марк, навеяла на него печальные мысли. Надгробный камень с налетом патины, какие-то вечнозеленые растения и мелкий гравий – увидев все это, он почувствовал себя бесконечно виноватым. Положил лесной цветок на камешки, снял обручальное кольцо и захоронил его под камнем. Она хотела бы, чтобы он сделал это давным-давно, но даже сейчас это далось ему тяжело. Стоя у могилы, Хесс впервые за долгие годы

предался воспоминаниям. Когда он покидал кладбище, на душе у него сделалось гораздо легче.

Еще одно такси, разбрызгивая талый снег, проезжает мимо входа в терминал номер три. Хесс тушит сигарету и поворачивается спиной к стене дождя. Тулин не приехала, и так-то оно, наверное, и лучше. Ведь он живет, словно бомж, а жить, как все, у него ни фига не получается. На пути к эскалатору в зону контроля безопасности Хесс достает мобильник, чтобы отыскать свой посадочный талон, и обнаруживает, что получил эсэмэску.

«Счастливого пути!» – вот и все ее содержание. Он смотрит, кто прислал сообщение, и касается прикрепленной к нему фотографии.

Ему не сразу удастся разобрать, что изображено на фото. Какое-то нарисованное детской рукой толстое ветвистое дерево с приклеенными к веткам фотографиями его самого, попугайчика и хомячка. Все поняв, Марк смеется от души. По дороге к контролю безопасности он просматривает послание многожды – и всякий раз не может сдержать улыбки.

* * *

– Ты отослала ее? Он получил ее?

Ле смотрит на мать, а Найя откладывает в сторону мобильник и оглядывается, собираясь спрятать планшетку в кухонный шкафчик.

– Да, отослала. Пойди-ка лучше открой деду.

– А когда он снова появится?

– Понятия не имею. Пойди же открой.

Ле бредет в прихожую, где звенит звонок. Отослав эсэмэску, Тулин как бы поставила точку в событиях этого странного дня. Сперва переполненный эмоциями визит к мальчику по фамилии Кьер вместе с Ле и Хессом. Ненамного легче ей стало в иллюстрировавшем семейный ад «Экспериментарии», куда их затащила Ле. В кафе, посреди кричащих и шумящих детишек, вместе с родителями поглощающими принесенную с собою еду, она вдруг ощутила, какую опасность таит в себе жизнь по тем же лекалам, по каким строят ее сидящие вокруг взрослые люди. Найя прекрасно знала, что Хесс не такой, и все-таки, когда он, заглянув ей в глаза, собрался что-то

сказать, ей сразу вспомнились домик в коттеджном поселке, пенсионные накопления и великая ложь о счастливой нуклеарной семье. Да, она сказала, что позже подьедет в аэропорт, но только для того, чтобы расстаться без излишних сантиментов и вернуться домой, чувствуя себя в полной безопасности.

Дома тем не менее настырная Ле упросила мать распечатать одну из фотографий Хесса, снятых ею возле «Львиной пещеры». Объяснив, что хочет наклеить это фото на школьную планшетку с генеалогическим древом.

Ту́лин долго противилась, но в конце концов была вынуждена уступить. Когда же дочка наклеила фотографию на родословную, выяснилось, что Хесс выглядит на нем так же органично, как и представители животного мира по обе стороны от него. Именно эту фотографию Найя по настоянию Ле и отправила Хессу.

Ту́лин стоит возле кухонного шкафчика и улыбается. Пока Ле открывает дверь в прихожей, она решает прикрепить планшетку кнопкой к стене. Не на самом видном месте, конечно. А, скажем, возле вытяжки. Пусть повисит себе – денек или, может быть, два...

Линус Беккер вдыхает свежий воздух. Над ним повисли тяжелые мрачные тучи. Перрон на станции в Слагельсе пуст. У ног Линуса стоит небольшой рюкзак с вещами, которые он захотел забрать с собой из «принудиловки». Его только что выпустили из заключения, и вроде бы ему положено испытывать радость и облегчение, но ни того ни другого он не ощущает. Да, он на свободе, только вот для чего она ему?

В глубине души Линус рассматривает предложение одного адвоката подать иск на возмещение морального ущерба. Он ведь и так отбыл бóльший срок, чем положено за единственное преступление, которое он на сей раз реально совершил: хакерский взлом архива фотодокументов с мест преступлений. Деньги, конечно, – это хорошо, думает Беккер, но в то же время чувствует, что они не помогут ему пережить постигшее его великое разочарование. История с Каштановым человеком закончилась совсем не так, как он надеялся. С тех пор как на прошлогоднем допросе он догадался, какой важной фигурой в игре является Линус Беккер, он, в общем-то, чувствовал себя замечательно. Сперва, правда, никак не мог взять в толк, кто подбросил мачете в гараж, но когда следователи, в тысячу сто семнадцатый раз пытаясь заставить его признать вину, показали ему фотографию острого клинка на полке, Линус обратил внимание на маленькую каштановую фигурку на заднем плане. Он сложил два и два – и признал себя виновным. Но каждый божий день в «принудиловке» с нетерпением ожидал наступления осени, когда Каштановый человек обнародует свой следующий шаг. Ожидания его с лихвой оправдались, когда стали поступать новости об убийствах. Однако именины его души и сердца довольно быстро закончились. Ибо Каштановый человек оказался жалким аматёром, любителем, на которого ему реально нельзя было делать ставку.

Прибывает поезд. Линус Беккер подхватывает за лямку рюкзак и входит в вагон. Садится у окна, все еще одолеваемый мыслями о скуке жизни. Как вдруг замечает одинокую мать, сидящую чуть наискосок,

напротив него, со своей маленькой дочкой. Она улыбается и вежливо кивает ему. Линус также отвечает ей вежливой улыбкой.

Поезд трогается. Черные тучи рассеиваются. И Беккер размышляет, как бы все-таки ему устроить свою жизнь так, чтобы она не томила его.

Благодарности

Ларсу Граруппу, главному редактору интернет-издания газеты «Политикен», бывшему директору медиадепартамента государственного телерадиохолдинга «Датское радио», где я с ним познакомился, на протяжении последних пяти-шести лет постоянно призывавшему меня сесть за криминальный роман.

Лене Юуль, директору издательства «Политикенс форлаг», наряду с Ларсом Граруппом сагитировавшей меня написать эту книгу. Когда я наконец-то решился принять вызов и остановился на полпути, Лене сохранила веру в меня и предоставила мне время и возможность спокойно продолжать работу, в чем я так нуждался.

Эмилие Лебек Кое, продюсеру и любителю литературы, за фантастическую поддержку и проявленный в отношении моей работы оптимизм, когда я более всего нуждался и в том, и в другом.

Моим друзьям Роланду Ярльгору и Оле Сас Тране. Они читали самые первые черновые варианты и все время заряжали меня мужеством продолжать работу. Особая благодарность Оле, оказавшему мне огромную помощь благодаря своим обширным знаниям в области высоких технологий.

Сценаристу Микаэлю В. Хорстену за помощь в начальный период работы. Нине Квист и Эстер Ниссен за помощь в сборе и обработке материала. Мете Луисе Фольдагер и Адаму Прайсу, каждодневно терпевших меня в наших общих рабочих помещениях.

Моей сестре Трине за великолепную поддержку и веру в меня.

Моему агенту Ларсу Рингсхофу за его колоссальный опыт, остроумие и множество добрых советов.

Моему редактору в издательстве «Политикенс форлаг» Анне Кристине Андерсен. Мастеру своего дела, яркому и совершенно выдающемуся человеку.

Сусанне Ортманн Рейт за наставничество и зарази-тельное жизнелюбие.

Самая большая благодарность – моей жене Кристине. За любовь и неколебимую веру в роман.

notes

Примечания

1

В России эта телеигра известна под названием «Поле чудес».

2

Картофельные фрикадельки с кислой капустой (*нем.*).

3

Фолькетинг – датский парламент.

4

Зд.: Да, собрал (*англ.*).

Дворец Кристиансборг – резиденция датского парламента и администрации премьер-министра.

Пер Киркебю (1938–2018) – датский художник, скульптор, писатель и архитектор.

«Единый список – Красно-зеленая коалиция» – датская левая политическая партия.

Арне Якобсен (1902–1971) – датский архитектор и дизайнер.

Пиетизм – религиозное течение внутри протестантизма.

«Тиволи» – всемирно известный парк развлечений в самом центре Копенгагена. Существует с 1843 г.

«Боб-строитель» – английский мультсериал.

Деталей (*англ.*).

Здесь: хреновин (*англ.*).

Здесь: наворотов (*англ.*).

Здесь: ни то ни се (*англ.*).

Здесь: из ряда вон (*англ.*).

Здесь: возьметесь (*англ.*).

Крайнего срока (*англ.*).

«Монтана» – датская компания, выпускающая эксклюзивную мебель.

«Датское радио» – государственная телерадиокомпания Дании.

Ханс Шерфиг (1905–1979) – датский писатель и художник-наивист.

Можно я схожу с девочками за мороженым? (*англ.*)

Конечно. Прекрасная мысль, Юдит. Спасибо (*англ.*).

Люминол – вещество, применяемое криминалистами для обнаружения следов крови.

Датское общество разбито на 5 социальных групп, классифицированных по трудовой квалификации. В 5-ю группу объединены люди с самой низкой квалификацией или вовсе не имеющие ее.

Передвижные телевизионные станции.

Букв.: «Сено и Дерьмо» – ироническое название шведской розничной сети по продаже одежды низкой и средней ценовой категории H&M (Hennes & Mauritz) – «Хеннес и Мауритц».

«Баккен» – старейший в мире парк развлечений в пригороде Копенгагена.

Бульварная газета.

Гуантанамо – американская военно-морская база на территории Кубы, где находится лагерь для лиц, обвиняемых властями США в различных преступлениях. Основной цвет тюремных роб в США – оранжевый.

Поуль Хеннингсен (1894–1967) – датский журналист, архитектор, светодизайнер.

Кувёз – приспособление с автоматической подачей кислорода и с поддержанием оптимальной температуры, в который помещают недоношенного или заболевшего новорожденного.

Кристиания – квартал в Копенгагене, т. н. вольный город, частично самоуправляемая община.

«Найди моего ребенка» (*англ.*).

Комедийный телесериал, 84 части которого были показаны в 1970–1977 гг.

Дирк Пассер (1926–1980) – датский киноактер и эстрадный комик.

Ове Спрогёе (1919–2004) – датский кино- и театральный актер.

Вернер Пантон (1926–1998) – датский дизайнер и архитектор.

Марвин Гэй-младший (1939–1984) – американский певец, музыкант, композитор.

Дэмиен Хёрст (р. 1963) – английский художник, центральной темой в работах которого является смерть.

Я подхватчу тебя в аэропорту. Мы сразу же едем в головной офис.
Ознакомься с делом до прибытия (*англ.*).

Проверь еще раз. Я переслал дело тебе на почту вчера в 10.37, ты, мерзопакостный датский лентяй (*англ.*).

Всем пассажирам занять свои места! (*англ.*)

Тимоти (Тим) Бёртон (р. 1958) – американский кинорежиссер, продюсер, мультипликатор, писатель.

Каштан посевной городчатый (*лат.*); гибрид.

Один из входов в природный парк Дюрехавен в пригороде Копенгагена.

Ресторан, названный по имени бывшего владельца здания.

«Голубой крест» – благотворительная организация, оказывающая помощь нуждающимся, в том числе и за счет продажи вещей в магазинах секонд-хенд.

Кнуд Расмуссен (1879–1933) – датский этнограф, антрополог и полярный исследователь.

Элис, кто это принес? Как он здесь очутился? (*англ.*)

Элис, это важно! (*англ.*).

Элис, простите! Простите... (*англ.*)

Я могу позвонить в полицию. Вы хотите, чтобы я вызвала полицию? (*англ.*)

Лучше вызвать полицию, Роза (*англ.*).

Нет! Не надо полицию. Со мной всё в порядке (*англ.*).

Эмиль из Леннеберги – главный герой цикла из шести произведений (1963–1986 гг.) Астрид Линдгрэн.

Мортен Корк (1876–1954) – датский писатель, автор множества популярных романов о сельской Дании.

Серуты – тонкие сигары с обрезанными концами.

Имя заказчика Астрид Беринг (*нем.*).

Да... Хорошо... Понимаю... Спасибо... (*англ., нем.*)

Сколько человек в доме?! (нем.)

Девочка, где она?! (нем.)

63

Отвечайте! (нем.)